Редакционная коллегия:
В. Данилов, Д. Дюгарм, А. Никонов,
Б. Патенауд, Т. Эммонс, Т. Шанин

Социализация

Междисциплинарный академический центр гуманитарных наук (Интерцентр)

Гуверовский архив мира, войны и революции

Л. Н. Литошенко

ЗЕМЛИ В РОССИИ

Сибирский хронограф
Новосибирск
2001

УДК 33
ББК 65.01
Л 64

Федеральная программа книгоиздания России

Литошенко Л. Н.
Социализация земли в России. — Новосибирск: Сибирский хронограф, 2001. — 536 с.
ISBN 5–87550–104–9

Л 64 Это «выдающееся произведение современной истории, притом истории одной из самых сложных и самых спорных эпох XX века» (Б. Патенауд) написано нашим соотечественником еще в начале 20-х годов, но впервые публикуется только сейчас.

Книга содержит огромный фактический и статистический материал об аграрном развитии России с начала XX века до перехода к нэпу, в значительной части оставшийся неизвестным до сих пор. Глубокий критический анализ в сочетании с блестящим изложением материала отличает работу ученого, посвятившего многие годы изучению этой проблематики и не разделявшего сельскохозяйственную политику большевиков.

Книга включает пространные вступительные статьи известных историков, посвященные трагической судьбе Л. Н. Литошенко и главного труда его жизни, а также подробные комментарии.

ISBN 5–87550–104–9

© Hoover Institution Records, 2001
© Московская высшая школа социальных и экономических наук, 2001
© НИЦ «Сибирский хронограф», 2001

В оформлении переплета использована картина И. И. Шишкина «Рожь»

Редактор *А. Д. Журавлева*
Художественный редактор *И. В. Сокол*
Технический редактор *М. С. Бондарев*

Лицензия на издательскую деятельность № 070028 от 30.12.1996

Подписано в печать 9.11.2001. Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 30. Уч.-изд. л. 29,8. Гарнитура Optima. Тираж 3000.

Научно-издательский центр «Сибирский хронограф» ООО
630128, Новосибирск, а/я 129

Предисловие

Год 1926. Из Советской России в Калифорнию прибыл Лев Литошенко, ученый экономист-аграрник, коллега (но не единомышленник) А. В. Чаянова. Он привез с собой большую рукопись, посвященную великим потрясениям, совершившимся в русской деревне за годы революции, Гражданской войны, «военного коммунизма», работу, написанную им в 1922 г. по горячим следам событий на основе личного опыта и огромного, пожалуй, уникального по своим размерам статистического материала, собранного им во время работы в ЦСУ, Наркомфине и Тимирязевской сельскохозяйственной академии (в качестве профессора), а также в Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономии и политики, созданном уже упомянутым А. В. Чаяновым. Вот что пишет В. П. Данилов, автор статьи о творческом пути Литошенко, сопровождающей публикацию рукописи Литошенко: «Публикуемая книга <Литошенко> является наиболее полным и многосторонним статистико-экономическим исследованием состояния сельского хозяйства страны в годы Гражданской войны и "военного коммунизма"». Литошенко не только имел доступ ко всем статистическим данным в области сельского хозяйства, как опубликованным, так и неопубликованным, но, как ведущий специалист в области аграрной экономики, он обладал редкими способностями к их ин-

терпретации. К тому же, работая в экономической администрации нового режима, Литошенко досконально знал всю «кухню» большевистской аграрной политики. Читатель найдет здесь обильную пищу для размышлений о старом, но продолжающемся до сего дня споре о сути «военного коммунизма». Однако предлагаемая читателю книга — не сухое статистическое исследование; она содержит много наблюдений самого автора — непосредственного очевидца изменений, происходивших в русской деревне, и включает сведения, которые сообщили ему другие участники событий. Результат всего этого — выдающееся произведение современной истории, притом истории одной из самих сложных и самих спорных эпох XX века.

Весьма занимательна история о том, как Литошенко очутился со своей рукописью в 1926 г. в Калифорнии первым (и единственным) участником советско-американского проекта по истории русской революции (главные действующие лица проекта М. Н. Покровский и Франк Гольдер), о том, как Литошенко вернулся в Москву год спустя, оставив оригинал рукописи и английскую версию, подготовленную за время его пребывания в Гуверовском институте при Стэнфордском университете, о том, как проект лопнул в связи с ликвидацией Сталиным сперва «левой», потом «лево-центристской», а затем «правой» оппозиций, и о том, как рукопись пролежала нетронутой в Гуверовском архиве до конца 80–х г. Обо всем этом рассказывает в другой вступительной статье д-р исторических наук Бертранд Патенауд, который нашел рукопись в архиве и установил ее авторство.

Б. Патернауд и автор этих строк с помощью Делано Дюгарма, в то время аспиранта исторического факультета Стэнфордского университета, привлекли внимание доктора исторических наук В. П. Данилова к только что найденной рукописи. Виктор Петрович охотно взял на себя ответственность за подготовку рукописи к печати и написал примечания к ней.

Теренс Эммонс,
профессор Стэнфордского университета

Л. Н. Литошенко и его исследование аграрной революции в России

Вниманию читателя предлагается книга, написанная почти 80 лет тому назад. Ее автор — экономист и статистик Лев Николаевич Литошенко — погиб в сталинских лагерях. Но рукопись его главной работы сохранилась, и вот теперь она выходит в свет. Вслед за булгаковским Воландом читатель может воскликнуть: «Рукописи не горят!» В данном случае действительно уцелела рукопись книги, сгорел ее автор...

В архивных фондах Центрального статистического управления СССР хранится личное дело консультанта отдела бюджетной статистики Л. Н. Литошенко, начатое в сентябре 1918 г. и оконченное в августе 1930 г.[1] По документам этого дела устанавливаются основные вехи его жизненного пути до момента ареста. Мы узнаем, что родился он 13 февраля 1886 г. в Н[ижне] Дуванской волости Купянского уезда Харьковской губернии, что его отец Николай Абрамович Литошенко, земский служащий, в студенческие годы был одним «из участников процесса 193-х». Известно, что в этом самом крупном политическом процессе над народовольцами (18 сентября 1877 г. — 27 января 1878 г.) среди обвиняемых оказалось немало молодых людей, не связанных ни с «Народной волей», ни с революционным движением вообще, тех, кого суд был

[1] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2161, л. 1–34.*

вынужден оправдать или ограничить наказание высылкой «на родину с водворением в доме родителей и отдачею под гласный надзор полиции с воспрещением отлучек от места жительства» на тот или иной срок. Среди последних оказался и «дворянин Воронежской губернии» Н. А. Литошенко, высланный в г. Воронеж[2].

Лев Литошенко окончил Харьковское реальное училище и после сдачи дополнительных экзаменов по греческому и латинскому языкам поступил в Московский университет. В 1909 г. он окончил университетский курс на экономическом отделении юридического факультета, и с большим успехом, о чем свидетельствует оставление при кафедре политической экономии. Однако в 1911 г. Лев Николаевич покидает университет: он оказался в списке почти 130 профессоров и преподавателей либерального направления, уволенных министром просвещения Л. А. Кассо в связи с возобновившимися студенческими волнениями. В 1912 г. его избирают ассистентом кафедры политической экономии в Московском коммерческом институте и сразу же отправляют на два года в заграничную командировку для подготовки к профессорскому званию. По возвращении он начинает преподавательскую деятельность в коммерческом институте и в университете Шанявского, совмещая ее в годы войны с работой в статистико-экономическом отделе Союза городов.

Научно-исследовательская работа Льва Литошенко с самого начала была связана с изучением сельскохозяйственной экономики, в особенности ее рыночных связей. Его первые выступления в печати освещали конкретные проблемы снабжения крупных городов молоком и роль молочной кооперации, таможенной политики, финансирования агрономии и т. п.[3] Эти работы, как правило, осно-

---

[2] *См.: Финал процесса 193-х // Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 195–196.*

[3] *Литошенко Л. Н. Снабжение молоком крупных городов и молочная кооперация // Труды Императорского вольного экономического общества. СПб., 1910. Т. I. Кн. 2–3; Он же. Очерк истории таможенного обложения в России сельскохозяйственных машин и орудий. Харьков, 1910 (из «Трудов Харьковского общества сельского хозяйства» за 1910 г.); Он же. Земские иправительствен-*

вывались на официальных материалах, полученных из министерства финансов и министерства земледелия, по заказу которых они и готовились. Среди лиц, которым выражалась признательность в предисловиях к работам, встречаются имена министра финансов В. Н. Коковцева, начальников департаментов и отделов этих министерств В. П. Покровского, Н. П. Шеншина, гр. П. Н. Игнатьева, В. С. Кошко, А. Ю. Буша, Н. П. Лангового и др.

Сотрудничество либерально настроенного молодого экономиста с официальными органами управления в эпоху П. А. Столыпина не было случайным или вынужденным. В этой связи важно отметить связи Льва Литошенко с Харьковским обществом сельского хозяйства, в «Трудах» которого неоднократно публиковались работы исследователя. Харьковская группа ученых аграрников того времени активно поддерживала столыпинскую аграрную реформу и, основываясь на американском опыте, настаивала на всемерном развитии фермерства. Эти идеи прочно войдут в научный арсенал ученого. Заграничная командировка еще более укрепила его ориентацию на «крепкого мужика», о чем свидетельствует очерк «Крестьянское хозяйство в Баварии», опубликованный в «Вестнике сельского хозяйства» в 1914 г.

Рано проявились и публицистические способности Л. Н. Литошенко. В 1912 г. им публикуется брошюра «Интересы сельского хозяйства и Государственная Дума», представлявшая собой политическое выступление с позиций того крыла либерально-кадетского движения, которое участвовало в разработке и осуществлении столыпинской аграрной политики. В годы войны и революции он активно сотрудничал с редакцией «Русских ведомостей» — газеты правых кадетов.

В «Автобиографии», датированной 30 декабря 1925 г., Лев Литошенко подчеркивал: «Ни в какой партии до революции не состоял, принимал участие в студенческих забастовках и демонстрациях... В февральском и октябрьском пе-

---

ные ассигнования на мероприятия агрономической помощи населению. М., 1911 (оттиск из «Трудов Московского областного агрономического съезда») и др.

реворотах участия не принимал, находился в это время в Москве»[4]. На этих утверждениях четко различается печать автобиографии советского времени — печать недоговоренности и прямых умолчаний обо всем, что могло осложнить жизнь любого человека, особенно человека, служащего в государственном учреждении. Неучастие в обоих «переворотах» 1917 г. вовсе не означало неучастия в политической жизни того времени.

Имеются сведения о том, что в 1917 г. Литошенко перешел на работу в Петроградский коммерческий институт, принял на себя обязанности секретаря Главного продовольственного комитета... Эти сведения нуждаются в проверке. Однако независимо от конкретных частностей такого рода, мы можем с полным основанием утверждать, что он активно участвовал в революции как представитель одной из боровшихся тогда общественно-политических сил.

С июля 1917 г. по февраль 1918 г. в «Русских ведомостях» Л. Н. Литошенко опубликовал цикл статей с резкой критикой эсеровской, а затем большевистской политики, направленной на «социализацию земли». В 1918 г. эти статьи были изданы отдельным сборником под общим заголовком «Социализация земли»[5]. Обращение к содержанию сборника позволяет узнать и понять исходные позиции автора в самом подходе к исследованию развертывавшейся на его глазах аграрной революции. Не случайно, конечно, написанная им спустя 5–6 лет и публикуемая нами только сейчас книга будет носить то же название — «Социализация земли в России». Различие между сборником 1918 г. и монографией состоит в том, что первый содержит анализ программ «социализации земли», тогда как вторая — исследование их практического осуществления. Автор отрицал как идею, так и практику любой формы «социализации» — обобществления земли. И в этом отношении с ними совпадает или перекликается постсоветская публицистика по проблемам новой аграрной реформы.

---

[4] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2161, л. 30.*

[5] *Литошенко Л. Н. Социализация земли: Сб. ст. М.: Народное право, 1918.*

Интересно само время выступления Льва Литошенко против программы «социализации земли» и связанной с ней аграрной политики: оно обусловлено правительственным кризисом 2 июля 1917 г., вызванным выходом кадетов из Временного правительства. Первая статья начинается словами: «В июльские дни много говорилось об аграрных проектах В. М. Чернова, послуживших одной из важнейших причин распадения второго Временного правительства»[6].

Аграрные проекты министра земледелия В. М. Чернова были лишь поводом для кадетской акции. Непосредственное столкновение произошло из-за предложения запретить сделки по купле-продаже земли до решений Учредительного собрания. Законопроект был одобрен Главным земельным комитетом, куда, как известно, входили представители самых различных научных и политических концепций. Решительное сопротивление кадетов заставило Чернова искать компромисса. Он заявлял, что «готов идти и дальше в устранении всех возможных недоразумений... Я согласен принять текст законопроекта, указав в нем, что вопрос идет не об абсолютном запрещении земельных сделок, а лишь о том, что каждая земельная сделка может осуществиться лишь с разрешения государственных органов, ведающих вопросами сельского хозяйства, т. е. местного земельного комитета». Однако премьер-министр Г. Е. Львов был непреклонен, усматривая в проекте «уничтожение права землевладельцев располагать своей собственностью»[7].

Главным в кадетской акции было стремление поставить эсеро-меньшевистский блок лицом к лицу с набиравшей силу революцией городских и сельских низов. Непосредственные результаты июльского кризиса были именно такими: эсеры и меньшевики были вынуждены подчинить Советы правительству и ликвидировать наконец систему двоевластия, осуществлять меры по подавлению аграрного движения, теряя при этом поддержку широких слоев населения. Однако в итоге, причем весь-

---

[6] *Там же. С. 4.*

[7] *Церетели И. Г. Воспоминания о Февральской революции. Кн. 2. Париж, 1963. С. 354.*

ма скоро наступившем, раздробление и противоборство общественных сил, выступавших под флагами демократии (хотя бы в смысле многопартийности) и Учредительного собрания, расчищало путь как для корниловского мятежа, так и для большевистской революции. Нужно признать, что «верхи» российского общества, включая интеллектуальную элиту, в роковом 1917 г. не проявили ни понимания происходивших событий, ни умения действовать в интересах общества как целого. Они оказались слишком близорукими и эгоистичными, удивительно ограниченными кругом своих ближайших интересов и пристрастий.

С июля 1917 г. кадетская печать развернула критическую кампанию против В. М. Чернова, добиваясь его отставки, и продолжала ее после отставки министра 28 августа (10 сентября). В рамках этой кампании и публиковались интересующие нас статьи. Мы видим, что Лев Литошенко выступал как идеологический боец, отстаивающий политику своей партии (для этого вовсе не обязательно формальное членство). За партийными программами, законодательными проектами, выступлениями деятелей терялось видение стремительно нараставшего крестьянского движения, его направленности и силы. Само наличие этого движения приписывалось или эсеровской пропаганде «социализации земли», или «злокозненности» большевиков. Реальная ситуация в деревне игнорировалась.

Л. Н. Литошенко решительно отвергал все аграрные мероприятия «мужицкого министра», всю политику В. М. Чернова в целом. Единственным исключением был декрет нового состава Временного правительства «О прекращении землеустроительных дел» и роспуске ведавших ими органов, да и то лишь потому, что не имел «самостоятельного характера», а лишь законодательно оформлял «ту приостановку работ по землеустройству, которая предписана одним из первых распоряжений А. И. Шингарева»[8]. Он был предшественником Чернова на посту министра земледелия, принадлежал к левому крылу кадетской партии, выступавшей против столыпинской аграрной ре-

[8] *Литошенко Л. Н. Социализация земли. С. 5*

формы. Убежденный сторонник Столыпина Лев Николаевич Литошенко лишь в порядке партийной солидарности не критиковал принятие закона, который формально прекращал дальнейшее проведение столыпинской реформы.

Отсутствие оригинальности подчеркивается и в оценке проекта «Правил об организации уборки сенокосов и распределении сена», которые «в значительной мере списаны с закона о хлебной монополии и делают попытку передать в распоряжение государства все торговые излишки сена». Поскольку закон о хлебной монополии был проведен все тем же А. И. Шингаревым, постольку отрицание такого рода мер принимает скрытый характер: Литошенко лишь с удовлетворением отмечает, что Правила «практического значения» не имеют, поскольку сенокосная пора уже позади[9].

Все остальные законодательные проекты Чернова именовались «пресловутыми» и отвергались как попытки осуществить эсеровскую программу, ведущую к пагубным результатам. Проект декрета «Об охране лесов и их рубке» предлагал, например, отдать и то и другое в ведение уездных земельных комитетов, чтобы ограничить заготовки лесных материалов «существующими потребностями» и не допустить «спекулятивных и хищнических» рубок. Литошенко не без оснований указывал на неизбежность усиления «местной сепаратистской политики, которая грозит уже холодом и голодом значительной части страны»[10]. Однако декрет ничего не предлагал в качестве средства для пресечения принявших массовые масштабы хищнических рубок лесов.

«Еще опаснее», по мнению Л. Н. Литошенко, проект «Правил об упорядочении земельных отношений», поскольку расширял «до крайних (?!) пределов компетенцию земельных комитетов», ибо они получали права устанавливать, «какие земли отдавались и отдаются владельцами в аренду», какие из земель, «обрабатываемых самими владель-

---

[9] *Там же. С. 6.*
[10] *Там же. С. 6, 7.*

цами, останутся в ближайшее время без... обработки» и какие земли «фактически поступили в пользование местного населения». Исследователь справедливо считал, что в результате «фактическое перераспределение земель произойдет очень быстро и Учредительному собранию в аграрном вопросе нечего будет делать»[11]. Однако рассуждение продолжено не было: он не стал рассматривать последствия отсрочки выборов Учредительного собрания, в числе которых была и возможность «фактического перераспределения земель» без принятия черновских правил.

Самую злую критику вызвал принятый новым составом Временного правительства закон «О запрещении земельных сделок», которому Л. Н. Литошенко посвятил специальную статью. Закон объявлялся «драконовским запретом», «одним из самых неудачных действий Временного правительства», порожденным всего лишь «удовлетворением определенных партийных требований» и «влекущим за собой тяжелые экономические последствия»: развал сельского хозяйства, расстройство кредитной системы, сокращение государственных доходов и т.п.[12]

Перед нами публицист партийного толка, как сказали бы в наши дни — убежденный «рыночник», последовательно и бескомпромиссно отстаивающий принципы частной собственности. Однако кадетская критика аграрной политики Чернова была не единственной. Критика «мужицкого министра» снизу и слева, прежде всего со стороны крестьянства, была намного более сильной. Все проекты Чернова на деле являлись отражением все более настойчивых крестьянских требований. Их назначение в конечном итоге состояло в попытке ввести в рамки закона — и тем самым сделать подконтрольным и регулируемым государством! — революционный процесс, развертывавшийся в деревне и едва-едва сдерживавшийся земельными и продовольственными комитетами. И спекулятивные земельные сделки, и хищническая рубка ле-

---

[11] *Литошенко Л. Н. Социализация земли. С. 7–8.*

[12] *Там же. С. 5, 8, 10*

сов и многое другое создавало тогда реальную угрозу «холода и голода», вызывало негодование крестьян и побуждало их ко все более радикальным требованиям и действиям.

28 августа (10 сентября) В. М. Чернов покидает пост министра земледелия, так и не осуществив свои проекты. Крестьянская революция обогнала и субъективные намерения, и объективные возможности Чернова. 19–25 августа был опубликован сводный крестьянский Наказ, составленный на основе 242 местных наказов и продемонстрировавший, как далеко ушло крестьянство от эсеровских программ[13]. В начале сентября крестьяне Тамбовской губернии явочным порядком взяли власть в свои руки и стали конфисковывать помещичьи земли и имения, так и не дождавшись Учредительного собрания[14]. Именно в эти дни появляется новая статья Льва Литошенко «"Подготовка" земельной реформы», начинающаяся словами: «С уходом В. М. Чернова ничего не изменилось к лучшему в министерстве земледелия. Об этом свидетельствует не только разрастающееся аграрное движение...» И далее следует очередной критический залп по новым проектам аграрных законов, ориентированных на «равное право всех на землю».

Идеологическая полемика застила глаза. Революция низов уже захлестывала деревню и страну в целом, а кадетская пресса продолжала «обличение» естественных союзников, если иметь в виду общие демократические задачи и цели. Впрочем, правый кадетизм, к которому тяготел Литошенко, не прочь был войти в союз с корниловщиной, хотя на деле она ускоряла радикализацию общественных настроений и в городе и в деревне, в частности послужила непосредственным толчком для тамбовского «прорыва» крестьянской революции.

Шли последние недели существования Временного правительства. Политической опоры слева у него уже практически не было, поэтому критика справа стала фактором его полного

---

[13] *См.: Известия Всероссийского Совета крестьянских депутатов. Пг., 1917. № 88–89; Советы крестьянских депутатов и другие крестьянские организации. Т. I. Ч. I. М., 1929. С. 151–160.*

[14] *Литошенко Л. Н. Социализация земли. С. 11, 12.*

паралича. Образцом такой неконструктивной, оторванной от жизни критики могут служить статьи Л. Н. Литошенко, написанные в сентябрьско-октябрьские дни и посвященные защите крупного хозяйства в земледелии — помещичьего и «полутрудового» (так с дореволюционных времен в русской литературе стали называть предпринимательские хозяйства крестьян).

«Судьба капиталистического сельского хозяйства в России решается сейчас в теории и практике. Широкая волна анархии стирает с лица земли все большую часть "помещичьих гнезд". Но, пожалуй, еще успешнее идет теоретическое разрушение владельческого хозяйства»,— так начиналась первая из них, и могло показаться, что реальная жизнь становится, наконец, объектом научного или публицистического анализа. Можно понять и стремление автора спасти от разрушения наиболее эффективные формы производства, чтобы избежать «серьезных потрясений» в экономике страны, ибо «как-никак за настоящими, не паразитарными помещичьими хозяйствами числится под посевом 8 млн десятин», а дают они «до 30% всех товарных запасов зерна»[15].

Однако захлестнувшие страну мощные волны крестьянской революции оставались для Льва Литошенко всего лишь общим фоном. Острие его критики направлено против тех идей и проектов, которые пытались учесть уже осуществлявшиеся на деле крестьянские требования. «В Главном земельном комитете выдвинута целая программа ликвидации нетрудового хозяйства»,— сообщается в статье, и либеральная организация, созданная еще первым (кадетским) составом Временного правительства, может представиться читателю едва ли не политическим штабом крестьянской революции. На деле же речь идет о докладах, с которыми выступили в комитете известные экономисты А. А. Кауфман (связанный, кстати, с кадетами левой ориентации) и А. Н. Челинцев (беспартийный). Они предлагали передать «сельскохозяйственные земли частного владения... трудовому населению», сохранив за бывшими владельцами

---

[15] *Литошенко Л. Н. Социализация земли. С. 15, 17.*

[16] *Там же. С. 16, 17; (Доклады А. А. Кауфмана и А. Н. Челинцева см.: Труды комиссий по подготовке земельной реформы. Вып. 1. Пг., 1917.)*

усадьбы и земельные участки «не свыше трудовой нормы», а также передав в распоряжение земельных комитетов «высококультурные и промышленного типа имения»[16]. Осуществление крестьянских требований в порядке государственной реформы, с соблюдением определенных в законодательном порядке норм, правил и процедур, было единственным средством если не остановить, то хотя бы ограничить захватно-погромную стихию, распространявшуюся как лесной пожар. Не случайно в следующей статье Литошенко пришлось отодвинуть «в сторону»вопрос о помещичьих хозяйствах. «Теоретически в его <помещичьего хозяйства> защиту можно было бы сказать многое, но практически оно уже почти не существует»[17]. Под защиту теперь бралось «полутрудовое хозяйство». Критика направлялась также против докладов, сделанных в Главном земельном комитете Н. Д. Кондратьевым (правый эсер) и Н. П. Макаровым (беспартийный), как против «идеологов потребительской нормы», поскольку наделение землей безземельных и малоземельных крестьян, включая батраков, приведет не только к ликвидации помещичьего землевладения, но и к выравниванию крестьянских хозяйств на уровне «натурального потребительско-трудового хозяйства». Между тем, как утверждал Лев Литошенко, «доля крупно-крестьянских хозяйств в снабжении внутреннего рынка по крайней мере равна, если не превышает участия в этом деле хозяйств помещичьих»[18].

Пожар деревенской революции тем временем окончательно лишил смысла любые — теоретические и практические — споры по вопросам текущей аграрной политики Временного правительства. Уже статья в защиту «полутрудовых» хозяйств была адресована дню завтрашнему — Учредительному собранию[19]. Именно как попытка «предрешения воли Учредительного собрания» осуждается появление «законопроекта об урегулировании земельных отношений» [20] — ухуд-

---

[17] *Там же. С. 19. (Доклады Н. Д. Кондратьева и Н. П. Макарова см.: Труды по подготовке земельной реформы. Вып. 3. Пг., 1917.)*

[18] *Там же. С. 22.*

[19] *Там же. С. 19.*

[20] *Там же. С. 25.*

шенного варианта черновского проекта, предложенного тогда, когда он уже не мог играть никакой практической роли. Именно под углом зрения будущего Учредительного собрания бросается беглый уничижительный взгляд на первые большевистские декреты о земле — на случай, «если бы кто-нибудь принял их всерьез»[21]. Сущность и значение этих декретов как выражения воли «низов» не было подвергнуто сколько-нибудь обстоятельному и объективному анализу.

Предстояло Учредительное собрание, и поэтому все внимание и вся страсть публициста Литошенко отданы критике аграрных идей эсеровской партии как наиболее крупной, задающей тон будущим спорам вокруг «Основного закона о земле». С известных уже нам позиций анализируются земельные проекты П. А. Вихляева и С. Л. Маслова с явным предпочтением последнего как более умеренного[22]. Однако стоило Учредительному собранию принять эсеровские «тезисы к основному закону о земле», — и оно сразу утратило в глазах Литошенко всякое значение: оно оставило «убогое наследство... Это — скорее отрывок какой-то эсеровской резолюции без начала и конца и без всякого конкретного содержания»[23]. Оценивая «долгие месяцы революции и аграрной смуты», он приходит к вполне определенному пессимистическому выводу: «Значительная часть земельного фонда уже распределена стихийным порядком, а вместе с помещичьими усадьбами погребена и идея разрешения аграрного вопроса из центра»[24].

Признание поражения той политики, которую представлял Л. Н. Литошенко, не сопровождалось ее пересмотром, выяснением причин провала, критическим самоанализом вообще. Напротив, идеологическая бескомпромиссность и партийная приверженность достигают предельной степени, когда анализ заменяется огульным отрицанием, а вместо аргументов в ход пускается голый сарказм, не останавливающийся и перед бранью. Принятие III Всероссийским съездом Сове-

---

[21] *Литошенко Л. Н. Социализация земли. С. 31.*

[22] *Там же. С. 31–41.*

[23] *Там же. С. 43.*

[24] *Там же. С. 40.*

тов закона о социализации земли, опубликованного 6 (19) февраля 1918 г., послужило поводом для последнего публицистического выступления Литошенко на эту тему. Вот его начало: «Перед нами "Основной закон о социализации земли" за подписью Ульянова-Ленина и комиссара земледелия Колегаева. Для вящей крепости "закон" контрассигнован Марусей Спиридоновой и 650-ю именами безвестных "товарищей", принимавших участие в приеме законопроекта. Продукт коллективного творчества побивает рекорд безграмотности и нелепости...» И т. д. и т. п. Не без злорадства цитируя критические оценки закона из социал-демократической (меньшевистской) и право-эсеровской прессы, Литошенко напоминает о «черновских, вихляевских, ракитниковских и колегаевских социализаторских планах» и заключает, что «по существу между всеми этими социализациями и социализаторами большой разницы нет» — все они оцениваются как «безграмотные», «бессодержательные», демонстрирующие «полное бессилие и немощность руководителей социалистических партий...»[25].

Из этого набора «публицистических» выражений мы выделим лишь слова о «650-ти безвестных "товарищах"», подписавших закон. Действительно, первые публикации «Основного закона о социализации земли» содержали подписи членов Президиума ВЦИК (в их числе была и подпись М. А. Спиридоновой), секретарей ВЦИК, председателя Совета Народных Комиссаров В. Ульянова (В. Ленина), народного комиссара земледелия А. Колегаева и 672 членов «крестьянской секции III Всероссийского съезда Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов и... I Всероссийского съезда земельных комитетов, принимавших участие в разработке законопроекта...»[26]. В названную секцию вошел, как известно, состав III Всероссийского съезда Советов крестьянских депутатов, который объединился с собравшимся в это же время съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Позднее

---

[25] *Там же. С. 41–43.*

[26] *Основной закон о социализации земли. Пг., 1918. С. 17–30.*

к работе над законопроектом присоединилась большая часть делегатов I Всероссийского съезда земельных комитетов. В ходе обсуждения на крестьянской секции первоначальный проект закона подвергся значительной переработке[27].

Отнюдь не «безвестные» люди подписали «Основной закон о социализации земли». Это были люди известные своим избирателям, пользующиеся их доверием и посланные в революционный Петроград ими — крестьянами 54 губерний и областей России того времени. Разработанный и принятый с участием этих людей, закон выражал действительные стремления основных масс крестьянства, их представления о правильном и справедливом пользовании землей. Об этом говорит и полное соответствие содержания этого закона крестьянскому наказу 1917 г., и его принятие деревней 1918 г., и, наконец, восстановление его принципов и норм в земельных законах 1922 г., когда Советская власть оказалась вынужденной, уступая крестьянству, отменить законодательство эпохи «военного коммунизма».

Публицистический цикл на тему «Социализация земли» очень важен для понимания издаваемой нами практически одноименной книги, поскольку и ей присуща ярко выраженная публицистичность, но, пожалуй, еще больше — для понимания самого Льва Литошенко как человека эпохи революции. Перед нами предстает не «всего-навсего» ученый-экономист, объективно изучающий действительность во всей ее противоречивости, стремящийся прежде всего познать и понять. Мы видим партийного публициста, боевого участника политической борьбы, пристрастного до одержимости в утверждении своей идеи — в данном случае идеи частной собственности и крупного капиталистического производства. Его отличала идеологическая бескомпромиссность и «твердокаменность», которые обычно считаются свойствами большевизма.

Совпадение идеологического и политического поведения большевиков и их крайних противников, прежде всего

---

[27] *См.: Кабанов В.В. Разработка основного закона о социализации земли // Октябрь и советское крестьянство: Сб. ст. М., 1977. С. 83–87, 109–110.*

кадетов, было замечено современниками, весьма различно видевшими происходящее. Сошлемся на два свидетельства. «Несвоевременные мысли» Максима Горького: «...кадет прежде всего политик, точнее — политикан; он такой же фанатик своей идеи, как большевик — "коммунист", он так же сектантски слепо верит в возможность полного уничтожения социализма, как верит большевик в необходимость немедленного осуществления социалистических идей»[28]. Этот очерк появился в «Новой жизни» 7 апреля (25 марта) 1918 г. и был ответом кадетской прессе в целом. Публицистика Л. Н. Литошенко оказалась вполне в рамках этой оценки.

Не менее важно свидетельство А. А. Аргунова, который все происходящее в России революционного времени воспринимал как борьбу «двух большевизмов», к одному из которых он относил и кадетов[29]. Нам еще представится случай отметить характерные черты «большевизма» в поведении Литошенко, пока же вернемся к его биографическим данным.

Шел второй год революции. События показывали, что она не остановилась на борьбе идей, программ и партий в рамках складывавшейся демократической государственности, что борьба переросла в гражданскую войну, где не на жизнь, а на смерть столкнулись огромные социальные силы. Становилось ясно, что революционный процесс не исчерпывается большевистским социализмом, что в него втянута и крестьянская стихия, что революция приняла народный характер. Осознание этого факта меняет поведение многих участников революции, особенно из интеллигентской среды. А. В. Чаянов с февраля 1918 г. приходит к сотрудничеству с Советской властью. П. А. Сорокин в октябре 1918 г. отказывается от участия в политической борьбе, вообще «от всякой политики» и уходит в науку и просвещение. Вслед за ними Н. Д. Кондратьев и многие другие также меняют свое отношение к тому, что происходит в России.

---

[28] *Горький М. Несвоевременные мысли и рассуждения о революции и культуре (1917–1918 гг.). М., 1990. С. 138.*

[29] *Аргунов А. А. Между двумя большевизмами. Париж, 1919. С. 44–47.*

Конечно, многие, в том числе представители интеллигенции, идут на службу в советские учреждения под давлением продовольственных и всяких других трудностей, а не потому, что приняли большевистскую революцию. Наверно Литошенко был среди тех, кто пошел на советскую службу поневоле, но та деятельность, которую он стал вести, безо всяких сомнений, была его главным призванием.

В личном деле Л. Н. Литошенко сохранилось его заявление в Центральное статистическое управление с просьбой о принятии на работу «в качестве консультанта по вопросам динамики сельского хозяйства с 1 декабря 1918 г.». На заявлении собственноручная резолюция управляющего ЦСУ П. И. Попова: «Зачислить с 1 декабря с окл[адом] 1100 р.». Вслед за этим документом в архивное дело подшиты копии двух удостоверений, одно из которых было выдано «...на предмет представления в Центральное карточное бюро... для причисления Литошенко к 1-й категории "классового пайка"», а другое свидетельствовало о его освобождении «от службы в Красной армии»[30].

Молодой высокообразованный специалист сразу же находит свое место в статистических исследованиях — организация и разработка крестьянских бюджетов. С несомненным успехом им была выполнена разработка бюджетов 436 крестьянских хозяйств 5 губерний по обследованиям, проведенным ЦСУ в 1919 г.[31] Сохранившаяся докладная записка «В коллегию ЦСУ. Предположения о работе бюджетного подотдела» представляла собой очень четко и уверенно изложенную программу разработки данных исследования 1919 г., «старых бюджетных материалов» и «новых методов бюджетных исследований». Записка заканчивается предложениями о штате подотдела: «на первое время... в составе 5–6 сотрудников при заведующем и его помощнике». Она подписана еще консультантом[32].

---

[30] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2961, л. 4–6.*

[31] *См.: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. I. М., 1921. Гл. VIII. Крестьянские бюджеты. С. VIII, 73–78.*

[32] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2961, л. 7.*

С 1 июня 1920 г. Лев Литошенко назначается заведующим подотделом бюджетной статистики, который начинает большую и важную работу. Признанием значения и результативности бюджетных исследований, выполненных этим коллективом, было преобразование с 1 августа 1924 г. подотдела в самостоятельный отдел, руководителем которого остается Литошенко[33].

История крестьянских бюджетов 20-х годов подтверждает значительность роли Л. Литошенко в проведении этого важного вида статистических работ вместе, разумеется, с рядом других статистиков того времени. Нельзя не назвать в данной связи проф. А. Е. Лосицкого — представителя старшего поколения, пришедшего в советское ЦСУ 15 ноября 1918 г., заведовавшего с 1919 г. по 1927 г. отделом статистики потребления и распределения, а в 1927–1928 гг.— подотделами баланса сельского хозяйства[34]. Оба эти направления были тесно связаны с исследованиями семейных бюджетов. Поддержка, а в первое время и руководство со стороны авторитетного статистика, являвшегося к тому же членом коллегии ЦСУ, были для ученого немаловажными.

Трудовая деятельность Л. Н. Литошенко не ограничивалась рамками ЦСУ. В «Автобиографии», на которую мы уже ссылались, сообщается: «...начиная с 1918 г. состоял непрерывно профессором и преподавателем в разных высших учебных заведениях Москвы, в данный момент Тимирязевской сельскохозяйственной академии и научно-исследовательского института при ней. По совместительству служу в ФЭБ'е (Финансово-экономическом бюро.— *В. Д.*) Наркомфина СССР, где в данный момент занимаю должность председателя сельскохозяйственной секции Института экономических исследований»[35]. Среди перечисленных учреждений особого внимания заслуживает научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономии и политики, созданный и руководимый

---

[33] *Там же, л. 2.*

[34] *Личное дело А. Е. Лосицкого см.: РГАЭ, ф. 4372, оп. 40, д. 740, л. 67, 70, 111–112 и др.*

[35] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2961, л. 30.*

А. В. Чаяновым. Л. Литошенко — постоянный оппонент Чаянова — работал в нем с самого начала (1920 г.) до конца существования (1929 г.)[36].

Исследовательская работа Л. Н. Литошенко затрагивала широкий круг проблем аграрного развития в послереволюционное время, однако главным ее объектом теперь стало именно крестьянское хозяйство, причем под весьма специфическим и особенно актуальным углом зрения рыночности, «приобретательства». Постановке задач и путей изучения товарности крестьянского хозяйства, его товарно-денежных связей, деревенского рынка были посвящены первые выступления ученого в печати советского времени[37]. Прочную основу для решения этих важных и сложных задач должна была дать статистика крестьянских бюджетов.

Широкое и систематическое изучение крестьянских бюджетов, охватывающее практически всю территорию СССР и проводившееся по единой программе, началось с 1922/23 хозяйственного года. Однако их разработка требовала значительного времени и в полном виде они стали выходить в свет лишь с 1926 г.[38], тогда как жизнь требовала срочной информации о том, что происходило в крестьянских хозяйствах, об их экономических возможностях и потребностях, о результативности нэпа. Перед Литошенко, как непосредственном руководителем бюджетных исследований в деревне, открылись широкие возможности публикации работ по важнейшим вопросам экономического развития. Начиная с 1923 г. одна за другой появляются его статьи и брошюры, содержащие оперативный анализ только что полученной статистической информации о емкости деревенского рынка на промтовары (во время известного «кризи-

---

[36] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2961, л. 27 и др.*

[37] *Литошенко Л.Н. Одна из задач бюджетных исследований // Вестник статистики. 1919. № 4–7; Он же. О методах определения покупательно-платежной силы сельского населения // Всероссийский статистический съезд. 3–13 ноября 1922 г. М., 1922.*

[38] *См.: Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг. М., 1926; Крестьянские бюджеты 1924/25 г. М., 1927; Крестьянские бюджеты 1925/26 г. М., 1929. В целостной разработке крестьянские бюджеты опубликованы не были.*

са сбыта»!), о товарности крестьянского хозяйства и его рыночных связях, о роли кустарных промыслов, о процессах накопления и т. п.[39]

Перу Льва Литошенко принадлежат и первые целостные разработки крестьянских бюджетов, выполненные в порядке «экспресс-анализа» по заказу государственных организаций. Так появилась брошюра «Крестьянский бюджет в 1922/23 году», написанная для Всероссийской сельскохозяйственной выставки, открывшейся осенью 1923 г. В ней по материалам 350 бюджетов (из общей их массы в 3750) дана характеристика организации и доходности крестьянских хозяйств, а также их товарно-денежных связей и «покупательной силы», значению и емкости сельского рынка[40]. В 1925 г. Комиссия СНК СССР (т. е. союзного правительства) по изучению современной деревни публикует обширную статью ученого о доходности крестьянских хозяйств, ее структуре и факторах, подготовленную уже на основе итогов разработки практически всех (3,5 тыс.) бюджетов 1922/23 г.[41] Материалы крестьянских бюджетов 1923/24 г. также были подвергнуты целостному «экспресс-анализу» в статьях Литошенко[42].

Определенным — и значительным — итогом первого эта-

---

[39] См.: Литошенко Л.Н. Промышленность и емкость сельскохозяйственного рынка // Вестник промышленности, торговли и транспорта. 1923. № 1; Он же. Платежно-исковые связи крестьянского хозяйства // Вестник промышленности... 1923. № 6; Он же. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. 1923. № 75; Он же. Текстильный рынок и текстильное производство. М., 1923. 43 с.; Он же. Крестьянские кустарные промыслы по данным бюджетного исследования 1923/24 г. // Кустарная промышленность СССР. Вып. 1. М., 1925; Он же. Крестьянское хозяйство и рынок // Экономическое обозрение. 1925. № 5; Процессы накопления в крестьянском хозяйстве. (Изложение доклада Л. Н. Литошенко и прений в Институте экономических исследований) // Вестник финансов. 1925. № 7; и др.

[40] Литошенко Л.Н. Крестьянский бюджет в 1922–1923 году. М., 1923. 58 с.

[41] Литошенко Л.Н. Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления: Сб. ст. М., 1925. С. 51–146.

[42] Литошенко Л.Н. Основные элементы крестьянского бюджета 1923/24 г. // Бюллетень ЦСУ. 1926. № 115; Он же. Денежный баланс крестьянского хозяйства // Там же.

па работ над материалами бюджетной статистики явилось участие Л. Н. Литошенко в крупном научном эксперименте по составлению народно-хозяйственного баланса страны за 1923/24 г. Это был действительно пионерский опыт, очень крупный шаг вперед статистико-экономической науки (не только советской, но и мировой). Для этого труда по бюджетным материалам исследователь написал два раздела о потреблении земледельческого и неземледельческого населения, а также один из общих разделов — «Методика составления народнохозяйственного баланса»[43].

О росте признания и авторитета Льва Литошенко в статистико-экономической науке свидетельствовало и издание в 1927 г. книги «Емкость крестьянского рынка», предисловие к которой написал С. Г. Струмилин[44]. Книга была написана и издана по поручению Промышленно-экономического Совета ВСНХ СССР и явилась заметным вкладом в исследование рынка и, следовательно, нэпа, причем с сугубо практической стороны дела.

Растущая известность Л. Н. Литошенко нашла выражение и в научных командировках за границу. Первая из них состоялась осенью 1923 г., вторая (двухмесячная) — осенью 1925 г. и третья (годичная) — с 1 июня 1926 г.[45] Эта последняя командировка была от чаяновского института сельскохозяйственной экономии, и в ЦСУ ученый должен был перейти с должности заведующего отделом на должность консультанта[46].

«Загранкомандировки» Л. Литошенко были по-настоящему рабочими, дающими практически полезные результаты для статистико-экономической науки. Уже первая поездка побудила его провести исчисления национального дохода СССР на основе методики, применявшейся в американской науке. В России работы в этом направлении были начаты С. Н. Прокоповичем, который представлял народный доход как сумму «вновь

---

[43] *См.: Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923/24 года./ Под ред. П.И. Попова. Ч. 1–2. М., 1926. С. 56–70, 215–225, 258–262.*

[44] *Литошенко Л.Н. Емкость крестьянского рынка. М.; Л., 1927. 145 с.*

[45] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2961, л. 11, 16, 22.*

[46] *Там же, л. 22, 23.*

произведенных ценностей» в данной стране в данном году, распределяемых, естественно, на доходы социальных групп, общественные и государственные[47]. Литошенко предпринял попытку исчисления национального дохода как суммы «индивидуальных годовых доходов всех жителей» Советского Союза (конкретно были проанализированы сведения за 1922/23 и 1923/24 гг.), причем сделал это в прямом сопоставлении с соответствующими показателями США (от 1918 г. по 1923 г.). Полученные результаты шокировали: «В общем итоге число лиц, получающих доход свыше 500 долларов в год, составляет в Америке не менее 95%, а у нас не более 1% самодеятельного населения[48]. При этом оказалось, что средний годовой доход в расчете на человека в СССР составлял в 1922/23 г. — 62 руб., в 1923/24 г. — 66,5 руб. (в 1913 г. -101 руб.), тогда как в США по данным за 1923 г. — 814 руб.[49] Из национального дохода в СССР на государственные нужды уходило около 12% — величина, как писал Л. Литошенко, «близкая к пределу»[50]. Работа о национальном доходе вызвала дискуссию и резкую критику, в том числе и за «буржуазную идеологию», но важность и интересность ее не подвергалась сомнению[51]. Главное состояло в том, что автор имел тогда возможность и отвечать на критику и продолжать исследования в избранном направлении[52].

Командировка в США привела к появлению в советской печати статей, написанных целиком на американском материале: о национальном доходе США, о финансировании промышленности, о постановке бюджетных исследований и др.[53] Зна-

---

[47] *См.: Опыт исчисления народного дохода 50 губерний Европейской России в 1900–1913 гг. /Под ред. С.Н. Прокоповича./ М., 1918. С. 5 и след.*

[48] *Литошенко Л.Н. Национальный доход СССР. М., 1925. С. 17.*

[49] *Там же. С. 47, 49.*

[50] *Там же. С. 51.*

[51] *См. рецензии в журналах «Плановое хозяйство». 1925. № 11; «Социалистическое хозяйство». 1925. № 4; «Вестник труда». 1925. № 5; и др.*

[52] *Литошенко Л.Н. Национальный доход // Вестник финансов. 1926. № 2; Он же. Народный доход в территориальном разрезе // Финансовые проблемы планового хозяйства. 1930. № 5.*

[53] *Литошенко Л.Н. Национальный доход Соединенных Штатов и его терри-*

ние жизни одной из самых развитых стран начинает проявляться и в выступлениях ученого в печати по методическим проблемам экономической организации, вышедших в свет уже в 1928 г.[54]

1922–1927 гг. были временем наиболее активной научной деятельности Л. Н. Литошенко (как, впрочем, и многих других ученых его поколения и его судьбы). Статистические и экономические исследования состояния и динамики крестьянских бюджетов, развития деревенского рынка и ряда других конкретных проблем текущего времени печатались в важнейших журналах и научных изданиях. Вокруг этих публикаций часто возникали острые споры, связанные в значительной мере с характерной для них направленностью против социализма. Однако статьи и брошюры выходили в свет, чем фактически признавалось право автора на высказывание и отстаивание своего понимания происходящего. Тем не менее ограниченность статистико-экономическим анализом текущих проблем, хотя бы и таких крупных, как проблема национального дохода, не удовлетворяла Литошенко, который по натуре своей, как уже отмечалось, был не только ученый-исследователь, но и публицист, убежденный сторонник капиталистического развития и непримиримый противник всего того, что происходило в России, по крайней мере с июля 1917 г. Поэтому неудивительно, что как только с переходом к нэпу возобновилось открытое обсуждение в прессе общественных проблем и, главное, появились независимые издания, сразу же одно за другим в печати стали появляться публицистически заостренные выступления Льва Литошенко, возобновляющие его полемику против социализма, против

ториальное распределение // Вестник финансов. 1927. № 1; Он же. Методы финансирования американской промышленности // Вестник финансов. 1927. № 5; Он же. Американские исследования бюджетного типа // Вестник статистики. 1928. №33 и др.

[54] Литошенко Л.Н. Проблема эффективности капитальных вложений // Вестник финансов. 1928. № 1; Он же. Закон падающей выручки и оптимальное сочетание факторов производства // Бюл. НИИ с.-х. экономики. 1928. № 1–4.

[55] Литошенко Л.Н. Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. 1922. №2.

состоявшейся в России революции. Первая такая статья публикуется весной 1922 г. во втором номере известного журнала «Экономист», в котором участвовали такие знаменитости, как Н. А. Бердяев, Б. Д. Бруцкус, С. Н. Булгаков, А. С. Изгоев, Н. Д. Кондратьев, П. А. Сорокин и другие, большая часть которых в том же году была выслана из России.

Статья Л. Литошенко «Кооперация, социализм и капитализм»[55] заслуживает особого внимания. Статья была написана и опубликована во время самой острой дискуссии о возможностях использования кооперации в социалистических преобразованиях. Уже стало ясным и общепризнанным, что прямой, непосредственный «прорыв» к социализму в России не удался. Уже стоящая у власти партия самых радикальных социалистов начала поиск путей эволюционного перехода к новым формам жизни и все больше делала ставку на кооперацию. Меньше года оставалось до появления ленинской статьи «О кооперации», в которой осуществление «мечтаний старых кооператоров» в условиях Советской России рассматривалось как построение социализма[56].

Отдадим должное политической чуткости Л. Н. Литошенко, его способности видеть перспективу идейно-теоретической дискуссии, а также смелости бросить вызов преобладавшим в печати (и в общественных настроениях) идеям и стремлениям. Огонь критики направлен против «общепринятого взгляда», исходя из которого «кооперация объявляет себя врагом капитализму и своей прямой задачей ставит преобразование хозяйственного строя». В силу этого даже теоретики кооперации мелких производителей (конкретно речь идет о концепции Ш. Жида) не могут «отдалить себя от социалистов»[57]. Концепции последних в статье не рассматривались, поскольку государственный социализм и кооперация представлялись несовместимыми.

Вот как выглядит логика теоретического анализа кооперации в статье Литошенко: «Представим себе все общество

---

[56] *Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–377.*

[57] *Литошенко Л. Н. Кооперация, социализм и капитализм. С. 184–185.*

организованным по рецепту кооперативного строительства. Получим ли мы при этом сохранении счастья собственности свободу личной инициативы и гармонию интересов? Не в большей мере, чем при социализме.

Чем отличается прежде всего участие в общей кооперативной собственности от коллективной собственности на средства производства? Тем, что, в одном случае, собственником является сравнительно ограниченный круг лиц, а в другом, все государство. Но это различие количества, а не качества... А затем, где доказательство, что при общем владении сохранится элемент счастья, доставляемый собственностью? Разгадка удовольствия, доставляемого частной собственностью, заключается в праве исключительного пользования. Для человека действительно является большой радостью сказать "моя земля, мой дом, мой сад, мои процентные бумаги", но "наша земля, наш дом, наша фабрика" всегда будет звучать слабее, всегда будет родить более глухой отклик в тайниках человеческой души». Именно частной собственностью порождается и поддерживается «могучая сила буржуазного строя: свобода личного почина, свобода хозяйственного самоопределения»[58].

«Свобода хозяйственного самоопределения» личности неизбежно порождает «анархию капиталистического строя и связанные с ним кризисы и перепроизводство». Но в этом ученый видит проявление роста и динамичности. Его вывод, как всегда, безальтернативен: «Если кооперация хочет устранить недостатки капиталистического способа производства, она неизбежно вступает на путь социализма. Отсюда уже остается только один шаг до полного коммунизма»[59] (в качестве которого представляется «военный коммунизм»).

Несостоятельность кооперативных концепций Лев Литошенко выводит из их основного противоречия: «Кооперация не хочет и не может отказаться от буржуазных предпосылок своего существования: свободы хозяйственного самоопределения, свободы инициативы, хозяйственного интереса и ин-

---

[58] *Литошенко Л. Н. Кооперация, социализм и капитализм. С. 186–187.*

[59] *Там же. С. 187.*

ститута частной собственности. С другой стороны, значительная часть кооперации насквозь проникнута социалистическим духом, ее вожди зовут непрерывно в царство коллективизма или рисуют свой собственный идеал, как две капли воды похожий на социализм. Но социалистический строй не может примириться с частнохозяйственными предпосылками кооперации. Он есть сам по себе принципиальное отрицание и свободы хозяйственной деятельности, и частного интереса, и права собственности»[60].

При социализме, утверждает Л. Литошенко, у кооперации нет будущего, и поэтому она должна сделать вывод о том, что «настала пора пересмотреть кооперативную идеологию. Нужно провести давно забытые границы... Не сделались ли друзья врагами и не окажутся ли привычные враги мирными соседями?» Ответ для исследователя очевиден: «Буржуазные предпосылки кооперации неустранимы, значит, остается пересмотреть цели кооперации, ее идеалы. Так ли уж тесно связан он с социалистическим строем, не может ли кооперация в полной мере выполнять свои задачи в рамках буржуазного общества? Социализм приводит к отрицанию кооперации, а капитализм покоится на тех же хозяйственно-правовых предпосылках, как и кооперация. С первого же взгляда, буржуазное общество кажется лучшей питательной средой для кооперации, чем социалистическое»[61].

Трудная задача доказать сущностную непротиворечивость капиталистической прибыли и кооперативного дохода решается весьма просто: и то и другое — явления рыночного хозяйства, товарного производства и обращения. В своем теоретическом анализе Л. Н. Литошенко использует понятие, предложенное П. Струве,— «приобретательское хозяйство», на содержании которого придется остановиться, поскольку оно играет ключевую роль в литошенковской интерпретации аграрного развития России в предреволюционное и революционное время, в том числе в публикуемой книге.

---

[60] *Там же. С. 188.*
[61] *Там же. С. 190.*

«Отличительную черту капиталистического строя нужно искать не в каком-либо формальном признаке, а в его внутреннем смысле и общей цели, в его хозяйственной психологии,— утверждал Л. Литошенко.— Мы назовем капиталистическим по духу всякое предприятие приобретательского типа.

Его цель — стремление к максимальной ценностной разнице между затратами и выручкой. В отличие от потребительского, приобретательское хозяйство не имеет границ для своих хозяйственных стремлений. Удовлетворение существующих потребностей его не останавливает, его цели беспредельны. Приобретательское хозяйство затрачивает факторы производства, комбинирует рабочую силу с капиталом и силами природы, покупает одни ценности, перерабатывает, передвигает, обменивает их и получает в результате другие большие ценности. Эти ценности бесконечны. Именно это стремление к безграничному увеличению дохода является характерным признаком приобретательского хозяйства. Понятие капиталистического предприятия, конечно, уже и связано с рядом дополнительных признаков. Не всякое приобретательское хозяйство является капиталистическим в тесном смысле слова, но оно капиталистично по духу и всегда может стать капиталистическим по форме»[62].

Не забыты в этой статье и хозяйства, которые не переросли рамки потребительских. Было отмечено, что кооперация объединяет и «большую массу мелких хозяйств, весь доход которых уходит на удовлетворение первейших потребностей семьи. Но здесь важен дух приобретательства, который, бесспорно, наблюдается и в них. Кооперация как раз и помогает им увеличить их доход, довести его до таких размеров, чтобы за удовлетворением потребностей в прежнем масштабе осталось бы еще нечто в виде свободного излишка»[63].

Термин «приобретательский» оказался синонимом термину «предпринимательский» применительно к мелкому товарному хозяйству. Соответственно такому пониманию социального облика кооперированных хозяйств определялись «иде-

---

[62] *Литошенко Л. Н. Кооперация, социализм и капитализм. С. 193.*

[63] *Там же. С. 198.*

ал кооперации и пределы (!) ее стремлений»: она не может стремиться к уничтожению капитализма, должна «искать себе место в его рамках» и видеть свое назначение «в сокращении экономических неравенств», «в поднятии уровня низших доходов, но не в насильственном уничтожении высших». Кооперация становилась одним из орудий «политики средних классов»[64]. Таковы были представления автора о путях позитивного социально-экономического развития. Их суть состояла в свободном развитии капитализма, обеспечиваемом растущим пополнением из средних слоев. Кооперация была призвана стать фактором приспособления к хозяйствованию в рыночных условиях и приобщения к «приобретательству» всех тех, кто окажется к этому способным.

Анализ социальной сущности и роли кооперации у Л. Н. Литошенко оказался очень близок к марксистскому, часто просто совпадает с ним, при прямой противоположности политических и практических установок. Это сходство начинается с отождествления рыночной экономики с капиталистической, с оценки социальной роли кооперации как «лавочки», как объединения «хозяйчиков» — как формы приспособления мелких производителей к условиям и требованиям товарного производства. Перед нами вновь возникает ситуация «двух большевизмов» — левого и правого. И как в 1917 г., под огнем критики оказываются те, кто посредине, — в данном случае теоретики кооперации, и в особенности кооперативного социализма, А. В. Чаянов и другие представители организационно-производственной школы.

Есть все основания полагать, что в чаяновском институте, где Литошенко работал по совместительству, старые споры харьковского и московского направлений аграрной мысли продолжились. Об этом, в частности, свидетельствуют сохранившиеся тезисы доклада или выступления Льва Литошенко «Нужна ли теория крестьянского хозяйства». (По содержанию и состоянию текста документ относится к самому началу 20-х гг.) Ответ на поставленный вопрос был отрицательным, поскольку

[64] *Там же.*

ку, как утверждалось в тезисах, «крестьянское хозяйство принципиально стоит в одном ряду с так называемыми капиталистическими предприятиями» и «может быть определено как мелкое земледельческое предприятие приобретательско-производственного типа», участвующее «в едином процессе ценообразования на тех же основаниях, как и крупные "капиталистические предприятия"». Реальные особенности крестьянского хозяйства, лежавшие в основе концепции организационно-производственной школы, для Литошенко были всего лишь «атавистическими пережитками» дорыночного прошлого[65]. В трактовке рыночного крестьянского хозяйства «правый большевик» шел намного дальше «левых», которые, как известно, видели в нем лишь форму, порождавшую капитализм,— «приобретательское хозяйство».

Дискуссии в чаяновском институте по инициативе Л. Н. Литошенко вырвались в открытую печать. В начале 1923 г. он публикует небольшой по объему очерк «Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства»[66]. В очерке не отрицается необходимость теории крестьянского хозяйства, но ее существующие варианты — организационно-производственный и социально-экономический — относятся к категории *эволюционных*, всего лишь раскрывающих «законы слепой эволюции», тогда как необходимо «оценить ее результаты с точки зрения положительного идеала» — *прогресса*. От «господствующей теории крестьянского хозяйства» (организационно-производственной) требовалось не только показать «основные силы его стихийной эволюции», но и сопоставлением результатов «с идеалом» установить, «какие ведут к прогрессу и какие неустанно тормозят его». Социально-экономическую теорию крестьянского хозяйства автор не рассматривал, ограничившись беглым замечанием о том, что «любимой темой» этого направления «был и остается старый спор о дифференциации крестьянства», которому «в одинаковой мере отдали

---

[65] *Центральный архив ФСБ РФ. Р.-33480, т. 13, л. 82–83.*

[66] *См.: Литошенко Л. Н. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М., 1923. 46 с.*

дань и марксисты и народники». Не останавливался ученый и на изменениях в крестьянском хозяйстве, связанных с «социалистическим опытом», отметив лишь, что они «...могут быть легко объяснены и поняты *в свете нашей теории крестьянского хозяйства. Но это тема другой работы...*»[67] (курсив наш. — *В. Д.*). «Другая работа», как мы теперь знаем, была уже написана и ждала выхода в свет...

Характерная публицистичность, проявилась и в приклеивании идеологического ярлыка «неонародничества» организационно-производственной школе, пытавшейся найти пути рыночной модернизации крестьянской экономики без разорения и бедствий основной массы населения, связанной с «трудовым» хозяйством (ведущимся собственным трудом), что вызывало у Литошенко особенное раздражение: «За вычурной терминологией, манерным языком и сложными формулами мы легко узнаем знакомые черты преклонения пред "трудовым началом", пред устойчивостью, незыблемостью и "напряженностью" этического элемента в крестьянском хозяйстве. Родство с настроением писателей народников оказывается настолько близким, что я без всяких оговорок предложил бы представителям организационно-производственной, или, как они еще себя называют, трудово-потребительной теории крестьянского хозяйства, заменить свое мудреное имя более простым и понятным названием — неонародничества»[68].

Ярлык «неонародничества», предложенный «правым большевиком», был подхвачен «левобольшевистской» литературой и сыграл весьма негативную роль и в судьбе представителей одного из передовых направлений экономической науки того времени, и в отношении к предлагавшимся ими решениям проблем сельскохозяйственного развития после совершившейся революции — после «социализации земли».

Не случайно на публикацию Л. Н. Литошенко отозвался известный русский экономист и общественный деятель С. Н. Прокопович в «Экономическом вестнике» (издавался

[67] *Там же. С. 3–5.*
[68] *Там же. С. 8.*

в Праге). В его рецензии подчеркивалась необходимость развития теории крестьянского хозяйства «и в плане закономерностей эволюции, и в плане путей и средств подъема его производительных сил, что является задачею уже не экономической теории, а экономической политики». Далее отмечалось, что «теоретическое содержание брошюры... сводится к критике организационно-производственного направления», но ее автор «совершенно не принимает во внимание» именно те работы Чаянова, «в которых эта теория была впервые сформулирована и обоснована», где содержатся «как дедуктивное, так и индуктивное» доказательства. Напоминая, что работы Чаянова основывались на анализе крестьянских бюджетов, Прокопович высказывал недоумение: заведующий бюджетным отделом ЦСУ «мог бы располагать необходимым бюджетным материалом для серьезной критики этой теории», но этого не сделал. Общая оценка литошенковской критики была негативной: «Подобная критика не действительна, она никого и ни в чем убедить не может»[69].

Прокопович находит в брошюре и положительный момент — постановку «одного из основных вопросов нашей аграрной действительности — вопроса об аграрном перенаселении»[70]. Действительно, Литошенко одним из первых экономистов России занялся этой важной и сложной проблемой, связанной с ростом крестьянского населения и с измельчанием производства, что с неизбежностью вело сельскохозяйственную страну к ухудшению продовольственного и в целом экономического положения. С вопроса об аграрном перенаселении как «органическом пороке» экономического развития России и начинается публикуемая нами книга. Именно в этом ее автор видел главные причины «оскудения деревни и экономического застоя страны». Преодоление того и другого обеспечивалось расслоением деревни и отмиранием общинных порядков, переселенческой политикой и распродажей помещичьих и государственных земель, на что и было направлено столыпинское законодательство. Совершившая-

[69] *Экономический вестник. 1923. № 2. С. 252–254.*

[70] *Там же. С. 255.*

ся на глазах ученого революция заставила признать, что «процесс экономического расслоения деревни сопровождался нарастанием недовольства слабейших элементов, вытесняемых более сильными... Восстание низших слоев крестьянства остановило благодетельный рост укрупнения хозяйств и разрежения сельского населения» (см. часть I, главу 1; часть II, главу 1). Таким оказался ответ «слепой эволюции» движению к «положительному идеалу хозяйственного прогресса»...

Нет нужды в данной связи обсуждать насколько «благодетельным» был процесс «разрежения сельского населения» посредством его дифференциации на «сильных» и «слабых». Важнее отметить констатацию «восстания низших слоев крестьянства» как главного фактора совершившейся революции. Больше того, автор поднимается до понимания «социального характера революции», создавшей «благоприятную почву» для выдвижения на передний план социалистических партий (см. часть II, главу 2).

В задачи предисловия к публикуемому исследованию не входят анализ его содержания и, тем более, оценка конкретных результатов. Мы стремились выяснить творческий путь автора до создания публикуемого исследования, представить общественную обстановку, в которой формировались его мировоззрение и восприятие эпохи, предопределившие концепцию исследования. Активное участие Л. Н. Литошенко в общественно-политических событиях своего времени, особенно в 1917–1918 гг., проявилось и в общественно-политической заостренности его аргументации, выводов и даже видения фактической картины исследуемого исторического процесса. Это было видение и восприятие *справа*, политически заостренное вполне «по-большевистски» и в этом отношении сопоставимое с политической заостренностью «лево-большевистской» публицистики того времени и выросшей из нее советской историографии.

Об идеологии публикуемой работы приходится говорить, поскольку иначе нельзя понять не только общую концепцию исследования, но и некоторые существенные особенности в освещении конкретных событий, своеобразные «смещения» фактического порядка. Назовем лишь некоторые из них.

С помощью весьма спорных аргументов доказывается, что крестьянское хозяйство «выиграло за первые годы войны» (часть I, глава 3). О том же, что происходило в 1916–1917 гг., когда, по признанию автора, крестьянство «проигрывало», говорится весьма кратко и в общей форме.

О введении хлебной разверстки царским правительством в конце 1916 г. и ее продолжении Временным правительством в 1917 г. не говорится. «Объективная необходимость вооруженной борьбы за хлеб» связывается только с большевистским режимом 1918–1919 гг. (часть II, глава 5).

Очень показательным является освещение перераспределения земли в ходе революции. Все внимание сосредоточено на негативных последствиях ликвидации крупных частнособственнических хозяйств, а результаты национализации земли и ее перераспределения крестьянством, т. е. «социализация земли» в собственном смысле слова, освещены мимоходом с использованием сведений, появившихся в литературе (см. таблицу 22). Между тем ЦСУ в 1921–1922 гг. имело уже собственные данные о перераспределении земли в ходе крестьянской антипомещичьей революции[71]. От сотрудника ЦСУ можно было бы ожидать более полного исследования статистических данных о главном в ходе и исходе крестьянской революции в России. При взгляде справа здесь виделась лишь «грубая механичность принципов раздела», разрушение крупных хозяйств и измельчание сельскохозяйственного производства (часть II, глава 4). Заметим в этой связи, что в глазах крестьян неизмеримо более грубым было хозяйствование помещиков, а самое малое увеличение их землепользования являлось необходимым условием выживания.

Подобного рода идеологическая односторонность восприятия действительности правыми была вполне эквивалентна идеологической односторонности левых, для которых главное состояло в том, что «помещиков в деревне больше нет», а зем-

---

[71] *См.: Данилов В. П. Перераспределение земельного фонда в России в результате Великой Октябрьской революции // Ленинский Декрет о земле в действии: Сб. ст. М., 1979. С. 261–310.*

ля передана тем, кто обрабатывает ее своим трудом. Об измельчении сельскохозяйственного производства как негативном следствии революционного передела земли большевистские лидеры начнут говорить лет через 10 после революции.

Конечно, уже в ходе крестьянского передела земли, сопровождавшегося возрождением традиционной общины, большевистское руководство пыталось сохранить крупные формы сельскохозяйственного производства в виде советских (государственных) и коллективных крестьянских хозяйств, создаваемых на базе бывших культурных помещичьих имений. Однако, как показывает Лев Литошенко, результат этих усилий не был сколько-нибудь значительным. Общее число крупных хозяйств в 1920 г. составляло всего 7,3% по отношению к показателям 1916 г., а площадь посева — 8,3% (см. таблицу 10). Интересны статистические данные о сравнительных размерах посевных площадей совхозов, помещичьих и крестьянских хозяйств, свидетельствующие о том, что только в потребляющих районах страны площадь посевов в совхозах несколько превышала показатели бывших помещичьих хозяйств, тогда как в производящих (хлебных) районах это соотношение было обратным — в полтора и даже два раза (таблица 11).

Очень выразительны статистические данные о коллективных хозяйствах за 1918–1921 гг. (таблицы 12–14): собственно крестьянское население в коммунах и артелях того времени не составляло и половины, другая половина приходилась на долю рабочих, служащих, кустарей, монашествующего духовенства и др. Не случайно и резкое различие в соотношении едоков к работникам в колхозах и крестьянских хозяйствах: 1,9 к 5,1. Автор убедительно показывает, что колхозы того времени служили для своих членов средством выживания, а не реализации социалистических идеалов. (Заметим все же, что в коллективистском движении того времени были и идеалисты-социалисты разного толка, толстовцы и др., но не они определяли облик его участников в целом.)

Главным предметом внимания автора публикуемой книги явилась, однако, не «социализация земли», как таковая, а «социалистический опыт» деревни в условиях «военного комму-

низма». Это и предопределяет повышенный научный интерес выполненного исследования. Мы располагаем большой и разносторонней литературой об аграрной революции в 1917–1918 гг., хотя это не свидетельствует о достаточно полном знании деревенских событий на апогее русской революции. Литература же о деревне времени «военного коммунизма» (1919 — начало 1921 гг.) бедна и в количественном, и в содержательном отношении, поскольку возможности советской историографии в исследовании негативных проявлений и последствий «военного коммунизма» были крайне ограниченными. Лишь на последнем (послесталинском) этапе ее развития появились научные конкретно-исторические исследования деревни в условиях «военного коммунизма»[72].

Для понимания концепции Л. Н. Литошенко полезно напомнить динамику общих представлений о «военном коммунизме» в советской историографии. В литературе 20-х гг. они связывались и с Гражданской войной, и с революционной устремленностью в будущее. Наиболее точно эти представления были выражены заглавием книги Л. Н. Крицмана — «Героический период Великой русской революции»[73]. Историография сталинского времени однозначно трактовала «военный коммунизм» как политику вынужденную и необходимую в условиях «осажденной крепости». Такое понимание служило немаловажным аргументом в идеологическом обосновании сталинского командно-репрессивного режима (как аналога «военного коммунизма»). В историографии послесталинского времени велась дискуссия о сущности «военного коммунизма»: была ли это попытка непосредственного перехода к коммунистическому производству и распределению, или это была политика вынужденная войной и сводившаяся в конечном итоге к продразверстке[74].

---

[72] См.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967; Юрков И. А. Экономическая политика партии в деревне. 1917–1920. М., 1980; Кабанов В. В. Крестьянское хозяйство в условиях «военного коммунизма». М., 1988.

[73] См.: Крицман Л. Н. Героический период Великой русской революции. (Опыт анализа так называемого военного коммунизма.) М., 1925.

[74] См.: Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967.

Дискуссия осталась незавершенной, но едва ли она возобновится, поскольку в «военном коммунизме» имелось и то и другое, причем в неразрывном переплете.

Для Литошенко «военный коммунизм» сам по себе был основным фактором разорения крестьянского хозяйства и общего сельскохозяйственного кризиса. Влияние войны выступало «только дополнительным фактором разрушения». В подтверждение приводились статистические данные о переменах в крестьянских хозяйствах (по числу населения, площади посева, поголовью скота) с 1917 г. по 1919 г. в губерниях «сильно затронутых» войной, «слабо затронутых» и вовсе «незатронутых» (таблица 21). Почти по всем показателям различия между названными группами губерний оказались непринципиальными. И это неудивительно, ибо влияние войны на хозяйство не исчерпывается прямыми разрушениями от военных действий. Оно включает в себя и мобилизацию в армию значительной части работоспособного населения, и обеспечение армии всем необходимым, прежде всего продовольствием — продуктами крестьянского труда. Поэтому и «незатронутые войной» губернии испытывали на себе ее разрушительное воздействие. Наиболее разрушительной для крестьянского хозяйства во всех районах страны являлась тогда продразверстка, которая строилась из расчета изъятия продуктов в норме, не превышающей излишков (но без оставления в хозяйстве каких-либо «свободных излишков»), а на практике изымала столько, сколько причиталось по разверстанной потребности государства. Тяжелейшем бременем для крестьян были трудовые повинности (гужевая, снегоочистительная и др.), прекращение товарообмена с промышленностью и целый ряд других факторов того времени. Сказанное позволяет признать целостный анализ политики «военного коммунизма» в деревне и ее последствий (без вычленения потерь от военных действий) вполне правомерным. Отметим еще одно немаловажное обстоятельство: учет любых последствий от военных действий был ограничен тогда «офици-

---

С. 20–30; Тимпельсон Е. Г. «Военный коммунизм»политика, практика, идеология. М., 1973. С. 239–269.

альной» войной между армиями красных и белых. Выяснение таких же последствий борьбы с повстанческим крестьянским движением против «военного коммунизма» («Чапанная война» в Поволжье, «антоновщина» на Тамбовщине и др.) было практически невозможно. Цензура исключала эту возможность и в 20-х, и в 80-х гг.

Публикуемая книга является наиболее полным и многосторонним статистико-экономическим исследованием состояния сельского хозяйства страны в годы Гражданской войны и «военного коммунизма». Сопоставление с предреволюционным (на 1916 г.) и предвоенным (на 1905–1912 гг.) временем показывает углубление кризиса в сельскохозяйственном производстве, растущую тяжесть государственного бремени на крестьянском хозяйстве, ухудшение продовольственного положения в 1919–1921 гг. Именно здесь дается очень ценный статистический материал, во многом впервые вводившийся в научный оборот[75].

Следует отметить системный характер статистико-экономического анализа в представляемом исследовании. Отправляясь от состояния и динамики сельскохозяйственного производства по его ведущим отраслям (таблицы 16–20), автор показывает нарастающую тяжесть продразверстки по основным видам взимаемых продуктов и их ценности — за три года рост в 2,7 раза (таблицы 24–26), тяжесть трудовых повинностей для крестьянского двора (таблицы 27–30). Далее следует статистическая картина изменений в крестьянском хозяйстве — осереднячивание на фоне общего обеднения и измельчания производства от 1917 г. к 1920 г., снижения его товарности и ликвидация рынка (таблицы 31–35, 40, 41, 45). Особое внимание исследователей привлекут материалы о сокращении производства и усилении продовольственных трудностей в 1920–1920 гг., вылившихся в конечном итоге в голод (таблицы 38, 39, 42–44).

---

[75] В советской историографии лишь книга В.В. Кабанова о крестьянском хозяйстве (1988 г. издания!) начинала анализ подобного статистического материала, в том числе и опубликованного в работах Л.Н. Литошенко. См.: Кабанов В.В. Указ. соч. С. 123–124 и др.

И статистика, представленная в перечисленных выше таблицах, и авторская интерпретация содержащихся в этих таблицах данных, конечно, станут предметом критического анализа и дискуссий в историко-экономической литературе. Но в этом состоит одно из главных условий познания. Мы не сомневаемся в том, что книга Л. Н. Литошенко внесет большой и ценный вклад в познание русской революции начала XX в., в познание истории России.

* * *

Безуспешным попыткам издания работы Л. Н. Литошенко и налаживания более тесного сотрудничества советских и американских ученых посвящена вводная статья Бертранда Патенауда. Относительно благоприятное время для научной деятельности Л. Н. Литошенко, А. В. Чаянова, Н. Д. Кондратьева, Н. П. Макарова и многих других оборвалось с началом сталинской «революции сверху» в 1929–1930 гг. Все они оказались в застенках ОГПУ. Не имело значения каких взглядов они придерживались — либеральных, как Литошенко, или социалистических, как Чаянов и Кондратьев. Всем им было предъявлено обвинение в организации и руководстве «антисоветской и контрреволюционной» трудовой крестьянской партии (ТКП).

Л. Н. Литошенко не был в числе основных обвиняемых. Следствие уже разрабатывало сценарий обвинений и вело допросы Кондратьева, Чаянова и других заключенных, когда приказом № 240 по Госплану СССР от 23 июня 1930 г. научному сотруднику Секции статистики сельского хозяйства Литошенко устанавливался оклад в 175 руб. в месяц, что по тем временам было совсем неплохо. Однако постановлением от 9 сентября 1930 г. он был уволен со службы в Госплане «с 16/VIII с. г. без выдачи выходного пособия»[76]. Следует отметить, что по документам ОГПУ срок его заключения отсчитывался с 26 июля 1930 г. Конечно, его прежняя полемика с «ненародниками» Чаяновым и другими сыграла свою роль. Приговор по делу ТКП, вынесенный коллегией ОГПУ 26 января 1932 г., был для Литошенко из самых мягких — 3 года с

[76] *РГАЭ, ф. 1562, оп. 307, д. 2161, л. 33, 34.*

зачетом предшествовавшего заключения и с заменой дальнейшего заключения высылкой в Саратов[77]. В том же 1932 г. он возвращается в Москву и устраивается на работу в Научно-исследовательский институт обмена веществ и эндокринных расстройств заведующим отделом вариационной статистики и ученым секретарем научного совета[78].

Сталинский «Большой террор» (он же «Великая чистка») не обошел большую часть представителей русской аграрно-экономической школы, отбывавших сроки тюремных заключений и ссылок с 1930 г. В 1937–1938 гг. были расстреляны не вышедший из тюрьмы Н. Д. Кондратьев и не вернувшийся из ссылки А. В. Чаянов. 7 января 1938 г. был арестован в Москве Л. Н. Литошенко. Вместе со старым большевиком А. И. Мураловым и бывшим меньшевиком А. В. Тейтелем ему было предъявлено обвинение «в том, что, будучи участником антисоветской организации ТКП, вел организационную контрреволюционную работу», стремясь «к воссозданию» ТКП. 9 апреля 1938 г. Особое совещание НКВД постановило на основании ст. 58–10 и 58–11 УК РСФСР заключить его «в исправительно-трудовой лагерь сроком на восемь лет, считая срок с 7/I-38»[79]. В одном из лагерей Северо-Восточного края (Колыма) Л. Н. Литошенко умер 27 ноября 1943 г.

Поставить точку на этой дате мы не можем. Освобождение советского общества от сталинской командно-репрессивной диктатуры с весны 1953 г. сопровождалось не только «хрущевской оттепелью», включавшей массовое освобождение заключенных ГУЛАГа, но и начавшимся пересмотром «уголовных дел», реабилитацией необоснованно репрессированных и погибших в сталинском терроре. Волна реабилитации дошла и до второго «уголовного дела» Литошенко. Вот «Заключение (по вновь открывшимся обстоятельствам) по делу Литошенко Л. Н.», направленное 11 апреля 1961 г. заместителем генерального прокурора СССР Мишутиным в су-

---

[77] *Центральный архив ФСБ РФ. Р-33480, д. 604432, т. 2. л. 71.*

[78] *Там же. Р-27775, д. 16678, л. 1, 10–11.*

[79] *Там же, л. 8, 11–12, 17–24.*

[80] *Центральный архив ФСБ РФ, Р-27775, д. 16678, л. 29–31.*

дебную коллегию по уголовным делам Верховного суда РСФСР. Из трехстраничного документа приведем лишь начало — там с предельной ясностью сказано главное:

«Литошенко Л. Н. по данному делу осужден необоснованно. Поэтому, руководствуясь ст. ст. 384-388 УПК РСФСР, прошу постановление Особого совещания при НКВД от 9 апреля 1938 г. в отношении Литошенко Льва Николаевича отменить, дело прекратить производством ***за отсутствием события преступления»***[80] *(курсив полужирный мой.— В. Д.)*

16 мая 1963 г. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР приняла «Определение», которым отменялось постановление от 9 апреля 1938 г. в отношении Л. Н. Литошенко[81]. Однако это была частичная реабилитация. Осужденные по процессу ТКП были реабилитированы лишь 16 июля 1987 г.

В. П. Данилов

[81] *Там же, л. 32–33.*

Лев Литошенко и дело Русского института

Замечательная рукопись Льва Николаевича Литошенко, написанная им в 1922 г. и посвященная первоначальной аграрной политике большевиков, пролежала в неизвестности в Гуверовском архиве Стэнфордского университета в Калифорнии в течение нескольких десятилетий. Каким образом неопубликованная работа московского экономиста-аграрника, обойдя полсвета, оказалась в американском университете — это пролог к интересному и в значительной мере забытому эпизоду ранней истории советско-американских культурных отношений. Волей судьбы Литошенко оказался в центре событий, печальное завершение которых было лишь началом периода личных неприятностей и, в конце концов, трагедии для автора[1].

Началом истории послужил жесточайший голод, который поразил Советскую Россию в 1921 г., голод, причины которого были одним из предметов исследований Литошенко. Правительство Ленина оказалось неспособным справиться с ситуацией собственными силами и обратилось за иностранной по-

[1] *Я хочу поблагодарить Давида Энгермана за его исследовательскую работу в государственных архивах России. Рукопись Литошенко находится в бумагах Фрэнка А. Гольдера, в архиве Гуверовского института Стэнфордского университета (43 коробки), коробки 33, 34.*

мощью. США, под руководством министра торговли и будущего президента Герберта Гувера, приняли двухлетнюю программу продовольственной и медицинской помощи АРА (American Relief Administration). В результате деятельности АРА удалось спасти миллионы жизней и предотвратить распространение голода и эпидемий.

Управление АРА силами 200 своих сотрудников и свыше 125 000 местных работников развернуло деятельность на огромной территории от Белоруссии и Украины до границ с Сибирью, причем особое внимание уделялось районам, в наибольшей степени пострадавшим от голода, а именно Поволжью и Южной Украине.

Среди сотрудников Управления АРА было двое старших так называемых «специальных следователей». Один из них — Линкольн Хатчинсон, экономист с факультета Калифорнийского университета в Беркли. Хатчинсону, как старшему экономическому представителю миссии АРА в России, было поручено определить причины и масштабы голода, размеры и вид необходимой помощи, направление советской аграрной политики и прогнозы на будущие урожаи. Одной из наиболее сложных задач для него стал сбор точных статистических данных по сельскому хозяйству, поскольку официальная советская статистика считалась ненадежной. В штаб-квартире АРА в Москве остро не хватало талантливых специалистов, которые могли бы помочь в получении достоверной статистической информации и ее правильной интерпретации.

Естественно, что в поисках такой помощи Хатчинсон и его коллеги-экономисты из Управления АРА обратились к специалистам-немарксистам по сельскому хозяйству, базой для большинства из которых служила Петровская (с 1923 г. — Тимирязевская) сельскохозяйственная академия, кроме того многие из них работали в различных экономических структурах советского правительства. Поэтому неизбежной была встреча американцев с Львом Литошенко, который работал в это время в Центральном статистическом управлении по вопросам сельского хозяйства. Известно, что он передал

американцам машинописный вариант настоящей рукописи. Этот материал был переведен на английский язык для внутреннего пользования в Управлении АРА.

Примерно в то же время (вероятно, в первые месяцы 1922 г.) Литошенко познакомился (возможно, через Хатчинсона) с еще одним «специальным следователем» — Фрэнком Гольдером, профессором истории Стэнфордского университета. Гольдер родился в Одессе в 1877 г. и еще ребенком был привезен в США. Здесь он стал стал одним из лучших американских специалистов по русским вопросам. В 1914 и 1917 гг. он проводил исследования в архивах Петрограда и Москвы, опубликовал книгу и несколько статей по истории внешней политики России и одно время был советником по российским делам при правительстве США[2].

Благодаря своему тесному знакомству с учеными и официальными лицами и работе в архивах России он в 1920 г. стал сотрудником Военной библиотеки Гувера (позже — Института Гувера) в Стэнфордском университете, которая была основана Гербертом Гувером в 1919 г. как хранилище документов, относящихся к причинам Первой мировой войны. Гольдер находился в Восточной Европе, выполняя первое задание по сбору документов для библиотеки, когда в августе 1921 г. он был включен в состав первого контингента американских работников по оказанию помощи России.

Гольдер внес существенный вклад в работу АРА, совершая вместе с Хатчинсоном многочисленные поездки с целью изучения обстоятельств голода, однако его основная обязанность состояла в сборе документов для Библиотеки Гувера. Используя свои обширные связи с учеными и официальными лицами старого режима, а также, в некоторой степени, с помощью АРА, которая налаживала контакты с новым большевистским руководством, он смог собрать огромную коллекцию официальных и неофициальных публикаций, включая полные подшивки многих газет и журналов начиная с 1917 г.

---

[2] *См.: War, Revolution, and Peace in Russia: The Passages of Frank Golder, 1914–1927 / Red. Terence Emmons and B. M. Patenaude. Stanford, 1992.*

В течение почти двухлетнего пребывания в Советской России, Гольдеру удалось собрать для Гуверовского Института материалы по ранней советской истории, которые и до настоящего времени составляют лучшую коллекцию на Западе.

Среди документов, собранных и отправленных в Стэнфордский университет Гольдером, находилось несколько рукописей, в том числе дневники периода революции, которые вели московский историк Юрий Владимирович Готье и петроградский архивист (позже главный архивист Академии наук СССР) Георгий Алексеевич Князев[3]. Вместе с этими материалами было отправлено из России и настоящее исследование; с тех пор оно находилось среди бумаг Гольдера в архиве Гувера. Эта рукопись, конечно, не была единственной копией работы Литошенко, но, возможно, это единственный экземпляр, сохранившийся до нашего времени.

* * *

Гольдер вернулся в США летом 1923 г. и начал разбирать собранную им в России огромную коллекцию материалов, намереваясь найти им практическое применение. Он уехал из Советского Союза, будучи убежденным в том, что американским ученым необходимо изучать русскую революцию во всех ее политических, экономических и социальных аспектах, и он полагал, что коллекция Гувера может стать основой центра по проведению и публикации таких исследований. Для достижения этой цели он, с помощью ректора Стэнфорда, в 1925 г. получил для Стэнфорда небольшой грант — первую дотацию на проведение в США изучения России[4].

Гольдер назвал свой проект «Институт русской революции», предполагая, что он станет постоянным центром по изучению России в Стэнфорде. Он намеревался использовать свои

---

[3] *Дневник Готье был впервые опубликован как Time of Troubles: The Diary of Iurii Vladimirovich Got'e / Transl., red. and pref. by T. Emmons. Prinston, 1988.; русское издание вышло в 1997 г.: Готье Ю.В. Мои заметки. М.: Терра, 1997. Дневник Князева находится в бумагах Гольдера, коробка 21.*

[4] *Этот грант, предоставленный в мае 1925 г. Фондом памяти Лауры Р. Спелмани Рокфеллер, составлял 12 тыс. долл. и должен был быть потрачен в течение двух лет с соответствующими квотами в 6 тыс. долл. из Стэнфорда.*

связи в России, чтобы привлечь к работе советских ученых и исследователей и с их помощью получить доступ к советским архивам. Он понимал, что для этого ему необходимо сотрудничество или, по крайней мере, невмешательство советского правительства. Вначале он изложил эту идею в письме историку и заместителю Наркома просвещения Михаилу Покровскому, который оказал ему большую помощь при сборе официальных советских публикаций во время голода. Хотя Покровский выразил скептицизм по поводу возможности подлинного сотрудничества между американскими и русскими (под которыми он, вероятно, понимал «большевистских») учеными, он поддержал проект Гольдера.

Гольдер посетил Ленинград и Москву в сентябре 1925 г., приняв приглашение участвовать в праздновании 200-летия Российской академии наук. Однако его основной задачей была организация официального участия СССР в работах Института русской революции. Очевидно, Гольдер хотел передать проект в Комиссариат просвещения и поэтому вначале обратился к Покровскому; однако несмотря на то, что последний должен был лично принять участие в той работе, в Москве Гольдер был направлен во Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) — отделение Наркомата иностранных дел. Президентом ВОКСа была Ольга Давидовна Каменева, жена советского лидера Льва Каменева и сестра Льва Троцкого. Это она вместе с Покровским вела первые переговоры с Гольдером во время его приезда в 1925 г.

В ВОКСе Гольдер изложил свой план проведения совместной американо-российской работы по исследованию русской революции, под которой он в широком смысле понимал революционные события с 1917 г. «Главная цель исследования, — писал он в кратком изложении проекта, представленном в ВОКС на русском языке, — будет заключаться в систематическом описании истории социально-экономических мероприятий последних 8 лет...»[5] Его идея сотрудничества

[5] *Без заголовка и без даты (сентябрь 1925 г.) этот текст на русском языке хранится в фондах Института Гувера (HIR, box 94, folder «Negotiations»).*

(которая, вероятно, окончательно сформировалась только в процессе переговоров в Москве, поскольку его письменное предложение в ВОКС менее амбициозно в этом отношении) состояла в том, чтобы пригласить русских ученых в Стэнфорд для работы с американскими специалистами; русские ученые выполняли бы основные исследования, используя советские архивы, после чего они привозили бы свои материалы в Стэнфорд, где совместно с американскими учеными писали бы свои исследования, пользуясь также материалами, хранящимися в Библиотеке Гувера. Затем Русский Институт опубликовал бы исследования на английском языке.

Подоплекой идеи совместных исследований для Гольдера было нечто значительно большее, чем простое желание установить советско-американское сотрудничество. Каждая сторона могла внести свой существенный вклад: советские ученые привнесли бы в работу лучшее, чем у американцев, знание фактического материала и близкое знакомство с советскими учреждениями; американцы обеспечили бы, как пишет Гольдер, «тот объективный и спокойный характер изложения, который невозможно требовать от непосредственных участников революции»[6]. Он неоднократно подчеркивал, что институтские исследования должны быть «объективными» и «научными».

Гольдер обсуждал с Каменевой и Покровским идеи организации совместного Стэнфорд/ВОКС совета директоров института, который он теперь начал называть «Российско-американским институтом». Однако Каменева сказала, что ей необходимо время, чтобы ознакомить с этой идеей работников советских учреждений, и, таким образом, создание официальной организации было отложено. Тем не менее стороны пришли к соглашению в принципе и обсудили перечень тем и кандидатуры авторов первых институтских исследований.

По возвращении в Стэнфорд Гольдер получил от Каменевой письмо, датированное 12 ноября, в котором она сообщала, что показала составленное им краткое содержание про-

[6] *HIR, box 94, folder «Negotiations».*

екта в нескольких институтах и что там «неизменно выражали большой интерес к предложению. Кажется, время созрело для того, чтобы предпринимать конкретные шаги в данном направлении»[7]. Каменева просила Гольдера более детально разработать его предложение, что было необходимо для официальной организации Института и составления программы его работы.

Но вместо того чтобы ждать, пока будут разработаны детали, Гольдер сразу же предпринял первые «конкретные шаги», исходя из предварительного соглашения с Каменевой. В предложении, которое он в письменной форме представил ВОКСу в Москве, он рекомендовал две темы для первых институтских исследований: Февральская революция и «история земельных отношений за последние восемь лет». Несомненно, Гольдер предложил вторую тему, имея в виду Литошенко, и он, Гольдер, должно быть, подал Каменевой идею относительно приглашения Литошенко в Стэнфорд, хотя она, вероятно, и не знала о рукописи 1922 г. (Гольдер и не сказал бы)[8]. В любом случае, как только он получил письмо Каменевой, он добился того, что ректор Стэнфордского университета назначил Льва Литошенко лектором по истории (Lecturer in History) в Стэнфорде на один год, начиная с 1 июня 1926 г.[9]

Почему Гольдер выбрал экономиста для проведения первого исследования в Институте? Он сам был историком и начиная с 1914 г. имел тесные личные и профессиональные свя-

---

[7] *HIR, box 94, folder «Negotiations».*

[8] *Каменева, как минимум, знала об интересе Гольдера к Литошенко, потому что Лев Николаевич был включен в список вероятных участников с советской стороны, который Гольдер приложил к своему предложению. Помимо Литошенко, список включал следующие имена: В. П. Волгин, М. Н. Покровский, А. И. Яковлев, Д. М. Петрушевский, А. М. Гинзбург, Л. Б. Кафенгауз, С. А. Фалькнер, И. Т. Смилга, С. М. Дубровский, И. А. Теодорович, А. В. Чаянов, З. С. Каценеленбаум, Д. П. Кузовков, Г. Я. Сокольников, П. П. Гензель, В. Н. Шретер, Б. Д. Плетнев, Е. Н. Данилова, М. А. Рейзнер, А. Н. Тройнин, С. А. Котляревский, А. Г. Гойхбарг, К. Радек, А. В. Луначарский, О. Д. Каменева, Ф. Н. Петров, С. Ф. Ольденбург, Г. В. Цыпаревич, В. П. Милютин.*

[9] *Рей Лайман Уилбур к Литошенко, 8 декабря 1925 г. HIR, box 94, folder «Litoshenko».*

зи с русскими историками, и можно было бы предположить, что он пригласит в Стэнфорд одного из них или, по меньшей мере, предложит некоторым из них членство в Институте. Однако во время его пребывания в Советской России в 1921–1923 гг., а затем во время его визита в 1925 г. Гольдер видел, что историки-немарксисты насильно отстранялись от культурной жизни в СССР, многие из них уже потеряли свои должности (или были близки к увольнению). Они оказались вне советской системы и в результате в целом были настроены против власти большевиков.

В противоположность им, экономисты-немарксисты, такие как Литошенко, чьи услуги ценились советским правительством, которое использовало их как «специалистов» и позволяло им применять свой опыт для конструктивного восстановления разрушенной экономики, были профессионально активны и заняты в советской системе. Экономисты-аграрники, в частности, процветали с 1917 г.: исследования по сельскому хозяйству получали щедрую государственную поддержку. Институт сельскохозяйственных исследований А. В. Чаянова при Тимирязевской академии являлся в начале 1920-х гг. исследовательским отделением Народного комиссариата сельского хозяйства[10]. Приход нэпа, в основе которого лежало желание поддерживать хорошие отношения с крестьянством и обещание развивать сельское хозяйство без принуждения, казалось, сделал положение экономистов-аграрников наиболее надежно защищенным.

Именно таких ученых, которые не были марксистами, но могли сосуществовать с большевистскими властями, Гольдер надеялся привлечь в Институт для исследований «социально-экономических мероприятий» советского правительства с 1917 г. (они действительно преобладали в предложенном Гольдером списке возможных участников работ). Он полагал, что таким образом ему удастся избежать полити-

---

[10] *См.: Solomon S. Rural Scholars and the Cultural Revolution // Cultural Revolution in Russia, 1928–1931 / Red. Sheila Fitzpatrick. Bloomington, 1978. P. 132. Мои общие рассуждения относительно экономистов-аграрников в 1920-х гг. частично взяты из этой очень хорошей статьи.*

ческих проблем и не обидеть большевиков. В своем предложении он писал: «Чисто политические вопросы изучению не подвергаются. Равным образом, по возможности оставляются в стороне и вопросы идеологических предпосылок, лежащих в основе тех или иных мероприятий».

Трудно судить о том, как строго собирался Гольдер придерживаться этого принципа, но если он планировал поручить Литошенко написать исследование «земельного вопроса», очень напоминавшее настоящую рукопись (и последующие события показывают, что это было действительно так), тогда все это мероприятие вело к неприятностям. Основная причина того, что рукопись Литошенко 1922 г. оказалась столь ценной, состоит в том, что она выявляет политические и идеологические факторы, стоящие за аграрной политикой большевиков в 1917–1922 гг.

Ученые-тимирязевцы смогли занять место в советском правительстве частично потому, что их исследовательские интересы были сфокусированы на уровне микроэкономики , главным образом на изучении деятельности небольшой семейной фермы, что позволило им в течение некоторого времени оставаться вне политики. Работа самого Литошенко была такого же типа, однако это не относится к его рукописи 1922 г., которая представляла собой широкое описание процесса формирования аграрной политики и которую он никогда бы не решился опубликовать в Советской России. Его исследование потребовало учета политических и идеологических аспектов принимаемых большевиками решений — и, очевидно, именно подобного рода работу хотелось бы Гольдеру получить для Института от Литошенко.

Кроме того, план Гольдера содержал еще одно противоречие. Гольдер знал (как он писал в 1925 г. об Институте в одном из внутренних документов Стэнфорда), что советские ученые, даже экономисты, «не осмелятся говорить свободно у себя дома», поэтому предполагал, что на Западе они смогут беспрепятственно выражать свое мнение. Он полагал (как писал в том же документе), что «ответственность за выводы,

к которым придут [советские ученые] и их американские коллеги, будет возложена на последних»[11]. Неясно, как мог он думать, что советские ученые, пишущие на Западе, будут освобождены от ответственности за публикации, подписанные их именами. Более того, в предложении, переданном им в ВОКС, он писал, что «Каждая намеченная к печати работа в рукописи представляется на просмотр компетентного учреждения в СССР». Таким образом, он оставлял открытой дверь для любого рода неприятностей в будущем.

Гольдер не был наивным в отношении большевистской власти, но он, кажется, считал, что, несмотря на все неизвестности и неопределенности его проекта, он должен быстро двигаться вперед, пока есть возможность, и попутно разрешать возникающие сложности. Он осознавал опасность, скрывающуюся под поверхностью нэпа. Иначе в своем письме Каменевой от 27 декабря 1925, в котором он сообщил ей о назначении Литошенко на факультет Стэнфордского университета, он не счел бы необходимым попросить ее, чтобы она «поддержала его [Литошенко] в решении принять назначение и убедила его в том, что ему нечего бояться»[12].

* * *

Литошенко и его жена, Елена Александровна, прибыли в Стэнфорд 24 июня 1926 г. Неделю спустя Гольдер писал Покровскому: «Я хочу поблагодарить Вас за то, что вы прислали к нам профессора Литошенко, который уже прибыл и теперь работает»[13]. Через год Литошенко с помощью Линкольна Хатчинсона закончил рукопись на 593 страницах, посвященную аграрной политике большевиков с 1917 г. по 1927 г.[14]

---

[11] *Программа изучения русской революции. HIR, box 94, folder «Pokrovsky».*[12] *HIR, box 94, folder «Negotiations».*

[13] *Гольдер Покровскому, 30 июня 1926 г. Ib., box 95, folder «Pokrovsky».*

[14] *Эта рукопись называлась «Аграрная политика в Советской России до принятия пятилетнего плана». В переплетенном переводе на английский язык, который хранится в Архиве Гувера, авторами указаны Литошенко и Хатчинсон, причем последний редактировал и переводил весь документ. Однако Литошенко был основным автором и первоначально в опубликованной книге должно было стоять только его имя. Собрание Л. Н. Литошенко в архиве Института Гувера, 6 коробок.*

Рукопись 1927 г. является расширенным вариантом истории, предлагаемой в настоящей рукописи, и сохраняет ту же основную интерпретацию раннего послереволюционного периода. Однако ее общая тональность значительно мягче, так как предполагалось, что это будет совместная с советским правительством публикация. Этот факт, а также включение большего числа простых статистических данных, несомненно, явилось попыткой продемонстрировать «объективность» и делает вторую рукопись в целом менее интересной, чем первая. Тем не менее, как обзор советской аграрной политики в течение всего времени вплоть до сталинской «чрезвычайщины» и как изложение интерпретации Литошенко перспектив нэпа, это — ценный документ.

Так же как и в предлагаемой рукописи, Литошенко резко критиковал аграрную политику большевиков в эпоху военного коммунизма, а нэп он представлял в стиле Бухарина, показывая, что Ленин в последние годы жизни кардинально изменил свои взгляды на весь процесс строительства социализма. При таком крутом повороте взглядов основатель советского большевизма избрал концепцию «эволюционного» перехода к социализму; ее ядро — идею «мирного сотрудничества с крестьянством» — Литошенко считал «наиболее важной составляюшей всей схемы "ленинизма"» (с. 316). *(Здесь и далее указаны страницы рукописи. — Ред.)*

Возможно, что эти и другие места рукописи были лишь сознательной попыткой привлечь внимание бухаринского крыла партии (тогда набиравшего силу в Москве), завуалировав рукопись бухаринским «ленинизмом». Если же это не так, в рукописи есть много других мест, которые совершенно ясно показывают, что автор вряд ли был истинным бухаринцем. Литошенко обнаружил одно из основных противоречий нэпа, которое, по его мнению, делало нэп неподходящей программой для дальнейшего экономического развития СССР. Политика советского правительства, писал он, направлена на то, чтобы препятствовать расслоению крестьянства при помощи прогрессивного налогообложения и контроля за ценами, что подавляет желание крестьян расширять производство. И пока

государство направляло свою политику против верхних слоев крестьянства, т. е. против владельцев крупных личных хозяйств, оно сохраняло мелкомасштабное хозяйство (или мелкофермерское умонастроение) и, таким образом, сдерживало создание годных для продажи сельскохозяйственных излишков, которые были необходимы для индустриализации.

По мнению Литошенко, решение проблемы состояло в том, чтобы позволить дифференциации благосостояния на селе идти своим путем: «Теперь ясно, что вопрос не может быть решен ни дополнительным наделением, ни выселением избыточного населения, ни пропагандой интенсификации, ни помощью государства. Параллельно с этими паллиативными средствами должны быть открыты также пути для естественных процессов экономического расслоения крестьянства, обеспечивающих возможность для возникновения более крупных хозяйственных единиц и для свободы перемещения... Логика индустриализации, какой она планировалась... неизбежно проводила к признанию необходимости устранения препятствий в ограничении доходов крестьянства, но такая логика еще не была официально признана» (с. 593).

Некоторые руководители призвали к решению этой проблемы путем коллективизации сельского хозяйства, однако эти планы, казалось, были отвергнуты внутри партии: «Замена 23 миллионов индивидуальных ферм государственными хозяйствами считается неосуществимой мечтой, и любая попытка провести такую замену угрожает возникновением голода и дальнейшей дезорганизацией социалистической промышленности» (с. 58). Однако идеологические убеждения большевиков помешали развитию капитализма на селе, и большевики настояли на принятии полумер, направленных на постоянную социализацию сельского хозяйства и на «подчинение деятельности миллионов индивидуалистических земледельцев общим задачам планового государственного хозяйства» (с. 593).

Литошенко скептически относился к тому, что правительство сможет продолжать проведение этой политики на селе и одновременно осуществлять индустриализацию, необходимую

для движения страны вперед. В 1927 г., когда он заканчивал свое исследование, период реконструкции советской экономики близился к завершению, поскольку многие отрасли советской промышленности вышли на довоенный (до 1914 г.) уровень выпуска продукции. Это было достигнуто, конечно, на базе существующих предвоенных заводов и оборудования; дальнейший рост промышленности требовал дополнительных капиталовложений. Литошенко считал, что советская экономика находится на распутье: «Ближайшее будущее должно показать, возможно ли развитие народного хозяйства на основе этой формулы или сама формула радикально изменится под влиянием естественного хода событий» (с. 593).

После завершения работы Литошенко и его жена покинули Стэнфорд и направились на восток, в Вашингтон, где Литошенко ознакомился с собранием библиотеки конгресса, и далее в Нью-Йорк, а затем отплыли в Европу[15].

* * *

В тот период, когда Литошенко завершал свое исследование, Гольдер получил известие о новом гранте из фонда Рокфеллера, который вместе с равноценным грантом из Стэнфорда составлял 23 500 долл. ежегодно в течение следующих пяти лет и был предназначен для поддержки Российско-американского института. Это было как раз время для официального оформления Института путем создания совместного (Стэнфорд/СССР) совета директоров, подписания договора с советскими учеными на проведение исследований, на приезд в Стэнфорд и организацию издания институтских исследовательских работ. Первой из них была работа Литошенко. Это означало, что нужно было снова ехать в Москву.

Гольдер и Хатчинсон приняли приглашение ВОКСа присутствовать на праздновании 10-й годовщины Октябрьской рево-

---

[15] *В Нью-Йорке Литошенко попытался — но неизвестно, насколько успешно, — найти своего бывшего учителя Иосифа Марковича Гольдштейна (1869–1939), хорошо известного до революции экономиста, который эмигрировал в США в 1918 г. Будучи профессором политэкономии на юридическом факультете Московского университета (с 1906 г.), Гольдштейн обучал Литошенко, а также, среди других его сверстников, Л. Б. Кафенгауза и Л. Н. Юровского.*

люции. По прибытии в Москву, они сразу же заметили существенные политические перемены, которые происходили в стране, когда левая оппозиция Троцкого, Каменева и Зиновьева была уже почти разгромлена сталинско-бухаринским блоком. В результате не удалось согласовать работу с ВОКСом, где Каменева (а ее брат и муж были во главе потерпевшей поражение оппозиции) «имела большие неприятности», по выражению Гольдера[16]. Более того, вопрос о крестьянской политике был в центре внутрипартийной фракционной борьбы, и это делало неясным будущее рукописи Литошенко.

Гольдер почувствовал неловкость ситуации в ВОКСе, где было принято решение передать рукопись Валериану Осинскому, главе Центрального статистического управления. Это был тот самый Осинский, который в период военного коммунизма состоял в Комиссариате по продовольственному снабжению и чье имя связывалось с некоторыми наиболее радикальными мероприятиями начальной аграрной политики большевиков, в том числе с планом «государственного регулирования сельского хозяйства», представленным к концу 1920 г. В рукописи 1927 г. Литошенко характеризует «великую кампанию» Осинского как наиболее утопическую из всех большевистских аграрных программ до отступления к нэпу (хотя он делает это с менее явным пренебрежением, чем в данной рукописи). И, по иронии судьбы, именно Осинскому теперь предстояло решать судьбу рукописи. (Можно предположить, что он имел личные мотивы препятствовать публикации, хотя ни в одном из документов об этом не упоминается.)

Со времени перехода к нэпу Осинский присоединился к Бухарину как к одному из наиболее умеренных большевиков в области аграрной политики и, возможно, обнаружил в рукописи многое, чему симпатизировал. Однако даже несмотря на то, что «анти-крестьянская» левая оппозиция прибли-

---

[16] *Докладная записка Гольдера, без указания даты, адресованная Рею Лайману Уилбуру, по поводу его визита в Москву в 1927 г. HIR, box 94, folder «Agreement». — Приводимое здесь описание переговоров 1927 г. основано на этой докладной записке и сопутствующих документах, за исключением тех случаев, когда делается специальное примечание.*

жалась к своему поражению во второй половине 1927 г., вопрос о крестьянской политике вызвал такие разногласия, что даже бухаринское крыло партии, которое вскоре откололось от своих сталинских союзников именно из-за этого вопроса, уже не чувствовало себя в безопасности. Как писал Гольдер, «борьба внутри партии достигла той стадии, когда ее члены не вполне уверены в том, на чьей они стороне и что им делать. То, что сегодня является хорошей коммунистической теорией, завтра может оказаться непростительной ересью».

В первые месяцы 1927 г. коллеги Литошенко — экономисты-аграрники — подверглись нападкам со стороны так называемых аграрников-марксистов за то, что сосредотачивали внимание на мелких товаропроизводителях (в противоположность колхозам). Эти аграрники-марксисты — «младотурки» в области сельскохозяйственных исследований — были в основном недавними выпускниками Тимирязевской академии. Это был первый «залп» того развернувшегося в 1928 г., в начале «культурной революции», наступления на ученых-немарксистов. Когда Литошенко вернулся в Москву в конце 1927 г., он увидел, что его коллеги отступили. Он хотел как-то уладить дела, но его рукопись препятствовала этому. Что бы Осинский-экономист ни думал о ней, Осинский-политик не мог одобрить ее публикацию в такой острый момент.

В центре переговоров, которые вел Гольдер в Москве, было два взаимосвязанных вопроса: приемлемость рукописи Литошенко и создание административной структуры для Института, что включало очень важный момент: разработку процедуры редакции институтских публикаций. Что касается исследования Литошенко, то Осинский уверял, что он найдет в нем серьезные недостатки, и Гольдер и Хатчинсон обнаружили, что куда бы они ни пошли, везде уже знали об этом мнении Осинского. Одновременно Гольдер вел изнурительные переговоры по поводу организации Института с Осинским, Покровским, Каменевой и Федором Ротштейном из Комиссариата иностранных дел.

Для Гольдера было крайне необходимо перед отъездом из СССР добиться официального соглашения между Стэнфор-

дом и Советским правительством. Без такого документа было бы почти невозможно убедить ученых-немарксистов, подобных Литошенко, в том, чтобы они поехали в Стэнфорд, написали и опубликовали свои научные труды, не опасаясь каких-либо форм преследования со стороны правительства. Среди ученых, которых Гольдер намеревался пригласить в ближайшее время, наибольшей известностью пользовались экономисты Лев Борисович Кафенгауз, который должен был разработать «Историю промышленности в России, 1917–1927 гг.», и Леонид Наумович Юровский — ему предстояло изучить денежную политику в России. Среди них также были два ученых из Комиссариата просвещения: Николай Иванович Леонов — темой его исследования стала советская национальная политика — и Сергей Александрович Зилов, изучавший положение женщин и детей в СССР.

В 1925 г. Гольдер уже беседовал с этими и другими учеными об их участии в работах будущего Института и его предложение было встречено с энтузиазмом. Но теперь, в 1927 г., было очевидно, что политическая атмосфера внутри страны этот энтузиазм поубавила, а события в Европе побудили их настороженно относиться к любому сотрудничеству с иностранцами: разрыв дипломатических отношений с Англией в мае 1927 г. и убийство двумя неделями позже советского посланника в Польше наряду с прочими событиями стали основой поощряемого правительством военного психоза. Гольдер так писал об этих ученых: «Как только мы приглашали их к сотрудничеству, их первый вопрос был о том, какие мы можем дать им гарантии того, что их работа с иностранцами не будет рассматриваться как шпионаж и не навлечет на них неприятности». Они опасались, что за время отсутствия в Москве, они, как минимум, потеряют свои должности. Им необходима была уверенность в том, что их пребывание в Стэнфорде будет официально считаться «научной командировкой», а это могло быть гарантировано лишь в том случае, если бы Гольдеру удалось связать ВОКС (и, следовательно, Комиссариат иностранных дел) официальным соглашением.

Однако не только беспартийные ученые не чувствовали себя в безопасности. Проведя несколько недель в хождениях по пра-

вительственным учреждениям, Гольдер понял, что «страх поселился» среди советских служащих. Даже нарком иностранных дел Г. Чичерин и его заместитель М. Литвинов давали уклончивые ответы. В своем дневнике Гольдер записал: «Создается впечатление, что все боятся взять на себя ответственность»[17].

Среди организационных вопросов самым острым был вопрос о разрешении редактирования институтских публикаций. Гольдер, стремясь сохранить авторские права, предложил, что в случае возражений (неважно, с российской или американской стороны) по поводу содержания рукописи возражающая сторона пишет и публикует в качестве приложения к исследованию опровержение (объемом не более 10% от оригинальной рукописи). Осинский и Ротштейн высказались за создание «смешанной арбитражной комиссии» для выработки «нейтральной линии», а Гольдер, конечно, не мог согласиться с таким заявлением. ВОКС предложил оставить вопрос о редакционном разрешении открытым, но Гольдер отклонил это, предвидя «бесконечные диспуты и трудности с каждой рукописью»[18].

После длительных переговоров Гольдер уехал из Москвы с пустыми руками. 14 ноября, из Риги, он написал Чичерину: «Несмотра на все приложенные усилия, из моей миссии в России ничего не вышло»[19]. Однако, возвратившись в Стэнфорд и просто не желая отказываться от всего, за что он боролся, Гольдер решил согласиться с проектом соглашения, который он разработал в Москве с Осин-

---

[17] *Бумаги Гольдера, запись в дневнике от 11 ноября 1927 г. HIR, box 4.*

[18] *На самом деле 14 октября Коллегия народного комиссариата иностранных дел (НКИД) обсуждала такой вариант соглашения со Стэнфордом и постановила «считать возможным согласиться с предложением проф. Гольдера». Этот пересмотренный вариант предусматривал исключение условия, которое руководство считало неприемлемым т.е. обязательство, что ученым Института оно обеспечивает «полную свободу в формулировке результатов исследований». ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 80, л. 111, 141. Постановления НКИД было недостаточно для Каменевой, которая 31 октября написала Чичерину и остальным членам Коллегии НКИД, требуя официального решения по данному делу. Там же, л. 139.*

[19] *Там же, л. 176. В тот же самый день Гольдер написал Ротштейну: «Я разочарован, что хорошее дело породило плохой конец». HIR, box 94, folder «Agreement».*

ским и Ротштейном (от 9 ноября) и в котором не упоминался вопрос арбитражного решения редакционных споров, «исходя из предложения», как это сформулировала Каменева, «что таковые либо не возникнут совсем, либо выре-шатся благополучно по обоюдному соглашению».

5 января 1928 г. Гольдер телеграфировал в Москву о том, что он принимает соглашение Стэнфорд/ВОКС. Политбюро одобрило проект 20 января, и в тот же самый день Каменева в телеграмме в Стэнфорд подтвердила свое одобрение. Это было официальным учреждением Российско-американского института[20].

* * *

Как Гольдер понимал, чтобы проверить действие соглашения Стэнфорд/ВОКС, нужно тотчас пересмотреть рукопись Литошенко и подвергнуть испытанию вопрос арбитража. Поэтому первоочередной задачей стало обеспечение приезда Литошенко в Стэнфорд, где он переработал бы свой труд в соответствии с предложениями Осинского[21].

Однако развитие событий в СССР препятствовало реализации даже этих скромных планов. Нехватка поставок зерна привела в январе и феврале к вводу чрезвычайных мер, напоминавших изъятие зерна в период военного коммунизма. Это было только первым из серьезных шагов, которые в конце 1929 г. привели советское руководство к попытке осуществить коллективизацию сельского хозяйства и, таким обра-

---

[20] ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 125, л. 51–51об., 60–61; HIR, box 94, folder «Kameneva». В письме Каменевой от 9 января Гольдер написал, что, как только она сообщит о своем одобрении, он вышлет ей на подпись две копии соглашения от 9 ноября, одну из которых она должна будет вернуть в Стэнфорд (хотя Гольдер давал ей возможность не подписывать их до его возвращения в Москву в следующем году). В архивах Гувера нет ни одной подписанной копии, как нет и никаких свидетельств того, что Гольдер послал ей обещанные копии.

[21] Гольдер написал Каменевой, что необходимо, чтобы Литошенко приехал в Стэнфорд к осени. HIR, box 94, folder «Kameneva». В письме от 10 января 1928 г. он также сообщил Литошенко о его назначении в Стэнфордский университет на 1928-29 академический год. Ib., folder «Litoshenko». Зилов должен был приехать в Стэнфорд в ближайшие несколько месяцев, а Юровский — к лету.

зом, реализовать то, что Литошенко назвал «неосуществимой мечтой».

Нельзя сказать, что проект зашел в тупик в первые два месяца 1928 г., однако общая тенденция развития событий была уже угрожающей и еще более усугубилась в марте, когда было объявлено о заговоре 53 инженеров, в основном из рядов беспартийной технической интеллигенции, которые обвинялись в саботаже и измене и осуждены в мае по так называемому Шахтинскому делу. Это был первый из серии подобных «заговоров», ставших символом ксенофобии в сталинский период. Очевидно, в предыдущий год в воздухе уже сильно пахло грозой, поскольку ученые, к которым обращался Гольдер, уже опасались обвинения в шпионаже. Но Шахтинское дело возвестило о новом этапе. Вся беспартийная интеллигенция, так называемые «буржуазные специалисты», во всех областях начали ощущать давление. Аграрники-немарксисты оказались в числе наиболее уязвимых не только из-за споров по поводу аграрной политики, но также и потому, что среди них в большей степени, чем среди других советских ученых, поощрялись научные контакты с иностранными учеными и ценилась хорошая репутация их работ за рубежом. Такие связи с иностранцами стали считаться почти преступными.

Под влиянием политизации исследований села в 1927–1928 гг. (изнутри — в виде нападок со стороны аграрников-марксистов, и снаружи — в виде давления, явившегося результатом возврата сталинского руководства к жестким методам управления в сельском хозяйстве) ученые-тимирязевцы отошли от исследований, объектами которых были мелкотоварные производители и семейные фермы, считавшиеся ими костяком сельской экономики. Они переключили свое внимание на крупные совхозы и колхозы. Однако они не старались переделать себя под «пролетарских ученых» — скорее, отступая, как казалось, в более безопасное убежище, каким была статистика, пытались представить себя «как далеких от политики ученых»[22]. Литошенко принял участие в этом движении,

[22] *Solomon. Op. cit. P. 144.*

но его рукопись не могла считаться внеполитической. Уже 4 января 1928 г. он написал Гольдеру о своей «непрерывной моральной депрессии»[23].

Это общее направление осложнило дело Литошенко и его просьбу о разрешении вернуться в Стэнфорд. Каменева написала о нем Осинскому 15 февраля: «Его работа в первую поездку, кроме вреда, ничего не принесла... С другой стороны, представление иностранца об авторском праве настолько ясно, что убедить Гольдера в том, что работу Литошенко может переделать другой профессор, будет чрезвычайно трудно». Литвинов, отвечая на ее просьбу об оказании помощи, согласился с ней, что вопрос скоро должен решиться так или иначе, но НКИД «не может брать на себя инициативы постановки вопроса в соответствуюших инстанциях»[24].

Между тем в Стэнфорде Гольдером овладела идея вызволить Литошенко из СССР. 9 марта Литошенко написал Гольдеру, что его дело рассматривалось, и ВОКС передал решение вопроса относительно его визы Осинскому. Примерно через месяц Литошенко еще в одном письме сообщил, что Осинский требует переделать рукопись до поездки Литошенко в Стэнфорд. Осинский обещал прочитать рукопись в апреле, а в мае и июне вместе с Литошенко поработать над переделками, после чего Литошенко мог ехать в Стэнфорд, чтобы совместно с Хатчинсоном составить окончательный вариант. Каменева подтвердила это в телеграмме к Гольдеру от 4 апреля[25].

8 мая Гольдер получил телеграмму от Сергея Треваса, сотрудника ВОКСа, ответственного за отношения с США, в

---

[23] *HIR, box 94, folder «Litoshenko». Последуюшие письма к Литошенко и от него полностью взяты из этой папки.*

[24] *ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 17–17об., 27.*

[25] *HIR, box 94, folder «Kameneva». 21 марта Осинский докладывал по этому делу Американской Комиссии ЦК, где было принято решение, среди прочего, что Литошенко должен завершить пересмотр и внести исправления в свою работу в Москве до поездки в Америку; что Зилов и Калистов — двое других ученых, которых Гольдер намеревался пригласить в Стэнфорд, — не являются достойными кандидатами; и что должна быть привлечена Коммунистическая Академия к отбору «соответствуюших товарищей» для работы в Стэнфордском университете. ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 35.*

которой сообщалось о положительном решении дел Литошенко и Юровского[26].

Однако ничего из этого не вышло. 14 июля Литошенко пожаловался Гольдеру, что Осинский все еще не прочел его рукопись, несмотря на еженедельные напоминания. 26 августа Литошенко удалось сообщить, что Осинский разрешил ему переработать рукопись. Переработанную рукопись Осинский собирался просмотреть после своего возвращения из отпуска. Но по-прежнему ничего не произошло.

Во второй половине 1928 г. положение аграрников-немарксистов значительно ухудшилось. В последние месяцы года началась «тряска» в Тимирязевской академии с резкими выпадами против чаяновского института по изучению сельского хозяйства. К тому времени «культурная революция» началась уже всерьез, и из каждой академической области изгонялись «буржуазные специалисты».

4 октября Гольдер послал телеграмму Литошенко, состоящую из одной строки: «ПРИЕЗЖАЙ С РУКОПИСЬЮ ИЛИ БЕЗ НЕЕ».

Литошенко ответил ему в письме от 8 октября, что неразумно пытаться уехать из Москвы без рукописи. Он сообщил также, что Осинский был единственным, кто мог решить «эту сложную проблему», и что он отказался читать переработанную рукопись и передал ее Ивану Теодоровичу, возглавлявшему новый Международный сельскохозяйственный институт[27].

Цепь событий начала отрицательно сказываться на здоровье Литошенко. «Я даже заболел нервным расстройством от всей этой истории и чувствую себя теперь довольно плохо», — писал он. Гольдер решил предпринять необычный шаг и послать

---

[26] *HIR, box 94, folder «Kameneva». Зилову не разрешили поехать, и в одном из последующих писем из ВОКСа Гольдеру сообщалось, что причиной этого стали сомнения в способности Зилова написать исследование о положении женщин и детей в СССР. См. также: Каменева Осинскому, 15 февраля 1928 г. ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 17–17об.*

[27] *Так же, как и Осинский, Теодорович был среди наиболее сильных сторонников радикальных мер на селе в период военного коммунизма и, подобно ему, был связан с «умеренными» в крестьянской политике в период нэпа. Его институт не был частью системы Коммунистической Академии.*

телеграмму Чичерину (30 октября), в которой он умолял его разрешить выезд из Советского Союза Литошенко с женой и взывал к заинтересованности наркома в развитии отношений с правительством США: «ЗАДЕРЖКА ИХ ПРИЕЗДА НЕПРАВИЛЬНО ПОНИМАЕТСЯ И ПОЛУЧАЕТ ПЛОХУЮ ИНТЕРПРЕТАЦИЮ»[28].

Телеграммы Гольдера причиняли неудобство НКИД, где Ротштейн почти каждый день получал телефонные запросы от Литвинова. «Дело действительно принимает скандальный оборот», — писал Ротштейн Каменевой 13 октября. «Дело, повидимому, застряло в высшей инстанции, и его некому там протолкнуть». Он советовал ей обратиться к Литвинову и В. В. Куйбышеву, отвечавшим за отношения с Америкой[29].

19 октября Коллегия НКИД решила поддержать просьбу Литошенко о поездке в Америку и вынести вопрос на Политбюро[30]. На следующий день Литвинов представил вопрос в письме к Сталину (копии — членам Политбюро). Он подробно изложил историю создания Института, в которой «ВОКС до сих пор не удалось выполнить ни одного из принятых им на себя по соглашению обязательств...». Он отметил, что неловкость ситуации усугублялась тем, что Герберт Гувер теперь был кандидатом в президенты США. С другой стороны, как доложил Литвинов, Осинский оценил рукопись Литошенко как «весьма неудовлетворительную».

«Вследствие отзывов т. Осинского о книге Литошенко имеется опасение, что при приезде в Америку Литошенко будет давать или писать неблагоприятные для нас отзывы о сельском хозяйстве. Имеются также опасения, что Литошенко не вернется больше в СССР, тем более, что он хочет ехать обязательно с женою, хотя с другой стороны он уже раз ездил с женой в Америку и все-таки оттуда вернулся. Принимая, однако, во внимание, что мы уже отказывали в разре-

---

[28] *HIR, box 94, folder «K».*

[29] *ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 96–96 об.*

[30] *Там же, л. 117. В этом решении НКИД призывалось к дальнейшей проверке рукописи Литошенко и подчеркивалось, что Литошенко поедет в Стэнфорд не как представитель СССР.*

шении выезда другим ученым, которых приглашал Стэнфордский университет, и что в Америке создается впечатление о невыполнении нами взятых на себя обязательств, НКИД склоняется к мысли о необходимости скорейшего разрешения выезда Литошенко. НКИД при этом учитывает и тот пункт соглашения, по которому Стэнфордский университет не имеет права выпускать от имени "Русского Института" каких-либо книг, не получивших одобрения советской стороны. Нет поэтому оснований бояться издания от имени Института книги Литошенко без наших исправлений. Возможность же невозвращения Литошенко в СССР не может быть признана большим бедствием».

На основании изложенного, Литвинов просил от имени НКИД, чтобы Литошенко разрешили поехать в Америку и чтобы Теодоровичу дали указания ускорить рассмотрение рукописи[31]. Это письмо, согласно сообщению представителя ВОКСа, не получило «никакого конкретного ответа, за исключением указания Секретариата ЦК, что этот вопрос подлежит компетенции Американской Комиссии ЦК»[32]. Дело застряло в высших инстанциях, а без положительного решения сверху Литошенко не мог покинуть страну.

Смертельным ударом по Российско-американскому институту явилась следующая телеграмма от Каменевой, датированная 15 ноября: «НЕ МОЖЕМ ПОЛУЧИТЬ РАЗРЕШЕНИЯ НА ВЫЕЗД ЛИТОШЕНКО В АМЕРИКУ»[33].

На следующий день Литошенко написал письмо Гольдеру, в котором он объяснил подоплеку отказа. Теодорович прочел рукопись и хорошо отозвался о ней, посоветовав внести лишь небольшие изменения[34]. Однако, как писал Лито-

---

[31] ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 98–99. Литвинов также просил утвердить назначение в Совет директоров по рекомендации ВОКСа: Осинского, Покровского и Ротштейна.

[32] Ю. В. Мальцев М.А. Трилиссеру, 8 августа 1929 г. Там же, д. 125. л. 51 об.

[33] HIR, box 94, folder «Kameneva».

[34] Это подтверждено в письме Каменевой к Борису Сквирскому, 24 ноября 1928. ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 104; Каменева к Секретариату ЦК, 15 марта 1929 г. Там же, д. 125, л. 36–36 об.

шенко: «Дело в том, что кому-то не нравится учреждение института и, желая вызвать разрыв договора по Вашей инициативе, хотят пока затягивать дело и чинить всякого рода препятствия».

Литошенко посоветовал Гольдеру не прекращать работу по соглашению и приехать в Москву как можно скорее. Он закончил письмо: «Вы не можете себе представить, как мы оба с женой расстроены плохим оборотом дела. Каждую неделю мне обещают дать ответ и так тянется уже несколько месяцев. Нервы у меня пришли в самое ужасное состояние, и я почти совсем не могу работать. Теперь ровно год, как Вы были в Москве. Если бы Вы сейчас появились здесь, я прямо бросился бы Вам на шею. Жить в Москве по сравнению с прошлым годом в нравственном отношении стало еще хуже».

Гольдер получил письмо Литошенко, когда сам был привязан к постели из-за болезни, которая была значительно хуже, чем он предполагал. То, что Гольдер считал сильной простудой, на самом деле оказалось запущенным раком легких. Ему оставалось жить лишь несколько недель, хотя ни доктора, ни его друзья, ни родственники не решались сказать ему об этом. В одном из его последних писем, посланном 4 декабря неофициальному представителю СССР в Вашингтоне, видна вся глубина его гнева и разочарования: «Уверяю Вас, что для меня было бы большим ударом узнать, что проект, над которым я работал несколько лет, невзирая на разного рода противодействие, провалился, а я не вижу никакого выхода. Как только я встану на ноги, а это будет не ранее Рождества, я организую встречу заинтересованных лиц, занимающих ответственные посты, и ознакомлю их со сложившейся ситуацией. Я знаю, они согласятся с тем, что бесполезно продолжать попытки наладить работу Российско-американского института. Неизбежный вывод, который будет сделан, состоит в том, что Советское правительство отказалось от сотрудничества с группой ученых, связанных с Гуверовской военной библиотекой и Стэнфордским университетом в области научных исследований, представлающих интерес для обеих стран. Это не предсказывает ничего хо-

рошего советско-американским отношениям в более широкой сфере деятельности»[35].

Через четыре недели Гольдер умер.

Литошенко был потрясен известием о смерти Гольдера. Оно, должно быть, усилило чувство изоляции и незащищенности, которое он испытывал и которому суждено было еще более обостриться в 1929 г. В апреле состоялась конференция марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений, резолюция которой по задачам марксистской науки в области сельского хозяйства содержала следующий пункт: «Конференция считает необходимым вести самую решительную борьбу против буржуазных теоретиков (Кондратьев, Литошенко и др.), которые выступают в качестве апологетов капиталистического развития деревни, изображая кулаков в качестве "носителей прогресса" и сопротивляясь проводимому партией наступлению на капиталистические элементы деревни»[36].

Преемником Гольдера в Гуверовской библиотеке стал Гарольд Фишер, профессор русской истории в Стэнфордском университете. Фишер тоже работал в Москве в АРА во время голода, и тогда-то он познакомился с Литошенко.

---

[35] *Гольдер Сквирскому, HIR, box 94, folder «S». Стремление Гольдера установить связь, по советскому мышлению, между будущими официальными советско-американскими отношениями и судьбой своего собственного проекта получило заряд энергии в ноябре 1928 г., когда Гувер был избран Президентом США. Каменева, переадресовывая письмо Гольдера к Сталину, отмечала, что дело Литошенко «принимает чрезвычайно серьезный характер. Конечно, Гольдер жонглирует именем Гувера, но с другой стороны, едва ли он ему об этом не докладывает». Каменева попросила дальнейших указаний по делу. ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 104, л. 152–153.*

[36] *См.: Резолюция конференции марксистско-ленинских научно-исследовательских учреждений о задачах марксистской науки в области аграрного вопроса по докладу Л. Н. Крицмана // На аграрном фронте. 1929. NN№. 8. С. 105. По словам Naum Jasny, одним из технических приемов кампании по дискредитации экономистов-немарксистов, таких как Чаянов и Кондратьев, было упоминание их имен в связи с Литошенко, которого считали значительно более правым. Jasny N. Soviet Economists of the Twenties: Names to Be Remembered. Cambridge, 1972. P. 174–175, 196. См., например, отзыв в книге «Кондратьевшина» (М., 1930. С. 114.): «Такие яркие контрреволюционеры, как Литошенко и Кондратьев», а также: Против кондратьевшины. М., 1931. С. 12.*

В течение зимы и весны 1929 г. Фишер пытался сделать прорыв посредством письменной атаки из Стэнфорда[37]. Когда это не принесло никаких результатов, он решил поехать в Москву, чтобы самому до конца разобраться в деле. Его приезд в августе 1929 г. совпал со временем расцвета сталинских нападок на бухаринское крыло. Он нашел Бухарина «публично опозоренным», а Осинского — в «полуопале» из-за их «правых ересей». В ВОКСе Каменеву вынудили уйти с занимаемой должности, и вся организация была в состоянии «внутреннего смятения». Куда бы Фишер ни обращался, он сталкивался с официальными лицами, практически парализованными неуверенностью и страхом[38].

Неудивительно, что в этой отравленной политической атмосфере Фишер обнаружил, что ученые не хотят не только сотрудничать, но даже обратиться за разрешением на выезд за границу. Что же касается дела Литошенко, то несколько советских официальных лиц выразили Фишеру сожаление по поводу того, что именно Литошенко был выбран в качестве автора первого институтского исследования. Литвинов сказал Фишеру, что для того, чтобы Литошенко смог получить паспорт, было оказано такое давление, что некоторые люди стали относиться к нему с подозрением. Фишер обсудил положение с Литошенко, ко-

---

[37] Сознавая, что на запросы Фишера следует дать ответ, но не обладая достаточной властью, чтобы принимать решения, Каменева в отчаянии оказывала давление на руководство, призывая их как можно скорее решить судьбу договора между Стэнфордом и ВОКСом. См. ее переписку с Секретариатом ЦК, Кагановичем, Литвиновым и Микояном. ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 125, л. 29, 30, 32, 36–36 об., 42, 43.

[38] Фишер Уилбуру, 2 декабря 1929. HIR, box 29, folder «Committee on Russian Research». Нижеследующие сведения о поездке Фишера взяты в основном из этого послания. Временный преемник Каменевой в ВОКСе Ю. В. Мальцев обратился к Сталину (13 августа) накануне приезда Фишера в Москву с просьбой избавить его от волокиты: «Это дело в полном смысле этого слова совершило кругосветное путешествие от НКИД и дальше, чуть ли не по всем Отделам ЦК, чтобы в конечном итоге возвратиться обратно в НКИД абсолютно без каких-либо результатов». Вся эта «бумажная кутерьма» угрожает «возбуждать в влиятельных американских кругах недовольство...». ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 125, л. 53–53 об.

торый считал, что нужно продолжать дело, поскольку было поздно поворачивать назад: ущерб уже нанесен и в текущий момент простой отказ не принес бы ничего хорошего ни Литошенко, ни Институту. Фишер сказал Литвинову, что Литошенко уже написал свою работу и что «нельзя менять авторов в середине книги, как каменщиков»[39].

5 сентября, когда Фишер был в Москве, Литошенко снова отказали в визе[40]. По словал Фишера, в Комиссариате иностранных дел его спросили «действительно ли вопрос стоит: Литошенко или ничего?» «Я ответил, — писал Фишер, — что вопрос заключается в том, собираются ли они выполнять соглашение или нет». На самом деле, в то время у них уже не было намерений выполнять соглашение, однако они хотели, чтобы инициатором разрыва был Фишер. Он понимал это и снова, при поддержке Литошенко, не попался на удочку.

После отъезда Фишера из Советской России Москва наконец проявила инициативу и расторгла договор между Стэнфордом и ВОКСом. В очередной раз, отвечая на просьбу ВОКСа принять на себя это дело, Литвинов послал Молотову письмо от 9 октября (копии — членам Политбюро). В этот раз Литвинов даже не делал попытки спасти Русский институт: «Поскольку НКИД и ВОКС не в состоянии добиться выполнения... ни одного из обязательств, принятых им по договору... НКИД считает необходимым радикально ликвидировать дело, известив Стэнфордский университет о расторжении соглашения»[41].

«Надлежащие инстанции» согласились. 4 ноября, Ф. Н. Петров, новый директор ВОКСа, написал Фишеру, что ВОКС

---

[39] Через несколько лет это утверждение Фишера оказалось ошибочным, но он не мог предвидеть, что при Сталине написание научных трудов трансформируется в своего рода кладку кирпича.

[40] ВОКС порекомендовал Литошенко ходатайствовать о разрешении поехать за границу и попросил ГПУ дать положительный ответ на его заявление. См.: Мальцев Трилиссеру 8 августа 1929 г. Там же, л. 51–51об. Трилиссер ответил по телефону Мальцеву, что у ГПУ нет полномочий принимать решения по этому делу и посоветовал обратиться в ЦК. Это побудило Мальцева написать Сталину письмо от 13 августа, цитированное выше.

[41] Там же, л. 60–61.

превысил свои полномочия, заключив в январе 1928 г. соглашение со Стэнфордом, поскольку не имел права давать разрешение на визы. В этом письме Петров выражал свое «глубочайшее сожаление» по поводу того, что ВОКС вынужден денонсировать соглашение, и приносил извинения за «все неприятности, которые мы доставили Вам и Вашему университету»[42].

2 декабря Фишер написал в своем письме ректору Стэнфордского университета: «Российско-американский институт... теперь распался».

Дело Института было завершено, а неприятности у Литошенко только начинались. В СССР шла «охота на ведьм». В октябре «Правда» опубликовала материал Владимира Милютина с нападками на Литошенко. В этом материале Милютин цитировал одно из выступлений Литошенко начала 1920-х годов: «Земля будет в руках тех, кто сильнее, кто благодаря упорному труду и любви к собственности сможет преодолеть все разрушительные последствия революции. Наша аграрная структура будет далека от всех видов социализации»[43].

Когда по инициативе сталинского руководства начался «великий перелом», в декабре в комиссариатах сельского хозяйства и финансов приступили к всеобщей чистке. На конференции агрономов-марксистов, состоявшейся в декабре, Сталин заявил, что он не понимает, «почему теории "советских" экономистов типа Чаяновых должны иметь свободное хождение в нашей печати...»[44].

Литошенко решился на радикальную меру со своей рукописью, хотя к тому времени это был единственный шаг, который оставался у него, прежде чем совсем отказаться от дела. В письме от 27 января 1930 г. он сообщил Фишеру, что Петров из ВОКСа согласился послать переделанный вариант рукописи в Стэнфорд. Но под «переделкой» Литошенко теперь понимал значительный отход от первоначальной концепции. В действительности, как он писал Фишеру (на английском), «...это будет означать, что практически придется пе-

---

[42] *HIR, box 77, folder «P – 1929–1933». ГАРФ, ф. 5283, оп. 1а, д. 125, л. 66, 67, 68.*
[43] *См.: Jasny N. Op. cit. P. 31–32. Автор относит это высказывание к 1922 г.*
[44] *Сталин И. В. Сочинения: В 13 т. М., 1926–1955. Т. 12. С. 152.*

переписывать заново всю книгу. Я планирую сжать, насколько это будет возможно, главы, касающиеся предвоенных условий и периода 1918–1920 гг., и выделить события последних трех лет, в течение которых великая аграрная революция обеспечила наибольший прогресс и подготовилась к перестройке всего сельского хозяйства страны по пути коллективизации и модернизации крестьянских хозяйств. Кроме того, я предлагаю опустить всякого рода рассуждения и превратить все исследование в объективный сбор документов и выбранных статистических данных».

Конечно, это не слова обращенного сталиниста. Тот факт, что он хотел выделить революционные события последних лет, несомненно, служил для выигрыша в официальном мнении. Его намерение «опустить всякого рода рассуждения» (под которыми он понимал рассуждения автора) являлось попыткой спрятаться за стеной статистических таблиц. Это патетическое письмо, написанное в кульминационный период сталинской атаки на независимые науки, было актом полного отчаяния[45].

О положении своей семьи он позволил себе написать лишь одну строчку: «Что касается нас, то мы более или менее в хорошей форме».

В июне 1930 г. начались аресты меньшевистских и «советских» (т. е. немарксистских) экономистов как вредителей, саботажников и защитников кулаков — другими словами, как козлов отпущения за провал попытки реализовать «неосуществимую мечту». Литошенко был среди них. За арестами последовали суды. Первым был суд по делу Промпартии (25 но-

---

[45] *Фишер понимал ситуацию, в которой находился Литошенко, но ответил ему письмом, что если Литошенко имеет в виду исключить все политические и идеологические «рассуждения» большевистского руководства при проведении советской аграрной политики (Литошенко прямо об этом в своем письме не заявил, но, несомненно, имел в виду), то это было бы равнозначно отказу от первоначальной темы исследования, и тогда он не разрешил бы Литошенко продолжать работу. Следует вспомнить, что предлагаемая теперь Литошенко «объективная коллекция документов и отобранных статистических данных», лишенная всякого обсуждения политических и идеологических вопросов, на деле была очень близка по духу к первоначальному предложению, переданному в 1925 г. в ВОКС Гольдером.*

ября — 7 декабря 1930 г.), направленному против профессоров технических институтов; главным среди них был профессор Леонид Рамзин. Затем был суд над меньшевиками (1–9 марта 1931 г.), где основным обвиняемым был экономист Владимир Громан. Кондратьева заставили появиться на суде в качестве главного свидетеля и признаться в саботаже. На этом суде главный обвинитель Крыленко говорил о «контрреволюционной кулацкой группе, возглавляемой Кондратьевым и Чаяновым»[46]. Теперь советская пресса начала бить в барабаны, предвосхищая процесс над «Трудовой крестьянской партией», которую якобы возглавляли Чаянов и Кондратьев, но никакого публичного суда над этой мифической партией так и не состоялось.

Находясь в Стэнфорде, Фишер следил за развитием этих событий по сообщениям в газетах. Он понимал, что письмо в ВОКС по поводу Литошенко может еще более скомпрометировать ученого. Одним источником информации о положении Литошенко была живущая в Лондоне сестра его жены графиня Мария Бенкендорф — жена Константина Бенкендорфа, сына бывшего русского посла Александра Бенкендорфа. Она получила письмо от своей сестры в Москве, датированное 24 февраля 1931 г., в котором сообщалось, что Литошенко находится в больничной палате тюрьмы, предположительно в политизоляторе г. Суздаля, где содержался также Кондратьев — в связи с хроническим заболеванием. Жена Литошенко просила сообщить Фишеру, что наступает время действий с его стороны. Бенкендорф посоветовал Фишеру написать прямо в Москву о Литошенко и его рукописи[47]. В июне Фишер отправил письмо в ВОКС, в котором интересовался судьбой рукописи и осторожно спрашивал, может ли Литошенко доработать свое исследование. При этом он на словах восторгался выдающимся рывком вперед советской экономики, который «поразил воображение американской публики»[48]. Письмо Фишера осталось без ответа.

---

[46] *Jasny N. Op. cit. P. 175.*

[47] *Бенкендорф Фишеру, 15 мая 1931 г. HIR, «Series D-12. Harold Fisher, correspondence, box 49, folder «B – 1931».*

[48] *Ibid., box 77, folder «P – 1929–1933».*

Последней весточкой, которая пришла в Стэнфорд от Литошенко, было коротенькое письмо на английском, датированное 27 сентября 1932 г. Письмо было адресованно Фишеру и доставлено вернувшимся из Москвы стэнфордским историком. В нем ничего не говорилось о рукописи — письмо целиком было посвящено личным делам. Лев Николаевич писал: «Вы, вероятно, будете рады узнать, что мы оба — моя жена и я — все еще живы, живем в Москве, много работаем и всегда с удовольствием вспоминаем Стэнфордский университет и наших американских друзей. Из последних трех лет я полтора года провел в заключении, будучи совершенно невиновным в ужасных преступлениях, которые мне даже и в голову не приходили. Но все хорошо, что хорошо кончается, как говорит русская пословица».

Он попросил Фишера сообщить в Пало Альто Мьючил Билдинг и Лоун Ассосиейшн о том, чтобы они не присылали ему в дальнейшем никакой корреспонденции относительно процентной ставки на деньги, которые были на его счету в банке — 100 долларов, которые он оставил Гольдеру на покупку научных книг: «...Я прошу их не писать мне ничего об этих деньгах. В противном случае меня могут начать подозревать в том, что я располагаю "большими фондами" в иностранной валюте, и у меня снова могут начаться неприятности... Я был бы несравненно счастлив получить от Вас письмо, но боюсь, что даже такая совсем невинная переписка, как наша, может оказаться опасной для русского партнера».

Сыграла ли связь Литошенко со Стэнфордом какую-либо отрицательную роль в его последующем аресте и закрытом суде, неизвестно. С 1987 г., когда началась официальная «реабилитация» «экономистов-профессоров», в специальной и общей печати стали появляться статьи, посвященные биографиям этих людей и их научным идеям. Их работы публикуются. Представляется целесообразным, чтобы российские и американские ученые в Москве и Стэнфорде общими усилиями восстановили доброе имя Льва Николаевича Литошенко.

Археографическое предисловие

Хранящаяся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира рукопись публикуемой нами книги представляет собой текст объемом в 351 страницу и приложенные к нему 45 таблиц. Удлиненные листы заполнены плотной машинописью почти без полей. Тем не менее печать ясная, и трудностей в прочтении практически не возникает. В архивном экземпляре рукописи отсутствует 232-я страница, однако текст этой страницы найден в английском переводе и нами воспроизводится оттуда по-русски. Границы перевода отмечены фигурными скобками.

Первые 11 страниц рукописи представляют собой развернутое оглавление, включающее перечни рассматриваемых вопросов по каждой главе. Реальное же содержание глав часто не соответствует этим перечням. В ряде случаев не совпадают наименования глав в оглавлении и тексте работы. Можно полагать, что развернутое оглавление содержит в себе неосуществленные наметки улучшений изложения в дальнейшем. Принципиального значения они не имеют и поэтому редколлегия приняла решение заменить это оглавление формальным перечнем частей и глав в реальном тексте.

По всей рукописи сохранилась авторская правка: главным образом вставка пропущенных слов при перепечатке,

иногда улучшение стиля, в отдельных случаях уточнение содержания. Существенными были лишь авторские сокращения текста, вызванные в основном цензурными соображениями, хотя нельзя исключить, что в отдельных случаях могло иметь место и изменение взгляда, оценки от 1922–1923 г. к 1926–1927 гг. Все эти сокращения восстановлены и обозначены в настоящем издании квадратными скобками. Не воспроизводятся снятые самим автором прямые повторы и недоработанные тексты (в ряде случаев автор намеревался привести какие-то сведения, которых, наверное, не оказалось под рукой, поэтому намерения выполнить не удалось).

Сверка цифровых данных показала достаточно высокую точность их воспроизведения из найденных источников. Обнаруженные опечатки исправлены без оговорок. Более сложную картину выявила сверка цитат из разного рода документов и выступлений политических деятелей. При изложении и даже при цитировании оспариваемых им идей, мнений, решений автор, как правило, передавал их основной смысл, но часто пренебрегал «частностями» и «оговорками», то есть конкретизацией, указаниями на условия и формы... Это неизбежно огрубляло и критикуемые идеи или решения, и саму критику. Тем не менее исправления неточностей в цитатах проводилось только в случаях, когда это никак не сказывалось на авторском изложении. Если же такое исправление приходило бы в противоречие с авторской трактовкой, то текст сохраняется без исправлений, но в подстрочнике или цитируется подлинник в более полном виде, или даются справки от редакции (см., например, сноски на с. 205, 228, 314, 473).

Была проведена работа по проверке и оформлению отсылок на использованные источники. В авторском экземпляре оказалось очень большое число неоформленных и лишь приблизительно названных отсылок на литературные источники, документальные издания, прессу: в тексте дается сноска, а под текстом источник не указан и т. п. Во всех случаях, когда это оказывалось возможным, редакция указала источники, отделив эти сноски от собственных сносок автора круглыми скобками и пометкой «***Ред.***» В небольшом числе случа-

ев не удалось найти литературных источников, названных в авторских отсылках, например работу Большакова «Выиграло или проиграло крестьянское хозяйство от революции» (см. сноску 25 в части III). Сноска сохранена, хотя такая работа (статья? книга?) пока не найдена. Возможно, что автор пользовался рукописью, которая осталась неопубликованной. С подобными случаями мы сталкиваемся и в случае с таблицей 12, где в названной автором работе И. А. Конюкова даются иные, хотя и принципиально не отличающиеся сведения.

Вся эта большая и кропотливая работа была проведена в 1990–1992 гг. В. Даниловым и И. Егоровой, при участии Б. Патенауда. Возобновленная в 2001 г. работа над рукописью, связанная главным образом с подготовкой компьютерного оригинал-макета, выполнялась при активном участии С. Мякинькова и Е. Буниной.

Редколлегия

Введение
Общие условия социализации сельского хозяйства и значение русского опыта

[Существующее в России правительство называет себя рабоче-крестьянской властью. Можно спорить, отражает ли оно действительно волю русского промышленного пролетариата или давно уже утратило с нею соприкосновение. Для всякого живущего в России ясно, однако, только одно. С желаниями и настроениями основной массы населения страны, многомиллионного крестьянства, политика советской власти не имела и не имеет ничего общего. Четыре года над крестьянским хозяй-ством проделывались всевозможные социалистические эксперименты. Четыре года и тысячью способами старались привить ему социалистическое мировоззрение. И все четыре года крестьянство оставалось чужеродным телом в социалистическом хозяйстве, объектом, а не субъектом того грандиозного опыта, который проделан теперь в России.

Огромная сопротивляемость социализму, обнаруженная русским крестьянством, объясняется не столько политической зрелостью этого класса, которой он не обладает, сколько субъективными препятствиями, стоящими на пути обобществления сельского хозяйства.]

Социализм как экономическая система есть прежде всего рациональное плановое хозяйство. Обвиняя буржуазный строй в анархии производства и бесполезной растрате сил, социа-

лизм обещает величайшую экономию, максимальную производительность и строгую пропорциональность всех отраслей производства, объединенных единым планом народного хозяйства.

Не будем поднимать здесь вопросы о том, возможно ли вообще построение хозяйственного плана в масштабе целой страны, не теряется ли в безобменном и безденежном социалистическом хозяйстве самый ключ к понятию рационального и не исчезает ли там понятие экономической выгодности как критерия для выбора хозяйственных средств и целей[1].

Ясно, во всяком случае, что каждая данная отрасль производства тем легче поддается обобществлению и включению в единый хозяйственный план, чем меньше в ней число хозяйственных единиц и чем однообразнее техника производства. Именно поэтому вера в неизбежное пришествие социализма обосновывается большей частью на предположении, что естественная эволюция капитализма ведет к машинизации и концентрации производства.

Как известно, объективные данные об эволюция сельского хозяйства не обнаруживают этих необходимых предпосылок социализма.

Земледелие всех стран имеет тенденцию к распылению и рассеянию, а техника производства земледельческих продуктов становится все сложнее и многообразнее.

Несколько десятилетий назад еще можно было говорить о закономерной смене одних систем сельского хозяйства другими (о поясах тюненовской схемы, шкале плодородия и т. п.). Теперь завоевания агрономической и транспортной техники все шире раздвигают пояс «вольного» хозяйства. Система и рентабельность хозяйства не предуказываются ни «естественным плодородием», ни расстоянием от рынка, ни местными хозяйственными традициями. Перед сельским хозяином открывается широкая возможность выбора различных органи-

---

[1] *[Проблема рационализации народного хозяйства и построения единого социалистического хозяйственного плана посвящена другая работа автора, которая может быть и увидит свет с восстановлением «буржуазной» свободы слова и научной мысли.]*

зационных схем. Успех или неуспех предприятия зависит от организационных талантов хозяина, от его умения найти наивыгоднейшее сочетание имеющихся в его распоряжении элементов производства между собой и по отношению к вечно колеблющимся условиям рынка и атмосферы. В промышленности техника сравнительно однообразна, там часто нетрудно указать наиболее производительный и «рациональный» способ производства. И несмотря на это, на долю предпринимателя-коммерсанта и организатора остается огромная творческая роль. В сельском хозяйстве понятие «рациональности» имеет еще более условный характер. «Рациональным», т. е. экономически выгодным, может оказаться и экстенсивное и интенсивное хозяйство, и зерновая продукция и мясная, молочное скотоводство и племенное. И все это на одном и том же участке земли и с одними и теми же средствами производства. Все зависит здесь от сочетания и колебаний экономических и естественно-исторических условий производства. Роль сельскохозяйственного предпринимателя, таким образом, в настоящее время чрезвычайно усложнилась и выдвинулась на первый план.

Отсюда следует, что социализация сельского хозяйства должна натолкнуться на крайне важное препятствие в форме отсутствия достаточных кадров опытных организаторов. Старые владельцы рано или поздно вымрут или будут устранены по политическим соображениям. Поколение новых организаторов не может быть воспитано, ибо для этого нет подходящей среды. Качества способного организатора не являются врожденными, они вырабатываются в процессе борьбы, ошибок и жестокой конкуренции. Предприниматель — типичная фигура капиталистического общества. При социализме его заменяют управляющие и агрономы. Но отсутствие конкуренции и ценностного измерителя в безобменном социалистическом обществе не позволит им с такой точностью судить о сравнительной производительности отдельных организационных планов и действий, как это делает капиталистический предприниматель. Завоевания науки и техники могут оказаться роковым даром в руках организаторов, не вооруженных критерием выгодности. На при-

мере русской социалистической практики мы видим, как под флагом технической «рациональности» производились часто огромные растраты личных сил и материальных средств. Не исключена, впрочем, и даже более вероятна, другая возможность. Лишенные личных стимулов, социалистические организаторы вовсе не будут искать новые пути, хотя бы и сомнительно рациональные. Замена самостоятельных предпринимателей наемными управляющими ведет неизбежно к застою и безхозяйственности.

Все это, конечно, возражения, направленные против социалистического хозяйства вообще. Но в сельском хозяйстве эти отрицательные моменты сказываются несравненно сильнее, чем в промышленности. Там хотя бы временно может помочь шаблон и ставка на более производительные, по старым понятиям, предприятия. В сельском хозяйстве, с одной стороны, сильна еще рутина, с другой — открылись исключительные технические возможности. Социалистические организаторы сельского хозяйства с одинаковой силой будут стремиться либо к косности, либо к безудержному и разорительному «прогрессу».

Далее, обобществление сельского хозяйства затрудняется далее его распыленностью. Статистика всех земледельческих стран с такой определенностью установила неприложимость «законов» концентрации производства к сельскому хозяйству, что этот факт не решается оспаривать уже ни один грамотный социалист[2]. Важно при этом то, что распыление сельского хозяйства обусловлено не только историческими причинами. Это не только факт, но и техническая необходимость. Пространственная протяженность и издержки внутрихозяйственного транспорта играют несравненно большую роль в сельском хозяйстве, чем в промышленности. Благодаря этому в сельском хозяйстве очень скоро намечаются пределы укрупнения хозяйственных единиц, за которыми издержки внутрихозяйственного транспорта перевешивают экономию

---

[2] *История радикальной смены взглядов на этот предмет в социалистическом лагере подробно описана: David E. Sozialismus und Landwistschaft. 2 Aufb. Leipzig. 1922. S. 1–38.*

крупного производства и дальнейшее увеличение предприятия становится невыгодным. При всяком хозяйственном строе, поэтому, в том числе и при социализме, число эксплуатационных единиц в сельском хозяйстве по необходимости может быть велико. А если это так, то перед социализацией сельского хозяйства стоят два новых препятствия. Во-первых, нужно оставить мысль о концентрации производства, облегчающей управление, и приходится думать о том, где найти миллионы организаторов; во-вторых, необходимо преодолеть сопротивление старых владельцев предприятий или, по крайней мере, найти способ примирить их с новыми формами обобществленного хозяйства. Здесь опять в отношениях социализма к сельскому хозяйству и промышленности обнаруживается огромная количественная разница, переходящая почти в качественную. Одно дело — экспроприировать небольшую кучку промышленников и взять в свои руки управление немногими десятками тысяч крупных предприятий, и другое дело — овладеть миллионами земледельческих хозяйств, включить их деятельность в рамки общего хозяйственного плана и переубедить, покорить или примирить с социализмом десятки миллионов их прежних владельцев. Ясно, что задачи обобществления сельского хозяйства и промышленности не соизмеримы по своим политическим и организационным трудностям.

Но если сложность организационных задач, многочисленность объектов воздействия и классовое сопротивление массы мелких собственников создают ряд объективных препятствий на пути обобществления сельского хозяйства, то, с другой стороны, есть и обстоятельства, которые не позволяют руководителям социалистической политики относиться к этим препятствиям хладнокровно и держаться выжидательной политики. Напротив, эти обстоятельства заставляют преодолевать препятствия со всей энергией, на которую только способны адепты новой власти.

Одним из этих обстоятельств является голод и продовольственный вопрос, неизбежный спутник «социальных» революций. До последнего времени социалистическая теория пред-

полагала, что переход от буржуазного строя к социалистическому совершается сравнительно безболезненно. Обобществление средств производства, рационализация хозяйства, плановое его ведение освобождают такое количество скованных до тех пор производительных сил, что оно с избытком покрывает и сокращение рабочего дня, и некоторое разрушение старого аппарата, и все остальные издержки революции.

Опыт последних европейских революций убедил всех в обратном. Даже простая «буржуазная» революция резко понижает стимулы к труду и сокращает его производительность. «Социальная» революция, сопровождаемая расстройством денежной системы и рискованными экономическими экспериментами, еще глубже разрушает народохозяйственный организм и разрушает правильное его функционирование.

Особенно тяжелые последствия имеет неизбежный разрыв экономических связей между городом и деревней. Падение покупательной силы денег и сокращение производства промышленных изделий заставляют деревню замыкаться в своем кругу и переходить к натуральному хозяйству. Город оказывается тоже предоставленным самому себе. Но здесь-то и сказывается органическая разница между сельским хозяйством и промышленностью. Разрыв промышленности и сельского хозяйства больнее ощущается городом, чем деревней. Как бы глубоко ни зашло разделение труда в стране, в трудную минуту земледелец скорее обойдется без помощи городского рабочего, чем наоборот. Можно представить себе деревенского жителя, годами не подновляющего запасы одежды, обуви и домашней утвари. Но город без подвоза пищи не может существовать и несколько дней. Невозможно и существование промышленности без накопления в руках управляющих ею органов соответствующих запасов продовольствия. Наконец, значительная часть промышленного сырья — льна, пеньки, шерсти и кож — также оказывается в распоряжении мелких земельных собственников, и они предпочитают перерабатывать его сами кустарным способом, чем отдавать монополизированной и бесполезной для них государственной промышленности. Падение производительности труда одинаково пора-

жает и сельское хозяйство и промышленность, «социальная» революция ухудшает положение всех производителей реальных ценностей. Но благодаря натуральному или полунатуральному строю мелкое крестьянское хозяйство дольше сопротивляется разрушительным влияниям социальных переворотов, совершенно так же, как раньше оно имело большую устойчивость по отношению к хозяйственным кризисам капиталистического мира.

Однако в эпоху социальной революции власть находится в руках города и промышленного пролетариата. Теоретики социальных революций пытаются примирить своих сторонников с неизбежным падением производительных сил переходного периода и взывают к терпению передовых борцов за социализм. Но голодное терпение приходит быстро к концу. Обманутый городской рабочий не может относиться спокойно к относительному благополучию и сытости «революционной» деревни. Отсюда рождается первый и, быть может, один из наиболее сильных стимулов к социалистическому овладению крестьянством, «борьба за хлеб» социалистического государства.

Но не только продовольственная нужда заставляет вовлекать деревню в сферу социалистического влияния. Этого требуют и прямые задачи положительной программы социализма. Социалистическое народное хозяйство есть прежде всего, как мы знаем, хозяйство плановое. Невозможно, однако, построить план удовлетворения потребностей общества и соответствующей организации производства, имея в своем распоряжении только часть отраслей производительной деятельности населения. Основой социалистического строительства признается крупная промышленность. Но откуда взять для нее продовольствие, рабочую силу и отчасти сырой материал? Все это элементарные условия существования промышленности, и все это дает сельское хозяйство, раздробленное между миллионами самостоятельных, хозяйственных единиц. Чтобы сельское хозяйство регулярно доставляло в необходимых количествах все нужное для государственной промышленности и городов, социалистическая власть долж-

на заменить своими распоряжениями те указания относительно характера и объема производства, которые давались раньше каждому индивидуальному хозяину спросом и ценами. Словом, в той или иной мере, тем или иным способом сельскохозяйственное производство должно быть включено в общегосударственный хозяйственный план, иначе станет невозможным существование опоры социализма — крупной промышленности.

Итак, под давлением непосредственной продовольственной нужды, с одной стороны, и в целях осуществления социалистического хозяйственного плана — с другой, социалистическая власть, кем бы она ни была представлена, должна быть обязательно агрессивна по отношению к классу мелких земледельцев. Оставить их в покое — значило бы действовать вразрез с инстинктом самосохранения.

Описанные выше теоретические условия социализация сельского хозяйства вполне объясняют характер взаимоотношений между большевизмом и русским крестьянством.

Захвативший в октябре 1917 г. политическую власть городской пролетариат должен был решить труднейшую задачу. Незначительной кучке промышленных рабочих и их идеологов предстояло покорить огромную крестьянскую страну. В организационно-производственном отношении это означало ассимиляцию 15,5 млн хозяйственных единиц, обладавших к моменту революции уже довольно сложным и разнообразным строением[3]. В политическом отношении необходимо было преодолеть сопротивление или примирить с новыми формами хозяйственной жизни 130 миллионов полуграмотного населения деревни, в огромном большинстве своем ничего не слыхавшего о социализме и не имевшего к нему ни малейшей склонности. В то же время создававшиеся после революции объективные условия позволяли оставить деревенскую мас-

---

[3] *На основании статистических данных 1916 г., профессор Челинцев разделяет Европейскую Россию на 42 района, отличающиеся друг от друга направлением и организацией сельского хозяйства. (См.: Челинцев А. Н. Состояние и развитие русского сельского хозяйства по данным переписи 1916 г. и железнодорожных перевозок. Харьков, 1918.— **Ред.**).*

су в стороне и сосредоточить все усилия на социализации промышленности и городской культуры. Продовольственный вопрос, наметившийся в форме умеренной дороговизны еще при царском правительстве, резко ухудшался под влиянием полусоциалистических мероприятий Временного правительства. Октябрьский прыжок в неизвестность сопровождался катастрофическим ростом цен и замедлением притока жизненных припасов к потребляющим центрам. Гражданская война окончательно разорвала связь между городом и деревней. Чтобы не умереть с голоду, победитель-рабочий должен был во что бы то ни стало овладеть источниками хлеба. Несколько позже к непосредственным велениям голода присоединились запросы организуемого на новых началах народного хозяйства. Жизненный нерв «пролетарского» государства, крупная промышленность грозила окончательным распадом без регулярного притока сырья и продовольствия. Для строителей социализма выяснилась необходимость единого хозяйственного плана на основе одинаково полного регулирования и промышленности и сельского хозяйства.

Так родилась «упорная борьба за хлеб», борьба городского рабочего и крестьянина, борьба социализма и мелкобуржуазной стихии.

Последующие страницы посвящены описанию этой борьбы. Мы считаем, что время для беспристрастного описания и подведения итогов русского опыта уже настало, ибо опыт этот приближается к концу. В тот момент, когда пишутся эти строки, пятилетнюю схватку города и деревни можно считать законченной. Провозглашенные во второй четверти 1921 г. основы «новой экономической политики» означают не что иное, как капитуляцию социализма перед мелкобуржуазной стихией и замаскированный поворот к старому.

Этот скромный результат русского опыта не должен, однако, умалять его значение. Прежде чем перейти к описанию отдельных стадий и эпизодов борьбы за обобществление сельского хозяйства, мы должны предостеречь читателя против одного широко распространенного заблуждения. Считают, и это мнение распространено преимущественно среди иностран-

ных умеренных социалистов, что русский коммунизм не представляет собой настоящего социализма. Все неудачи и экстравагантности большевизма относятся, таким образом, либо на счет русской дикости и некультурности, либо на счет неумения найти истинно социалистическое решение вопроса.

Против первого возражения защитниками русской революции выдвинуто соображение, что как раз отсталые в экономическом отношении страны и дают наиболее благоприятную почву для осуществления социализма[4]. По сравнению с традиционной доктриной Маркса это, конечно, серьезная ересь. Но наблюдение над практикой социальных революций показывает, что в ней много правды. В отсталых странах, приобщившихся, однако, к капиталистическому развитию имеется обыкновенно небольшой, но хорошо организованный и пропитанный социалистическими идеями класс промышленных рабочих. Ему противостоит распыленная и по существу аполитичная масса сельского населения. Такое соотношение сил сразу определяет господ и слуг, объектов и субъектов нового положения. Отсутствие гражданских свобод и непривычка к ним помогают населению подчиниться деспотическим крайностям диктатуры пролетариата. Наконец, низкий уровень потребностей мирится с неизбежной нищетой и оскудением, приходящими вместе с коммунизмом. По всем этим причинам вполне понятно, что социалистические опыты скорее всего возникают и больше всего имеют шансов на успех как раз в отсталых аграрных странах. Не случайно вызванная войной политическая революция сделалась «социалистической» в России и осталась «буржуазной» в Германий. И не случайно примеру России попыталась последовать именно Венгрия.

Что касается предположения, будто русские коммунисты не сумели быть и остаться социалистами, то против этого утверждения должны поднять голос все пережившие и перетерпевшие русскую революцию. Мы, русские, вынесем все многообразие социалистического опыта; мы изо дня в день следим за потоком декретов и их претворением в жизнь; мы

[4] *Бухарин Н. Экономика переходного периода. М., 1920. (С. 148–157. — **Ред.**)*

знаем историю каждого распоряжения, обстоятельства, его породившие или приведшие к уничтожению. Мы помним, наконец, общее *настроение* минувшей эпохи. И мы свидетельствуем, что образ русского большевизма и есть подлинное лицо всякого последовательного социализма.

Социалистическая мысль всегда избегала изображений своего положительного идеала. Это было прямо запрещено Марксом, заклеймившим такое занятие кличкой «Zukunftmalerei».

В тех немногих случаях, когда социалисты решались нарушить заповедь своего учителя, мы получали ряд намеков и сентиментальных общих мест вроде туманных пророчеств старика Бебеля. Теоретический социализм не предусматривал даже необходимости построения общего хозяйственного плана, он не ставил вопрос о понятии выгодности в социалистическом обществе и не давал элементарнейших основ социалистической экономики[5]. Что мог почерпнуть из этой литературы русский коммунизм для надобностей своего грандиозного практического строительства? И как могут упрекать его в несоциалистичности те, кто не имеет ни малейшего представления о конкретных и практических условиях проведения в жизнь того или иного социалистического принципа?

Возьмем, например, непосредственно занимающий нас вопрос о социализации сельского хозяйства. Какой материал для решения этого вопроса дает социалистическая литература? У старых теоретиков мы находим только общие формулы, свидетельствующие о полном непонимании существа и сложности проблемы. Маркс ограничивается резкими выпадами против «варварского» класса мелких земельных собственников и выражает надежду на то, что «на известной ступени развития» собственность на землю окажется «излишней и вредной», «даже с точки зрения капиталистического способа производства»[6].

---

[5] *Значительная часть современной германской литературы о социализме и социализации до сих пор, например, ведет свою аргументацию в предположении, что в социалистическом обществе сохраняются и обмен и деньги. Не ставится даже вопрос, насколько эти явления совместимы с натурально-хозяйственным, безобменным строем социалистического общества.*

[6] *Marx K. Das Kapital. Bd. III. Hamburg, 1894. S. 340–342.*

Энгельс уверен, что «возвращенные обществу крупные имения» будут предоставлены в пользование обрабатывавшим их рабочим. «На каких условиях» это произойдет, Энгельс затрудняется «сказать определенно», но он уверен, что «пример этих земледельческих товариществ убедит и последних еще сопротивляющихся мелких и даже крупных крестьян в преимуществе крупного обобществленного хозяйства»[7]. Каутский успокаивает себя рассуждением, что «крестьянское мелкое хозяйство оказывается сильнейшим тормозом всякого технического прогресса» и что с течением времени разница между возможной и действительной производительностью труда в земледелии будет все более увеличиваться[8].

Все это не решение вопроса и даже не намеки на его практическую постановку. Надо ли ждать, по Марксу, той «известной» ступени, когда сам капитализм уничтожит вредный пережиток земельной собственности? Или нужно последовать совету Энгельса и положиться на соблазнительный пример земледельческих товариществ, не задумываясь над тем, что же, собственно, может соблазнить мелкого и даже крупного крестьянина променять свое положение самостоятельного хозяина на роль наемного батрака в обобществленном хозяйстве?

Старые теоретики социализма возлагали все свои надежды на стихийный процесс концентрации производства, они мыслили его одинаково сильно действующим в промышленности и сельском хозяйстве и не представляли себе, что социализм может застать далеко не изжитым мелкое производство в промышленности и год от году растущее распыление земледелия. Взгляды Маркса и Энгельса годятся для цитат, но не для практического строения социализма.

Не лучше обстоит дело и с новейшим теоретическим социализмом. Учитывая социальную окраску последних революций, он считается с возможностью немедленной практической постановки вопроса о социализации сельского хозяйства. Но какие же рецепты даются на этот случай?

Одно течение, его мы назвали бы консервативно-утопи-

---

[7] *Engels Fr. Die Bauernfrage in Fronkreich und Deutschland. Neue Zeit. 1894/95. Bd. II.*
[8] *Kautsky K. Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft. Stuttgart, 1910.*

ческим, продолжает искать спасения в преимуществах крупного хозяйства. Не решаясь отрицать фактическую эволюцию в сторону распыления земледелия, представители этого течения с увлечением описывают выгоды «рационального» крупного хозяйства и требуют от социалистической власти немедленного насаждения крупной культуры вопреки всем фактическим тенденциям старого строя. Таков, например, план социалистической реорганизации германского сельского хозяйства, выдвинутый в последнее время проф. Баллодом (Атлантикус)[9]. Утопичность его заключается не только в полном игнорировании особенностей сельскохозяйственной техники, но и в том, что автор не указывает, каким образом будет осуществлен его проект. Мы не знаем, рассчитывает ли проф. Баллод на убедительность своих доводов или на силу принуждения, должны ли миллионы нынешних мелких земледельцев добровольно уступить место ста тысячам будущих поместий или их придется заставить сделать это силой.

Другое решение аграрного вопроса — его можно назвать либерально-практическим — заключается в том, что мелкое земледелие оставляется за пределами социалистического хозяйства. Создается особая теория — теория трудовой собственности, отличной от собственности, эксплуатирующей чужой труд. Социализм борется только со вторым видом собственности, трудовая собственность для него безвредна, мелкие и средние крестьяне могут жить по-прежнему и при социализме. Таким отношением к мелкой собственности социалисты будто бы могут нейтрализовать противодействие земледельческого населения и сосредоточить внимание на более узкой и простой задаче обобществления крупных хозяйственных единиц. Так учат David, Hertz, Bauer и в последнее время даже Каутский[10].

Нужно ли пояснять, что подобная точка зрения есть обход, а не решение вопроса. Она покоится на полном забвении того факта, что социализм есть не только образ мыслей, но и

---

[9] *Ballod K. Der Zukunftstaat. Produktion und Konsm in Sozialstaat. Stuttgart, 1920.*
[10] *Ср. цит. выше книгу E. David, затем: Kautsky K. Die Socialisierung der Landwirtschaft. Berlin, 1919; Dr. Hertz O. Agrarfrage und Sozialismus. Berlin. 1901; Bauer O. Der Weg zum Sozialismus. Berlin, 1919.*

определенная форма общественно организованного производства и распределения. Можно ли представить себе единое общество-хозяйство, в котором часть производства ведется по общему плану, а другая предоставлена на усмотрение индивидуальных производителей? Откуда будет получать социализированная промышленность необходимое для нее сырье и продовольствие, кто будет кормить город и армию, как заставить мелкого земледельца производить именно то, что нужно общественному хозяйству, и в надлежащих количествах? Как будут уживаться рядом собственник и член социалистического общества, как будут устроены экономические и социальные отношения между двумя во всем противоположными мирами, насильственно объединенными в одном и том же политическом целом? Все это вопросы, на которые не может дать ответ неопределенная доктрина невмешательства и трудовой собственности, связанная с именем Давид-Каутского. Практическое осуществление ее привело бы к одному из двух: или социализм превратился бы в простое расширение государственного хозяйства, которое по-прежнему оставалось бы вставленным в рамку частной инициативы индивидуальных хозяйств, или, если бы мы захотели осуществить строй более близкий к замыслам учителей социализма, пришлось бы наметить более последовательную программу социализации народного хозяйства, в которой было бы уделено достаточно внимания и задачам обобществления мелкого земледелия.

Не давала готовых решений и русская дореволюционная социалистическая литература. В соответствии с аграрным строем народного хозяйства здесь уделялось больше внимания будущим судьбам земледелия, чем в литературе европейской. Программы русских социалистических партий содержат проекты национализации, муниципализации и социализации земли. Огромная русская литература по аграрному вопросу наполовину заполнена двадцатилетним спором между марксистами и так называемыми «народниками»[11]. Спор шел по преимуществу о степени проникновения капи-

[11] *Социал-демократическая точка зрения изложена и обоснована у В. Ильи-*

тализма в сельское хозяйство и о законах эволюции последнего. Марксисты долгое время защищали правоверную точку зрения и вели подробный учет завоеваниям капитала. Народники возлагали надежду на земельную общину и принимали прогрессирующее измельчание сельского хозяйства за проявление присущей будто бы русскому народу склонности к социализму. В последнее время марксисты вынуждены были признать, что победа капитализма в земледелии дело слишком отдаленного будущего. Вследствие этого их программы национализации и муниципализации земли частью приблизились к западноевропейским «либерально-практическим» образцам, частью потеряли всякие реальные очертания. Народники, со своей стороны, настаивали только на передаче всей земля в уравнительное пользование трудовому населению. Все остальное должно было решить природное социалистическое чутье крестьянина. В итоге спор между русскими социалистами шел либо из-за общих теоретических вопросов, либо, в лучшем случае, из-за преимуществ разных юридических титулов в землепользовании. Проблема регулирования сельского хозяйства на другой день после социального переворота оставалась совершенно не затронутой.

Таким образом, ни дома, ни за границей русский большевизм не мог найти опорных пунктов для своей аграрной политики. Приходилось строить почти на пустом месте.

И мы должны с полной откровенностью признать: постройка велась умелыми руками. Дело не только в том, что с фанатическим пиететом были использованы все намеки учителей социализма и что к каждому периоду политики выбиралось эпиграфом какое-нибудь изречение Маркса. Большевики действовали не только по букве, но и по духу социалистического учения. Везде, где не хватало готовых решений, — а таких случаев было большинство, — они изобретали свою собственную фор-

---

на-Н. Ленина (Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции. Пг., 1917). Народнические взгляды можно найти у В. Чернова (Чернов В. Земля и право. Пг., 1918). Сравнительный разбор обеих программ проведен В. Мещеряковым (Мещеряков В. Национа-лизация и социализация земли. М., 1918).

мулу. При этом их выбор всегда падал на решение, наиболее отвечающее основным принципам социализма. Если под давлением объективных условий приходилось заменять одно решение другим или жертвовать одним принципом в пользу другого, то из двух зол выбиралось всегда меньшее и из двух неизбежных ударов совершенному коммунизму наносился слабейший. Как в аграрном вопросе, так и во всех других отраслях экономической политики большевики шли всегда кратчайшим и наиболее практическим путем.

Зигзаги коммунистической политики обусловлены не ошибками мышления, а объективными условиями, не предусмотренными социалистической теорией. Осторожно и ощупью продвигалась советская власть между всеми подводными камнями социализма, не теряя направления и постоянно помня конечные цели своего пути. И если в конце концов социалистическое здание лежит в обломках, то в этом вина не строителей, а тех принципов, по которым воздвигалось постройка. К русскому опыту надо относиться с полным вниманием и серьезностью. В нем содержится приговор не только практическим попыткам социального переустройства, но и самым теоретическим основам социализма.

Последующие страницы распадаются на три части*.

В первой из них рассматривается в основных чертах содержание русского аграрного вопроса перед революцией. Это необходимо прежде всего для того, чтобы знать, в каком состоянии находилось сельское хозяйство к началу социального опыта. Существует довольно распространенное мнение, будто земельные отношения в России были настолько запутаны, что социальный кризис был все равно неизбежен. Русское революционное социалистическое движение в значительной мере питалось тем недовольством, которое наблюдалось среди масс крестьянского населения, находившихся в тяжелом экономическом положении. С другой стороны, не было недостатка в людях, отрицательно относившихся к социалистическим иде-

*Так в тексте.— **Ред.**

ям, но, благодаря неправильному представлению о причинах народной бедности, усматривавших радикальное средство помощи тоже в революционном разрешении земельного вопроса, в экспроприации помещиков и в равномерном распределении между мелкими крестьянами земельной собственности. Путем анализа реального содержания русского аграрного кризиса мы постараемся показать, что он был обусловлен объективными особенностями экономического развития страны, что он не мог быть смягчен принудительным уравнением земельной собственности, что естественный ход эволюции мирным путем вел к экономическому прогрессу и что мировая война скорее способствовала укреплению, чем разрушению передовых типов крестьянского хозяйства.

Вторая часть работы посвящена описанию революционных процессов и социалистического опыта в применении к сельскому хозяйству. Здесь дается систематическое изложение законодательств и практических мероприятий в области земельной и продовольственной политики, при помощи которых советская власть пыталась овладеть сельскохозяйственным производством, подчинить его плану государственного хозяйства и подвести материальный фундамент под национализированную промышленность. Пять лет советской политики подразделяются на несколько более или менее резко ограниченных друг от друга периодов, каждый из которых имеет свою особую схему достижения одной и той же цели обобществления национального хозяйства. Кроме описания самого советского законодательства, автор ставит себе задачу показать, что в быстрой смене мероприятий и декретов имелась своя внутренняя логика, что все отступления от теоретического социализма были обусловлены практической необходимостью и что капитуляция перед индивидуалистическим принципом хозяйствования произошла только тогда, когда разрушение сельскохозяйственного производства начало угрожать самому существованию социалистического правительства.

Третья часть подводит итоги объективным результатам социалистического опыта, независимо от тех целей, которые он себе поставил. Здесь устанавливается причинная связь меж-

ду основными принципами советской экономической политики и натурально-потребительским вырождением индивидуалистического мелкого земледельческого хозяйства. Далее анализируются печальные народнохозяйственные последствия этого основного акта русской экономики, доказывается бесплодность и внутренняя противоречивость «новой экономической политики» в применения к сельскому хозяйству и, наконец, намечается единственно правильный, по мнению автора, путь экономического возрождения страны.

В целом, таким образом, книга стремится дать ответ на три основные и естественные вопроса: что было с сельским хозяйством России до революции, какой социальный опыт над ним проделан и к каким объективным результатам это привело.

Основная мысль автора заключается в том, что русская революция содержит гораздо больше общечеловеческих, чем национальных черт. Хотя изложение носит большей частью конкретный характер, сквозь описание русских частей должны просвечивать более широкие выводы. По глубокому убеждению автора, «социальная» революция, разразившаяся в любой стране мира, будет идти приблизительно теми же путями и приведет к одним и тем же результатам. На долю России выпала только печальная участь дать первый устрашающий и предостерегающий пример.

ЧАСТЬ I

Аграрный вопрос перед революцией

Глава 1
Аграрный кризис и перенаселение

В последней трети XIX в. русское сельское хозяйство переживало жестокий кризис. Сущность последнего была, однако, совершенно иная, чем того застоя, который наблюдался в 70–80-х гг. в земледелии европейских стран.

Кризис западного капиталистического и товарного сельского хозяйства объяснялся прежде всего заокеанской конкуренцией и падением цен на земледельческие продукты.

Россия сравнительно очень мало пострадала от неблагоприятной мировой конъюнктуры хлебного рынка. Застарелым органическим пороком русского сельского хозяйства было *аграрное перенаселение.*

На первый взгляд мысль о чрезмерной густоте населения плохо мирится с картиной бесконечного простора равнин и лесов России. В действительности, понятие перенаселенности есть понятие сложное и относительное. «Нередко, менее всего населенные страны,— говорит Мальтус,— оказываются более всего обремененными своим населением и более всего страдают от влияния закона народонаселения».

Нет ничего ошибочнее представления о России как о стране крупного хозяйства и редкого земледельческого населения.

В отличие от многих стран Европы русские крестьяне были освобождены в 1861 г. от крепостной зависимости с доволь-

но значительным количеством земли, переданной им сначала в бессрочное пользование, а затем в коллективную общинную собственность.

В 1877 г., т. е. через 16 лет после освобождения крестьян, в руках частных крупных землевладельцев находилось 24,7%, в руках государства и публично-правовых учреждений — 44,9% и в руках крестьян — 30,4% общей площади земли. У крестьян о самого начала оказалось земли более, чем у помещиков.

Но общая площадь землевладения еще не дает точного представления о соотношении разных форм хозяйства. Для этой цели более показательны сопоставления удобной земли или даже одной пахотной. В 1887 г. крестьянам принадлежало по 50 губерниям Европейской России 77,8 млн десятин, или 54,5% всей площади пахотной земли. [Если отбросить окраинные губернии вроде Вологодской, Архангельской и Астраханской и взять одну черноземную, по преимуществу земледельческую полосу, то здесь доля крестьянской земли поднимается еще выше. В 13 из 26 губерний она составляет 3/4 всего количества пахотной земли.

С течением времени роль мелкого хозяйства быстро возрастала за счет крупного землевладения. К началу 1914 г. крестьяне купили у помещиков приблизительно 27 млн десятин, или около 30% того количества земли, которым располагало крупное землевладение в 1877 г. Кроме покупки земли, крестьяне арендовали у помещиков значительную часть их владений. Размеры арендного фонда исчисляются по новейшим подсчетам в 27 млн десятин. В действительности арендные отношения, вероятно, еще больше перемещали центр тяжести в сторону крестьянского землепользования.]

Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1916 г. впервые позволила более или менее точно выяснить соотношение между мелким и крупным хозяйством. Оказалось, что в Европейской России капиталистически организованные хозяйства занимали не более 10% общей посевной площади. Все остальное находилось в руках мелких земледельцев, обрабаты-

вавших свои поля по преимуществу собственный семейным трудом*.

Россия является, таким образом, классической страной мелкого крестьянского хозяйства. Судьбы ее земледелия тесно связаны с судьбами крестьянского хозяйства. Ее аграрный кризис есть прежде всего кризис крестьянского хозяйства.

Было много признаков того, что в последней трети XIX в. хозяйства хозяйства крестьянское земледелие России находилось действительно в ненормальном положении. Уровень жизни сельского населения стоял чрезвычайно низко. Высокая смертность, ежегодные эпидемии и растущий процент забракованных при призыве на военную службу свидетельствовали о скверном питании и отвратительных санитарных условиях русской деревни. Начиная с 1860 г. каждые 10 лет случалось 2–3 неурожая, сильнее всего поражавших как раз крестьянское хозяйство и обнаруживавших низкую производительность труда мелких земледельцев. Количество рабочего и продуктивного скота возрастало чрезвычайно медленно, а местами даже резко сокращалось. Частичные земские сельскохозяйственные переписи обнаруживали огромный процент безскотных хозяйств, обрабатывавших землю соседским инвентарем и не имевших, следовательно, никакого удобрения для своих полей. Подавляющее большинство хозяйств обладало не более как одной коровой и одной лошадью. Платежеспособность сельского населения была так низка, что недоимки по государственным платежам в отдельных районах достигали в 90-х гг. 400% годового оклада. Наличность кризиса крестьянского хозяйства одинаково признавалась и радикальной интеллигенцией, и консервативными дворянскими кругами, и правительством, в конце 90-х годов назначившим специальную «Комиссию по исследованию причин оскудения центра», превратившуюся (с 1902 г.) в широко организованное «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности», работавшее под председательством С. Ю. Витте.

---

*См.: *Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи. Вып. I. Европейская Россия. Пг., 1916. С. 2–113. Подсчет автора.* — **Ред.**

Относительно природы аграрного кризиса мнения, однако, разделились. Радикальные и социалистические партии разных оттенков усматривали причину застоя крестьянского хозяйства в его малоземелье и главным лекарством считали принудительное отчуждение в пользу крестьян земель «нетрудового пользования». Крайние консервативные течения винили во всем самого крестьянина, его лень и пьянство, не позволявшие извлекать из земли достаточные доходы. Многие весь корень зла находили в устаревшем земельном праве и прежде всего в уравнительно-передельном механизме земельной общины. Значительная группа писателей и общественных деятелей рассчитывала, наконец, на просвещение и возлагала все надежды на мирную агрономически культурную работу среди сельского населения.

В каждом из этих взглядов была своя доля истины, и все они были недостаточны для полного объяснения. Аграрный вопрос в России издавна был вопросом политическим. На этой почве разные партии сводили свои счеты, неудивительно, что и оценки причин кризиса чаще всего подсказывались политическими симпатиями и взглядами. Понадобились две революции и беспримерный по своей грандиозности социальный переворот, чтобы разбить иллюзии и ложные представления, годами накапливавшиеся вокруг аграрного вопроса. Только теперь, после того, как уничтожено с корнем крупное хозяйство и отменена частная собственность на землю [и над сельским хозяйством проделан ряд сложных социально-экономических опытов], сделалось ясным, в чем заключалась природа того кризиса, который тяготел над крестьянским хозяйством в течение нескольких десятилетий. Теперь кажется аксиомой то, что квалифицировалось как величайшая ересь немного лет назад. Теперь все одинаково сходятся в том, что русский аграрный кризис конца XIX в. был не чем иным, как проявлением аграрного перенаселения или несоответствия между увеличением продукции сельского хозяйства и ростом сельского населения.

Перенаселенность русской деревни легко обнаруживается при помощи статистики населения и посевов. Сельское население 50 губерний Европейской России, не превышав-

шее в 1850-х гг. 50 млн душ, в 1900 г. насчитывало уже 83 млн, а в 1914 г. — 103 млн душ. Земельная обеспеченность крестьянства резко понижалась благодаря неудержимому приросту населения. При освобождении крестьян средний надел составлял 4,8 десятины на каждую мужскую душу, в 1900 г., или через 40 лет, эта площадь упала почти вдвое[1]. Ни скупка земель у помещиков, ни аренда, ни увеличение распашки, ни некоторый рост урожайности не могли перевесить стремительное измельчание хозяйственных единиц и вытекающие отсюда последствия.

Сокращение посевной площади хозяйства предопределяло размеры посевов. Абсолютно возрастая, посевы заметно сокращались относительно. В 1881 г. было засеяно в 50 губерниях Европейской России 63,5 млн десятин разных хлебов. По расчету на голову сельского населения это составляло около 1,03 десятины. Через 15 лет душевой посев составлял уже только 0,82 десятины, или на 20% меньше. Для основной части земледельческой России, для ее центра, востока и юга, где слабо развито скотоводство и особенно промыслы, размеры посева точно соответствуют уровню благосостояния хозяйства. Последнее явным образом понижалось параллельно относительному сокращению посевов. В конце концов Россия превращалась не только в страну мелкого хозяйства, но в ней пускало прочные корни и хозяйство мельчайшее, парцеллярное, не способное доставить своему владельцу самых необходимых средств существования.

---

[1] *Кауфман А. А. Аграрный вопрос в России. М., 1919. С. 42, 56–57. В России нет хорошей статистики населения, поэтому приведенные цифры должны считаться приблизительными. Более точными могли бы быть лишь сопоставления данных Всероссийской переписи 1897г. и сельскохозяйственной переписи 1916 г. Так как два года войны не могли не отразиться на численности мужского населения, то для сравнения правильнее взять число зарегистрированных в обоих случаях женщин. В 1897 г. по 47 губерниям Европейской России оно равнялось 37,6 млн душ, а в 1916 г. по тем же 47 губерниям в составе сельского населения было насчитано 47,3 млн женщин. За 19 лет прирост сельского населения составил, таким образом, в среднем 25,3%. (Статистические данные по земельному вопросу в Европейской России. СПб., 1906 и Статистический сборник за 1913–1917 гг. М., 1921).*

Иллюстрацией измельчания крестьянского хозяйства может служить таблица 1, характеризующая распределение общего числа крестьянских хозяйств по группам с разной посевной площадью и разной обеспеченностью рабочим и продуктивным скотом.

Данные относятся к 1917 г., т. е. к тому периоду, когда, как увидим позже, кризис крестьянских хозяйств принял значительно смягченные формы. Несмотря на это, пропорция

Таблица 1

Экономическая группировка крестьянских хозяйств в 1917 г.*

По посеву (в десятинах)		По числу лошадей		По числу коров	
Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %	Группы	Уд. вес хозяйств, %
Без посева	11,49	Без лошади	28,75	Без коровы	18,18
До 1,0	10,34	С 1 лошадью	47,62	С 1 коровой	56,68
1,1-2,0	18,36	С 2 - // -	17,57	С 2 коровами	18,94
2,1-4,0	28,92	С 3 - // -	3,98	С 3 - // -	4,30
4,1-6,0	14,65	С 4 - // -	1,24	С 4 - // -	1,23
6,1-10,0	11,16	С 5 и более	0,84	С 5 и более	0,67
10,1-16,0	3,84		100,0		100,0
16,1-25,0	0,98				
25 и более	0,26				
	100,0				

* Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. М., 1922. С. 20–21. В основу группировок положены 427 тысяч хозяйств по 25 губерниям.

хозяйств разной экономической мощности поражает преобладанием низших групп.

Более 1/4 крестьянских хозяйств не имеют лошади и около 1/5 не имеют коров, приблизительно половина всех дворов имеют по одной лошади и по одной корове. Сумма безлошадных и однолошадных, безкоровных и однокоровных дворов дает не менее 75% общего числа хозяйств. Очевидно, все это предприятия, стоящие на грани самостоятельного существования. То же самое относится к характеристике хозяйств по посевам. Здесь к числу мельчайших единиц должны быть отнесены не только хозяйства с абсолютно ничтожным посевом или вовсе ничего не сеющие. Парцеллярными могут быть названы и группы хозяйств с посевом 2–4 и 4–6 десятин, ибо среди них преобладают многочисленные семьи, по расчету на душу населения обрабатывающие такую же площадь, как в самых низших группах. В группе хозяйств с посевом 2–4 десятины, например, семьи с 4 членами и выше составляют 87,4%, а семьи с 7 членами и выше — 42,4% общего по группе числа хозяйств. В следующей посевной группе роль крупных семей еще выше. Семьи, насчитывающие более 7 членов, составляют здесь 54,1%, а семьи более чем 4-членные — 92,4% от общего числа хозяйств в группе. Если считать таким образом хозяйства с посевом от 0 до 6 десятин парцеллярными, то доля их в общей массе крестьянских хозяйств составит 83,7%.

Преобладание мелких и мельчайших хозяйств накладывает отпечаток на весь характер русского земледелия. В таблице 2 сопоставлены данные о средних размерах посевной площади на 100 душ сельского населения в разных странах Европы.

Несмотря на то, что русские данные относятся к 1916 г., когда положение сельского хозяйства уже несколько улучшилось, а сельское население было сильно разрежено войной, мы видим, что соотношение между обрабатываемой площадью и численностью населения продолжает оставаться крайне неблагоприятным. По средней обеспеченности посевами Россия стоит на четвертом месте среди земледельческих стран Европейского континента. Только Венгрия и особенно Австрия имеют более сгущенное сельское население, чем Россия.

Таблица 2

Обеспеченность посевами сельского населения
десятин посева на 100 душ сельского населения*

Государства	Посевная площадь	Районы Европейской России	Посевная площадь
Дания	126	Новороссия	147
Франция	105	Прибалтика	122
Германия	104	Нижне-Волжские губ.	120
Венгрия	82	Средне-Волжские -»-	82
Австрия	66	Приуральские -»-	81
Бельгия	58	Малороссийские -»-	80
Нидерланды	39	Центр[ально-] Земледельческие -»-	79
		Белоруссия	75
		Юго-Западные губ.	67
		Приозерные -»-	50
		Центр[ально-] Промышленные -»-	40
		Северные -»-	33
		Всего по Европейской России	83

* Площади посевов для районов России вычислены по.: Предварительным итоги сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. I. Пг., 1916. Цифры для европейских государств взяты из книги: Б.Д.Бруцкус Аграрный вопрос и аграрная политика. Пг., 1922. С. 102). Там же приведены еще более низкие цифры обеспеченности посевами перенаселенных районов России. До войны в Юго-Западных губерниях сеялось, по Бруцкусу, 48 дес. посева на 100 душ, в Малороссийских губ. — 63 и Центрально-Земледельческих — 67.

Огромные пространства России неправильно характеризовать, впрочем, одной средней цифрой. Плотность сельского населения весьма различна в разных экономических районах страны. Практически средняя обеспеченность посевами сельского населения приближается к датской норме или даже не-

сколько превосходит ее. Порайонное рассмотрение цифр еще более ухудшает общую картину.

Остальные районы дают коэффициенты обеспеченности значительно ниже средней общерусской нормы. Более сгущенным по отношению к обрабатываемой площади оказывается население Севера, Приозерного края, промышленного Центра и земледельческого Юго-Запада. В трех из перечисленных районов плотность сельского населения оказывается выше, чем в промышленной Бельгии. Наиболее страдающей от перенаселения следует считать широкую полосу центрально-земледельческих и средне-волжских губерний, где нет ни широко развитых промыслов и промышленности Севера, ни плодородной почвы Юго-Запада.

Положение русского сельского хозяйства по сравнению с европейским ухудшается еще отсталой техникой и низким уровнем производительности земледельческого труда. [В России благодаря господствующей до сих пор системе зернового трехполья распахано и находится под посевом относительно гораздо большая часть удобной земли, чем на Западе.] Низкая урожайность русского земледелия, особенно на крестьянских землях, хорошо известна. В 1913 г., например, удачном по урожаю для России, средний сбор с единицы площади был все-таки по всем хлебам ниже, чем в любой из 15 главнейших европейских стран. Урожай пшеницы был в 3 раза ниже, чем в Англии, Бельгии, Германии, Голландии, Швейцарии и Швеции[2].

Мы видим, судьбы сельского хозяйства в России и на Западе складывались по-разному. И там и здесь вторая половина XIX в. была тяжелой эпохой для земледельческого промысла. С одной стороны, быстрый рост населения приводил к необходимости прилагать все большее количество труда к одной и той же площади. Это вызывало действие закона уменьшающейся производительности и повышало издержки производства интенсивного хозяйства. С другой стороны, конкуренция заокеанского хлеба с экстенсивных полей Америки роняла цены и создавала не-

[2] *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год 8. Пг., 1915. С. 113–114.*

благоприятную для сельского хозяйства рыночную конъюнктуру. Западным континентальным странам довольно быстро удалось справиться с аграрным кризисом. Быстрый рост городов и промышленности без остатка поглощал все избыточное население деревни. Таможенная охрана и распространение улучшенных приемов земледелия укрепили оставшихся на земле хозяев. В начале XX в. европейские страны боролись уже не с перенаселением, а с опустением деревни и недостатком рабочих рук в сельском хозяйстве. В Германии по переписям 1882 и 1907 гг. численность сельского населения упала с 19 до 17,6 млн человек, т. е. на 8,3%.

В России процессы шли в другом направлении. С 61 млн человек в 1883 г. сельское население поднялось до 67,7 млн в 1897 г. и до 84,7 млн в 1916 г., т. е. за 33 года возросло на 37%. Сельское хозяйство, как губка, впитывало быстро растущее население. Ни расширение посевной площади, ни повышение урожайности не компенсировали этого роста. Сельское население сгушалось с каждым годом и соотношение между средствами производства и потребителями становилось все более неблагоприятным. Народ, на первый взгляд затерявшийся среди своих равнин и лесов, на самом деле испытывал жестокие страдания от «земельной тесноты», или перенаселения.

Глава 2
Причины аграрного перенаселения

Здесь не место входить в подробное описание причин аграрного перенаселения России. В конце концов к нему неизбежно должна была прийти обширная, бедная и малокультурная страна, поздно вступившая в мировой хозяйственный оборот.

Таким странам вообще чрезвычайно трудно сохранить надлежащее равновесие между приростом населения и запасом земельных капиталов. Промышленность развивается здесь медленно, наталкиваясь на малую емкость внутреннего рынка и будучи не в состоянии конкурировать с передовыми странами на рынках международных. Экономическое развитие таких стран неизбежно приобретает односторонний, аграрный характер. Не находя в промышленности достаточного резервуара для размещения, прирост населения остается на земле и здесь скоро превращается в избыточное население, понижая среднюю доходность земледелия по расчету на единицу затраченных сил и материальных средств. Чрезмерное уплотнение сельского населения закрывает и другие пути экономического подъема страны. Все, что могло бы сделать государство в форме развития путей сообщения, распространения просвещения и т. п., тесно ограничено низкой платежеспособностью сельского населения, страдающего от растущей «земельной тесноты».

В России неблагоприятные условия развития народного хозяйства осложнялись еще некоторыми добавочными причинами.

Русское сельское хозяйство, как мы видели, уже в половине прошлого века* было в основе своей хозяйством крестьянским. Это обстоятельство имело важные экономиче-ские последствия.

Во-первых, крестьянское хозяйство есть прежде всего хозяйство мелкое и потому процесс умножения сельского населения означал дальнейшее дробление и без того мелких экономических единиц.

Во-вторых, русское крестьянское хозяйство вынесло с собой из крепостного права все черты примитивного натурально-хозяйственного строя. Русский крестьянин привык считать своим идеалом замкнутое, самодовлеющее сельскохозяйственное предприятие, удовлетворяющее всем потребностям своего владельца и ставящее его в независимое положение по отношению к внешнему миру. Поскольку этот хозяйственный идеал сохранял и проявлял свое влияние, крестьянское хозяйство лишь медленно и постепенно вовлекалось в меновой оборот. Для животворящей силы капитала тем самым ставились крайне узкие пределы. Его роль парализовалась ничтожными размерами того избыточного продукта, который выбрасывался на рынок сельским хозяйством и который не мог быть велик при натуральном строе крестьянского хозяйства и при его постоянной тенденции к дальнейшему распылению.

Низкий уровень потребностей сельского населения был дальнейшей причиной, углублявшей и закреплявшей аграрный кризис. Русский крестьянин привык смотреть на хозяйство исключительно как на средство поддержания физического существования своей семьи. Хозяйство должно прокормить сидящую на земле семью, и больше от него ничего не требуется. Описания крестьянских бюджетов, произведенные в 90-х гг. в разных губерниях России, обнаружили поразительное однообразие и скудость потребностей у крестьянского населе-

* *Так в тексте. Вероятно, следует читать «Уже в середине».*— **Ред.**

ния[3]. Везде в самых разнообразных климатических, почвенных и экономических условиях расходный бюджет крестьянина строился по одному и тому же типу. Главной статьей расхода была пища, по преимуществу растительного характера и собственного производства. Она поглощала до 80% всей расходуемой деньгами и натурой суммы. На одежду тратилось 15% бюджета, причем опять расходуемые суммы в значительной мере составлялись из продуктов своего хозяйства. Потребности высшего порядка, расходы на мебель, предметы комфорта, культуры и культа занимали в бюджете крестьянина ничтожное место, измеряемое 3% общей суммы расходов. Значительная доля этих потребностей удовлетворялась опять или изделиями собственного производства, или работой мелкого кустарного, соединенного с земледелием ремесла. Услугами крупной промышленности крестьянство почти не пользовалось. Все квалифицированные потребности были, кроме того, крайне непрочны в крестьянском быту. При малейшем сокращении ресурсов они исчезали, уступая место единственно развитой бесспорной и малосжимаемой у крестьянина потребности в пище[4]. Абсолютная сумма крестьянского расходного бюджета также была невелика. В разных районах и при разных условиях в среднем получилась одна и та же величина — около 50 руб. на душу в год. В эту ничтожную сумму должны были вмещаться все потребности, начиная от пищи и кончая книгами, спиртными напитками и табаком.

Низкий уровень потребностей крестьянина в двух направлениях содействовал кризису аграрного перенаселения.

С одной стороны, он облегчал процесс сгущения населения на обрабатываемой площади. Чем легче выпадают из домашнего обихода отдельные условно-необходимые потребности и

---

[3] *Щербина Ф. А. Крестьянские бюджеты. Воронеж, 1900. (Часть II. С. 1–477.— **Ред.**).*

[4] *Доказательством этого положения может служить тот факт, что если сопоставим суммы расходов на пищу и одежду в хозяйствах богатых и бедных, то разница в потреблении обнаруживается по преимуществу в области одежды, а не пищи.*

чем ниже несжимаемый уровень жизни, тем большее число людей может разместиться на одной и той же территории, не испытывая чрезмерных лишений и не стремясь к перемене места. Пределы плотности населения зависят от культурного уровня страны. При прочих равных условиях ни одна культурная нация Европы не вынесла бы той степени перенаселенности, с которой десятилетиями мирился русский народ.

С другой стороны, низкий уровень потребностей тормозил развитие промышленности и тем самым закреплял кризис аграрного перенаселения. Только развитие промышленности могло бы рассосать злокачественные сгустки сельского населения. Но для процветания промышленности нужен внутренний рынок, опирающийся на разнообразный и настоятельный спрос населения. В крестьянском бюджете продукты крупной промышленности занимали скромное и неустойчивое место. Спрос деревни был ограничен в размерах и однообразен в составе. Отсюда вырастало закрепление перенаселенности и новые затруднения для развития народного хозяйства. «Если бесспорно, — заметил когда-то Мальтус, — что богатство порождает желания, то еще более важная истина заключается в том, что желания порождают богатства»[5].

Одной из главных причин, форсировавших аграрное перенаселение, была, наконец, знаменитая русская поземельная община. Институт коллективного землевладения и землепользования, известный в далеком прошлом европейских стран, был законсервирован в России и составляет характернейшую особенность русского земельного строя вплоть до наших дней. Сущность общинного земельного права заключается в том, что хотя отдельные земельные участки эксплуатируются за свой страх и риск индивидуальными хозяйствами, членами общины, но право распоряжаться землей принадлежит только всему коллективу. Пользуясь этим правом, община от времени до времени производит «земельные переделы», имеющие главной целью равномерное распределение общинной земли между отдельными членами общин соответственно изменениям, про-

[5] *Malthus R.T. Principles of political Economy considered with a viem of their practical application. London, 1836. P. 403.*

изошедшим в их семейном положении с момента последнего перехода земли. Иногда распределение земли между отдельными семьями происходит пропорционально численности их, иногда во внимание принимается только число взрослых рабочих сил в семье. При распределении земли огромное внимание уделяется принципу равенства, который проводится не только в отношении размеров распределяемых участков, но и в отношении их почвенной и экономической равноценности. Живые земельные общины выработали весьма сложное и тонкое неписанное имущественное право, регулирующее разные стороны коллективного землевладения, сочетающегося с индивидуальным хозяйствованием. Но важную отличительную черту русской земельной общины следует видеть именно в описанных выше уравнительно передельных функциях общины по отношению к коллективной земельной собственности.

Земельная община всегда имела в России и до сих пор имеет многочисленных сторонников. Значительная часть социалистически настроенной интеллигенции усматривает в русской общине залог грядущего социального переустройства. Из уравнительно-передельного механизма общины должна вырасти, по их мнению, законченная система равенства, основанная на коллективной собственности на средства производства. В буржуазно-консервативном лагере положительной чертой земельной общины считали тот факт, что она давала хотя бы минимальное земельное обеспечение каждому вновь появившемуся на свет члену общины и, таким образом, предотвращала нарастание городского пролетариата. Наконец, государство находило выгоду в юридической связанности членов общины, позволявшей вводить круговую ответственность за уплату государственных налогов и выполнение общественных повинностей.

Мнимые или действительные социальные и фискальные выгоды общины не перевешивают, во всяком случае, ее вредных экономических влияний. Главная отрицательная сторона общины заключается в том, что своим уравнительно-передельным механизмом она искусственно удерживала на земле избыточное население и способствовала чрезмерному его сгущению.

Индивидуальная и коллективная собственность на землю создают совершенно различную психологию. Индивидуальный собственник прекрасно чувствует пределы экономически рационального соотношения между запасом капитала и семейного труда и обрабатываемым участком. Не желая понижать свой экономический уровень, он вовремя ограничивает прирост семьи или прикупает землю, или готовит к другим занятиям часть своих детей. Иное дело в земельной общине. Здесь каждая вновь появившаяся на свет пара рук приносит с собой и право на равную долю земли при очередном переделе коллективной собственности. Правда, по мере роста численности общины доля эта неуклонно сокращается. Но если прирост семей в данном хозяйстве обгоняет средний рост населения в общине, то многосемейные дворы выигрывают при очередном переделе за счет малосемейных. Общинный порядок землевладения *премирует,* таким образом, плодовитость населения. Русская земельная община превратилась в своеобразный институт страхования от безработицы. Она поощряла инертность и снимала со своих членов заботы о будущем поколении. Люди рождались, росли и умирали в уверенности, что причитающийся им клочок «мирской» земли обеспечивает им существование и, главное, предопределяет их род занятий. Каждый шел по проторенной дороге своих предков, считая себя неотделимой частицей неумирающего земледельческого коллектива. Благодаря этому население общины неудержимо возрастало, и при неизменности площади надельной земли хозяйства отдельных ее членов быстро начинали обнаруживать признаки перегруженности человеческой силой, падения производительности труда и понижения чистой доходности по расчету на голову питающегося от сельского хозяйства населения.

Описанные выше особенности размножения населения при общинных порядках землепользования могут быть обнаружены систематически. У нас нет, правда, достоверных сведений о движении населения в отдельных районах. Но косвенным показателем численности населения могут служить точно регистрируемые данные о числе рождений в каждом году.

Сопоставляя эти цифры для губерний, находящихся в одинаковых географических и экономических условиях, но с разной степенью распространенности общинных порядков землепользования, мы получаем представление о том, где быстрее уплотняется население. При этом получается, что в Полтавской губернии, где 85% крестьянских дворов не подвер-гаются переделам уже несколько десятилетий подряд, число рождений в 1913 г. по сравнению с числом рождений в 1882 г. дает увеличение всего на 3%, иначе говоря, численность сельского населения здесь почти не изменилась. В соседней Харьковской губернии, где, наоборот, 95% дворов объединены в общины, число рождений за тот же период увеличилось на 52%. В смежных Ковенской и Смоленской губерниях число рождений возросло на 3% в первой и на 40% во второй. В Ковенской губернии 100% крестьян владеют землей подворно, а в Смоленской — 96% общинно. В Прибалтийском крае, не знавшем общинных порядков и придерживающемся системы единонаследия крестьянских дворов, прирост рождений за 30-летний период составляет едва 1% первоначальной цифры[6].

В меру своего распространения и в соответствии со степенью выполнения своих уравнительно-передельных функций земельная община искусственно накапливала сельское население, тормозила внутреннюю миграцию и задерживала колонизацию пустынных окраин. В этом, повторяю, главное и далеко не изжитое еще зло, которое принесла русскому народному хозяйству земельная община.

Другой отрицательной стороной русской общины было стеснение частной инициативы, неизбежно вытекавшее из самого существа общинных порядков землепользования. Каждый земледелец получает в свое распоряжение определенное количество земли, но не чувствует себя ее собственником и пол-

---

[6] *Вычислено по данным издания Центрального статистического комитета: «Движение населения в Европейской России» за соответствующие годы. (Данные за 1882 г. см.: Движение населения в Европейской России за 1882 год. СПб., 1887. Последним в этой серии был том за 1910 г., вышедший в свет в 1916 г. Данные за 1913 г. автором были взяты из другого источника.— **Ред.**).*

ным хозяином. Через сравнительно небольшой промежуток времени, обыкновенно каждые 9–12 лет, общинная земля подвергалась коренной перекройке, частичные передвижения отдельных участков и угодий производились еще чаще. Временному пользователю землею нет никакого расчета производить какие бы то ни было серьезные улучшения и медленно окупающиеся затраты. По мере приближения срока передела крестьянин перестает вносить в землю даже навозное удобрение, опасаясь, что его плодородной землей воспользуется кто-нибудь другой.

Постоянные переделы земли и стремление достигнуть абсолютного равенства в распределяемых участках приводят далее к другим неблагоприятным следствиям. В интересах уравнительной справедливости общинная земля оказывается разделенной на целый ряд однокачественных полей, причем в каждом из них каждый отдельный домохозяин получает несколько паев по числу душ или работников своей семьи. В результате характерной особенностью индивидуальных хозяйств, существующих на основе общинных порядков, является крайняя их многополосность и чересполосность. Ничтожное количество земли, приходящееся в общей сложности на среднюю семью, каких-нибудь 3–5 десятин, оказывается расположенными в десятке, а иногда и многих десятках полос, разбросанных на далеком расстоянии друг от друга и имеющих самую прихотливую форму.

Чересполосность владения приводит далее естественным образом к принудительному севообороту. Никто из членов общины не может выбирать организационный план хозяйства по своему усмотрению. Отступления возможны лишь в частностях. В распределении полей между культурами и в чередованиях растений обязательным является порядок, установленный во всей общине.

Вполне понятно, что и чересполосица, и длинноземелье, и принудительный севооборот тяжелее всего ощущаются передовыми членами общины, теми хорошими и «старательными» хозяевами, которые любят свое дело, стремятся усовершенствовать технику и найти новые и наиболее выгодные фор-

мы организации хозяйства. Общиной [управляло] довольно серое большинство, проникнутое рутиной, боящееся новизны и механически отправляющее свои земледельческие функции. Для наиболее приспособленных и талантливых хозяйственных субъектов, для людей инициативы и дела, для призванных победителей в конкурентной борьбе, общинные порядки всегда будут мертвым грузом, сковывающим их волю и силы.

Описанных выше причин вполне достаточно, чтобы понять происхождение и специфические черты русского аграрного кризиса. В стране мелкого земледелия, какой Россия была уже с середины XIX в., прирост населения происходил по преимуществу в деревне. Медленно возникающая промышленность не в состоянии была поглотить скопление избыточного населения. С другой стороны, в самом сельском населении не развивалось достаточно мощных центробежных сил. Низкий уровень потребностей и неизжитая еще психология натурального хозяйства делала крестьянина довольно равнодушным к ухудшению его экономического положения. Он предпочитал с возрастающими усилиями и нуждой «кормиться» с меньшей площади, чем идти на фабрику или переселяться в неизвестные страны. Общинный порядок землепользования с исключительной силой поощрял этот пассивный образ мыслей. Община искусственно конденсировала сельское население. Принцип самодеятельности и личной ответственности она подменяла надеждой на помощь «мира» и уверенностью в незыблемости избранных отцами и дедами способов хозяйствования. Вместо здоровой идеи борьбы за существование и выживания приспособленных культивировалась идея уравнительной справедливости. Земельные переделы имели своей конечной целью не *улучшение* экономического благосостояния общины, а равномерное распределение происшедшего уже *ухудшения* между всеми членами общины.

[Принцип механического равенства, проводившийся в общине, давал в смягченном виде те же результаты, к каким позже привела последовательно осуществленная система равенства и социалистического хозяйства. Если бы не некоторые

противодействующие причины, движущие силы русского аграрного кризиса неизбежно создали бы такую перенаселенность, при которой дальнейший прирост населения мог бы размещаться только при условии постоянного перераспределения средств производства и ценою непрерывного понижения уровня жизни населения. По внешности это было бы торжество идеи равенства и уравнительной справедливости. По существу здесь достигался бы тот же самый результат, к которому привел позднейший социалистический опыт. Равенство получилось, но это было равенство в нищете, вместо обещанного благополучия земного рая.]

Глава 3
Экономическая дифференциация крестьянства и аграрный кризис

В момент наибольшего развития аграрного кризиса экономическое положение России казалось довольно безнадежным. [Радикальная интеллигенция могла, конечно, считать панацеей политические свободы и принудительное отчуждение земли у помещиков, на самом деле вопрос стоял гораздо серьезнее.] Страна испытывала жестокий кризис аграрного перенаселения. В важнейших земледельческих районах население размножалось быстрее, чем увеличивалась производительность труда. Единственное спасение заключалось в развитии промышленности. Но в стране с 85% нищего земледельческого населения для нее не было внутреннего рынка. Сельское хозяйство страдало от недостаточного развития промышленности, в свою очередь промышленность не могла развиваться, пока в земледелии господствовал тип натурального, замкнутого домашнего хозяйства. Получался порочный круг, выход из которого найти было нелегко.

Однако народное хозяйство индивидуалистического типа всегда имеет в себе достаточное количество самоисцеляющих сил. В конкурентной борьбе, характерной для «капиталистического» строя, побеждают наиболее приспособленные хозяйственные единицы. С их помощью преодолеваются самые жестокие экономические кризисы. Те задачи, которые кажутся

неразрешимыми в масштабе народного хозяйства, рассматриваемого как одно органическое целое, постепенно распутываются путем молекулярных процессов борьбы, приспособлений и видоизменений, происходящих в среде миллионов автономных хозяйственных единиц, составляющих ткань народного хозяйства индивидуалистического типа.

Русский аграрный кризис конца XIX в. разрешился путем естественного процесса расслоения мелкого земледелия, путем выделения в его среде значительной группы хозяйств, собственными силами преодолевшей тенденции к безграничному измельчанию и создавшей объективные предпосылки для развития внутреннего рынка и промышленности.

Отслоение крупных доходов произошло в процессе естественного отбора наиболее приспособленных хозяйственных единиц. Уравнительный аппарат общины действовал все-таки с большими перебоями. Кое-где община оказалась вообще мертворожденной организацией, во многих местах ее передельные функции рано замерли. За общиной в таких районах сохранились только административные функции, землей же крестьяне владели на правах почти неограниченной частной собственности. Во всяком случае, переделы земли здесь не происходили и размеры землепользования не приспосабливались к величине семьи.

Неравномерность распределения земли, а вместе с тем и неравенство доходов росли далее по мере скупки крестьянами частновладельческих и государственных земель, а также вследствие распространения арендных отношений. Ни купленная земля, ни индивидуально арендованная не сливалась, конечно, с общей массой «надельной» земли, и земельная община ею не властна была распоряжаться. Мобилизация земли происходила в обоих случаях не только в пользу малоземельных или вовсе безземельных, но ею пользовались и более состоятельные слои сельского населения. Крестьянин покупал и арендовал землю не только «по нужде», но часто и ради богатства.

Уже одно неравенство в земельной обеспеченности создавало основу для неравномерности доходов. Неравенство в личных качествах и хозяйственных способностях сельско-

го населения завершало дело его экономического расслоения. Роль организаторской функции особенно резко выступает в мелких земледельческих хозяйствах, оставляющих огромный простор для индивидуализации производственных процессов. Разницу между хорошим и плохим хозяином не мог сгладить даже уравнительный механизм живой общины. И здесь с течением времени появились свои экономические полюсы, хотя пропасть между ними и не была особенно глубока. По мере нарастания имущественных неравенств и развития рыночных отношений, перед способным организатором мелкого хозяйства открывался все более широкий ряд возможностей и вариантов хозяйственного плана. При таких условиях рано или поздно должен был сам собою выделиться слой сильных, обеспеченных землей и капиталом прогрессивных хозяйств, хозяйств, не утративших основных черт крестьянского быта, но глубоко отличных по своей экономической природе от изжитого типа замкнутой, самодовлеющей, натурально-потребительской хозяйственной единицы.

В конце первого десятилетия XX в. и перед мировой войной крестьянское хозяйство не представляло уже той однообразной, в смысле дохода, гомогенной массы, какой оно было в начале 1890-х. Об этом лучше всего свидетельствуют бюджетные описания крестьянских хозяйств, относящиеся приблизительно к упомянутому периоду. Не загромождая текст цифрами, ограничимся двумя примерами, взятыми в земледельческих районах России. Показателями доходности крестьянского хозяйства могут служить размеры валовой выручки и условно-чистого дохода по расчету на каждого члена семьи, а также размеры чистых остатков по расчету на одно хозяйство[7].

---

[7] *Для крестьянского хозяйства приходится применять несколько иные методы измерения доходности, чем по отношению к хозяйству капиталистическому.*

Под условно-чистым доходом мы разумеем разницу между валовой выручкой хозяйства (деньгами и натурой) и материальными расходами на хозяйство, ***не считая*** *оплаты собственного труда. Условно-чистый доход является, таким образом, тем потребительским фондом, который оказывается в течение года в руках крестьянской семьи и частью фактически потребляются ею, частью откладывается в виде денежных сбережений или натуральных запасов.*

Таблица 3

Амплитуда колебаний крестьянского дохода

Группы хозяйств по размерам валового дохода на 1 хозяйство, руб.	Число описанных хозяйств		Валовой доход на каждого члена семьи, руб.	Условно-чистый доход, руб.		Чистый остаток на хозяйство	
	абс.	% к итогу		каждого члена семьи, руб.	на каждую рабочую силу семьи	руб.	% к общей сумме расходов
Тульская губерния, 1911–1914 гг.*							
До 250	24	3,7	35,6	26,4	51,2	10	6,3
251–500	156	23,8	70,7	46,3	84,0	27	7,5
501–750	1172	26,2	97,1	61,6	111,8	70	12,9
751–1000	135	20,6	111,3	69,4	128,1	120	16,2
1001 –1250	74	11,3	134,5	83,2	154,2	193	20,8
1251 –1500	43	6,6	134,3	85,3	161,1	245	21,8
св. 1500	51	7,8	197,9	114,4	218,1	416	23,0
Харковская губерния, Старобельский уезд, 1910 г. **							
Без посева	11	-	35,6	29,0	54,4	-71,0	-30
0,01–3,00	17	-	60,5	40,0	78,1	-31,0	-10,6
3,03–7,50	26	-	86,4	37,4	84,2	7,2	1,5
7,51 –15,00	25	-	113,3	62,0	135,5	51,8	5,1
св. 15,01	22	-	170,7	92,3	202,4	228,6	13,3

* См.: Продовольствие крестьянского населения Тульской губ. Тула, 1919. С. 26.
** Бюджеты крестьян Старобельского уезда / Под ред. А. В. Чаянова. Харьков, 1915. С.4–15. По Харьковкой губернии группировка данане по доходу, а по плошади посева на одно хозяйство.

Измеренные всеми тремя способами, доходы крестьянского хозяйства обнаруживают большое разнообразие.

В Тульской губернии описано 655 типичных хозяйств. Из них больше четверти оказалось имеющими настолько значительные доходы, что они за покрытием всех материальных расходов хозяйств и потребления семьи оставляли свободные излишки в размере свыше 20% от общей суммы расходов.

Валовой доход по расчету на каждого члена семьи различался в крайних группах в 5,5 раза, а условно-чистый доход или фонд потребления и накопления — в 4 с лишним раза. Те же самые явления наблюдаются в Старобельском уезде, хотя и в несколько смягченном виде благодаря группировке по посеву, не отражающей подлинной шкалы доходности.

Широкие колебания доходности крестьянского хозяйства можно обнаружить и в других губерниях, везде, где только имеются сравнительно поздние бюджетные описания.

К моменту великой войны на общем фоне мелкого земледелия образовался уже значительный слой крупно-крестьянских хозяйств, довольно резко отличавшихся по своей экономической природе от обычного типа мелкого натурально-потребительского хозяйства. Более крупные по своим территориальным размерам, эти хозяйства умели достигнуть нормального соотношения между семьей и обрабатываемой площадью. Более энергичные и способные их владельцы сумели найти пути экономической рационализации хозяйства, ввели технические и рыночные культуры, усовершенствовали скотоводство, занялись выгодными подсобными промыслами. Благодаря этим обстоятельствам, производительность труда в крупных хозяйствах значительно повысилась. В обеих губерниях, например, по расчету на одну рабочую силу, хозяйства высшей группы производили в 4 раза больше ценностей, чем хозяйства низшей.

Высокая доходность верхних слоев крестьянского хозяйства имела два последствия. Прежде всего увеличивалось и

«Чистый остаток» получается, если от условно-чистого дохода отнять фактически израсходованные на потребление семьи материальные и денежные ценности.

становилось разнообразнее потребление крестьянской семьи. По тем же бюджетным данным нетрудно обнаружить, в какой степени различалось потребление в разных экономических группах сельского населения. Нижеследующая таблица 4 дает пример, относящийся к Тамбовской губернии.

Одна пятая всех хозяйств имеет расходный бюджет на каждого члена семьи в 2 раза больший, чем низшая группа.

Денежный расход в крайних группах различается в 3,5 раза. Особенно велика разница в расходах на такие предметы, которые не производятся в своем хозяйстве. Потребление пшеничной муки увеличивается в 7,5 раза, чаю и сахара почти в 6 раз, спиртных напитков в 5 раз, табака, мыла и одежды в 2 раза, домашней утвари в 4 раза. Аналогичную картину показывают и бюджеты других районов. В Вологодской губернии в хозяйствах разной экономической мощности расходы каждого члена семьи на одежду и обувь различаются в 2–3 раза, расходы на мебель в 11 раз, на предметы комфорта в 17 раз[8]. В Тульской губ. можно выделить 10% хозяйств, где каждый член семьи в среднем тратит в год в 2–4 раза больше, чем 3 низшие по состоятельности группы, в общей сложности составляющие около половины исследованных хозяйств[9].

В высших группах, кроме того, круг удовлетворяемых потребностей шире и степень насыщения их полнее, чем в группах менее доходных. Неизменно увеличивается при этом роль продуктов, покупаемых на рынке, а не добываемых в своем хозяйстве.

Разбогатевший крестьянин перестает довольствоваться продуктами домашней промышленности. Он обращается к услугам рынка не только для удовлетворения своих повышенных запросов в области одежды, обуви и предметов комфорта.

---

[8] *Материалы для оценки земель Вологодской губ. М., 1903. Т. II. Вып. I. Вологодский уезд. С. 748–754.*

[9] *Продовольствие крестьянского населения Тульской губ. (Тула, 1917. Таблицы, с. 24–33.— **Ред.**). Обильный материал по характеристике потребления крестьянской семьи можно найти также в изданиях: Чаянов А. Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 2. М., 1913; Клепиков С. Питание русского крестьянства. М., 1920; Крестовников А. Питание крестьян Костромской губ. Кострома, 1912 и др.*

Таблица 4

Потребление крестьянской семьи (по данным бюджетов 85 хозяйств)*

Группы хозяйств по размерам расходного бюджета 1 едока, руб.	Число описанных хозяйств	Средний расходный бюджет едока, руб.	В том числе деньгами, руб.	Средний денежный расход на одного едока, руб.							
				Пшеничная мука	Чай и сахар	Спиртные напитки	Табак	Мыло	Одежда	Обувь	Дом[ашняя] утварь
До 80	22	70,1	22,1	0,4	1,5	0,3	0,7	0,7	4,5	2,3	0,3
80,01 –100,00	25	88,3	27,4	0,8	2,0	0,5	0,5	1,0	6,5	4,0	0,8
100,01 –120,00	21	111,4	38,7	0,9	3,0	1,0	0,7	0,9	9,2	3,6	0,9
120,01 –140,00	13	134,1	45,6	2,0	4,9	1,6	0,5	1,1	8,9	2,2	1,0
Св. 140,01	4	160,6	74,5	3,0	8,6	1,4	1,2	1,5	8,0	2,6	1,3
Среднее		*98,0*	*33,0*	*1,0*	*2,8*	*0,7*	*0,6*	*0,9*	*6,9*	*3,1*	*0,7*

* Таблицы бюджетных описаний крестьянского хозяйства Тамбовской губ. Тамбов, б.г. (Материалы относятся к 1915 г.).

Самый состав пищи становится у него разнообразнее и тоньше. Прочное место в меню крестьянского стола занимает белая мука, рис, сахар, чай, водка, приправы и пряности.

Кроме количественного и качественного изменения потребностей, высокая производительность труда и капитала создает в крестьянском хозяйстве новое явление — чистый доход. В эпоху аграрного кризиса господствовала убеждение, что крестьянское хозяйство есть бездоходная организация, существующая исключительно ради удовлетворения минимальных физиологических потребностей семьи. Приведенные в таблице 3 цифры показывают, что для крестьянского хозяйства позднейшей формации это было уже не так. Образовался значительный слой хозяйств, имеющих свободные излишки дохода в натуральной и денежной форме за вычетом всех текущих хозяйственных расходов и фактических затрат на повышение потребления. Чистые излишки в крестьянском хозяйстве нередко составляют заметную величину, достигающую 20% общей суммы натуральных и денежных расходов. Наличность таких излишков показывает, что в крестьянском хозяйстве появилась новая, необычно эластичная и могущественная потребность — стремление к накоплению чистого дохода. Крестьянин перестает смотреть на свое хозяйство исключительно как на источник пищи и средство предотвращения голодной смерти. Оно становится для него также средством обогащения и продвижения по социальной лестнице. Крестьянин мало-помалу учится считать и превращается в мелкого капиталиста-предпринимателя, хотя бы и не «эксплуатирующего» чужого труда.

Описанные выше особенности крупно-крестьянского хозяйства как раз и делают его полезным для преодоления кризиса аграрного перенаселения. Экономическое расслоение крестьянства удачно разрывает порочный круг между отсутствием рынка для промышленности и скоплением населения на земле.

Рост потребностей и их качественная дифференциация создают оживленный спрос на промышленные изделия. Промышленность получает в крестьянском хозяйстве крупного потребителя с определенными вкусами и регулярным спросом на предметы массового потребления и средства производства.

Образуется, наконец, внутренний рынок, необходимый для устойчивого и здорового развития промышленности. Не случайно устоями молодой русской промышленности оказались текстильное дело и сельскохозяйственное машиностроение, т. е. как раз две отрасли производства, главным образом опиравшиеся на сельское хозяйство.

Развитие промышленности в свою очередь благотворно влияло на ход сельскохозяйственного производства. Фабрики и городское население проявляли спрос на продукты продовольствия и сельскохозяйственное сырье. Создавалась выгодная для земледелия конъюнктура цен и рыночных условий. В то же время растущая промышленность создавала необходимый резервуар для размещения избыточного населения, накапливавшегося по преимуществу в нижних, наиболее бедных слоях крестьянского населения. Между промышленностью и сельским хозяйством устанавливался необходимый обмен услуг и материальных ценностей. Сельское население постепенно, и по крайней мере относительно, разрежалось, соотношение между семьей, доходом и обрабатываемой площадью показывало более устойчивые и нормальные пропорции.

Немалое значение имели также чистые излишки, появившиеся, наконец, в верхних слоях крестьянского хозяйства. Они служили источником накопления мелких капиталов, тонкими струйками стекавшихся в кредитные учреждения или непосредственно обращавшихся на расширение и улучшение сельскохозяйственного производства. Они свидетельствовали в то же время о возраставшей платежеспособности сельского населения и о возможности расширения базиса государственных финансов и государственного хозяйства. Укрепление же финансов, железнодорожное строительство и правильно поставленная система кредита в свою очередь должны были благотворно влиять на развитие сельского хозяйства и промышленного производства.

Так постепенно распутывался сам собой аграрный кризис конца XIX в., а вслед за этим улучшалось и общее эконо-

мическое положение страны. Нужно твердо помнить, что исходным пунктом поступательного движения было образование значительного слоя крупно-крестьянских хозяйств, возвысившихся над общим уровнем натурально-потребительского крестьянского хозяйства.

Одной из главных причин экономического застоя России была атмосфера равенства, господствовавшая среди основного класса мелких земледельческих производителей. Предпосылки для этого равенства были созданы еще реформой 1861 г., наделившей крестьян землей по уравнительным нормам. Механизм передельной общины искусственно поддерживал равенство в распределении средств производства. При быстром размножении населения приблизительно равная доля дохода от сельскохозяйственного производства, приходившаяся на голову сельского населения, если не всегда уменьшалась, то во всяком случае и не увеличивалась. Крестьянское хозяйство замыкалось в натурально-потребительском строе, рассчитанном на удовлетворение в натуре основных физиологических потребностей семьи. В результате между промышленностью и сельским хозяйством вырастала глубокая, ничем не заполненная пропасть. Промышленность без внутреннего рынка влачила жалкое существование, а изолированное сельское хозяйство переполнялось населением и оскудевало. Экономическое расслоение крестьянства положило конец этому ненормальному развитию народного хозяйства. Крупно-крестьянское хозяйство, обладавшее свободными излишками продукта, перекинуло мост между сельским хозяйством и промышленностью. Оно послужило ферментом для приведения в движение всего застоявшегося народного хозяйства в России. Оно создало неравенство в деревне, а градация доходов есть необходимое условие для нормального развития рынка и установления правильного обмена веществ между промышленностью и сельским хозяйством.

Глава 4
Политика правительства

Справедливость требует отметить, что наметившийся в 1900-х гг. прогресс не был только результатом стихийного отбора приспособленных хозяйств. Преодоление аграрного кризиса было в значительной мере и делом рациональной экономической политики. Старое правительство довольно скоро разгадало природу поразившего сельское хозяйство недуга и меры лечения, предпринятые им, оказали свое действие.

Одним из наиболее удачных приемов смягчения кризиса аграрной перенаселенности следует признать финансово-экономические реформы, осуществленные графом Витте в 90-х гг. при императоре Александре III.

План Витте заключался в искусственной индустриализации страны при помощи системы государственных мероприятий. Средства для осуществления последних могли быть взяты только от сельского хозяйства, которое при всем своем оскудении все же оставалось важнейшим источником реальных ценностей. Налоговая система Витте, основанная на косвенном обложении, всею тяжестью своей опиралась на сельского потребителя. На первый взгляд крестьянин, вынужденный платить высокие акцизы на сахар, чай, водку, спички и другие продукты, казался в сильном проигрыше. В действительности взятые у него государством «последние крохи» косвенным путем

приносили сельскому хозяйству несравненно большую пользу, чем если бы они оставались в распоряжении мелких производителей.

Государство нашло выгодное и производительное применение для собранных у населения средств. К эпохе Витте относится создание основных магистралей существующей железнодорожной сети, денежная реформа, приведшая к устойчивому золотому обращению, укрепление системы государственного и частного кредита. Непосредственное содействие развитию промышленности оказывали затем выгодные торговые договоры, протекционный таможенный тариф, казенные заказы, субсидии и гарантии.

Совокупность перечисленных мероприятий не замедлила вызвать к жизни бурный расцвет русской промышленности. Процесс же индустриализации страны должен был самым благодетельным образом отразиться на положении сельского населения. Теперь на фабриках и заводах оно могло получить заработок, в 2–3 раза превышавший доход от парцеллярного хозяйства. Это был уже достаточный стимул для того, чтобы наиболее подвижная и обедневшая часть населения стала порывать связь с землей и устремляться в город. Целые обширные районы центрально-промышленной полосы России начали перестраиваться на новый лад. Значительная часть крестьянского населения забрасывала своя поля или сдавала их в аренду, переходя на положение городских пролетариев. Оставшееся на земле население могло расширять свои запашки или интенсифицировать свое хозяйство в соответствии со спросом города на продукты скотоводства, огородничества и сельскохозяйственное сырье.

Благополучное сочетание условий в районах промышленного развития не разрешало, однако, всей экономической проблемы в целом. Оставался открытым вопрос о чисто земледельческой полосе России, особенно остро страдавшей от перенаселения, и, затем, нужно было подумать о подведении фундамента в виде внутреннего рынка под быстро развивающуюся в искусственной атмосфере покровительства русскую промышленность.

От внимания правительства не ускользнула необходимость подъема сельскохозяйственного производства для того, чтобы успехи индустриализации не остались висящими в воздухе.

Кое-что в направлении разрежения плотности сельского населения делалось уже давно. Этой цели можно было достигнуть двумя путями: или прямым выселением избыточного населения на новые места, или увеличением его землепользования за счет казенных и частновладельческих земель.

Колонизационная политика практиковалась в России очень давно. Несколько раз взгляды противников на этот предмет резко менялись. Сознание пользы от заселения окраин и разрежения центра нередко наталкивалось на противодействие помещиков, заинтересованных в поддержании низких цен на рабочие руки в перенаселенных районах. С момента постройки великого Сибирского пути, связанного опять-таки с именем Витте, правительство более определенно заняло доброжелательную позицию по отношению к массовому переселению крестьян в Сибирь. За десятилетие с 1893 г. по 1903 г. на организацию переселения, выдачу ссуд новоселам, проведение дорог и оборудование некоторых районов было израсходовано около 30 млн рублей. Переселенческое движение приняло массовый характер. Ежегодно отправлялось в Сибирь по 200–300 тыс. душ из наиболее густо заселенных местностей Европейской России. Закон о переселении от 6 июня 1906 г. уже прямо рассматривал колонизацию окраин как средство «улучшения условий землепользования и хозяйства крестьянского населения внутренних губерний». После аграрных волнений 1905–1906 гг. и выяснившейся их бесплодности переселенческая волна поднялась еще выше. В 1907–1909 гг. она достигла небывалой цифры 600–700 тыс. душ в год. Скоро выяснилась, однако, невозможность путем внутренней колонизации разрешить аграрный вопрос. Единственной незаселенной окраиной оставалась Сибирь. Но далеко не все ее необъятные пространства были пригодны для земледельческого промысла. Переселенческий поток направлялся почти исключительно в сравнительно узкую полосу земледельческой Сибири. Здесь свободный запас земель скоро оказал-

ся исчерпанным. Оставалось или втискивать новых переселенцев на занятые уже места и заменять один перенаселенный район другим, или перестать смотреть на переселение как на средство облегчения земельной нужды во внутренних губерниях России.

Правительство избрало второй путь, и с 1911 г. поставило целью своей колонизационной политики интересы вновь заселенных мест, а не тех, откуда это население выходило. Переселенческое движение упало по своим размерам, хотя и выиграло в качественном отношении. Во всяком случае достаточного резервуара для избыточного населения коренной России не имелось. Сибирь могла вместить не более 200 000 человек в год, а ежегодный прирост населения по Европейской России давал 1,5 млн душ.

Другой способ борьбы с крестьянским малоземельем заключался в содействии государства при покупке земли у помещиков и казны. Посреднические операции были возложены на специальный Крестьянский банк, учрежденный в 1883 г. Объем и характер деятельности банка несколько раз менялся в связи с разными течениями в общей финансовой политике. После изменения устава в 1895 г. деятельность банка принимает широкие размеры. Банк получает право приобретать за свой счет помещичьи имения и затем распродавать их крестьянам с выдачей ссуд в размере 90% оценочной суммы. Размеры участков, покупаемых при помощи банка, не могли превышать площадь, которая может быть обработана силами покупщика земли и его семьи. Льготный кредит банка был рассчитан, таким образом, по преимуществу на помощь мелким земледельцам, собственным трудом участвовавшим в производстве. Крестьяне широко воспользовались услугами банка: за 8 лет (1896–1903 гг.) они скупили у помещиков при содействии банка 4 900 000 десятин. В 1905 г. права Крестьянского банка при покупке земли и распродаже ее мелким земледельцам были еще более расширены. С другой стороны, пережитые аграрные беспорядки побудили многих землевладельцев ликвидировать свою земельную собственность. За два года, 1906 и 1907, банк ску-

пил у помещиков 2 664 000 десятин, а всего с 1 января 1906 г. до конца 1913 г. в его руки перешло 4 370 000 десятин земли; кроме того, в распоряжение банка было передано 1 250 000 десятин удельных земель, так что в общей сложности банк располагал 5,5 млн десятин. К 1 июля 1911 г. из этого фонда было распределено крестьянам около 3 млн десятин. Кроме того, с помощью банковских ссуд крестьяне купили непосредственно у помещиков по 1 октября 1913 г. еще около 5 млн десятин, получив ссуду от банка 538 млн рублей. Всего при помощи банка за все время его существования было переведено в руки крестьян около 16 млн десятин, а в покупках этого количества земли участвовало около 3 млн дворов.

Как ни импозантны эти цифры, но и они не разрешали вопроса. Покупка земли могла бы в том случае содействовать разрежению населения, если бы покупатели переселялись на купленную землю и если бы она до тех пор не находилась в их фактическом пользовании. В действительности значительно менее одной трети покупателей переселялось на новые участки, освобождавшие место на родине. Остальные клиенты банка только прикупали землю к своему хозяйству и не разрежали местного населения. Большая часть земель, приобретавшаяся банком или при его посредстве, принадлежала к арендному фонду и уже находилась в фактическом пользовании крестьянского населения. Распределение этих земель не могло увеличить площади землепользования, оно переводило землю из одних рук в другие, меняло титул пользования, но не затрагивало ни размеров обрабатываемой площади, ни количества лиц, живущих на ней. К этому надо добавить, наконец, что огромное большинство участков, приобретенных с помощью Банка, имело ничтожные размеры. Средний размер одной покупки колебался в 1899–1904 гг. от 5,2 до 6,9 дес. на двор. При помощи Банка укреплялись по преимуществу самые мелкие или прямо безземельные хозяйства. Оставалось еще под вопросом, удается ли этим хозяйствам при помощи своих покупок достигнуть рационального соотношения между площадью хозяйства

и его живыми силами или эта пропорция все же оставалась ниже средней нормы.

Конечно, и переселенческая и банковская политика принесли несомненную и значительную пользу в деле изживания аграрного кризиса. Но после сказанного ясно, что этих механических мероприятий было все же далеко недостаточно, чтобы разрешить десятилетиями запутывавшийся вопрос. Спасение могло придти только изнутри, оно зависело от степени сознания у населения истинных причин бедствия, от силы желания их преодолеть. Нарастание экономических неравенств, появление значительной группы крестьянских хозяйств, хорошо снабженных землей и капиталами, распространение улучшенных приемов обработки земли, увеличение роли труда и капитала, интенсивных и рыночных культур, наконец, появление более совершенных и выгодных систем организации мелких хозяйств — все это свидетельствовало о том, что молекулярный процесс оздоровления крестьянского хозяйства уже начался. Необходимо было только расчистить ему путь и освободить частную инициативу и предприимчивость от стеснительных уз несовершенного, средневекового земельного права.

Главным устоем последнего был институт общинного землевладения. Мы уже видели, как тесно связывала община передовую часть крестьянства и каким способом она искусственно поддерживала и углубляла кризис аграрного перенаселения. Голоса против общины раздавались в среде правительства давно, но до поры до времени они заглушались теми выгодами, которые представляло объединение мелких производителей в одно юридическое лицо с точки зрения фискальной политики и удобства взыскания налогов. По мере углубления аграрного кризиса, оппозиция общине возрастала. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, образованное в 1902 г., под председательством Витте, пришло к заключению, что «преуспеяние сельскохозяйственной промышленности ближайшим образом зависит от такого улучшения правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем хо-

зяйственной предприимчивости и самодеятельности»*. В своих мемуарах Витте еще отчетливее формулирует сложившееся у него к тому времени мнение об общине. Защитниками общины оставалась странная компания. Тут были, по его словам, «благонамеренные почтенные старьевщики, поклонники старых форм, потому что они стары», «полицейские пастухи», предпочитавшие идти вместе «со стадами нежели с отдельными единицами» и «разрушители, поддерживающие все то, что легко привести в колебание», а также социалисты, «усмотревшие в общине практическое применение последнего слова экономической доктрины»[10]. В правительственных кругах община быстро теряла былой престиж. Господствующее мнение заключалось в том, что для освобождения хозяйственной инициативы населения необходимо разрушить общину.

Эта задача была блестяще выполнена аграрной реформой Столыпина, вылившейся в законодательные акты 1906, 1910 и 1911 гг. Сущность реформы сводилась к следующему. Во-первых, все общины, не имевшие переделов со времен освобождения крестьян, были признаны тем самым добровольно перешедшими от коллективных форм землевладения к индивидуальной. Каждый член такой общины мог потребовать от местного начальства удостоверительный акт в том, что находящийся в его пользовании участок надельной земли принадлежит ему на праве частной собственности. С момента выдачи такого акта на руки хотя бы одному крестьянину все его односельчане тем самым механически считались перешедшими к индивидуальному, беспередельному землепользованию и владеющими своими участками на праве частной собственности.

В живых, переделяющихся общинах для перехода к индивидуальному землевладению были также широко открыты две-

---

Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу председателя Высочайше учрежденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. СПб., 1904. С. 4.— **Ред.*

[10] *Витте С. Ю. Воспоминания о царствовании Николая II. Ч. 1. Берлин, 1922. С. 442.*

ри. Каждый отдельный домохозяин, вопреки воле большинства членов общины, имел право требовать закрепления за ним на праве частной собственности того участка общинной земли, которым он или его семья пользовались со времен последнего передела.

Укрепление земли в собственность происходят безвозмездно. Небольшая плата отдается обществу только за ту часть земли, которая вследствие уменьшения состава семьи с момента последнего передела, оказывается как бы «излишней» в руках укрепляющейся семьи. Укрепленная земля считается личной собственностью главы семьи, домохозяина, и может быть безо всяких оговорок продана, отдана в аренду или заложена в банке.

Кроме этих основных постановлений, новыми законами вводился ряд дополнительных мероприятий, стимулирующих выход из общины. Покровительствуемой формой землепользования было объявлено «отрубное» и особенно «хуторское» хозяйство. Всякий член общины, пожелавший укрепить за собой в собственность причитающуюся ему долю общинной земли, мог потребовать выдела всех своих «полос», разбросанных в разных местах общинных владений, к одному месту, в форме одного хорошо округленного «отрубного» участка. Все необходимые для этого межевые работы производились для него бесплатно специально созданным для подобных целей разветвленным государственным землеустроительным аппаратом. Если бы далее наш «укрепленец» пожелал окончательно порвать с общиной и переселиться из деревни на свой собственный простор, к его услугам была опять заботливая помощь государства. Она предлагала ему и льготную, часто безвозвратную ссуду на перенесение построек, и даровую консультацию значительного штата правительственных агрономов, имевших своей специальной задачей давать советы по организации изолированного мелкого хозяйства.

Мы видим, что после многолетних колебаний по отношению к общинным формам землепользования был взят, наконец, твердый и определенный курс. Правительство не жалело сил и средств, чтобы разрушить устаревший институт коллек-

тивного землевладения и создать на его месте густую сеть мелких, индивидуальных земельных собственников.

Реформа Столыпина имела головокружительный успех. В первые три года действия закона 1 702 000 крестьянских дворов заявили о своем желании выйти из состава общины. За 9 лет действия закона, по 1 января 1916 г. эта цифра поднялась до 2 755 600 дворов, что составляет не менее четверти всего количества дворов, формально владевших землей на коллективных началах. В действительности укрепление земли в собственность шло еще более широким потоком. Ведь по закону в беспередельных общинах все домохозяева механически становились частными собственниками, а число дворов в таких фиктивных общинах составляло не менее трети общего числа дворов, числившихся общинными. В сумме, если сложить те дворы, которые вообще с самого освобождения крестьян формально не принадлежали к составу земельных общин, с теми дворами, которые фактически не практиковали переделов с того же срока, и, наконец, с дворами, на основании закона 1906 г. заявившими о своем желании выйти из состава общины, мы получим, что к концу десятилетия законодательства Столыпина около 70% общего числа крестьянских дворов в России формально владели своими участками уже на правах частной собственности. За те же 10 лет среди крестьян, укрепивших землю в собственность, государству удалось создать 1 596 625 хуторян и отрубных хозяйств с общей площадью землевладения в 15 896 095 десятин[11].

Успех столыпинского законодательства объясняется тем, что оно отвечало давно назревшей потребности и реальным интересам крестьянского хозяйства. Правом выхода из общины воспользовались два полюса деревни. Прежде всего, поторопились укрепить землю в собственность семьи, одной ногой стоявшие уже вне деревни, дворы с ничтожным земельным обеспечением и запущенным хозяйством, разные одиночки, бессемейные и слабосильные. Для всех этих низших слоев кре-

---

[11] *О земле. Сборник статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. М., 1921. Вып. I. С. 60.*

стьянства участки общинной земли, которые они не могли ни продать, ни заложить, были скорее обузой и мертвым капиталом. Законы Столыпина позволяли им порвать, наконец, принудительную связь с деревней, продать укрепленную в собственность землю и уйти со своим маленьким капиталом искать счастья в городе или на новых местах[12]. Другая группа крестьянских дворов, воспользовавшихся новыми правами, принадлежала к числу деревенской «буржуазии», к разряду коренных земледельцев, все свое благополучие стремившихся построить на расширении и усовершенствовании своего хозяйства. Для них уже одна возможность освободиться от вмешательства общины и вести по собственному усмотрению свое хозяйство представляла достаточный стимул для выхода из общины. Укрепление земли в собственность рождало в них надежду на прикупку новых участков и увеличение хозяйства. Наконец, с точки зрения организации хозяйства большие выгоды сулило обособление земельных участков, уничтожение общинной чересполосицы и возможность заведения собственных индивидуальных севооборотов.

Теперь нам ясно огромное значение реформы Столыпина. Ее главным положительным результатом было приведение в движение иммобильных общинных земель. До сих пор вся эта огромная площадь, составлявшая около трети всего земельного фонда страны, была искусственно изъята из свободного экономического оборота. Земля могла только механически передвигаться из одного хозяйства в другое, пропорционально численности хозяйствующей семьи и ее запасу рабочих сил. Теперь она могла свободно переходить из рук в руки и притекать туда, куда влекло ее хозяйственное тяготение.

Для аграрно-перенаселенной страны раскрепощение общинных земель должно было принести несомненную пользу. Поскольку столыпинское законодательство покровительствовало расслоению сельского населения, оно непосредственно содействовало и разрежению его плотности. Земля концент-

---

[12] *В среднем по 36 губерниям в 1908–1912 гг. продали свою землю 28,2% домохозяев, укрепивших ее в собственность. (Мозжухин И. Очерки реформы крестьянского землевладения. М., 1917. С. 37.)*

рировалась вокруг наиболее устойчивых хозяйственных единиц, а безнадежно измельчавшие дворы окончательно вытеснялись с насиженных мест. Но и в тех случаях, когда не происходило прямой концентрации земельной собственности, право неограниченного распоряжения ею несомненно облегчало давление растущего населения. Земля меняла своих владельцев, она стремилась в руки *лучших* хозяев, и этого было достаточно, чтобы увеличить ее производительность. Одна и та же площадь могла теперь легче и обильнее содержать возросшее население. Наконец, чувство собственности, сменившее неопределенные права временного пользования, само по себе удесятеряло силы мелких землевладельцев.

Из всех правительственных мероприятий реформа Столыпина принесла наибольшую пользу. И организация переселения, и продажа земель через Крестьянский банк были мерами паллиативными. Они могли облегчить кризис временно и местами, но не могли разрешить его полностью. Новое земельное право создавало необходимые предпосылки для оздоровления мелкого хозяйства на всей огромной территории надельных земель. Реформа Столыпина порвала с устаревшими и неправильными представлениями о русском крестьянстве. С одной стороны, уничтожение сословных перегородок между крестьянством и другими классами населения окончательно лишало почвы старинный взгляд на мелкого земледельца как на призванного носителя всех податных тягот государства, как на тот массивный, недробимый и неделимый фундамент общества, который сам по себе не живет и не умеет жить, требуя постоянных о себе забот начальства. С другой стороны, становилась маловероятной и сантиментальная мечта о том, будто в крестьянской общине сохраняется идеал равенства и социальной справедливости. Разрушая туманные формы общины, столыпинское законодательство освобождало оттуда крепкую и ясную фигуру мелкого собственника. Община не связывала теперь вместе сильного и слабого, предприимчивого и инертного хозяина и другого. Каждый из них должен был теперь жить за свой страх и риск. Буржуазное право, проникнув в общину, несло с со-

бой и характерную для индивидуалистического строя борьбу за существование и взаимную конкуренцию. Реформа Столыпина расчистила путь экономическому расслоению крестьянства и тому молекулярному, естественному процессу отбора сильных хозяйственных единиц, который один только, как мы видели, и мог вывести страну из тупика аграрного перенаселения.

Глава 5
Успехи сельского хозяйства в XX в.

Накануне великой войны, под влиянием описанных выше причин русское сельское хозяйство обнаруживало все признаки быстрого подъема. Таблица 5 показывает, как изменялась посевная площадь по своим абсолютным размерам и пропорции культур за последние 15 лет перед войной.

Увеличение посевной площади не могло быть особенно большим в перенаселенной стране. Оно составило в общем 14%, причем главная доля этого увеличения обязана своим происхождением крестьянскому хозяйству. Более показательно соотношение культур, которое заметно изменилось к лучшему. Абсолютно и относительно возросло значение корнеплодов (картофель и свекла), экспортных хлебов (пшеница, ячмень), что свидетельствует о переходе к интенсивным и рыночным формам хозяйства. Возросло также травосеяние, симптом развивающегося скотоводства и молочного дела.

Параллельно с увеличением посевов росла урожайность крестьянских полей. В четырехлетие 1911–1914 гг. по сравнению с пятилетием 1901–1905 гг. она в среднем повысилась для ржи на 4%, для ячменя на 6%, для овса на 8%, для пшеницы на 10% и для картофеля на 13%.

Стремление улучшить хозяйство вызывало потребность в машинном инвентаре и удобрениях. Эта потребность была

Таблица 5

Посевная площадь главнейших культур по 50 губерниям Европейской России, млн десятин*

Годы	Всего	В том числе							
		рожь	пше-ница	ячмень	овес	гречи-ха	просо	карто-фель	свекла
1900	69,2	24,3	14,8	6,5	13,8	2,1	2,4	2,5	
1901	72,5	24,4	15,5	6,7	14,1	2,1	2,4	2,6	
1902	72,6	24,4	15,8	6,8	13,8	2,0	2,5	2,6	
1903	73,8	24,6	16,2	7,1	13,9	2,0	2,6	2,7	0,51**
1904	74,5	24,3	16,9	7,4	14,0	2,0	2,6	2,8	
1905	75,0	24,0	17,8	7,5	14,3	1,9	2,3	2,7	
1906	75.5	24,7	18,1	7,3	14,1	1,9	2,3	2,7	
1907	74,3	24,3	16,9	7,6	14,1	1,8	2,6	2,7	
1908	74,3	23,3	16,7	8,1	14,0	1,9	2,9	2,8	0,55***
1909	74,9	23,6	17,6	8,1	14,0	1,9	2,6	2,9	
1910	76,9	23,3	19,2	8,5	14,3	1,8	2,4	3,0	
1911	77,7	24,1	19,5	8,5	14,2	1,8	2,2	3,0	0,72
1912	76,2	24,1	18,4	8,5	13,8	1,7	2,2	3,1	0,70
1913	78,2	24,4	18,7	9,1	14,1	1,8	2,3	3,2	0,67
1914	78,8	24,4	18,9	9,4	14,5	1,7	2,2	3,2	

* Составлена по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств.
** За 5 лет, с 1901 по 1905.
*** За 5 лет, с 1906 по 1910.

так велика, что русская промышленность не могла ее удовлетворить. Ввоз иностранных сельскохозяйственных машин, несмотря на таможенное обложение, увеличивался с каждым годом. В 1904 г. он составлял 3,9 млн пудов, а в 1912 г. возрос до 10,5 млн пудов. То же самое относится к минераль-

ным удобрениям, которых было ввезено 6,8 млн пудов в 1904 г. и 34,0 млн пудов в 1912 г.[13]

Появление в крестьянском хозяйстве излишков сверх собственного потребления усилило его роль в товарном обороте страны. Таблица 6 содержит главнейшие данные о развитии русского экспорта сельскохозяйственных продуктов за последние 15 лет перед войной.

Вывоз продуктов сельского хозяйства неуклонно увеличивается, свидетельствуя о том, что кроме помещичьего хозяйства на экспорт начинает работать и хозяйство крестьянское. Относительная стационарность зернового экспорта объясняется тем, что наряду с работой на экспорт начинает развиваться и внутренний хлебный рынок. Общая сумма перевозок по железным дорогам, далеко не полно характеризующая количество хлеба, обращающегося на рынке, увеличилась на 70–80% в последние годы перед войной по сравнению со второй половиной 90-х гг. XIX в. Из общего количества хлеба, перевезенного по железным дорогам, в среднем предназначалось к вывозу 55,3% в 1896–1900 гг., 51,6% в 1906–1910 гг. и только 48,8% в 1912 г.[14] За короткий промежуток времени внутренний хлебный рынок приобрел первенствующее значение по сравнению с внешним.

Усиление внутреннего и внешнего торгового оборота в свою очередь оказывало огромное положительное влияние на судьбы крестьянского хозяйства. Последнее получало возможность приобщаться к мировому рынку и использовать ту выгодную для сельского хозяйства экономическую конъюнктуру, которая характеризует начало XX в. На почве развития товарного оборота выросла, наконец, сельскохозяйственная кооперация, несмотря на все неблагоприятные условия представлявшая собой уже мощное движение накануне мировой войны.

Можно было бы произвольно увеличить число примеров и доказательств свидетельствующих о подъеме сельского хо-

---

[13] *Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1915. С. 378, 380.*

[14] *Ляшенко П. Зерновое хозяйство и хлеботорговые отношения России и Германии в связи с таможенным обложением. Пг., 1915. С. 26–27.*

Таблица 6

Вывоз из России продуктов сельского хозяйства в 1900–1914 гг.*

Годы	Зерновые хлеба, млн. пудов			Отруби, млн пудов	Мясо, тыс. пудов	Масло, тыс. пудов	Яйца, млн штук	Льняное волокно, тыс. пудов	Растительное масло, тыс. пудов
	Всего	В том числе							
		пшеница	ячмень						
1900	388	117	54	31	222	1190	1777	10 571	143
1901	433	139	78	32	424	1968	1997	8518	121
1902	548	186	104	30	523	2311	2229	10 741	138
1903	614	254	146	36	586	2516	2775	15 743	182
1904	609	281	152	38	480	2429	2753	9115	174
В среднем за 1900–1904 гг.									
Абс.	*518*	*195*	*106*	*33*	*445*	*2068*	*2306*	*10937*	*151*
в %	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*	*100,0*
1905	660	294	138	36	455	2408	2994	14 757	189
1906	550	220	149	39	540	3211	2833	13 817	200
1907	433	142	133	36	425	3658	2608	13 574	280
1908	372	90	161	32	317	3123	2588	14 513	421
1909	721	314	219	39	462	3479	2845	14 354	215
В среднем за 1905–1909 гг.									
Абс.	*547*	*212*	*160*	*29*	*439*	*3175*	*2773*	*14903*	*261*
в %	*105,6*	*108,7*	*150,9*	*109,1*	*98,6*	*153,5*	*120,2*	*129,0*	*172,8*
1910	809	375	245	38	715	3444	2998	13 272	193
1911	773	240	263	49	826	4672	3682	11 897	261
1912	499	161	169	51	1208	4452	3397	19 313	268
1913	600	203	270	49	1260	4736	3572	16 664	461
1914	340	147	120	27	706	3216	2262	16 370	310
В среднем за 1909–1914 гг.									
Абс.	*604*	*225*	*207*	*42*	*949*	*4109*	*3182*	*15496*	*300*
в %	*116,6*	*115,4*	*195,3*	*127,3*	*213,3*	*198,7*	*138,0*	*141,8*	*198,7*

* Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Пг., 1906. С. 310–315, 318–327; Пг., 1907. С. 320–325; Пг., 1915. С. 320–325.

зяйства в начале XX в. Все признаки говорили о том, что это был длительный и прочный прогресс, основанный на массовом расцвете мелкого крестьянского хозяйства.

Успехи последнего подводили фундамент и под все здание экономического благосостояния страны. Развитие покупательной силы крестьянского населения создавало платежеспособный спрос на продукты промышленности. Увеличение платежеспособности крестьянина позволяло найти точку опоры для государственных финансов. Начало XX в. отмечено не только прогрессивными течениями в сельском хозяйстве, но и пышным расцветом промышленности и ростом государственного бюджета. После долгого застоя, обусловленного по преимуществу аграрным кризисом, страна, наконец, вступила на путь несомненного экономического прогресса.

Глава 6
Влияние мировой войны

[Так было всего 10 лет назад. Между тогдашними надеждами и нынешними развалинами лежат два события огромной важности: мировая война и социальная революция. Задача настоящей работы заключается в выяснении влияния революции. Нельзя, однако, обойти молчанием и влияние войны. Необходимо хотя бы в самой общей форме посмотреть, в каком виде вышло крестьянское хозяйство из войны и вошло в революцию.]

Первоначальные прогнозы относительно влияния войны на русское сельское хозяйство были проникнуты глубоким пессимизмом. Закрытие европейской границы уронило наш экспорт до небывало низкой величины. Вывоз жизненных припасов в первый же год войны сократился почти в 4 раза. В течение третьего года войны, принимая во внимание поправку на вздорожание цен, вывоз составлял уже только от 1/9 до 1/8 прежней величины. Никто не сомневался, что недовывоз огромного количества сельскохозяйственных продуктов вызовет резкое падение цен на внутреннем рынке и вреднейшим образом отзовется на состоянии сельского хозяйства.

Действительность обманула предположения ученых и политиков. Экономика войны вообще оказалась гораздо менее

изученной областью хозяйственной деятельности, чем это можно было предположить.

В частности влияние войны на сельское хозяйство оказалось сложным и многогранным. Важнейшими факторами, непосредственно отражавшимися во время войны на положении русского земледелия, были: 1) мобилизация людской рабочей силы; 2) принудительное отчуждение для нужд войны лошадей, рабочего скота и транспортного инвентаря; 3) установление твердых цен по закупке продовольствия для армии; 4) расстройство транспорта; 5) физические разрушения, произведенные военными действиями; 6) сокращение вывоза за границу; 7) увеличение спроса на сельскохозяйственные продукты для снабжения армии; 8) повышение цен на сельскохозяйственные продукты; 9) выдача денежных пособий семьям мобилизованных; 10) запрещение винной торговли; 11) труд военнопленных.

Как видно из этого далеко не исчерпывающего перечня, война принесла для сельского хозяйства не только минусы, но и некоторые несомненные плюсы. Правда, на первый взгляд отрицательные влияния многочисленнее и могущественнее положительных. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что как раз слабые стороны и отсталость русского сельского хозяйства сообщили ему наибольшую сопротивляемость вредным последствиям войны.

Самый тяжкий удар сельскому хозяйству, казалось, должны были нанести беспримерные в истории человечества мобилизации людей. В первое же полугодие войны было призвано на военную службу около 3,8 млн человек, в 1915 г. к этому числу прибавилось еще 5,2 млн, в 1916 г.— 2,8 млн человек. В течение всей войны под ружье было призвано 13,7 млн человек. Подавляющая часть этой человеческой массы принадлежала, конечно, к сельскому населению. По одному официальному подсчету на войну было взято около четверти рабочего населения деревни.

Для развития капиталистически организованного сельского хозяйства механическое изъятие миллионов людей в цветущем, рабочем возрасте могло бы считаться роковым.

Но русское сельское хозяйство в основе своей было мелкокрестьянским, и для него спасительным на этот раз оказался тот самый кризис аграрного перенаселения, который тяготел над страной в мирное время. В большинстве губерний Европейской России перенаселенность была так велика, что силы земледельческого населения в мирное время оказывались далеко не использованными. По данным правительственной комиссии, исследовавшей в 1900 г. причины оскудения земледельческого центра в среднем по 47 губерниям Европейской России, надельной земли у крестьян было на 79,3% меньше того количества, которое они могли бы обработать имеющимися в наличности рабочими силами[15].

По данным, относящимся к довоенному времени оказывается, что крестьянское хозяйство оставляло неиспользованным до 40% запаса труда, даже если включить в расход рабочего времени не только сельское хозяйство, но и личные промыслы.

При таком количестве избыточного труда для крестьянского хозяйства не были страшными самые обширные мобилизации. В средней крестьянской семье всегда оставалось достаточно рабочих сил, чтобы справиться со скромными задачами миниатюрного хозяйства.

Работали старики, подростки и чаще всего женщины. В северной полосе России женский труд в крестьянском хозяйстве был широко распространен и в мирное время. Почти все полевые работы выполнялись здесь женщинами и стариками. Трудоспособное мужское население работало в городах, занималось промыслами и даже летом уходило на сельскохозяйственные работы на юг, где в помещичьих хозяйствах испытывался недостаток в рабочих руках. В сво-

---

[15] *Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения средне-земледельческих губерний, сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. III. С. 163. Чтобы судить о количестве избыточного населения, приведенная в тексте цифра, правда, должна быть несколько уменьшена в меру распространенности аренды, купчей земли и сторонних заработков.*

ем хозяйстве мужчины появлялись только в критические периоды сельскохозяйственных работ, большей частью во время сенокоса и уборки хлеба. Война не изменила в подобных районах обычного уклада жизни. В других местах, где женский труд в обычное время не практиковался, изменились привычки и некоторые обычные представления, но ход сельскохозяйственного производства по той же причине перенаселенности деревни нарушен не был.

Нельзя не отметить, наконец, еще одной причины, которая помогла крестьянскому хозяйству перенести вредные последствия мобилизаций. Вслед за объявлением войны в России была запрещена продажа водки, а затем в большинстве местностей — и других напитков. По единогласному свидетельству специальных анкет, вынужденная трезвость заметно увеличила производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве. Мобилизации уменьшили численность сельского населения, но оставшиеся дома работали энергичнее и отдавали хозяйству значительную часть тех ценностей и сил, которые раньше поглощались водкой[16].

От призыва на войну рабочих сил больше всего должно было пострадать крупное хозяйство, пользующееся наемным трудом. Но хозяйство этого рода имело, как мы уже знаем, сравнительно небольшой удельный вес в общем объеме сельскохозяйственного производства страны. Кроме этого, в экономике современной войны оказался один неожиданный фактор, в значительной мере возместивший недостаток рабочих рук для крупных хозяйств. Мы говорим о труде военнопленных и беженцев из занятых неприятелем мест. Общее количество мужчин той и другой категории в рабочем возрасте достигло к 1917 г. двух миллионов человек. Значительная часть этого огромного запаса почти дарового и часто высококвалифицированного труда была направлена в сельское хозяйство. К концу войны в очень многих крупных хозяйствах пришлая рабочая сила с избытком возместила убыль местного населения.

---

[16] *См.: О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. Пг., 1916. С. 378–482.*

В целом, таким образом, русское сельское хозяйство гораздо меньше пострадало от мобилизаций людских масс, чем это можно было предположить по первому впечатлению.

Единственный реальный ущерб, который наносил крестьянскому хозяйству призыв на войну мужчин в рабочем возрасте, заключался в сокращении внеземледельческих промыслов населения. Это явление единогласно отмечают отчеты податных инспекторов, относящиеся к первому году войны[17]. О том же свидетельствуют и более поздние данные.

Сопоставление данных переписи 1917 г. с данными 1911–1912 гг. показывает, например, что в Тульской губернии доля хозяйств, имеющих промыслы, сократилась с 75,4 до 32,8%, в Тверской губернии с 76,8 до 41,0%, в Пензенской — с 46,6 до 18,6%[18].

Но и это несчастье оказалось не столь грозным. Во-первых, не все промыслы пострадали от войны. Некоторые из них, по преимуществу связанные со снабжением армии (изготовление телег, сапог, ложек, выделка овчины и т. п.), получили добавочный и платежеспособный спрос, увеличивший цены и поднявший выгодность этих занятий. Затем убыль работников до известной степени пополнена была вовлечением женщин в промысловые занятия. По Тульской и Тверской губерниям, например, удельный вес женщин, занимающихся промыслами, поднялся с 14,1 и 17,5 до 26,1 и 28,3% соответственно. Наконец, главное, весь тот ущерб, который все-таки получался от выпадения промыслов, с избытком покрывался компенсациями, которые получало крестьянское хозяйство от государства за взятую у него рабочую силу. Дело в том, что промыслы нужны были для крестьянского хозяйства, главным образом, как источник денежного дохода. Война сократила число промышленников, но зато направила в крестьянское хозяйство гораздо более могучий поток денежных средств, чем тот, который она у него взяла.

---

[17] *См.: О влиянии войны на некоторые стороны... С. 148 и след.*

[18] *Хряшева А. Крестьянство в войне и революции. Статистико-экономические очерки. М., 1921. С. 27.*

Тотчас после объявления войны государство начало выдавать денежные пособия семьям призванных. Закон 25 июня 1912 г. определял круг лиц, пользующихся пособиями, довольно широко, и количество денег, притекавшее таким путем в деревню, начало быстро возрастать. В течение первых 5 месяцев войны пособий было выдано на сумму свыше 267 млн руб.[19] В течение следующего 1915 г. сумма пособий достигла 623,7 млн руб., в 1916 г. — 1106,8 млн руб., в 1917 г. — около 3 000 млн руб. Большая часть этих громадных сумм попадала в деревню, где она имела тем большее значение, что одновременно с выдачей пособия часть членов семьи, призванных на военную службу, тем самым снималась с расходного бюджета семьи и переходила на казенное содержание.

Кроме казенных пособий война еще и косвенным образом увеличивала денежные доходы крестьянина. Она оставила в его карманах ту сумму, которая тратилась раньше на покупку водки и других спиртных напитков. Для всей России эта сумма составляла около 1,25 млрд руб. в год[20]. Вместе с доходом от казенных пособий составлялась внушительная цифра (для 1916 г., например, в 2,5 млрд руб.), которая с избытком перевешивала денежные убытки от разорения промыслов.

Итак, от мобилизации рабочих сил крестьянское хозяйство пострадало сравнительно мало. Во всяком случае, в экономике войны сказались такие стороны и явления, которые давали крестьянину несомненную выгоду, часто большую, чем ущерб, нанесенный призывом под ружье.

Переходим к другим сторонам влияния войны.

Мобилизация 2 млн лошадей и принудительное отчуждение в районах военных действий транспортного инвентаря были, понятно, непосредственно вредными для крестьянского хозяйства.

---

[19] *О влиянии войны на некоторые стороны экономической жизни России. С. 197.*

[20] *Первушин С. А. Прекращение продажи питей, как один из факторов современной дороговизны // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. IV. М., 1916. С. 87.*

Однако и здесь оказались серьезные, смягчающие положение обстоятельства. Лошади требовались для армии высокого качества, и поставлять их могло, как правило, только крупное, помещичье хозяйство. Крестьянина защищали дурные качества его лошадей исключительная мелкость, исхудалость и слабосильность. Кроме того, ко второму году войны было выработано правило, согласно которому при мобилизации лошадей в каждом крестьянском хозяйстве должны были оставляться две лошади. Для огромного большинства дворов, принадлежавших, как мы знаем, к числу без- и однолошадных, это правило равносильно полному освобождению от мобилизация рабочего окота. Следует принять еще во внимание, что принудительно взятые животные и мертвый инвентарь сравнительно хорошо оплачивались и, следовательно, служили опять-таки одним из источников денежного дохода крестьянского хозяйства.

Почти все остальные факторы военного хозяйства, влиявшие на хозяйство крестьянское, должны быть рассматриваемы под углом зрения их воздействия на цены сельскохозяйственных продуктов. И здесь, вопреки всем ожиданиям, война принесла длинный ряд лет высоких цен вместо предполагавшегося периода депрессии[21]. Рамки работы не позволяют углубляться в подробности этого интересного вопроса. Ограничимся поэтому кратким сопоставлением основных факторов, под воздействием которых складывались цены на хлеб и сельскохозяйственные продукты во время войны.

Важнейшей ценопонижающей причиной по отношению к сельскохозяйственному рынку должно было сделаться почти полное прекращение вывозной торговли. Расстройство транспорта, вызванное массовыми перевозками войск и другими нуждами войны, также, казалось, должно было понижающим образом повлиять на цены в местах производства.

В действительности эти отрицательные для сельского хо-

---

[21] *Этому предмету посвящен цитированный выше капитальный 4-томный труд «Комиссии по изучению современной дороговизны», учрежденной экономическим Обществом имени А. Н. Чупрова. (М., 1915–1916.— Ред.)*

зяйства моменты с избытком были перевешены факторами, способствовавшими резкому повышению цен.

Выпавший заграничный спрос был в значительной мере заменен спросом государства для нужд величайшей в мире и в истории человечества армии. И люди, и в особенности животные питались на войне лучше, чем дома. Продовольствие армия потребляло поэтому дополнительных количеств продуктов, по сравнению с теми запасами их, которые освободились в деревне благодаря уходу на войну значительной части мужского населения*. Кроме того для высоты цен небезразлично, будет ли одно и то же количество продуктов потребляться в своем хозяйстве или оно должно будет перед потреблением пройти через механизм рынка. В общем по некоторым продуктам, например по овсу и ржи, спрос армии уже в первый год войны абсолютно превысил размеры прежнего экспорта. Не следует забывать, что упомянутые количества продуктов закупались на огромной территории и при средних, не слишком высоких, урожаях. Это, понятно, еще более увеличивало вес государственного спроса и его влияние на цены сельскохозяйственных продуктов.

На стороне предложения последних также действовали могущественные причины, вызывавшие повышение цен. Главнейшими из них были отмеченное выше обилие денег в деревне вследствие выдачи пособий семьям мобилизованных и экономия от прекращения потребления вина. Русский крестьянин продавал значительную часть своего хлеба осенью, тотчас после сбора урожая, и по низким ценам вследствие острой нужды в деньгах для удовлетворения потребностей в одежде, обуви и т. п., а также для уплаты налогов. Теперь приток денежных средств из других источников позволил ему не только расширить собственное потребление пищевых продуктов, но и сделать предложение своих излишков более «сдержанным», выжидающим высоких «весенних» цен.

Неожиданно приобретенная независимость в денежных делах позволила крестьянину также нейтрализовать понижаю-

---

* *Так в тексте.* — ***Ред.***

шее влияние «твердых» цен. Когда эти цены, установленные правительством для своих интендантских заготовок, начали отставать от общего роста дороговизны, крестьянин стал отыгрываться на вольном рынке, не выбрасывая на продажу своих оставшихся продуктов и дожидаясь повышения цен на них.

Можно было бы еще продолжить анализ условий спроса и предложения на сельскохозяйственные продукты во время войны. Первое время после появления военной дороговизны литераторы, статистики и чиновники тратили много сил на выяснение «ценообразующих факторов» хлебного рынка[22]. Мы, однако, не будем углубляться в эти детали, имеющие теперь исторический интерес. Достаточно указать, что цены на все важнейшие продукты сельскохозяйственного производства начали повышаться уже через несколько месяцев после объявления войны. Сначала это повышение было сравнительно медленным. В декабре 1914 г. по 7 главным хлебам цены поднялись на 16% по сравнению со средней ценой последнего нормального года*. Затем движение вверх ускоряется, и в декабре 1915 г. цены повысились на 53%[23]. К концу 1916 г. они составляли уже 200% довоенной цены.

Конечно, не вся эта разница между ценами военного и мирного времени пошла на пользу сельскому хозяйству. Теперь, в период крайнего обесценения денежной единицы, нам ясно, что последствия неумеренного бумажно-денежного хозяйства должны были сказаться уже тогда, в первые же годы войны. Высокая конъюнктура для сельского хозяйства была, таким образом, до известной степени фиктивной. Получая высокие цены за хлеб, сельский хозяин в тоже время платил больше за продукты промышленности.

---

[22] *См., например: Громан В. Г. Исследование ценообразующих факторов в год войны // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. I. М., 1915. С. 313–380; Липкин Ф. А. Цены на хлеб и корма в первый год войны // Там же. С. 203–266; Он же. Общие условия образования хлебных цен // Там же. С. 262–312.*

1913 г.— **Ред.*

[23] *Липкин Ф. А. Цены на хлеба во 2-й год войны // Труды Комиссии по изучению современной дороговизны. Вып. IV. М., 1916. С. 292.*

Несмотря на это, обесценение рубля все-таки косвенным образом пошло на пользу сельскому хозяйству. Вредные последствия бумажно-денежного хозяйства проявляются сравнительно поздно. На первых порах неумеренная эмиссия вызывает экономический подъем и нездоровое оживление хозяйственной деятельности. Плодами этого оживления воспользовалось больше всего именно сельское хозяйство. Его продукты относятся к разряду предметов первой необходимости, и цены на них отличаются особой подвижностью. В течение первых лет войны цена на пищевые припасы повышались значительно быстрее, чем цены на продукты промышленности. Покупательная способность сельского населения росла быстрее, чем падение ценности денег. Деревня становилась главным рынком для продуктов промышленности, она отнимала их у города, уплачивая высокие цены. С другой стороны, главный представитель сельского хозяйства, крестьянин, был в своем производственном процессе наименее зависим от рыночных условий, и важнейшие капиталы его — скот и семена — и запас труда, нигде не покупаются, не оплачиваются и могут участвовать в производстве, не неся на себе никакой рыночной цены. В промышленности высокие цены сопровождались сокращением производства, в сельском хозяйстве высокие цены сочетались с прежними или даже увеличенными размерами сбора. Таким образом, военное хозяйство принесло крестьянину не вред, а пользу. Все исследователи и наблюдатели деревни констатируют ее значительный расцвет с первого же года войны. Вместе с потоком бумажных денег в деревню потекли предметы городской культуры и комфорта. Крестьянин стал обзаводиться лучшей одеждой, обувью, граммофоном, мягкой мебелью. Сельское население переживало период небывалого ранее благополучия.

Лучшим доказательством этого могут служить данные об изменениях площади посевов и численности скота за те три года, в течение которых Россия участвовала в мировой войне.

К сожалению, русская статистика не располагает сравнимыми данными за весь период войны. Об изменениях посевной площади за первый год войны можно судить по данным текущей сельскохозяйственной статистики, сведения об

Таблица 7

Посевная площадь 1914 и 1915 гг. в границах РСФСР, в тыс. десятин

Районы	1914 г.	1915 г.	1915 г. к 1914 г.,%
Потребляющая полоса	12 929	12 561	97,7
Производящая полоса	35 774	35 508	99,2
Крым	672	627	93,3
Юго-Восток	10 163	9788	96,0
Киргизия	3527	3418	97,1
Сибирь	6 424	6246	97,2
Украина	22 121	20 505	92,8
Всего:	*91610*	*88653*	*96,7*

элементах сельского хозяйства в 1916 и 1917 гг. дают две первые всероссийские переписи.

Таблица 7 показывает размеры посевной площади в 1914 и 1915 гг. по главным экономическим районам России[24].

Первый год войны дал некоторое сокращение посевной площади. Сильнее всего оно коснулось Украины, юго-западная часть которой была непосредственным театром войны. Несколько меньше пострадала посевная площадь экстенсивного хозяйства Юго-Востока и Сибири и почти совершенно незатронутым оказался основной массив густонаселенных губерний земледельческой «производящей» полосы. В целом по всей России посевы сократились на 3,3%, т. е. на величину, находящуюся в пределах нормальных колебаний посевной площади.

Сопоставление данных для 1916 и 1917 гг., сделанное в таблице 8, дает еще более утешительную картину.

По тем 18 губерниям, для которых можно было сделать сопоставление, посевная площадь от 1916 г. к 1917 г. увеличи-

[24] *Напоминаем, что сведения о посевной площади в 1914 и 1915 гг., с одной стороны, и в 1916 и 1917 гг., с другой, собирались разными методами и потому сравнимы только попарно.*

Таблица 8

Площадь посевов в 1916 и 1917 гг.,*
тыс. десятин

Губернии	Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Всего	
	1916	1917	1916	1917	1916	1917
Производящий район и Украина						
Орловская	1421	1392	187	190	1608	1582
Рязанская	1081	1042	122	74	1203	1116
Тамбовская	1854	2060	329	275	2183	2335
Казанская	1548	1626	86	47	1634	1673
Уфимская	2359	2549	87	71	2446	2620
Екатеринославская	2536	2420	424	408	2960	2828
Донская**	4128	4322	298	254	4424	4576
Харьковская	1765	1742	299	281	2064	2023
Черниговская	1377	1341	100	126	1477	1467
Полтавская	1869	1805	437	380	2306	2185
Итого	*19 690*	*20 299*	*2359*	*2106*	*22 249*	*22 405*
В %	*100,0*	*102,06*	*100,0*	*89,27*	*100,0*	*100,70*
Потребляющий район						
Нижегородская	873	934	38	31	911	965
Владимирская	563	621	17	9	580	631
Московская	316	328	21	24	337	352
Костромская	656	660	6	4	662	664
Петроградская	265	272	21	24	286	296
Олонецкая	117	116	0,3	1	118	117
Новгородская	520	559	18	20	538	579
Архангельская	64	59	0,2	0,1	64	59
Итого	*3374*	*3549*	*121*	*114*	*3495*	*3663*
В %	*100,0*	*105,18*	*100,0*	*94,21*	*100,0*	*104,87*

* Составлена по: Статистический сборник за 1913–1917 гг. Труды Центрального статистического управления. Т. VII. Вып. I. М., 1921. С. 192–201; 214–231.
** Область войска Донского.

лась в среднем на 0,71% по производящей полосе и на 4,78% по потребляющей. Если рассмотреть отдельно посевы помещичьих крупных хозяйств и крестьянских, то окажется, что, в то время как первые *уменьшались* на 10,12% по производящей и на 6,37% по потребляющей полосе, посевы крестьянских хозяйств *увеличились* по соответствующим районам на 2,06 и 5,18%. Пострадало от войны, хотя и не очень сильно, только крупное хозяйство. Вся масса хозяйств крестьянских оказалась в выигрыше. Характерно при этом, что к концу третьего года войны обнаружилось увеличение сельскохозяйственного производства даже в земледельческих губерниях потребляющей полосы. Это было непосредственное следствие дороговизны хлеба, на которую крестьянин Северной России реагировал расширением собственного хозяйства.

Еще более яркая картина получается по отношению к изменениям количества скота за тот же промежуток времени — таблица 9.

Здесь крестьянское хозяйство сумело удержать на прежнем уровне даже число лошадей, несмотря на массовые конские мобилизации. Количество рогатого скота увеличилось за один год на 2,6%, а свиноводство выросло почти на треть. Иную картину дает помещичье хозяйство, где война заставила сократить конское стадо на 18,5% и рогатый скот на 27%. Только свиноводство показало незначительный прирост в 3%. В общем, однако, благодаря преобладанию мелкого производства и в области скотоводства война не задержала общего прогресса русского сельского хозяйства.

Все сказанное выше не должно означать, что война вообще была благодетельной для сельского хозяйства. Непосредственно разрушительные влияния военных действий в районах обширного театра войны не подлежат сомнению. Точно также бесспорно, что непроизводительное уничтожение огромного количества материальных ценностей образовывало зияющую пустоту, которая только до поры до времени могла наполняться выпуском бумажных денег. Но вредные влияния войны сказываются скорее после ее окончания, в тот период, когда народному хозяйству снова при-

ходится перестраиваться на мирный лад при изменявшихся условиях и сократившейся покупательной силе населения.

Сама по себе, в рамках буржуазного общества, война является только одним из мощных факторов, который перестраивает экономическую жизнь, но не убивает ее. Регулированное военное хозяйство строилось все же на праве частной собственности и презумпции в пользу хозяйственной самодеятельности. Менялись точки приложения капитала, одни отрасли производства становились выгоднее, другие приходили в упадок. Всегда оставался, однако, достаточный простор для творческой энергии частного капитала и частной предприимчивости. Природа экономического процесса как конкурентной борьбы за наивысший доход оставалась неизменной. Отсюда невозможно было ожидать общего упадка народного хозяйства во время войны. В экономической борьбе не могли проигрывать все, наряду с побежденными были и победители.

Сельское хозяйство, в силу изложенных выше причин, оказалось в рядах победителей. Важно при этом отметить, что успехи его не были эфемерными. В отличие от промышленности и торговли, где война меняла старые отношения и создавала иногда искусственные формы развития, в сельском хозяйстве война только стимулировала и усиливала наметившиеся уже до войны пути эволюции.

Кризис аграрного перенаселения преодолевался, как мы знаем, по преимуществу развитием товарно-денежного оборота, экономическим расслоением крестьянства и вытеснением слабых элементов сильными. Война усилила и ускорила эти процессы. Механическое изъятие населения пропорционально сильнее коснулось перенаселенных районов и семей. Высокие цены на жизненные припасы были выгодны тем хозяйствам, которые имели излишки этих продуктов для продажи, т. е. прежде всего и больше всего хозяйствам сравнительно крупным и сильным. Приток денег в деревню, поскольку он попадал в те же зажиточные хозяйства, также имел наибольший производительный эффект. Здесь деньги не тратились на пищу и тому подобные элементарные нужды, а шли

Таблица 9

Количество скота в 1916 и 1917 гг., тыс. голов*

Губернии	Лошади				Рогатый скот				Свиньи			
	Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства		Крестьянские хозяйства		Помещичьи хозяйства	
	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917	1916	1917
Производящий район и Украина												
Орловская	468	482	47	42	512	571	47	38	377	508	26	27
Рязанская	374	380	31	19	574	552	36	17	267	292	14	9
Тамбовская	596	632	52	46	786	852	56	45	331	484	36	36
Казанская	472	481	14	8	693	657	20	8	367	423	6	4
Уфимская	976	978	18	15	1296	1238	21	14	361	431	5	5
Киевская	543	487	86	70	942	935	102	67	517	719	30	23
Харьковская	551	572	41	34	876	981	80	68	390	690	36	48
Черниговская	607	587	20	19	846	867	39	31	854	836	16	17
Полтавская	511	496	63	54	908	989	116	96	471	758	50	59
Итого по району	*5098*	*5095*	*372*	*307*	*7433*	*7642*	*517*	*384*	*3935*	*5161*	*219*	*228*
В %	*100,0*	*99,9*	*100,0*	*82,5*	*100,0*	*102,8*	*100,0*	*74,2*	*100,0*	*131,1*	*100,0*	*104,3*

Таблица 9
(продолжение)

Потребляющий район												
Нижегородская	249	241	10	6	449	420	18	7	100	87	6	3
Владимирская	186	192	5	3	450	451	17	5	52	54	3	1
Московская	188	195	11	10	332	366	18	18	103	113	4	5
Костромская	243	247	3	2	557	568	6	4	109	115	1	0,8
Петроградская	111	121	7	5	261	282	20	15	42	85	4	6
Олонецкая	78	78	0,2	0,3	226	236	0,7	0,9	2	2	0,03	0,001
Новгородская	289	295	7	6	736	753	22	18	75	120	2	3
Архангельская	61	62	1	0,0	164	165	0,7	0,02	0,5	0,6	0,05	-
Итого по району	*1405*	*1431*	*44*	*32*	*3175*	*3241*	*101*	*67*	*483*	*576*	*20*	*18*
В %	*100,0*	*101,8*	*100,0*	*73,0*	*100,0*	*102,1*	*100,0*	*66,3*	*100,0*	*119,2*	*100,0*	*90*
Всего по 17 губерниям	*6503*	*6226*	*416*	*339*	*10 608*	*10 833*	*618*	*451*	*4418*	*5737*	*239*	*246*
В %	*100,0*	*100,3*	*100,0*	*81,5*	*100,0*	*102,6*	*100,0*	*73,0*	*100,0*	*132,3*	*100,0*	*103,0*

* Составлено по: Статистический сборник за 1913-1917 гг. С. 184-191, 210-227.

на удовлетворение более квалифицированных потребностей и на накопление.

С другой стороны, есть ряд данных, позволяющих заключить, что война неблагоприятно отразилась на тех мелких и мельчайших хозяйствах, уже в мирное время обреченных на вымирание. За годы войны увеличился, по-видимому, процент беспосевных и безлошадных хозяйств, т. е. таких предприятий, которые сохраняют с сельским хозяйством почти одну формальную связь[25].

В целом, за те три года, которые Россия провела в мировой войне, влияние последней продолжило и укрепило уже ранее наметившиеся тенденции в развитии крестьянского хозяйства. Война непосредственно разрежала сельское население. Она будила потребности в верхних слоях крестьянства, развивала импульсы к труду и содействовала созданию внутреннего спроса на продукты промышленности. Она расчищала путь для сильных хозяйств и ускоряла процесс вытеснения с земли слабых. Наконец, по отношению к сельскому хозяйству война не предъявляла никаких специфических требований, и то, что производилось во время войны, могло годиться и для мирного времени.

Не будет преувеличением сказать, что, если бы мировая война не окончилась для России революцией, русское сельское хозяйство начало бы свой путь послевоенного развития от более высокой точки, чем та, на которой его застала война.

---

[25] *А. И. Хряшева приводит цифры, свидетельствующие о значительном увеличении беспосевных и безлошадных хозяйств по 4 губерниям за промежуток времени между 1910–1912 и 1917 гг. См: Хряшева А. И. Крестьянство в войне и революции. С. 30.*

ЧАСТЬ II

Четыре года социалистического опыта

Глава 1
Русская революция и сельское хозяйство

Всякая революция есть восстание низших в экономическом отношении слоев населения против высших. Народные массы не довольствуются политическими успехами революции, они ждут от нее непосредственных материальных выгод. В этом смысле всякая революция имеет больший или меньший «социальный» привкус, и в этом смысле русская революция по праву называется «социальной», ибо движущими силами ее были (узко)материальные интересы отдельных классов, а руководящей идеей — перераспределение богатств и изменение имущественных отношений.

Русская революция была произведена солдатами, желавшими мира, и углублена социалистически настроенными городскими рабочими. Совершенно очевидно, однако, что никакая революция в России не могла бы иметь успеха, если бы она не была закреплена активной поддержкой или пассивным сочувствием крестьянского населения. Возникает естественный вопрос, какой интерес могло иметь крестьянство в революции, если сельское хозяйство перед революцией находилось в состоянии несомненного подъема, а кризис аграрного перенаселения распутывался сам собой?

Ответ сводится к тому, что процесс оздоровления сельскохозяйственного производства не мог протекать вполне

безболезненно. В основе его, как мы видели, лежало расслоение крестьянского хозяйства и увеличение имущественного неравенства.

Но усиление одних хозяйственных единиц означало ослабление других. Чем большему числу хозяйств удавалось достигнуть нормального соотношения между рабочими силами и обрабатываемой площадью, тем теснее жилось остальным. Избыточное население могло разместиться в промышленности лишь постепенно, емкость колонизационного фонда была ограничена, и тот и другой исход сопряжены были с неизбежной ломкой обычного уклада жизни, с изживанием спокойных, пассивных, поколениями освященных традиций земельной общины. Процесс экономического развития всегда имеет своих победителей и побежденных. Благотворный в целом по своим конечным результатам, он неизбежно сопровождается накоплением недовольства в одних слоях, наряду с ростом благополучия и успехов в других.

Революционное движение 1905–1907 гг. можно считать первым проявлением болезни роста, первой вспышкой накопившегося горючего материала. [Естественная аберрация состояла в том, что в земельном утеснении обвинялось крупное землевладение, что поставило под удар помещичьи усадьбы.]

Аграрные волнения не разрешили, однако, аграрного вопроса. Добровольная ликвидация латифундиарного землевладения усилилась, но она не могла утолить земельной жажды всего крестьянства. В низах и средних слоях по-прежнему продолжался тяжелый процесс медленного разрежения населения и оттока избыточных сил.

Столыпинское законодательство ускорило процесс экономической дифференциации деревни.

В смысле содействия общему экономическому подъему оно было бесспорным благом. Но и здесь, как у медали, имелась обратная сторона. С точки зрения социального мира разрушение общины и обезземеление значительной части ее членов не могло уравновесить и успокоить крестьянскую среду.

Политическая ставка на «крепкого мужика» была опас-

ной игрой. Столыпин рассчитывал создать устойчивый класс довольных своей судьбой мелких собственников. На деле накопление горючего материала могло пойти быстрее укрепления чувства собственности и привязанности к правовому порядку.

Мировая война подлила масла в огонь. Выгодами военной конъюнктуры воспользовались, как мы уже знаем, по преимуществу сильные хозяйства. Неприспособленные к экономической борьбе единицы и здесь оказались за флагом. С другой стороны, трехлетнее пребывание на фронте, необычная обстановка войны и знакомство с чужими, более культурными, краями — все это, вместе взятое, порождало у мобилизованных крестьянских масс новые настроения, будило неясные желания и культивировало сознание недовольства собственной судьбой.

Здесь не место входить в обсуждение причин революции, но несомненно, что одним из важнейших объективных условий ее осуществления было состояние внутреннего напряжения деревни и крестьянских масс. По существу, это была только затяжная болезнь роста, которая изживалась и могла быть изжита мирным путем. Ускоренная, однако, сильно действующим лекарством Столыпина и неожиданно обострившаяся под влиянием войны, она создала благоприятную почву для революционного движения.

В насильственном изменении имущественных отношений заинтересована была, главным образом, та часть сельского населения, которая оказалась в предшествующей истории развития сельского хозяйства слабейшей стороной и которая не имела более надежд на подъем своего благосостояния мирным путем. К этой сравнительно небольшой группе хозяйственно слабых элементов присоединился скоро основной массив «среднего крестьянства». «Взбесившийся мелкий собственник» не мог успокоиться до тех пор, пока рядом с ним существовало помещичье хозяйство или даже просто более зажиточное крестьянское. Мельчайшее, мелкое и даже среднее крестьянство составляло благодарную аудиторию для проповеди равенства, пока эта проповедь была направлена против богатого соседа. Русская аграрная революция 1917 г.

приняла те самые формы, какие имеют обыкновенно все земельные революции, формы примитивного раздела земли и движимого имущества согласно более или менее выдержанному принципу равенства.

Подробнее об этом будет говориться ниже. Сейчас нам важно отметить, что победа слабых в принципе равенства шла *вразрез* с наметившейся ранее линией сельскохозяйственного развития. [Разбуженные с революцией инстинкты и удовлетворяемые ею потребности вообще редко совпадают с подлинными интересами экономического развития страны. Революция есть взрыв и неожиданный толчок, а не нормальный этап в жизни страны. Революция всегда больше ломает, чем создает, в конечном счете от нее могут проиграть и те классы, которые ее вызвали.

Если бы даже руководство русской революцией от начала до конца принадлежало крестьянским массам, то и в этом случае выигрыш крестьянства в целом был бы сомнителен. Общий ход аграрного развития вел в сторону экономического расслоения деревни и победы сравнительно крупных и сильных единиц. Конечный интерес низших и средних слоев крестьянства лежал в том же направлении.] Благосостояние масс не могло быть поднято без разрежения населения, оттока избыточных сил в города и улучшения приемов и систем земледелия. Восставшие народные массы не понимали истинных причин своего бедственного положения и не могли примириться с медленными способами изживания кризиса. Они требовали своей доли в «завоеваниях революции» и ожидали немедленного улучшения своей участи. Непосредственная выгода от раздела земель и капиталов казалось наиболее коротким путем к материальному благополучию. Стихия дележа была неминуемым и первым этапом аграрной революции, и уже одно это массовое поравнение должно было отбросить назад прогресс крестьянского хозяйства.

На деле положение оказалось еще сложнее. Горючий материал, накопленный в деревне, был использован другими общественными классами. Революционное лидерство с самого начала попало в руки города. Получив свои «завоевания»

и разделив землю, крестьяне готовы были бы успокоиться. Во всяком случае они и не думали поднимать руку на право собственности и индивидуалистические формы хозяйствования. Социалистические идеалы городских рабочих шли гораздо дальше. Здесь программа не ограничивалась разрушением и дележом. На развалинах капитализма предполагалось воздвигнуть здание единого, планового социалистического хозяйства. Оно не могло быть построено без включения в него основной отрасли русского народного хозяйства и без участия в нем главной массы занятого хозяйственной деятельностью населения. Так возникала необходимость подчинения крестьянства пролетариату и вовлечения мелкого земледельческого хозяйства в орбиту социалистического строительства. [Потерявшее собственные вкус и волю к продолжению революции, крестьянство увлекалось теперь по тому же пути более активными участниками переворота. Из субъекта грандиозного социального опыта крестьянское хозяйство быстро сделалось его объектом.]

И по формальному содержанию и по объективным последствиям эта вторая стадия аграрной революции оказалась несравненно сложнее первой. С одной стороны, здесь требовалось создание нового земельного права, отвечающего принципам социалистического хозяйства. С другой стороны, было неясно, насколько эти принципы осуществимы по отношению к миллионам мелких собственников и каков будет их экономический эффект. Насколько ясно было, что стихийное поравнение, происшедшее в первый период революции, шло наперекор нормальному развитию сельского хозяйства, настолько трудно было наперед сказать, как подействует на производительность сельского хозяйства новая система экономических отношений. Ведь социализм всегда являлся горячим поборником крупного производства. С этой точки зрения от него можно было ожидать радикальных мер по устранению кризиса аграрного перенаселения. В то же время социализм защищал систему равенства и, следовательно, должен был терпеть поравнение имущества и уравнительный механизм общины, искусственно задерживавший на земле

избыточное население. Стремление к политическому господству также заставляло считаться с непосредственными интересами мелких производителей, хотя способ их действий совершенно не отвечал идеальному плану социалистического хозяйства.

Задачей последующих глав является описание обеих стадий аграрной революции, как той, когда аграрное законодательство являлось простым привеском к стихийным процессам дележа, так и той, когда советское государство изыскивало один за другим разные методы овладения пассивным, но непокорным крестьянским хозяйством. Третья часть работы посвящена подведению итогов сложного влияния аграрно-продовольственной политики советской власти на эволюцию сельского хозяйства в стране.

Глава 2
Борьба партий после Февральской революции

Тотчас после Февральской революции стало ясно, что в области земельных отношений должны произойти крупные перемены. Мы видели выше, что русский аграрный кризис за время, непосредственно предшествующее 1917 г., в значительной мере распутывался сам собою. Не было, однако, никакой надежды, что медленный процесс оздоровления будет продолжаться после разразившейся бури. Народные массы не довольствуются политическими успехами революции, они ждут от нее непосредственных материальных выгод. Огромная часть крестьянства, страдавшая от аграрного перенаселения, потребовала своей доли в «завоеваниях революции». Тщетно было бы пытаться отклонить эти требования указанием на недостаточность земельных запасов, на паллиативность дополнительного наделения землей и на необходимость выжидать органического рассасывания избыточного населения растущей промышленностью, улучшенной техникой земледелия и заселения окраин. Молох революции требовал своих жертв.

В сельском хозяйстве жертвой этих требований должно было сделаться крупное землевладение. И не только землевладение паразитическое, регулярно сдававшее свои владения в аренду, но и землевладение культурное, ведущее образцовое

крупное хозяйство, землевладение государственное, общественное, запасный земельный фонд — словом, все, что превышало рамки мелкого трудового хозяйства. Требование дополнительного наделения и уничтожения помещичьего хозяйства сделались ударным пунктом аграрных программ всех политических партий. Без этого невозможно было завоевать симпатий крестьянства, а без поддержки этого наиболее многочисленного класса населения нельзя было надеяться на политическое господство.

Спор шел только об объеме аграрной реформы, и здесь различные политические партии наперерыв делали самые соблазнительные обещания. Неизбежность широкой земельной реформы, впрочем, сразу сократила число соперников. Умеренные и консервативные элементы вынуждены были молчать, не имея никаких шансов на популярность. Соперничали, в сущности, три партии: наиболее радикальная среди буржуазной ориентации — партия народной свободы (конституционно-демократическая до революции) и две социалистические партии — социал-демократов и социалистов-революционеров.

Разница между положительными программами этих партий была велика. Партия народной свободы шла очень далеко навстречу принудительному отчуждению частновладельческих и казенных земель. Но она оставалась на буржуазно-государственной точке зрения. Принцип частной собственности на землю сохранялся и после земельной реформы; за отобранные земли должно быть уплачено справедливое вознаграждение; массовое отчуждение не должно разрушить очагов сельскохозяйственной культуры. Особая осторожность в проведения земельной реформы рекомендовалась вследствие продолжавшейся войны и опасности перерыва в снабжении армии продовольствием.

Социалистические партии стояли на иной точке зрения. Они требовали безвозмездной конфискации земель «нетрудового» пользования и отмены частной собственности на землю. В этих двух пунктах сходились все социалистические группы, противопоставляя свои требования «буржуазным» программам земельной реформы.

Разногласия между социалистами начинались по поводу того, как следует поступать с конфискованными землями и на каких началах должно быть построено использование земель после отмены частной собственности. Разногласия коренились в различной оценке психологии и настроений крестьянских масс.

Социалисты-революционеры («народники») давно и искренне верили в призвание русского народа осуществить на земле социалистический рай. В порядках земельной общины, периодически равномерно распределявшей землю между своими членами, они видели проявление чувства равенства и социалистических настроений русского крестьянства. Эта исходная точка зрения предрешала характер аграрной программы социалистов-революционеров. Земля, по их мнению, есть дар природы, и права собственности на нее не может иметь никто, даже государство. Зато к числу неотъемлемых основных прав каждого человека и гражданина принадлежит право *равного* пользования «ничьей» землей. Роль государства должна свестись к обеспечению этого первейшего из «естественных» прав. После революция земля должна быть «социализирована» или объявлена «народным достоянием». Государство издает закон, обеспечивающий каждому равное право на участок земли в пределах использования его собственной рабочей силы. Весь земельный фонд страны, включая и конфискованные поместья, распределяется среди населения страны на началах равного индивидуального пользования. Остальные задачи социализма осуществляются сами собой. Обычное право крестьян, санкционированное законом, сделает пользование землей строго пропорциональным силам и потребностям лиц, ее обрабатывающих; наемный труд применяться не будет; даже технические предпосылки социализма — обобществление средств производства и укрупнение производства — осуществляются стихийным путем, под влиянием сознания выгод от перехода к коллективным формам крупного хозяйства.

Социал-демократы имели иное представление о классовой природе и классовых идеалах крестьянства. По их мне-

нию, в крестьянине живет душа типичного мелкого собственника, враждебно настроенного ко всяким социалистическим планам.

Пока существует буржуазное государство и частная собственность на продукт производства, рекомендуемое социалистами-революционерами уравнение индивидуального землепользования приведет только к худшим формам мелкого капитализма. Для социализма выгоднее рост концентрации сельскохозяйственного производства и пролетаризация мелкого крестьянства, чем обратный процесс рассеяния земельной собственности и нивелировки землепользования.

После революции также не следует доверяться стихийным инстинктам крестьянства. Они поведут только к распылению земельного фонда и укреплению «мелкобуржуазной стихии». Если считать крупное производство фундаментом социализма, то новое государство должно стремиться удержать в своих руках все конфискованные земли и не пускать их в раздел между крестьянскими дворами. На этих землях должны быть созданы самим государством крупные хозяйственные единицы, крестьян же всеми мерами следует побуждать к переходу к коллективным формам крупного хозяйства. Только тогда получится действительно обобществленный труд на обобществленной земле.

Как видим, разница в программах двух социалистических партий объяснялась в конечном счете различной оценкой классовой природы и настроений крестьянства. Одним оно казалось проникнутым социалистическими тенденциями, другие видели в нем оплот мелкобуржуазной идеологии.

Пока речь шла об аграрных отношениях в рамках буржуазного государства, пропасть между двумя направлениями социалистической мысли казалась непроходимой. Всякое усиление капитализма в деревне рассматривалось социал-демократами как положительное явление, увеличивающее классовую дифференциацию и концентрацию производства, приближая тем самым час «экспроприации экспроприаторов». Социалисты-революционеры рассматривали те же факты как шаг назад и затемнение народного социалистического пра-

восознания. Что одним казалось прогрессом, другие считали ошибкой. Во время революционных вспышек 1905–1906 гг., когда для всех было ясно, что речь идет о буржуазной революции и буржуазной аграрной реформе, не было более жестких и непримиримых врагов, чем социал-демократы и социалисты-революционеры, чем марксисты и народники. То же наблюдалось и в начале революции 1917 г.

Вскоре, однако, определилось, что эта революция имеет иной размах, чем предыдущая. У социалистов всех оттенков родилась соблазнительная мысль о переходе или переводе политической революции в социальную. Кроме того, выяснилось, как мы уже говорили, что час крупного землевладения пробил и что земельный голод «революционного» крестьянства должен быть утолен во что бы то ни стало. При таких условиях спор о завоеваниях или поражениях капитализма в деревне приобретал исторический интерес. Сопротивляться стихийному разделу земель было невозможно, и отправным пунктом нового социального строительства все равно фактически делалось мелкое крестьянское хозяйство.

С другой стороны, при условии обобществления земли социал-демократы могли спокойнее относиться к ненавистному им принципу уравнительного землепользования. Если государственная власть попадала в руки пролетариата, социализация переставала быть вредной для социализма. Ведь социализм есть не только обобществление и концентрация производства и уравнение доходов, индивидуальное землепользование государственной землей не вело к первой цели, зато уравнительный принцип приближал идеал равенства и распределительной справедливости.

Так создавалась почва для союза социалистических партий. Фактическая судьба земельной политики в течение 8 месяцев между двумя революциями была затем такова.

Из трех боровшихся группировок партия народной свободы скоро отстала от своих социалистических соперниц. Она сохраняла государственно-национальную точку зрения и отказывалась защищать мероприятия, разрушавшие народное хозяйство и губившие военную силу страны. Уже по одному

этому она не могла конкурировать с программными обещаниями социалистов.

Распределение политических ролей между отдельными партиями еще более ослабляло радикально-буржуазную позицию. В первом составе Временного правительства преобладали представители партии народной свободы. Социалисты уклонились от государственной работы (и предпочли роль безответственной демагогии). Все силы своего партийного аппарата они направили на завоевание симпатий волновавшихся масс. При этом обе главные социалистические партии молчаливо размежевали сферы своего влияния. Социал-демократы бросились на фабрики, социалисты-революционеры наводнили агитаторами деревню. Рабочие охотнее слушали социал-демократов. Крестьянам был ближе романтический аграрный социализм народников.

Одновременно с пропагандой на местах создались центральные «представительства» организованных масс. С первых же дней революции непрерывно заседал «Совет рабочих депутатов», несколько позже возник такой же Совет крестьянских депутатов. [Конечно, о подлинном представительстве народных желаний здесь не могло быть и речи. В Советах заседали главари партий, журналисты и эмигранты. Но эти лица говорили от имени народа, подкрепляя от времени до времени свои речи более или менее хорошо инсценированными вооруженными выступлениями.] Советы были фактическими вершителями судеб России с первых же месяцев революции. Под их давлением Временное правительство принимало один за другим полусоциалистические законы.

В интересующей нас области рукой «буржуазного» министра земледелия и продовольствия Шингарева был подписан закон о хлебной монополии, послуживший затем основой большевистской продовольственной политики. При Шингареве же был учрежден Главный земельный комитет (с местными отделениями) для временного регулирования земельных отношений и подготовки проекта аграрной реформы к Учредительному собранию. Земельный комитет скоро сделался объектом влияния Совета крестьянских депутатов, точнее, партии социалистов-

революционеров. Глава партии Чернов играл двойную роль, то выступая в Комитете в пользу осторожных решений, то резко критикуя нерешительность Временного правительства в Совете крестьянских депутатов и принося оттуда требование немедленного захвата помещичьих и государственных земель. В конце концов [после четырех месяцев упорной борьбы с антигосударственными течениями] представители партии народной свободы ушли из состава правительства.

С июля 1917 г. земельная политика Временного правительства находится в руках социалистов-революционеров.

Оказавшись у власти, партия тотчас убедилась в практической невозможности своих программных требований. Лозунг социализации земли и уравнительного распределения годился для агитации и митингов, но проведение его в жизнь наталкивалось на непреоборимые трудности. По подсчетам одного из членов партии Н. Огановского, уравнительное наделение землей потребовало бы немедленного переселения 25 млн душ из малоземельных губерний в многоземельные. Ясно, что такая реформа, из-за ее губительных последствий, и не могла быть проведена в короткий срок и была бы слишком ответственна для Временного правительства. Новые руководители земельной реформы начинают охладевать к своим собственным проектам и возвращаются к политике предшественников, с которой они только что боролись. Издаются второстепенные законы о запрещении земельных сделок, об организации уборки сенокосов, об охране лесов и их рубке и т. п. По основному вопросу о судьбе земель нетрудового пользования и о правилах распределения земельного фонда готовятся только проекты и статистические материалы, решение же по существу откладывается до Учредительного собрания[1].

---

[1] *От этого периода деятельности Временного правительства остался интересный литературный памятник — пять выпусков «Трудов Главного земельного комитета». В составе последнего была группа ученых общественных деятелей, приглашенных еще Временным правительством старого состава. Сама по себе радикально настроенная, эта группа попыталась добросовестно разработать проекты необходимых мероприятий для решения аграрного вопроса в духе народнических программ. «Труды»*

Проявление запоздавших остатков государственного смысла стоило социалистам-революционерам их влияния в деревне. Они не могли справиться с духом, вызванным к жизни их же собственной демагогией. И они были побиты собственным оружием, перешедшим в руки социал-демократов большевиков.

Теперь большевики кричали на всех перекрестках об «измене» социалистов-революционеров, об их «союзе с капиталистами» и умышленном затягивании аграрной реформы. Большевики считали буржуазную революцию «завершенной» и своей очередной задачей ставили замену Временного правительства властью Советов и диктатурой пролетариата. Надо было убедить в этом крестьян, без содействия которых нельзя было рассчитывать на государственный переворот, необходимо было оторвать их от лояльных социалистов-революционеров. Удобный случай скоро представился. На I Всероссийский съезд крестьянских депутатов в мае 1917 г. местными представителями было привезено 242 наказа «О земле». Наказы содержали все основные пункты программы социалистов-революционеров и носили явные следы их партийной агитации. Большевики решили использовать работу своих политических соперников. Устами Ленина они заявили, что «только революционный пролетариат, только объединяющий его авангард, партия большевиков, может на деле выполнить ту программу крестьянской бедноты, которая изложена в 242-х наказах. Ибо революционный пролетариат действительно идет к отмене наемного труда... к кон-

---

*Комитета служат лучшим доказательством бессмысленности последних. Несмотря на осторожность и умеренность толкования народнических принципов, названная группа пришла в своих работах к явно абсурдным результатам. (См.: Труды Главного земельного комитета. Вып. 1. О крупном землевладении. Докл. А. А. Кауфмана и А. Н. Челинцева и прения к ним. Пг., 1917; Вып. 2. Нормы земельного обеспечения. Докл. Н.И. Маркова, Б. В. Волкова, Б. Д. Бруцкуса и прения к ним. Пг., 1917; Вып. 3. О крупнокрестьянских хозяйствах. Докл. Н. Д. Кондратьева и Н. П. Макарова и прения к ним. Пг., 1917; Вып. 4. О контингенте хозяйств и лиц, подлежащих обеспечению землей. Докл. А. А. Рыбникова и Н. И. Ракитникова и прения к ним. Пг., 1917; Вып. 5. Организация территорий. Докл. Б. Д. Бруцкуса, Н. Я. Быховского, П.Н. Першина и прения к ним. Пг., 1918.— **Ред.**)*

фискации земель, инвентаря, технических сельскохозяйственных предприятий, к тому, чего крестьяне хотят и чего эсеры им дать не могут». Ленин рекомендовал своим агитаторам забыть о привычке социал-демократических разоблачений мелкобуржуазной природы социалистов-революционеров и перенести центр тяжести в пропаганде и агитации против них на то, что «они изменили крестьянам» и «продали интересы трудящейся и эксплуатируемой массы»[2].

Призыв к немедленному захвату земель и инвентаря имел несомненный успех в деревне и дискредитировал более умеренных социалистов-революционеров.

Газеты того времени полны сообщений о начавшейся волне погромов и захватов помещичьих земель. Вторая сессия Главного земельного комитета прошла под впечатлением докладов с мест, констатировавших рост аграрных беспорядков и выражавших сомнение, не будет ли Учредительное собрание поставлено перед фактом самовольно произведенного земельного переворота. Страна катилась к Октябрю.

---

[2] *Ленин В. Материалы по аграрному вопросу. Пг., 1917. С. 23. (См.: Ленин В. И. Из дневника публициста. Крестьяне и рабочие // Полн. собр. соч. Т. 4. С. 114–115. — **Ред.**)*

Глава 3
Народнический период большевистской земельной политики

Захватив власть, большевики прежде всего поспешили заплатить по векселю, выданному крестьянам. 26 октября 1917 г. в 2 часа ночи, т. е. почти на другой день после переворота, Советом *рабочих* депутатов издан Декрет о земле, полностью воспроизводящий сводку упомянутых выше 242 крестьянских наказов.

Этот первый акт новой власти состоял из двух частей. Одна из них отменяла «немедленно, без всякого выкупа» помещичью собственность на землю и передавала все конфискованные земли частных собственников, государства и церкви вместе с «их живым и мертвым инвентарем, усадебными постройками и всеми принадлежностями... в распоряжение» местных земельных органов. Вторая провозглашала принципы «самого справедливого решения земельного вопрос». Согласно последним, право частной собственности на землю отменялось «*навсегда*» и «вся земля» переходила «в пользование всех трудящихся на ней». «Право пользования землею получают все граждане... желающие обрабатывать ее своим трудом» или трудом своей семьи в пределах той нормы, которую они могут обработать без найма рабочих. «Землепользование должно быть уравнительным», и земля «подвергается пе-

риодическим переделам в зависимости от прироста населения». Наемный труд запрещается вовсе*.

«Самое справедливое решение земельного вопроса» было заимствовано из программы партии социалистов-революционеров.

Это был ловкий политический ход. Провозглашая народническое решение аграрного вопроса, большевистско-марксистское правительство выбивало почву из-под ног у своих главных противников. Между враждовавшими ранее партиями не оказывалось теперь почти никакой разницы. Даже к Учредительному собранию большевики относились сначала терпимее. Один из лозунгов Октябрьского переворота требовал скорейшего созыва Учредительного собрания. Декрет о земле провозглашал, что «вопрос о земле, во всем его объеме, может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием». Наряду с этим тот же декрет объявил содержание крестьянских наказов «временным законом» и предлагал проводить его «в жизнь по возможности немедленно»**. Немедленное осуществление программы наказов закрывало путь к планомерной реформе, и Учредительному собранию после некоторого периода применения «временного закона» было бы нечего делать в области организованного и централизованного регулирования земельных отношений. Но именно эта внутренняя противоречивость первого декрета о земле и должна была прийтись по вкусу крестьянским массам. Вместо терпеливого ожидания хотя бы скорого созыва Учредительного собрания они могли «немедленно» приступить к осуществлению своих вожделений.

В последний период эпохи Временного правительства партия социалистов-революционеров заняла, как мы знаем, выжидательную позицию, и все принципиальные решения по земельному вопросу откладывались до Учредительного собрания. После Декрета о земле могло быть только два выхода: или защищать старую точку зрения и потерять влияние в

---

* *Ленин В.И. Декрет о земле // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24–26.*— **Ред.**

** *Там же. С. 26.*— **Ред.**

деревне, или признать Советскую власть и пойти за ней в земельном вопросе.

Еще при Временном правительстве в среде социалистов-революционеров наметилось левое течение, стоявшее за передачу власти Советам и более решительные меры борьбы с «буржуазией» и помещиками. Оно победило на Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов, собравшемся через 3 недели после переворота. 28 ноября 1917 г. в Смольном институте произошло торжественное братание рабочих и крестьянских «представителей», избравших затем один общий Центральный Исполнительный Комитет Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. Одновременно был заключен формальный союз между партиями большевиков и левых социалистов-революционеров.

В результате этого политического договора один из представителей социалистов-революционеров, Колегаев, вошел в состав большевистского правительства и занял пост народного комиссара земледелия. Умеренные социалистические партии обоих направлений, марксисты, социал-демократы — меньшевики и народники — правые социалисты-революционеры остались в стороне. Лишенные политической власти и обобранные программой более левого правительства, они с каждым днем утрачивали свое влияние и переходили на положение «контрреволюционных» партий. Только по инерции большинство членов кое-как избранного Учредительного собрания оказалось принадлежащим к составу правого крыла партии социалистов-революционеров. Но за этой небольшой кучкой посредственных политических деятелей не было уже никакой реальной поддержки. Массы ушли левее, городской пролетариат за большевиками, а деревня за левыми социалистами-революционерами.

Разгон Учредительного собрания не нарушил единения двух партий. Оно продолжалось в разных формах до середины 1918 г. Эпоха Советской власти открывается, таким образом, довольно длительным периодом сотрудничества двух наиболее популярных социалистических партий. В области земельной политики этому периоду соответствует опыт осуществления народнической земельной программы.

Главными памятниками этого периода надо считать «Основной закон о социализации земли», разработанный в недрах партии социалистов-революционеров, одобренный очередным съездом Советов и торжественно подписанный 19 февраля 1918 г. Лениным, всем составом президиума Центрального Исполнительного Комитета и еще 650 участниками съезда.

[Этот продукт коллективного творчества до сих пор является формально действующим земельным правом, и мы должны несколько подробнее ознакомить читателя с его содержанием.]

В длинных и запутанных 53 статьях «Основной закон» повторяет в общих чертах положения известного уже нам закона «О земле». Как и тот, закон о социализации делится на две самостоятельные части.

Несколько вводных статей решают вопрос о судьбе земель нетрудового пользования. Эти земли со всем принадлежащим к ним имуществом объявляются конфискованными и в виде «запасного земельного фонда» передаются в распоряжение местных земельных органов на предмет «справедливого распределения» между «трудящимися» (ст. 2, 6, 7, 9, 10 и 11).

Остальная часть закона устанавливает новый, нормальный порядок землепользования. Он сводится к тому, что *«всякая собственность»* на землю в пределах РСФСР *«отменяется* навсегда» (ст. 1), распоряжение землей переходит в руки органов Советской власти и доступ к земле становится возможным лишь на правах ограниченного равными условиями и временем *пользования*.

Пользоваться землей для ведения сельского хозяйства могут *органы государства, отдельные лица и коллективы их*. Доступ к земле получает не только население, фактически занятое земледелием, но (правда, во вторую очередь) и все граждане, желающие вновь заняться этим делом (ст. 21, 22). Основным условием получения земли в коллективное или индивидуальное пользование является обработка ее *«собственным трудом»* (ст. 3). Применение наемного труда до-

пускается только в хозяйствах органов Советской власти (ст. 13). «Тайный» наем рабочих частными хозяйствами ведет к лишению права пользоваться землей (ст. 53 «г»).

Центральное место в законе занимает определение *норм землепользования*. Участок, отводимый на долю каждой хозяйственной единицы, не должен превышать, с одной стороны, «трудоспособности наличных сил каждого отдельного хозяйства» и в то же время должен давать «возможность безбедного существования семье земледельца» (ст. 12). Не особенно ясное выражение декрета имеет в виду ограничение размеров хозяйства трудовой площадью сверху и потребительной снизу. Специальная подробная инструкция к ст. 25 указывает сложный и не совсем вразумительный способ определения этой «потребительно-трудовой» нормы землепользования. Она исчисляется отдельно для каждой хозяйственной полосы России. За «норму» принимаются «*средние*» размеры хозяйства в *наименее* населенном уезде данной хозяйственной полосы и такое соотношение земельных угодий, которое «по мнению местного населения» признается «наиболее благоприятным» для ведения того типа хозяйства, который преобладает в этом поясе (§ 5 «Инструкции»).

Вычисленная механически «средняя» площадь «нормального» хозяйства должна находиться между размерами потребительного и трудового участка. В декрете прямо указывается на необходимость повышения до потребительной нормы «средней» площади хозяйства в том случае, если она окажется «недостаточной для безбедного существования» (примеч. к § 19 «Инструкции»). Обратный случай — превышение «средней» площади над площадью, неоходимой для «безбедного существования»,— допускается, очевидно, лишь в пределах возможности обработки площади собственным трудом (ст. 12). По найденной таким образом норме происходит затем «*равнение отдельных хозяйств*» по всему поясу «за счет земель запасного фонда» (§ 19 «Инструкции»).

При этой дополнительной прирезке и перераспределении земли принимается во внимание отношение в семье едоков и работников, состав и качество угодий, урожайность и

вообще все обстоятельства, могущие нарушить уравнительность землепользования (§ 16, 17, 22 и 23 «Инструкции»).

Закон предвидит, наконец, возможность нехватки земли в отдельных районах вследствие разной густоты населения и неравномерности территориального распределения «запасного земельного фонда». На этот случай устанавливаются правила переселения и расселения земледельцев в известной очереди и «за счет государства», с обязательством государственной помощи новоселам возведением построек и «устройством дорог, водоемов, прудов и колодцев, снабжением сельскозозяйственными орудиями и искусственным удобрением, путем создания искусственных орошений... и устройством культурно-просветительных центров (см. ст. 27–34)*.

Таково в существенных чертах содержание закона о социализации земли. Его основной задачей является уравнение землепользования. Идея проведена с такой последовательностью, что осуществление ее означало бы полное переустройство земельных отношений. По точному смыслу закона отменялась *всякая* собственность на землю, уравнительному распределению подвергалась вся земля и право пользования землей получал принципиально *всякий* гражданин. Земельная реформа распространялась, таким образом, не только на конфискованные помещичьи, но и на коренные крестьянские земли. «Социализация» должна была уничтожить и сгладить все фактические неравномерности крестьянского землепользования, от чего бы они ни проистекали.

Это была грандиозная, по существу своему невыполнимая, задача.

Выше мы видели, что крестьянское хозяйство к моменту революции вовсе не представляло однородной массы. Община функционировала не везде, да и там, где она жила, ее порядки мало задерживали расслоение крестьянства, за пределами же общины имелся слой мелких, средних и полутрудовых хозяйств индивидуальных собственников. Переход к уравнительному

* СДЗЗ. С. 23–31.— **Ред.**

землепользованию должен был отрезать у крестьян все излишки сверх потребительно-трудовой нормы, уничтожить всю пестроту фактических земельных отношений.

Вопрос осложняется еще тем, что кроме немедленного перераспределения земли, закон ставил себе задачей и постоянное поддержание достигнутой уравнительности. Правда, в отличие от Декрета «О земле», Основной закон не содержит прямого указания на необходимость периодических переделов земли по мере роста населения и изменения экономических условий. Зато традиционная крестьянская *семейная* собственность заменена в законе *индивидуальным* землепользованием. По точному смыслу декрета право на пользование землей прекращается смертью пользователя (ст. 52 «в»). Это значит, что после смерти каждого трудоспособного члена хозяйства, общая площадь последнего сокращается на всю величину доли умершего. В целях поддержания уравнительного землепользования, государство должно строго следить за всеми колебаниями естественного и механического движения населения, постоянно отбирая и перераспределяя освобождающиеся участки земли. Земельный фонд представлялся законодателям чем-то вроде кучи песку, который отмеривается, развешивается и пересыпается из уезда в уезд, из волости в волость и от хозяйства к хозяйству, пока каждому гражданину не достанется равная доля.

Наконец, не ограничиваясь требованиями уравнения, закон возлагал на государство и ряд тягчайших материальных обязательств. Все издержки неизбежных при поравнении грандиознейших переселений государство брало на себя. Новоселы получают, как мы видели, от казны такие блага, какими они не пользовались и на родине. К этому присоединяется обещание закона застраховать «за счет государства» «трудовое сельское хозяйство» «от пожара, падежа скота, от неурожая, на случай засухи, градобития и других стихийных бедствий»; застраховать самих земледельцев «на случай смерти, старости, болезни и увечья» и призревать за счет органов Советской власти «всех нетрудоспособных земле-

дельцев» и неработоспособных членов их семейства (ст. 14–16)*.

Ясно, что ни проведение самой земельной реформы, ни выполнение связанных с нею материальных обязательств не были под силу Советской власти. Лишить права собственности на землю 15,5 млн мелких собственников, сократить землепользование значительной части их, перекроить около 100 млн десятин по потребительно-трудовой норме, переселить на все готовое 25 млн душ и обеспечить всеми видами социального и экономического страхования 82 млн сельского населения — всего этого не могло бы выполнить в сто лет самое могущественное и богатое государство мира. На что же рассчитывала только что образовавшаяся, еще бесформенная, окруженная врагами и еще не признанная половиной страны власть?

Ответ может быть только один. На то, что провозглашенная ею земельная реформа отвечает правосознанию народных масс. Если отбросить разные демагогические обещания закона о социализации, то в центре его останется идея уравнительного землепользования, идея, заимствованная в общих чертах из практики русской земельной общины. Предполагалось, что стремление к уравнительному землепользованию живет в душе русского крестьянина и является залогом более широких социалистических настроений. Только право частной собственности и экономические условия капиталистического общества заглушают естественные ростки общинного социализма. Закон о земле должен дать выход этим народным стремлениям. Как бы ни были сложны и запутаны постановления о земельном поравнении, они найдут дорогу к сердцу крестьянина и будут осуществлены «властью на местах» без всякого вмешательства центра.

Закон о земле, как видим, проникнут верой в социалистически-эгалитарные настроения русского крестьянства.

Той же верой подсказаны и другие мероприятия этого периода.

Декрет о земельных органах, предшествовавший Основному закону, предусматривал создание в каждой волости

---

* *СДЗЗ. С. 23–31.* — ***Ред.***

своего рода земельного парламента, избираемого всеобщим, прямым и тайным голосованием из расчета одного члена на каждые 500 душ населения. Губернским съездам земельных комитетов предоставлено было право «рассматривать и дополнять законоположения центральной власти применительно к местным условиям». Это был опыт широкой демократизации земельной реформы, весь основанный на доверии к творческим силам и единству настроения крестьянских масс.

Даже в самом остром вопросе, где сталкивались интересы города и деревни, рабочих и крестьян, в вопросе продовольственном, Советская власть заняла сначала либеральную и благоприятную по отношению к крестьянству позицию. Первый Всероссийский съезд Советов по продовольствию, собравшийся в январе 1918 г., подтвердил, правда, «необходимость неуклонного проведения в жизнь» хлебной монополии. Но в то же время он старался компенсировать это воздействие на деревню требованием такой же монополии и твердых цен «на все предметы первой необходимости» крестьянского обихода и организации «в государственном масштабе» обмена крестьянского хлеба на изделия промышленности[3].

Первое полугодие Советской власти проходит, таким образом, под знаком благожелательного отношения к крестьянству в целом.

Искренне или не искренне, добровольно или по необходимости, но марксисты-большевики, всегда оттенявшие мелкобуржуазную природу крестьянства, теперь становились на народническую точку зрения и строили свою земельную политику в расчете на социалистический инстинкт мелких земледельцев. Центральный орган власти ограничивался декларацией принципов социалистической аграрной реформы. Практическое проведение ее в жизнь предоставлялось выборной «власти на местах», отражавшей непосредственные желания населения.

Теоретический интерес народнического периода советской земельной политики как раз и заключается в этом пере-

[3] *Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 36.*

несении центра тяжести земельной реформы на местную инициативу. Большевики пытались увлечь к социализму крестьянство простым предоставлением ему возможности вступить на этот путь. Был поставлен грандиозный опыт проверки классовых идеалов мелких земледельцев.

Посмотрим, какие он дал результаты.

Глава 4
Истинное лицо революционного крестьянства

Тотчас после Октябрьского переворота революционный пожар охватил деревню. За массовыми изгнаниями помещиков следовал разгром поместий, захват инвентаря, раздел земель. Много месяцев подряд бушевала стихия. [Революционное крестьянство убивало, резало, жгло, делило и уничтожало.] Руководство земельной реформой из центра почти отсутствовало [или ограничивалось посылкой «инструкторов», разжигавших народные страсти]. «Власть на местах» достигла апогея своей силы. Россия была разорвана на тысячи мелких самоуправляющихся кусков. Каждый волостной Совет считал себя полновластным хозяином, имеющим почти что права суверенного государства[4]. Уезды не всегда могли влиять на ход земельного переустройства в своих волостях, губернский план реформы был редким исключением. Земельное право творилось сразу в тысяче мест и на тысячу разных ладов.

---

[4] Уездный съезд Советов одного из уездов Новгородской губ., заслушав протесты дипломатических миссий против захвата земли иностранных подданных, постановил, что «как уездные, так и волостные земельные отделы имеют право брать на учет и в свое распоряжение имения иностранных подданных с отстранением их от управления имениями на одинаковых основаниях с имениями, принадлежашими гражданам РСФСР».

Только много времени спустя выяснилось общее направление стихийного народного «правотворчества»[5]. Оно ни в какой степени не совпадало с социалистическими планами центрального правительства. Правда, стихийный процесс переустройства земельных отношений протекал под лозунгом уравнительности, но эта уравнительность ни по объему, ни по внутреннему смыслу не была похожа на уравнительность Основного закона[6].

Первое и самое важное отличие практики от теории заключалось в том, что фактический пересмотр земельных отношений коснулся гораздо меньшего круга земель, чем предполагалось.

Закон предписывал, как мы знаем, отмену всякой собственности и уравнительный передел всей сельскохозяйственной площади. В действительности, в громадном большинстве случаев крестьянские земли всех наименований не были затронуты земельной реформой. Только иногда, в особенно старательных губерниях все земли, включая и крестьянские, объявлялись «единым фондом распределения» (Тульская губ.). Впрочем, такие постановления весьма немногочисленны, и часть из них оставалась простой декларацией. Чаще по отношению к крестьянским землям применялись отрезки «излишков» у отдельных домохозяев, землепользование которых превышало потребительно-трудовую «норму». Но и это не было правилом. Обыкновенно неопределенное понятие «трудового» хозяйства покрывало все разнообразие в размерах крестьянского землепользования и предохраняло от применений уравнительных статей закона.

Затем надо иметь в виду, что все передвижки специально крестьянского землепользования проходили на совершенно иных правовых основаниях, чем это предполагалось зако-

---

[5] *Один из любимых лозунгов социалистов-народников.*

[6] *Нижеследующее описание фактического течения аграрной революции опирается, главным образом, на официальные постановления бесчисленных местных земельных съездов, имеющихся в неизданных «Материалах по аграрной реформе 1917 года», принадлежащих Народному Комиссариату земледелия.*

ном о социализации. По смыслу последнего, *все* крестьяне должны были сделаться пользователями государственной или «общенародной» земли. В действительности институт *общинной* земельной собственности остался нетронутым. Перераспределение крестьянских земель производилось в пределах одной и той же *сельской* общины и между ее членами. Урезка излишков сверх «нормы» и передача их малоземельным и безземельным легко укладывается в рамки обычных переделов общинных земель. Новизна земельной реформы сводилась к дополнительному увеличению за счет конфискованных земель *основного и неприкосновенного ядра* крестьянского землевладения. В результате объектом земельной реформы оказались почти исключительно земли «нетрудового» пользования, т. е. земли помещичьи, церковные и казенные разных наименований.

Но и судьба этих земель разошлась с расчетами законодателей. По закону о социализации конфискованные земли должны были поступить в распоряжение земельных органов и составить государственный запасный земельный фонд для дополнительного наделения, переселения и расселения. Сюда должны были привлекаться батраки бывших помещичьих хозяйств и пришлое земледельческое, но проникнутое коммунистическим настроением население. Эти же земли должны были послужить исходным пунктом для развития истинно-социалистического коллективного крупного землепользования.

Специальным пунктом ст. 2 Основной закон предуказывал создание «коллективного хозяйства... за счет хозяйств единоличных в целях перехода к социалистическому хозяйству». Две другие статьи предписывали оказывать «всяческое содействие» и давать «преимущество трудовому коммунистическому артельному и кооперативному хозяйствам перед единоличным», распространяя это преимущество и на право получения земли из конфискованных земель (ст. 22 примеч. и ст. 35)*.

* *СДЗЗ. С. 24, 25, 29.* — **Ред.**

В действительности случилось как раз обратное предположениям закона. Почти весь «запасный фонд» был немедленно распределен. Для пришлого населения, в том числе и для городских и сельских рабочих, доступ к земле был почти что закрыт. Земля досталась в индивидуальное пользование местного земледельческого населения. В настоящее время известно, что в результате стихийно осуществившегося захвата земли Советская власть удержала в своих руках 2,7% сельскохозяйственной площади по 32 губерниям РСФСР и всего 3,2% — по Украине. Ничтожные размеры «запасного» фонда убивают всякую надежду для использования его в целях широкой коллективистической политики. Вместо этого захват земель только усилил индивидуалистические инстинкты деревни.

Самый раздел захваченных земель носил в высшей степени грубый и примитивный характер. Об уравнительности в сколько-нибудь широком масштабе не было и помысла. Уравнительность принималась во внимание только внутри общины или небольшой группы селений. По отношению к внешнему миру каждая волость выступала самостоятельной единицей, считавшей полной своей собственностью все находящееся в ее пределах. Благодаря волостному сепаратизму помещичьи и казенные земли захватывались, как правило, только близлежащими селами. При неравном территориальном распределении «запасного» фонда этот modus приводил нередко к усилению экономического неравенства вместо его смягчения. Были случаи, когда из двух соседних селений одно получало узкие полоски по 4 сажени на душу, а другое не могло справиться с захваченной землей и отдавало ее в аренду на сторону. Строгая уравнительность господствовала только при разделе захваченных поместий внутри того села, которому они доставались. Но и здесь практика была далека от использования «запасного» фонда для доведения до нормы землепользования малоземельных или безземельных. Напротив, чаще всего происходил простой механически равномерный раздел захваченного. Делилась по «едокам» или «работникам» не только пахотная земля, сенокос и леса, но той же

участи подвергались плантации свекло-сахарных заводов, постройки, скот, инвентарь, домашнее имущество изгнанных владельцев. «Эгалитарный пафос» доходил до раздела племенного скота — мясом, построек — бревнами и машин — отдельными частями и винтами. Во всем этом гораздо меньше проявления социалистической сознательности, чем бессознательного собственнического инстинкта первобытного человека, предпочитающего погубить культурную ценность, чем мириться с мыслью, что кто-нибудь другой будет ею владеть.

Не получило осуществления и предписание закона о потребительно-трудовой норме землепользования. По идее эта норма должна была быть единой в том смысле, что, выражаясь различным количеством десятин в зависимости от почвы и экономических условий района, она в конце-концов давала бы одинаковое материальное обеспечение каждому гражданину, занимающемуся земледелием на территории РСФСР. Этим самым достигалось первое приближение к социалистическому идеалу равенства в распределении[7].

На самом деле никто и не подумал об отыскании единой для всей России нормы землепользования.

Даже единая губернская норма оказалась утопией, для осуществления которой не было ни сил, ни средств. В постановлениях местных земельных съездов того периода иногда встречаются указания на принципы установления погубернской нормы. Так, по Тульской губернии было решено произвести распределение всех земель по принципу равенства чистого дохода от земледелия и с этой целью предполагалось

---

[7] *Наиболее последовательный проект эсеровской земельной реформы, составленный П.А. Вихляевым, устанавливает понятие «общегражданской нормы земельного наделения». Каждый гражданин получает право на равную долю участия в «общенародном земельном достоянии». Эта доля определяется как частное от деления «всей суммы чистого дохода от земли сельскохозяйственного пользования» и земельных строительных участков, как городских, так и сельских местностях на «все число граждан страны». Чтобы найти затем местную норму землепользования достаточно умножить полученное частное на коэффициент доходности земли данного района. Этот фантастический проект подготавливался для Учредительного собрания.*

разбить губернию на 46 районов, принимая во внимание 8 разных факторов доходности[8]. Совершенно понятно, что подобные фантазии были заранее обречены на неуспех. Они не могли осуществиться уже потому, что предполагали передел всей земли, включая и крестьянскую, а также делали неизбежными массовые переселения из уезда в уезд.

Попытки установить нормы землепользования делались, как правило, только в уездном масштабе. Они проделывались самым грубым, топорным способом. Ни о каком учете доходности, размеров потребления или трудовых возможностей крестьянского хозяйства не заходило и речи. «Норма» определялась как элементарное статистическое среднее, получающееся от деления общей площади уезда на число разверсточных единиц. Не было твердой практики даже по вопросу о природе этой единицы. Земля распределялась то по «едокам», то по «работникам», иногда по тому и другому признаку сразу (без всякого представления о принципиальном отличии трудовой и потребительной площади хозяйства).

Приведенная ниже таблица* показывает размеры норм, установленных уездными органами в ряде губерний, относительно которых можно было собрать сведения. Кроме резкой неравномерности по губерниям, таблица обнаруживает широкие расхождения норм в пределах одних и тех же губерний, более или менее однородных по своему хозяйственному строю. По Псковской губернии поуездные минимальная и максимальная потребительные нормы отличаются в 4 раза, по Тверской — почти в 3, по Смоленской, Рязанской, Тамбовской и Симбирской — в 2 и т. д. Резко отличаются друг от друга даже трудовые нормы, которые по самой природе своей должны были давать более близкие величины.

---

[8] *А именно: 1) физические качества почвы, 2) урожайность (с учетом стоимости удобрения), 3) пропорции культур, 4) техника полеводства, 5) затраты на амортизацию и ремонт сельскохозяйственного инвентаря и построек, 6) урочное положение, 7) цены на сельскохозяйственные продукты (с учетом удаленности от рынка) и 8) стоимость рабочих рук.*

* *Таблица не сохранилась.— **Ред.***

Но и поуездные нормы отнюдь не гарантировали равномерного распределения землепользования. Чтобы уравнять всех по уездной норме, нужна была бы передвижка коренного населения, хотя бы и не в тех размерах, как при равнении по норме губернской. Попытки же уравнять землепользование за счет «запасного» фонда наталкивались на сепаратизм волостей и сопротивление соседних с фондом крестьян, считавших его своей собственностью.

Итак, с какой стороны ни подойти к народному правотворчеству, везде реальные результаты великой реформы не совпадают с оптимистическими расчетами программ того времени.

Из всех социалистических принципов революционное крестьянство твердо усвоило только лозунг «организованного захвата» чужих земель и изгнание помещиков. Но социалисты надеялись, изгнав помещиков, сохранить крупное хозяйство. Практика пошла дальше, и результатом аграрной революции явилось полное уничтожение крупного хозяйства и раздел по кускам даже немногочисленных оазисов сельскохозяйственной культуры. Это был первый и главный итог аграрного движения 1917–1918 гг.

В кривом зеркале отразилась и эгалитарная идея распределительной справедливости. Прокатившаяся по всей России волна земельных переделов не имела ничего общего с проявлением социалистического умонастроения. Вместо романтических мечтаний о «Божьей земле» и равном праве на нее, движущей силой этой волны оказалось жадное стремление приумножить собственное достояние. Уравнительность господствовала только в дележе награбленного. Ни о каком общем «поравнении» деревня не мечтала. Захваченные земли считались «завоеванием революции», которым она не хотела делиться ни с кем.

Трудно было усмотреть во всем этом направление врожденного у крестьянина социалистического чувства. Старинные народнические иллюзии были изжиты при первом соприкосновении с жизнью. Большевистская власть не могла больше заблуждаться. Ее первая карта оказалась

битой. Расчет на стихийный крестьянский социализм не оправдался.

Вместо дружественно настроенных масс перед Советской властью стояла глухой стеной мелкобуржуазная стихия. [Одним глотком она отправила в свое нутро все крупное хозяйство и теперь медленно переваривала добычу, угрожающе рыча по адресу всякого, кто осмелится к ней приблизиться.] Городскому социализму нужно было овладеть *враждебным* или, по крайней мере, *чуждым* ему крестьянством. Новая задача требовала и новых средств.

Глава 5
Метод использования классовых противоречий

1. Возврат к марксистским позициям

Разочарование в стихийном социализме послужило главной причиной отказа большевиков от народнической земельной политики. Охлаждения и раздоры между двумя союзными социалистическими партиями начались уже через 1–2 месяца совместной работы. Официальный разрыв произошел на V съезде Советов 4–10 июля 1918 г. На этом съезде с необыкновенной ясностью обнаружилась причина разногласия бывших союзников. Коммунисты-большевики настаивали теперь на проведении энергичной политики по отношению к крестьянству, требовали перенесения в деревню методов классовой борьбы и устами Ленина заявляли, что принятие закона о социализации было «ошибкой» со стороны партии[9]. Социалисты-революционеры отвечали упреками по адресу большевистской продовольственной политики, обвиняли коммунистов в «измене крестьянству», в использовании дерев-

[9] *Пятый Всероссийский Съезд Советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Стенографический отчет. М., 1918. С. 72.*

ни, а не служении ей. Верные народническому идеалу, они продолжали надеяться на социалистический дух крестьянства, хотя происходившая «дележка не по правилам, не по законам, не по трудовой норме» и признавалась ими «приговором всему социалистическому крестьянству»[10].

Из двух боровшихся течений наибольшей силой обладали коммунисты. Съезд был прерван попыткой социалистов-революционеров вооруженной силой вернуть ускользавшую власть. После разгрома противников и исключения их из советов, большевики оказались единственной правящей партией. С этого момента начинается уже новый, чисто большевистский период земельной политики.

По сравнению с предыдущим его отличительной чертой является большая агрессивность по отношению к крестьянству. По двум причинам деревня не могла быть предоставлена самой себе.

С одной стороны, нельзя было строить социализм в земледельческой стране без овладения сельским хозяйством. Крестьянство на первых порах не обнаружило склонности к стихийному коллективизму. Следовательно, надо было найти способ силой или убеждением заставить его идти по этому пути. Так ставилась задача комиссариату земледелия.

С другой стороны, на борьбу с крестьянством толкал продовольственный вопрос. [Разложение торговых связей между городом и деревней усиливалось с каждым декретом о национализации, с каждой ступенью разрушения транспорта, с каждым циркуляром по стеснению свободы торгового оборота.] Система добровольного товарообмена, намеченная в народнический период политики, разбилась о недостаток товаров и неподготовленность местных органов[11]. Хлебная

---

[10] *Там же. С. 57. Речь лидера социал-революционной партии Спиридоновой.*

[11] *По предварительным подсчетам предполагалось получить путем обмена в течение апреля и мая 1918 г. до 120 млн пудов хлеба. Эти расчеты, пишет один из видных руководителей продовольственной политики, были «жестоко искажены действительностью... У местных продовольственных учреждений не было сколько-нибудь сносного распределительного аппарата... Намерения центральной власти остались совершенно непонятными и чудовищно извращенными на местах...» (Продовольственная политика в свете*

монополия наталкивалась на сопротивление местных властей и неработоспособность местных продовольственных комитетов — парламентов. Для спасения от голода армии и пролетариата нужно было перестроить продовольственный аппарат и принять более твердый курс политики. Борьба за хлеб была признана важнейшей задачей Советской власти.

С этих пор судьба сельского хозяйства складывается под комбинированным влиянием Наркомзема и Наркомпрода. Не всегда продовольственная и земельная политика шли рука об руку. Часто мероприятия Наркомпрода тормозили начинания Наркомзема и наоборот. Отсюда получалось впечатление несогласованности и междуведомственной борьбы. Не следует, однако, искать *здесь* объяснения конечного неуспеха политики этого времени. Оба органа действовали в интересах социализма. Один стремился овладеть хлебом, чтобы создать «базу» для социалистических опытов с промышленностью, другой ставил себе целью примирить крестьянство с советской властью и вовлечь его в социалистическое строительство.

Обе задачи были одинаково необходимы для коммунистического хозяйства. Но они предполагали разные средства разрешения. Обобществление мелких индивидуальных хозяйств требовало терпения, времени и осторожности. Промышленность, город и армия нуждались, напротив, в быстром, точном и обильном притоке сельскохозяйственных продуктов, чего нельзя было достигнуть иначе как мерами государственного принуждения.

Объективное противоречие обеих задач как раз и разрешалось разным направлением деятельности двух ведомств. В этом сказалась практическая мудрость Советской власти. Когда она чувствовала себя в силе, Наркомзем и Наркомпрод действовали в унисон. Когда сопротивление деревни возрастало, земельная политика становилась мягче, а продовольственный пресс молча продолжал свою работу.

Нельзя, таким образом, придавать слишком большое значение противоречиям ведомственной работы. Они ус-

общего хозяйственного строительства Советской власти: Сб. материалов. М., 1920. С. 145.)

ложняли узор политики, но не лишали его единства и цельности.

В дальнейшем нам придется одновременно следить за изгибами продовольственной и земельной политики. Только так можно получить правильное представление о совокупности методов овладения крестьянской стихией, примененных социалистической властью.

Первый период чисто большевистской политики, непосредственно сменивший народнический опыт, характеризуется отсутствием представления о неизбежных противоречиях земельной и продовольственной политики. Все мероприятия этой эпохи отличаются логической стройностью и однородностью. Общей осью экономической политики оказывается *идея классовой борьбы.*

Это был возврат к марксистским взглядам. Проделав опыт с уравнительным землепользованием и убедившись на практике в ошибочности народнического представления о едином социалистическом фронте трудового крестьянства, большевики вернулись к старым теоретическим позициям.

Интересно проследить смену взглядов на самом Ленине. Еще в 1907 г. при построении программы русской социал-демократической партии он указывал, что в современной русской деревне совмещаются двоякого рода классовые противоположности: во-первых, между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями, во-вторых, между всем крестьянством и всем помещичьим классом. Первая противоположность развивается и растет, вторая — постепенно ослабевает. Первая вся еще в будущем, вторая — в значительной степени уже в прошлом[12]. Не далее как в апреле 1917 г. Ленин продолжал стоять на прежней точке зрения. Партии пролетариата предлагалось агитировать в пользу создания особых советов от крестьян и сельскохозяйственных рабочих наряду или в противовес советам общекрестьянским. «Без этого,— пояснял вождь

[12] *Из истории социал-демократической аграрной программы. Пг., 1917. С. 8. (Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905–1907 годов. // Полн. собр. соч. Т. 16. С. 201–207 и др.— **Ред.***

партии,— все сладенькие мелкобуржуазные фразы народников о крестьянстве вообще окажутся прикрытием обмана неимущей массы зажиточным крестьянством, которое представляет из себя лишь одну из разновидностей капиталистов»[13].

[Тем не менее Октябрьскую революцию, как мы уже знаем, пришлось проделать вместе с народниками под их «сладенькими» лозунгами о революционном и социалистическом крестьянстве.]

На III съезде Советов, первом после Октябрьской революции, Ленин не скупился на комплименты крестьянам и партии левых социалистов-революционеров. «Когда пришло время к осуществлению социализма на деле,— говорил Ленин,— крестьяне... поняли тогда, что партия, выражающая истинные стремления и интересы крестьянства,— есть партия левых эсеров... Если крестьяне России хотят осуществить социализацию земли в союзе с рабочими, которые проведут национализацию банков и создадут рабочий контроль,— они наши верные сотрудники, вернейшие и ценнейшие союзники...

Всякий сознательный социалист говорит, что социализм нельзя навязывать крестьянам насильно» и надо спрашивать, как они считают «удобнее перейти к социализму? <...> И крестьяне начали уже этот переход и мы питаем к ним полное доверие.

Тот союз, который мы заключили с левыми социалистами-революционерами, создан на прочной базе и крепнет не по дням, а по часам»[14].

Это было в январе, а через полгода на V съезде Советов в июле 1918 г. Ленин держал уже иную речь. «Мы знаем,— говорил он, обращаясь к левым социалистам-революционе-

---

[13] *Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. Проект платформы пролетарской партии. Пг., 1917. С. 17. (Полн. собр. соч. Т. 31. С. 167.— **Ред.**)*

[14] *Третий Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Пг., 1918. С. 22, 23. (Ленин В. И. Доклад о деятельности Совета Народных Комиссаров 11 (24) января 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 263, 264.— **Ред.**)*

рам,— что это, может быть, и ошибка, что мы вашу социализацию поставили в наш закон...»[15].

Еще раньше, перед съездом, как бы задавая тон перемене курса, он вернулся к прежней точке зрения. В известной статье «О левом ребячестве» Ленин снова объявил крестьянскую «мелкобуржуазную стихию» «главным врагом социализма у нас». Многомиллионный слой собственников, ставит диагноз тот же автор, накопив во время войны некоторый запас денег, теперь крепко держал это свидетельство на получение общественного богатства, прятал его от государства и не верил ни в какой социализм или коммунизм, отсиживаясь от пролетарской бури: «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа... либо он скинет нашу рабочую власть неизбежно и неминуемо, как скидывали революцию Наполеоны и Кавеньяки, именно на этой мелкособственнической почве и произрастающие». Овладеть же крестьянской стихией можно только разделяя ее на два враждебных лагеря и организуя бедноту «вокруг сознательного пролетарского авангарда»[16].

Итак, использование классовой борьбы внутри крестьянства должно было сделаться универсальным оружием чисто большевистской экономической политики. Оно должно было и доставить опорные пункты для укрепления Советской власти в деревне, и разрешить продовольственный вопрос, и открыть дорогу социалистическому земледелию.

---

[16] *Ленин В.И. О «левом» ребячестве и мелкобуржуазности // Главная задача наших дней... Пг., 1918. С. 15, 17. (Последняя фраза очень огрубленно передает опущенное в цитируемом тексте высказывание: «Либо мы подчиним своему контролю и учету этого мелкого буржуа (мы можем это сделать, если сорганизуем бедноту, т. е. большинство населения или полупролетариев, вокруг сознательного пролетарского авангарда)...» Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 298.— **Ред.**)*

2. Продовольственная политика

Использование классовых противоречий началось с продовольственной политики. Здесь острее всего ощущалась необходимость решительных мер, ибо к концу первого полугодия существования Советской власти на краю голодной смерти находилась почти вся потребляющая полоса России[17].

Оставшийся после Временного правительства аппарат хлебной монополии не мог уже спасти положение. Он еще и не успел обзавестись достаточно сильными органами для выкачивания хлебных излишков. Теперь к этому недостатку присоединился ряд других. Заключение мира и самовольная демобилизация армии разрушили транспорт. Национализация промышленности сократила производство предметов, нужных крестьянину. Обесценение денег быстро поднимало уровень цен. Цены на хлеб поднялись также и в 10–15 раз превышали твердую цену, уплачивавшуюся крестьянину за отбираемый, монополизированный продукт. Наконец, произвол местных советов, запрещавших вывоз и провоз хлеба, останавливавших проходящие поезда с продуктами и по собственному усмотрению изменявших «твердые» цены, довершал картину продовольственного хаоса.

Чтобы справиться с голодом, нужно было, во-первых, усовершенствовать и централизовать административно-продовольственный аппарат и, во-вторых, решиться наложить руку на крестьянство, ибо теперь, после уничтожения крупных хозяйств, оно являлось единственным держателем хлебного запаса.

Но принудительное отобрание хлеба по крайне низким, по сравнению с вольным рынком, монопольным це-

---

[17] *Газеты того времени пестрят описаниями голодных мук населения. Достаточно мрачны и официальные изображения продовольственного положения. См. доклад Народного комиссариата продовольствия на V съезде Советов в июле 1918 г. в кн.: Пятый Всероссийский съезд Советов... Стенографический отчет. С. 135 и след., а также: Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. М., 1918. С. 41 и след.*

нам неминуемо должно было встретить сопротивление крестьян.

Агрессивность продовольственной политики диктовалась голодом, но та же агрессивность грозила вывести крестьянство из нейтрального положения, занятого им после революции, и сделать его прямым противником Советской власти.

Здесь-то и пришла на помощь идея классовой неоднородности деревни. Было предположено, что единственным держателем хлеба, срывателем монополии, «спекулянтом» и «мародером» является тонкий слой деревенской буржуазии, «кулаков», зажиточного крестьянства. Остальную массу сельского населения составляет «беднота», «пролетариат», сама нуждающаяся в покупном хлебе. Задача заключалась в том, чтобы, опираясь на нее, произвести отобрание хлеба у «кулаков» и в то же время приобрести верных союзников в деревне.

Через все продовольственное законодательство рассматриваемого периода красной нитью проходит идея противопоставления одной части сельского населения против другой[18].

Основными актами, давшими тон всей политике этого времени, следует считать изданные друг за другом в течение мая и июня 1918 г. декреты о продовольственной диктатуре, местных органах и комитетах бедноты.

Первый из этих декретов подтверждает «незыблемость хлебной монополии и твердых цен», установленных Временным правительством, предоставляя Народному комиссариату продовольствия чрезвычайные полномочия, «вплоть до применения вооруженной силы в случае оказания противодействия отобранию хлеба или иных продовольственных продуктов».

---

[18] *Уже в декрете о товарообмене, изданном в начале апреля 1918 г. и подсказанном народническим благожелательным отношением к деревне, проскользнула классовая идея. Товарообмен был организован не на индивидуальных, а на коллективных началах. Хлеб должны были отдавать имеющие его, а товары распределялись поровну между всеми жителями данной волости. Такая организация обмена была одной из главных причин его неуспеха.*

В мотивах к декрету указывалось, против кого направлено острие продовольственной диктатуры: «Сытая и обеспеченная... деревенская буржуазия остается упорно глухой к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты и не вывозит хлеб к ссыпным пунктам. На насилия владельцев хлеба над голодающей беднотой ответом должно быть насилие над буржуазией».

Декрет обязывал «каждого владельца хлеба весь избыток сверх количества, необходимого для обсеменения полей и личного потребления по установленным нормам до нового урожая, заявить к сдаче в недельный срок после объявления этого постановления в каждой волости». За несдачу хлеба все, имеющие излишки хлеба, объявлялись «врагами народа», предавались революционному суду, заключались в тюрьму, имущество их подвергалось конфискации, а сами они прогонялись навсегда из общины. Специальным пунктом «все трудящиеся и неимущие крестьяне призывались к немедленному объединению для беспощадной борьбы с кулаками», а п. 4 того же декрета обещал в награду за донос о несданных излишках половину реквизиционной цены скрытого хлеба[19].

Почти одновременно изданный декрет о местных органах Наркомпрода укреплял и развивал ту же идею классовых антагонизмов. Продовольственные комитеты учреждались во всех губерниях и уездных городах. На них возлагалось «неуклонное осуществление хлебной монополии, т. е. изъятие по установленным твердым ценам всех излишков хлеба из рук владельцев и сбор этих излишков в государственных складах», а также распределение среди населения продовольствия и предметов первой необходимости. Состав комитетов целиком назначался Наркомпродом и местными советами. Не довольствуясь этим способом обеспечения «классового» состава комитетов, декрет предусматривал широкое представительство в продовольственных органах про-

[19] *См.: Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 1. 1 октября 1917 г. — 1 января 1919 г. Н.-Новгород, 1919. С. 28–34 и 101–103.*

изводящих губерний населения губерний потребляющих, причем обязательным условием представительства являлась рекомендация профессиональных рабочих союзов или партий, стоящих на платформе советской власти. Наконец, Наркомпроду предоставлялось право учреждать при местных органах особые отряды из сознательных рабочих, главнейшей задачей которых должна была стать «организация трудового крестьянства против кулаков».

Но главным клином, который должен был расколоть деревню на два враждующих лагеря, был знаменитый декрет «Об организации и снабжении деревенской бедноты», изданный 11 июня 1918 г. и известный также под именем декрета о комитетах бедноты. Содержание декрета сводится к следующему. Повсеместно, до отдельных селений включительно, учреждаются «комитеты деревенской бедноты». Членами комитетов могут быть все, как местные, так и пришлые, жители сел и деревень, за исключением «заведомых кулаков и богатеев, хозяев, имеющих излишки хлеба или других продовольственных продуктов, имеющих торгово-промышленные заведения, пользующиеся батрацким или наемным трудом и т. п.». Комитеты должны выполнять двойную задачу: 1) «оказывать содействие местным продовольственным органам в изъятии хлебных излишков из рук кулаков и богатеев» и 2) распределять местные запасы хлеба, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия, хотя и по нормам Наркомпрода, но между кругом лиц, определяемых самими комитетами. Специально на ближайшие два месяца устанавливалась частью бесплатная, частью льготная раздача хлеба и сельскохозяйственных орудий деревенской бедноте везде, где в этот срок хлебные излишки будут полностью изъяты «из рук кулаков и богатеев».

Декрет об организации деревенской бедноты быстро встал в центре внимания правящей партии. На V съезде Советов Ленин выражал сожаление, что декрет издан через полгода, а не через «полнедели» советского управления. В организации бедноты, изъятии излишков и распределении

хлеба он видел путь к живому социализму, а не борьбу за догму, программу или партию[20]. Съезд, как всегда, пошел по пути, указанному вождем. Единогласная резолюция признавала «беспощадную, не останавливающуюся перед самыми суровыми мерами борьбу» единственным средством вырвать хлеб из цепких рук «кулаков-богатеев», а на комитеты деревенской бедноты возлагалась задача «победить яростное сопротивление внутренних и внешних врагов социалистической революции, упрочить и углубить ее завоевания и вывести Россию из жестокого продовольственного кризиса»[21].

[Нетрудно видеть, по каким причинам возлагались такие надежды на декрет о комитетах бедноты.

Бесплатное распределение изъятых излишков должно было привлечь к комитетам весь неустойчивый человеческий осадок, поднятый революционной бурей. С другой стороны, неопределенные признаки «кулака» позволяли подводить под это понятие любого крестьянина, обладающего лишним пудом хлеба. Для комитетов был обеспечен, таким образом, и личный состав, и объект «работы». Вожди коммунизма могли надеяться на успех. Они шли испытанным путем. Сначала крестьянство в целом натравливалось на помещиков, теперь разжигалась «священная ненависть бедноты против богачей» внутри самого крестьянства[22].]

Надо сказать при этом, что комбеды не были ни выборной, ни добровольной организацией. Под страхом ответственности всем Советам вменялось в обязанность «немедленно приступить к проведению в жизнь» декрета и принять «самое активное участие» в повсеместной организации бедноты. Не довольствуясь этим, были созданы специальные «аги-

---

[20] *Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 71. На этом же съезде Ленин говорил: «И мы будем идти к социализму через путь хлеба, мануфактуры и орудий, не достающихся спекулянтам, а идущих в первую голову бедноте... этого не пробовала сделать ни одна республика в мире, а мы пробуем теперь». (Там же. С. 97). (Полн. собр. соч. Т. 36. С. 510, 517. — **Ред.**).*

[21] *Пятый Всероссийский съезд Советов... С. 157–158.*

[22] *Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов: Стенографический отчет. 6–9 ноября 1918г. М., 1919. С. 87. Речь Г. Зиновьева.*

тационно-организационные» и «продовольственные» отряды. Первые действовали убеждением, вторым прямо предписывалось собирать в каждой деревне сход бедноты, организовывать комитеты и снабжать их оружием, отобранным у остального населения[23].

Были, таким образом, приняты все меры, чтобы в кратчайший срок осуществить организацию комитетов. Агитация, материальная заинтересованность и принуждение действовали с одинаковой силой. Если в деревне была какая-нибудь классовая неоднородность, то она должна была проявиться немедленно под энергичным нажимом Советского государства.

Так обстояло дело с классовым принципом в продовольственной политике коммунистической власти.

3. Советские хозяйства и коммуны

Отношение коммунизма к крестьянству не могло ограничиться разжиганием классовой борьбы. [Оборотной стороной медали было бы продолжение разрушительных процессов революции. Между тем чувствовалась уже потребность в какой-то созидательной работе.]

Продовольственная политика в лучшем случае вела к социалистическому уравнительному распределению. Не хватало еще положительной производственной программы. Социалистический идеал, как известно, заключается в организации государственного сельского хозяйства на началах крупного производства.

Еще Маркс был решительным сторонником крупного сельского хозяйства и жестоко высмеивал «варварство» мелкого

---

[23] *Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 1. С. 106–109.*

земледелия. Ревизионизм несколько ограничивал выводы Маркса, тем не менее симпатии к крупному сельскохозяйственному производству сохранили господство над умами большинства социалистов. В крупном производстве усматриваются двоякого рода выгоды. С одной стороны, благодаря техническим усовершенствованиям и рациональности оно производительнее, чем хозяйство мелкое. С другой стороны, только крупные, работающие наемным трудом «фабрики зерна» могут быть подчинены распоряжению государства и включены в единую схему хозяйственного плана. Последнее обстоятельство приобретает особенно важное значение при переходе к социализму, ибо единый план является фундаментом социалистического хозяйства. Один из наиболее ревностных поборников советских хозяйств, лицо, кстати сказать, занимавшее видный административно-хозяйственный пост в эпоху социалистического строительства, следующим образом описывает картину «ближайшего» будущего.

Развитая сеть советских хозяйств, управляемая общими органами народного хозяйства, работающая на общество и сдающая все свои продукты на удовлетворение общественных потребностей, включающая не только производство сельскохозяйственных продуктов, но и разнообразную их переработку,— такова картина, которую в начальной форме мы наблюдаем уже в настоящее время, но которая несомненно вырастет до громадных размеров в ближайшие годы.

Советские хозяйства должны будут и совершенствовать технику производства. Электричество, которое в нашу эпоху явится главной силой в промышленности, должно будет получить наиболее широкое применение в деревне и в сельскохозяйственном производстве.

В советских хозяйствах должна быть раскинута сеть заводов и фабрик: консервные, кожевенные, машиностроительные (сельскохозяйственных машин и орудий), деревообделочные, текстильные, ремонтные и т. д., и т. п., предприятия должны развернуться во всей широте.

Советские хозяйства должны явиться рассадниками агрономической культуры. Здесь должны содержаться стада

племенного скота, конские заводы, производиться улучшения сельскохозяйственных культур и т. д.

Наконец, советские хозяйства должны будут явиться центрами социалистической культуры, просвещения, искусства, воспитания нового человека[24].

Условия обобществления сельского хозяйства в России менее всего подходили к этому теоретическому идеалу. Дореволюционная Россия была страной крупного землевладения, но мелкого землепользования. Если бы даже удалось перевести в неприкосновенном виде все крупное хозяйство из рук частных владельцев непосредственно в распоряжение социалистического хозяйства, то и тогда в хозяйственный план оказалась бы включенной незначительная часть земельной площади. [В действительности, как мы уже знаем, крупное хозяйство почти полностью было разорено крестьянами, которых сами же социалисты учили «организованному захвату» помещичьих земель... Строить крупные государственные, или, как их после стали называть, советские, хозяйства, можно было только на остатках казенных и частных земель, по тем или иным причинам не захваченных крестьянами. Рассчитывать на постепенное расширение площади советских хозяйств за счет крестьянского землепользования было также невозможно.]

Крестьяне искренне считали всю землю принадлежащей «трудовому народу» и ко всякой попытке организовать хозяйство с наемным трудом относились в высшей степени враждебно.

Признавая, таким образом, все преимущества государственных «фабрик зерна», Советская власть не могла строить только на них свою земельную политику. Нужно было найти еще способ обобществления распыленных землевладельцев и вовлечения их в сферу влияния социалистического хозяйства.

Выход был найден в идее производительных товариществ, много лет назад рекомендованной Энгельсом[25].

---

[24] *Милютин В. П. Социализм и сельское хозяйство. М., 1919. С. 53–57.*

[25] *«Очевидно,— писал Энгельс в 1894 г., — что, обладая государственной властью, мы не будем думать о том, чтобы насилием экспроприировать*

Покровительствуемой формой хозяйства были объявлены коммуны, артели, товарищества и другие формы коллективного землепользования. Строительство социализма должно было начаться снизу, с добровольного объединения отдельных мелких хозяйств в более крупные производительные ассоциации. В перспективе рисовалась организация районных союзов коммун и, наконец, включение сельского хозяйства в общий план социалистического общественного хозяйства[26].

С точки зрения последовательного государственного социализма эта схема страдала некоторым недостатком. На ней лежал отпечаток синдикализма, упорно подавлявшегося в промышленности. Производительные товарищества сохраняют значительную долю хозяйственного самоопределения, а это мешает ведению общего планового народного хозяйства. Многие теоретики русского социализма считали поэтому сельскохозяйственную коммуну менее совершенной организационной формой, чем советские хозяйства, работающие непосредственно по заданиям государства[27].

---

*мелкого крестьянина... Мы вынуждены сокрушить крупного землевладельца — это наша задача. По отношению к мелкому крестьянину она состоит прежде всего в том, чтобы его частное производство-собственность передать в товарищество, но не насильно, а посредством примера, предлагая общественную помощь для этой цели». (Engels Fr. Die Bauerfrage in Frankreich und Deutschland // Neue Zeit. 1894/1895. Bd. II. (Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. 2-е изд. Соч. Т. 22. С. 518.— **Ред.**)*

[26] *«И мы мыслим такой порядок, когда и коммуны, и советские хозяйства, и крестьянские отдельные и общественные хозяйства будут слиты воедино и образуется мощная коммуна, образуется общая организация земледельческих хозяйств... Главнейшая проблема наша и заключается в построении такого плана, такой организации, которая объединила бы деревню и город... Задача наша и должна состоять в том, чтобы организовать наше народное хозяйство на основе единого плана... В этом душа коммунизма». Речь народного комиссара земледелия Середы на съезде комитетов бедноты и коммун. (Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. Вып. I. М., 1919. С. 16–17.)*

[27] *«Сельскохозяйственная коммуна,— писал цитированный уже выше Милютин,— может считаться, но может и не считаться с общегосударственными интересами. Поэтому мы встречаем часто среди сельскохозяйственных коммун тип "самопотребляющей" организации, которая существует только для себя, но не работает и не производит для всего общества. Развитие коммун отнюдь не тождественно с коммунистическим*

Во всяком случае, частичная и добровольная коллективизация считалась бесспорным прогрессом по сравнению с индивидуалистическим хозяйством. Она содействовала укрупнению производства, а следовательно, по мнению социалистов, и росту его производительности. С другой стороны, участие в производительных земельных товариществах должно было питать коллективистические настроения крестьянства и само существование сельскохозяйственных коммун рассматривалось как могучее агитационное средство в пользу коммунизма[28].

Итак, советские хозяйства и коммуны должны были сделаться ядром положительной программы социализации сельского хозяйства.

Наметив определенную цель, большевики умели добиваться ее всеми средствами. На первый план здесь выступала опять идея классовой борьбы и классовых противоречий.

В пользу советских и коллективных хозяйств был пущен в ход прежде всего огромный агитационный аппарат Советской власти. Резолюции съездов, партийные приказы, газетная, устная и письменная пропаганда в короткий срок разнесли идею коллективизации хозяйств по всем глухим углам России.

К объединению в сельскохозяйственных коммунах призывалась деревенская беднота, не имеющая средств для ведения самостоятельного хозяйства, та самая беднота, которая должна была объединяться в особые комитеты для борьбы с деревенской буржуазией. «Кто идет в коммуны? — задавался вопрос в одной из популярных брошюр того времени.— Среднее самостоятельное, зажиточное "справное" крестьянство?.. Достаточно мельком ознакомиться с делом, чтобы сказать: нет, конечно! Идет деревенская беднота, организуются деревен-

---

развитием, и они могут являться лишь вспомогательными организациями для последнего, но отнюдь не основой или базой его. В этом отношении всякие чрезмерные надежды были бы ошибочны». (Милютин В. П. Указ. соч. С. 52).

[28] «Мы на коммуны смотрели как на могучий агитационный аппарат, как на могучий способ подвинуть аграрное движение в сторону коллективизма...». — Цитированная выше речь Середы. (Труды I-го Всероссийского съезда земельных комитетов, комитетов бедноты и коммун. Вып. I. С. 15.)

ские (и городские) пролетарии и полупролетарии, те, у кого хозяйства почти нет, кому не хватает в одиночку ни скота, ни орудий, ни средств завести хозяйство»[29].

Комитеты бедноты должны были, таким образом, преследовать двойную цель: выполняя разрушительную задачу по отношению к деревенской буржуазии, они должны были в то же время поставлять людей для положительных форм социалистического землеустройства.

Не довольствуясь агитацией и разжиганием классовой вражды Советская власть постаралась создать благоприятные материальные и формальные условия для организации коммун. В ноябре 1918 г. был учрежден специальный миллиардный фонд (сумма по тому времени весьма значительная) в целях скорейшего переустройства «сельского хозяйства на социалистических началах».

Кредит был открыт, главным образом, для выдачи ссуд сельскохозяйственным коммунам и трудовым товариществам. Условием получения ссуды сельским обществом или группой лиц был поставлен переход «от единичной к общей обработке и уборке полей». Миллиардный фонд, разросшийся затем далеко за свои первоначальные пределы, послужил источником существования многих коллективов.

Земельное законодательство рассматриваемого периода также целиком проникнуто идеей поощрения привилегированных форм землепользования. Наиболее важными актами 1918–1919 гг. были декреты о земельных органах и социалистическом землеустройстве.

«Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию», опубликованное в феврале 1919 г., было выработано и фактически применялось значительно ранее. Оно является продуктом творчества окрепшего коммунизма и составляет прямую антитезу формально не отмененного «Основного закона о социализации земли»[30].

---

[29] *Мещеряков В. Н. О сельскохозяйственных коммунах. М., 1918. С. 17.*

[30] *Один из видных авторитетов советского права подчеркивает «антисоциалистический» характер «Основного закона», укрепившего*

Противоречие обоих декретов обнаруживается уже при сличении первых декларативных статей. Основной закон в неопределенных выражениях говорит об отмене «всякой» собственности на землю и о передаче ее в пользование «всего трудового народа». Положение, напротив, определенно указывает, что вся земля, «в чьем бы пользовании она ни состояла, считается единым государственным фондом», находящимся в «непосредственном заведывании» органов советской власти (ст. 1 и 2). Вместо туманного права на землю каждого трудящегося, большевистское «положение» декларирует государство единственным земельным собственником. Две следующие статьи определяют, в каком направлении должно идти использование государственного земельного фонда. Опять в полном противоречии с распределением земли в индивидуальное пользование по Основному закону, новое Положение объявляет «все виды единоличного землепользования... проходящими и отживающими». Наоборот, «крупные советские хозяйства, коммуны, общественная обработка земли и другие виды товарищеского землепользования» «при-знаются «наилучшими средствами» для организации сельского хозяйства на началах социализма, для «воспитания трудящихся масс в духе социализма, а также для объединения пролетариата и деревенской бедноты в их борьбе с капиталом» (ст. 3). Конечная цель социалистического землеустройства рисуется не в виде идеально-уравнительно нарезанных миллионов хозяйственных единиц, но в виде «единого производственного хозяйства, снабжающего советскую республику наибольшим количеством хозяйственных благ при наименьшей затрате народного труда» (ст. 4)*.

Материальное содержание декрета состоит в описании принципов организации каждого из рекомендованных видов коллективного землепользования и в установлении форм со-

---

«индивидуалистическое начало», противное духу социализма. «Положение о землеустройстве», напротив, «облекает в плоть и кровь» основные начала социализма. (Гойхбарг А. Социализм в сельском хозяйстве. М., 1919. С. 11 и 12. См. также его: Социальное законодательство советской республики. М., 1919. С 54.)

** СДЗЗ. С. 40.— **Ред.***

действия со стороны государства этим видам землепользования в порядке их убывающего значения. На первом месте поставлены советские хозяйства, далее следуют производительные коммуны и, наконец, в последнюю очередь идет общественная обработка земли как наименее совершенная ступень обобществления, касающаяся только одной стадии производства.

Цель организации *советских хозяйств* усматривается в поднятии производительности сельского хозяйства, развитии сети культурно-агрономических центров и «создании условий для полного перехода к коммунистическому земледелию» (ст. 29).

Хозяйства организуются на землях единого государственного фонда, причем под них отводятся преимущественно бывшие частные и казенные имения с ценными культурами, сложным техническим оборудованием, специальными отраслями животноводства и вообще «сельскохозяйственные предприятия и участки, имеющие в учебно-показательном, культурно-просветительном или производственном отношении общегосударственное или особо важное местное значение».

Советские хозяйства обслуживаются наемным трудом, который оплачиваетсся по ставкам, выработанным профессиональным союзом сельскохозяйственных рабочих и утвержденным Народным комиссариатом труда (ст. 42). Во главе каждого хозяйства стоит назначенный заведующий и рабочий контрольный комитет. В административно-технической области заведующий распоряжается самостоятельно. Контроль комитета распространяется только на учетно-сметные операции и условия быта и труда рабочих. Организационно советские хозяйства связаны в одну общую сеть. Для управления ими учреждаются губернские, районные и местные управления советскими хозяйствами, подчиненные друг другу и, в конечном счете, отделу обобществления сельского хозяйства при Народном комиссариате земледелия. Отношения с внешним миром регулируются таким образом, что советские хозяйства сдают продовольственным органам все излишки произведенных продуктов, за вычетом семян, фу-

ража и нормированного потребления рабочих и служащих вместе с их семьями. Все недостающее до нормы получается по твердым ценам от тех же продовольственных органов.

Сельскохозяйственные производительные коммуны определяются как «добровольные союзы трудящихся», организуемые с целью ведения хозяйств «на коммунистических началах в области производства и распределения» (ст. 60).

Земля в пользование коммун отводится из общего свободного фонда, а если коммуна состоит из лиц, уже пользующихся участком земли, то земельные отделы обязаны заменить разбросанные в разных местах участки одним общим участком земли «в потребном для коммуны количестве» и расположенном по возможности в непосредственном соседстве с другими коммунами или советскими хозяйствами (ст. 62–63).

В отличие от советских хозяйств применение наемного труда в коммунах категорически воспрещается (ст. 72).

К коммунам переходит и инвентарь отводимых им прежних частновладельческих и церковных хозяйств, «если только он не должен быть использован для нужд ближайших советских хозяйств» (ст. 64). В целях согласования производственного плана коммун с общими производственными заданиями государства, образуются районные союзы коммун, а каждая коммуна обязуется руководиться «организационным планом сельского хозяйства», утвержденным для данного района комиссариатом земледелия или его местным отделом (ст. 67 и 79). Как и советские хозяйства, коммуны лишаются права распоряжения своим продуктом. «Все излишки... нормированных продуктов подлежат на общих основаниях сдаче советским органам комиссариата продовольствия для распределения их в общегосударственном масштабе». Излишки ненормированных продуктов также подлежат сдаче на основании особых правил.

Под общественной обработкой земли, наконец, разумеется коллективное использование целым сельским обществом или группой лиц средств и орудий производства при запашке и засеве полей, уборке урожая и т. п. (ст. 94).

Общественная обработка организуется на землях общинного пользования (ст. 95). Она выполняется «равным обязательным участием» всех вошедших в объединение без права применения наемного труда (ст. 98 и 100). Целый ряд статей затем подробно регулирует организацию коллективной обработки земли.

Общий смысл их сводится к созданию привилегированного положения для объединившихся хозяйств и к возможно полному юридическому отделению обобществленных элементов хозяйства от операций, сохраняющих индивидуальный характер. [Особый интерес представляет порядок перехода к общественной обработке земли, имеющий большое сходство с соответствующими постановлениями столыпинского законодательства. Как там интересы меньшинства, желавшего перейти к индивидуальному землепользованию, перевешивали волю большинства, желавшего сохранить общинные порядки, так и здесь интересы меньшинства, желающего перейти к коллективной обработке земли, перевешивали таким образом волю большинства, желающего сохранить отдельное землепользование.] «Переход к общественной обработке» происходит по решению, принятому «простым большинством членов общества, присутствующих на собрании», а при несогласии большинства общество обязано выделить меньшинству по его требованию «соответствующий норме участок к одному месту» (ст. 97).

[Что касается форм содействия со стороны государства организациям разного рода коллективного землепользования, то главное значение имеет порядок отвода земель из общего фонда. «Землеустройству подвергается вся площадь сельскохозяйственного фонда» (ст. 7).] Она «используется в первую очередь для нужд советских хозяйств и коммун, во вторую очередь для нужд трудовых артелей, товариществ и для общественной обработки земли». Только в третью очередь земля отводится «для добывания средств к существованию единичных землепользователей» (ст. 8). Положение единоличных пользователей ухудшалось еще тем, что целый ряд земель вовсе исключался из распределения в индивидуаль-

ное пользование, в том числе земли «прежнего нетрудового пользования, на которых организованы или предполагается организовать советские хозяйства», а также «все вообще земли», к моменту издания декрета «еще не распределенные» (ст. 9). Теоретически этим постановлением прекращался вовсе доступ к свободным землям для индивидуальных пользователей, и коллективное хозяйство тем самым становилось единственной формой организации новых хозяйственных единиц.

Кроме первоочередности в получении земли коллективным хозяйствам обещалась всемерная помощь комиссариата земледелия, на который возлагалась прямая обязанность помогать всем типам обобществленного сельского хозяйства семенами, орудиями, скотом и «всеми видами агрономической и культурно-технической помощи» (ст. 135). Как и при наделении землей, при выдаче ссуд и распределении средств производства «преимущество отдается тем объединениям, которые осуществили наиболее полное обобществление сельскохозяйственного труда» (ст. 137)*.

Приведенный выше краткий обзор содержания «Положения о землеустройстве» показывает, что перед нами, в сущности говоря, кодекс нового земельного права, целиком заменивший устаревшее законодательство народнического периода. По точному смыслу декрета Советская власть получала право перекроить заново всю правовую сетку фактического землепользования. И действительно, впоследствии «Положение о землеустройстве» дало возможность развить такого рода землемерно-технические работы, которые сделали бы неузнаваемой старую схему земельных отношений, если бы только эти работы могли быть доведены до конца. В рассматриваемый период, однако, т. е. в 1918–1919 гг., силы Советской власти были не настолько велики, чтобы можно было рискнуть на подобного рода радикальные действия. Применение декрета о землеустройстве ограничилось поэтому насаждением коллективных форм хозяйства на землях бывшего нетрудового пользования

*СДЗЗ. С. 40–50. — **Ред.***

и содействием добровольному объединению индивидуальных пользователей на землях общественного владения. Для этой ограниченной задачи «Положение о землеустройстве» давало, как мы убедились, вполне достаточное количество сильнодействующих средств. К ним надо присоединить еще содействие, оказанное местными органами комиссариата земледелия. «Положение о местных земельных отделах», опубликованное в мае 1919 г. и опять-таки легализовавшее уже ранее сложившийся порядок, предусматривало создание сети органов, наделенных значительными полномочиями в области распоряжения землей и регулирования сельского хозяйства и проникающих вглубь страны до самых мелких административных делений. К ведению земельных органов была отнесена, понятно, и организация коллективных хозяйств*.

Центральная власть получала, таким образом, разветвленный аппарат для проведения в жизнь своих норм социалистического землеустройства. К этому надо прибавить, что местные органы часто шли гораздо дальше пожеланий центра. При организации коммун, например, сильно пострадал принцип добровольности. Места слишком близко принимали к сердцу «всемерную помощь» коммунам и нередко осуществляли ее вооруженной рукой, насильно принуждая крестьян образовывать товарищества и переходить к общественной обработке земли. Во всяком случае, приведенный выше список средств осуществления земельной политики мы должны рассматривать как далеко не полный. Положительная программа коллективизации сельского хозяйства проводилась, таким образом, с такой же энергией и последовательностью, с какой и [разрушительная] работа по использованию классовой вражды для нужд продовольственной политики.

* *Там же. С. 65–80 — **Ред.***

4. Общие цели земельно-продовольственной политики

Выше мы описали порознь элементы продовольственной и земельной политики 1918–1919 гг. Не будем разбирать, в какой мере сознательно согласованно строились эти элементы. Возможно, что они складывались в значительной степени стихийно, каждый раз под давлением данного стечения обстоятельств. Для современников этого периода поток декретов по земельно-продовольственному делу казался чисто случайным, противоречивым и подсказанным мимолетными настроениями. Теперь, отойдя на некоторое расстояние, можно уловить большую гармонию линий. Из разрозненных мероприятий вырисовывается довольно целостная и стройная общая схема социализации сельского хозяйства. В существенных чертах она сводилась к следующему.

Острие классовой борьбы разрезает сельское население на две части. Одна — деревенская беднота и полупролетариат — организуется в комитеты бедноты и переходит к социалистическому землепользованию, поставляя рабочую силу для советских хозяйств или организуя собственные коллективные хозяйства. Земельное законодательство дает готовые правовые формы для этого коллективного течения и всячески раздувает его денежными средствами, снабжением инвентарем и другими покровительственными мероприятиями.

Другая часть населения — деревенские «богатеи», «кулаки» — представляют собою объект продовольственной политики. При помощи комитетов бедноты, вооруженных рабочих отрядов и продовольственных органов на них перелагается вся тяжесть хлебной монополии. Зажиточная часть крестьянства должна кормить не только город и армию, но и собственных неимущих односельчан. Продовольственный вопрос разрешается, таким образом, путем противопоставления одной части населения против другой. Это имеет то преимущество, что неизбежная в эпоху диктатуры пролетариата материальная эксплуатация городом деревни не настраивает против власти всего сельского населения, но, напротив, делает часть этого населения приверженцами нового порядка.

Проведение хлебной монополии имеет, затем, кроме политического и социально-экономическое значение. По мере того как пропасть между твердыми ценами и вольными становится шире, отобрание хлебных излишков все более принимает характер бесплатной конфискации. За взятый хлеб крестьянин получает ничтожную реквизиционную сумму, которая к тому же почти что бесполезна, ибо все больший круг товаров переходит в монопольное распоряжение советской власти. Хлебная монополия становится мощным орудием *социального регулирования*.

Формально крестьянин остается самостоятельным хозяином. Средства производства находятся в его индивидуальном пользовании, если не в собственности. Но распоряжение продуктом отнято у него государством. Последнее собирает излишки, вознаграждает владельца произвольной, день ото дня теряющей покупательную силу суммой денег и ведет к *полной нивелировке всего сельского потребления*. С другой стороны, по мере того как хлебная монополия уничтожает все неравенства, ведение сколько-нибудь крупного хозяйства делается бессмысленным и деревенским «богатеям» становится все легче проходить сквозь «игольные ушки» пролетарских коммун. Так политика продовольственная смыкается с политикой земельной. Хлебная монополия осуществляет социалистически-уравнительное *распределение* продукта, а коллективные хозяйства подводят под него базис крупного, социалистического *производства*.

5. *Причины неуспеха разжигания классовой борьбы*

Описанной схеме нельзя отказать в логичности, проводилась она с обычной для большевизма настойчивостью. И тем не менее, эта новая атака на крестьянское хозяйство

оказалась почти столь же безуспешной, как и первый народнический натиск.

Причина неудачи заключалась в неправильности предпосылок, положенных в основу очередного плана обобществления сельского хозяйства.

Ошибочным оказался, прежде всего, расчет на классовое расслоение деревни. Большевики, в сущности говоря, недалеко ушли от народников в своих иллюзиях относительно социалистических настроений деревни. Народники верили, что все крестьянство в целом имеет социалистический идеал, большевики рассчитывали, что сочувственно настроенная к Советской власти «беднота» и полупролетариат составляет значительное большинство сельского населения. Предполагалось, что деревенская буржуазия составляет тонкий слой, сильный только своей организацией и экономической мощью. Стоило сломить сопротивление этого слоя, и его влияние на деревенские настроения тотчас рассыпалось бы прахом, а социалистические симпатии народных масс не замедлили бы обнаружиться.

В действительности деревня оказалась гораздо однороднее, чем предполагала коммунистическая власть. Однороднее не в смысле народнических фантазий, но, напротив, в смысле господства «мелкобуржуазных» собственнических настроений. Волна революционной анархии, захлестнувшая самые отдаленные, медвежьи углы, ровно ничего не доказывала. «Набить и наломать», по образному выражению Ленина*, мог и мелкий собственник, «взбесившийся» против крупного. Но революционным крестьянство оказалось только по отношению к внешнему врагу, по преимуществу по отношению к чужим землям и поместьям. В своей внутренней среде оно было настроено значительно миролюбивее. Конечно, и здесь наблюдалось достаточно столкновений и предметов вражды. Но отчасти это было сведением старых собственнических счетов (например, вражды между крестьянами общинниками и хуторянами), отчасти

---

* *Ленин В. И. О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 294.*— **Ред.**

— борьбой между собственниками существующими и потенциальными. Русские сельскохозяйственные рабочие в большинстве своем никогда не порывали связи с землей и не переставали быть самостоятельными хозяевами или стремились сделаться таковыми. Мелкие и мельчайшие крестьяне тем не менее могли быть отнесены к отличному от «сельской буржуазии» классу. И они владели средствами производства, и они являлись продавцами на рынке, и они были заинтересованы в ценах. Путь к экономическому росту лежал для них в том же направлении, что и для более состоятельных мелких собственников. Деревня была однородна по своему социальному составу. Столкновение интересов, здесь наблюдавшееся, должно быть отнесено скорее к разряду конкурентной борьбы в рамках мелкокапиталистического хозяйства, чем к проявлениям вражды разных классов.

Отсюда следует, что в деревне не было благоприятной почвы для большевистской идеи классовой борьбы. Это скоро обнаружилось на примерах как комитетов бедноты, так и продовольственной политики.

Комитеты бедноты насаждались вооруженной силой и в короткий срок покрыли густой сетью всю поверхность Советской России[31]. Вокруг них объединилось однако ничтожное меньшинство населения, притом самого разнообразного состава. Поскольку в комитеты была втянута действительно деревенская беднота, она принесла туда свои интересы и стремления. Они вовсе не были сходны с социалистическим идеалом. «Беднейшее крестьянство» искало в комитетах легкого способа обогащения за счет своих ближних. От комитетов надеялись получить даром или за ничтожную плату инвентарь, недостающий скот, продовольствие. Все эти блага по-

---

[31] Точных данных о количестве комитетов бедноты не сохранилось. На VI съезде Советов, происходившем через полгода после издания декрета о комитетах, Зиновьев свидетельствовал, что последние созданы «почти повсюду». Из 1 231 делегатов, присутствовавших на съезде и представлявших свыше 40 губерний, 1 067 делегатов, или 87%, показали, что комитеты в их местностях уже организованы. (Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов... С. 87 и Приложения.)

ступали в индивидуальное распоряжение, бедняки укрепляли свое хозяйство, и вместо классового расслоения получалась дальнейшая нивелировка.

Кроме малоземельных крестьян в комитеты шли еще «деклассированные» городские рабочие и деревенская молодежь. Рабочие искали убежища от голода и безработицы, подростки находили приложение для разбуженных революцией разрушительных инстинктов.

Не будем описывать подробностей волны террора и легализованного грабежа, прокатившейся под флагом организации бедноты. Это была одна из самых мрачных страниц в истории русской революции. Важно то, что комитеты бедноты не выполнили своей главной задачи «вогнать в деревню клин». В лучшем случае они содействовали некоторому укреплению и распространению Советской власти. Первое время пределы влияния последней ограничивались городом. Теперь через посредство комитетов бедноты и вооруженных продовольственных отрядов власть постепенно проникла в деревню, создала ячейки всесильной коммунистической партии и поставила под контроль беспартийные крестьянские советы. Все это больше походило на поведение завоевателей в покоренной стране, чем на разжигание «священного огня» классовой борьбы. Комитеты бедноты скорее объединили, чем расслоили деревню. Ничтожной кучке завоевателей (и перебежчиков, соблазненных властью) противостояла теперь сплоченная масса коренных земледельцев, крупных и мелких, одинаково чувствовавших в советской политике поход города против деревни. Продовольственная политика еще теснее сплачивала разнородные элементы крестьянства.

Большевики рассчитывали на противоположность интересов покупателей и продавцов хлеба. Предполагалось, что «мародеры», «спекулянты», срыватели хлебной монополии вербуются только из тонкого слоя зажиточного крестьянства. Вся же масса крестьян, вынужденных прикупать хлеб, заинтересована в проведении хлебной монополии и снабжении через органы Советской власти. Расчет оказался частью неверным, частью

преувеличенным. Хлебная монополия задевала не только крупное, но и среднее и даже мелкое крестьянство.

Закон требовал сдачи всех «излишков», и земледелец мог оставить у себя только потребительскую норму. Эта норма была определена чрезвычайно низкой ставкой в 12 пудов на душу в год, включая корм скоту, причем местным продовольственным органам было предоставлено право дальнейшего понижения неотчуждаемого остатка*.

По бюджетным данным довоенного времени потребление хлебных продуктов составляло в среднем около 18 пудов на душу не считая скота. При соблюдении новой нормы почти все население производящей полосы должно было быть передано в разряд спекулянтов и кулаков. Ведь нельзя забывать, что там, где главным продуктом сельскохозяйственного производства являются зерновые хлеба, только продажа части урожая доставляет крестьянину деньги, необходимые для удовлетворения остальных материальных и личных потребностей.

Крестьянское хозяйство в огромной массе своей уже вышло из чисто натурального состояния. Наличность некоторых товарных излишков хлеба сверх потребительной нормы является необходимым условием нормального существования даже самых мелких крестьянских хозяйств. Между тем продовольственные декреты предписывали отчуждение за-

---

**Л. Н. Литошенко ссылается в данном случае на приказ Наркомпрода «О количестве семенных, продовольственных и кормовых хлебов, которые следует оставлять на потребности хозяйства при учете урожая 1918 г.» (Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 1. С. 224–225.)*

Согласно этому приказу, «при учете и отчуждении излишков хлебов урожая 1918 г.» надлежало «руководствоваться следующими нормами»:

«На обсеменение семена оставляются на предназначенное для засева количество десятин...».

«На продовольствие оставляется 12 пудов зерна или муки и 1 пуд крупы на каждую душу», с добавлением «на каждого едока сверх пяти дополнительно по 1 пуду».

*«На прокорм скота»: до 18 пудов зерна на голову рабочего скота, до 5 пудов на жеребенка, до 9 пудов на голову крупного рогатого скота, до 5 пудов молодняку крупного рогатого скота и т.д. по видам скота.— **Ред.***

пасов сверх потребительной нормы у всех без исключения хозяев. «Врагом народа» объявлялся всякий земледелец, имеющий лишний пуд хлеба и не сдавший его государству. Денежный эквивалент, выдававшийся крестьянину за отчужденные «излишки», при падающей ценности денег и растущем бестоварье фактически стремился к нулю. В результате хлебная монополия поражала почти все слои крестьянства, и в производящей полосе она ощущалась как бесспорное зло подавляющей массой населения[32].

Но в районах, нуждающихся в привозном хлебе, продовольственная политика не встретила большого сочувствия. Организовать снабжение этих районов дешевым монопольным хлебом государству не удалось. Хлебная монополия сразу же стала раздражать население производящих губерний, но результаты ее на первое время не были значительны, тем более что самые плодородные губернии оказались отрезанными Брестским миром и Гражданской войной. За первый год существования Советской власти удалось собрать всего около 100 млн пудов хлеба, тогда как годичная потребность Красной армии, городского и фабричного заводского населения исчислялась в 400 млн пудов[33]. Из заготовленного хлеба сельскому населению, как наименее привилегированному потребителю, достались одни крохи. Чтобы не умереть с голоду, крестьяне пустились «мешочничать» в хлебородные губернии. Но там царили продовольственные органы, твердые цены и хлебная монополия. Покупки хлеба по вольным ценам мешали государственным заготовкам. Голодные мешочники попали в разряд «спекулянтов» и «кулаков», их сгоняли с поездов, обирали, отправляли на принудительные работы, иногда расстреливали.

---

[32] *Недаром в одном официальном источнике, посвященном продовольственной политике первого года, мы находим меланхолическое признание, что в губерниях южных и юго-западных наблюдалось не расслоение, а скорее «окулачивание» деревни, формирование из всей массы трудовых крестьянских хозяйств сильного, крепкого земельно-буржуазного класса. (Орлов Н. Указ. соч. С. 73.)*

[33] *Три года борьбы с голодом. М., 1920. С. IV–V.*

Хлебная монополия, таким образом, больно ударяла не только по продавцам, но и по покупателям хлеба. К этому присоединялись затруднения, возникавшие для крестьян потребляющей полосы вследствие национализации промышленности и торговли. Не имея возможности по климатическим и иным условиям производить достаточно хлеба, крестьянское хозяйство северной и средней России издавна строило свое благополучие на кустарных и отхожих промыслах. Теперь и для этого устоя настали тяжкие времена. Одни промыслы гибли вследствие недостатка сырых материалов, монополизированных государством (металлические изделия), другие — вследствие запрещения наемного труда (домашнее ткачество), третьи — вследствие уничтожения посреднического торгового аппарата. И опять от социализаторской политики страдали не только верхи, но и рядовое крестьянство, для которого мелкое ремесло и продажа своей рабочей силы на сторону было главным источником существования[34].

В силу всех описанных причин идея классового расслоения крестьянства потерпела полное поражение. Напротив, чем резче вырисовывались контуры советской политики, тем яснее видел крестьянин призрачность обещанных ему выгод и тем сильнее ощущал реальность возлагаемого на него бремени. Внутренние противоречия в среде самого крестьянства сглаживались и отступали на задний план. Перед объединенным крестьянством стоял общий враг — городской рабочий; он строил какое-то неведомое и чуждое крестьянину здание социализма, а крестьянин должен был доставлять ему даровой хлеб, сжимать свое потребление и мириться с тем, что его хозяйство официально признавалось «отживающей» формой землепользования.

---

[34] По старым бюджетным данным, доход от промыслов составлял около 27 руб. на душу в год. Бюджетное исследование 1920/21 г. обнаружило средний доход только в 1 руб. 39 коп., или 1/20 прежней величины.

6. Судьба социалистических форм хозяйства

Ошибки оказались не только в продовольственной политике, построенной на несуществующих классовых противоречиях в деревне. Положительная программа земельной политики также была построена на зыбком фундаменте и слагалась, как известно, из плана широкого развития советских хозяйств, с одной стороны, и надежд на добровольную коллективизацию и укрупнение крестьянского хозяйства, с другой стороны. В обоих случаях идеалом являлось создание крупного, высокопроизводительного хозяйства, социалистических «фабрик зерна».

Действительность не оправдала программных ожиданий. Несколько забегая вперед, мы даем сразу количественную и качественную характеристику социалистических форм крупного хозяйства в том виде, в каком они оказались к концу социалистического опыта. Допущенный анахронизм не умаляет значения выводов для рассматриваемой эпохи. Положение коллективных и советских хозяйств могло только улучшиться с течением времени по сравнению с первыми годами, когда особенно сильно проявлялись разного рода «детские болезни» новых форм производства. Вместе с тем, мы получаем возможность подвести окончательный итог попыткам частичного обобществления сельскохозяйственного производства на общем фоне господства мелкого индивидуалистического землепользования.

а) советские хозяйства

Из двух основных форм социалистического земледелия на первом месте стояли советские хозяйства, как формы организации производства, непосредственно подчиненные или могущие быть подчиненными общему плану социалистического общественного хозяйства. Но именно по отношению к

советским хозяйствам обнаружилось большое количество непредусмотренных теорией затруднений и именно здесь разочарование оказалось наиболее горьким.

Прежде всего, вслед за прокатившейся в 1917–1918 гг. волной черных переделов сделалось очевидным, что крестьяне безвозвратно захватили большую часть помещичьих и казенных земель и что организация крупных государственных земледельческих предприятий возможна только на очень ограниченной территории. Точное сопоставление земельной площади, находившейся в руках помещиков и государства до революции и оказавшейся в настоящее время в распоряжении советских хозяйств, возможно только для губерний, охваченных земельной переписью 1917 г. Землевладение некрестьянского типа располагало здесь, в 32 губерниях, к 1917 г. 18,2 млн десятин удобной земли, а у совхозов на той же территории имелось в 1921 г. 0,75 млн десятин земли, или всего 4% прежнего количества. По всей России (без Украины) земли «нетрудового» фонда, включая казенные, составляли перед войной около 25–30 млн десятин безлесной земли. В настоящее время под советскими хозяйствами числится на той же территории 2,7 млн десятин, или не более 10% прежнего количества. Это все, что удалось удержать государству в своем распоряжении из огромного когда-то частновладельческого и публично-правового земельного фонда. Только в пределах этой площади могло развиваться государственное сельское хозяйство.

Скоро обнаружилось, однако, что советские хозяйства не удовлетворяют программным требованиям не только в количественном, но и в качественном отношении. Те немногочисленные государственные предприятия, которые удалось создать на землях, сохраненных от распыления среди мелких земледельцев, далеко уступали по своей внутренней организации не только теоретическому идеалу «фабрик зерна», но и скромным достижениям упраздненных помещичьих хозяйств.

В таблице 10 сделано сопоставление основных элементов, характеризующих дореволюционное капиталистическое сельское хозяйство 1916 г. и советские хозяйства 1920 г.

Таблица 10

Крупное хозяйство в 1916 и 1920 гг.*
(по РСФСР без Украины и Крыма)

Показатели	1916	1920	1920 г. к 1916 г., %
Число хозяйств, тыс.	76,2	5,6	7,3
Их население обоего пола, тыс. человек	1457	263	18,0
Количество рабочего скота, тыс. голов	732	60	8,2
Площадь посева, тыс. десятин	3718	308	8,3

*Составлено по материалам переписей 1916 и 1920 гг. См. Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 г. Вып. 1–3. Пг., 1916–1917; Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1920 г. Вып. 1-6. М., 1921-1922. (Подсчеты автора. - ***Ред.***)

Сокращение общих размеров крупного производства не в одинаковой степени затронуло состояние его элементов и пропорцию между ними. Посев и численность рабочего скота уменьшились в одной и той же пропорции, следовательно, соотношение между этими элементами в среднем сохранилось как раз прежнее. Число хозяйств упало несколько ниже, чем площадь посева, произошла как будто некоторая концентрация производства. Это легко объясняется тем фактом, что к частновладельческим хозяйствам в 1916 г. перепись причисляла большое число сравнительно мелких, часто полукрестьянских хозяйств, основанных на купленной или арендуемой у помещиков и государства земле. Теперь эти хозяйства сделались жертвой стихии дележа, и в число советских хозяйств попали исключительно крупные, бывшие помещичьи хозяйства. По отношению к последним размер фактического посева на одно хозяйство в 1920 г. следует признать

чрезвычайно низким: в целом было засеяно 308 тыс. десятин, или всего 11,5% общего количества сельскохозяйственной площади, находившейся в распоряжении советских хозяйств.

Но наиболее характерным является изменение удельного веса внутреннего населения крупных хозяйств. Сохранение 18% прежнего населения, тогда как от прежних посевов и скота уцелело только 8%, свидетельствует о том, что советские хозяйства оказались значительно более перегруженными рабочей силой, чем прежние частновладельческие предприятия.

Ненормально большое число лиц, кормящихся в советских хозяйствах, по сравнению с обрабатываемой в них площадью было одним из главных органических пороков новой формы сельскохозяйственного производства. Порок этот не был случайностью или временным явлением. Он вытекал из существа идеи советских хозяйств, пытавшейся соединить государственное предпринимательство с крайним демократизмом организации предприятий. Во главе каждого советского хозяйства стоял не только «специалист» заведующий, но и коллектив, избранный рабочими, занятыми в производстве. Разделение функций «административно-технических» и «контрольных», как это предусматривалось положением о советских хозяйствах, на практике оказалось невозможным. Рабочие вмешивались не только в вопросы «быта и условий труда», но и в задачи и способы управления хозяйством. Огромное влияние имел также принудительно организованный профессиональный союз «работников земли и леса», участие в котором было обязательно для всех сельскохозяйственных рабочих. Секции этого союза ревниво следили за соблюдением 8-часового рабочего дня в сельском хозяйстве, смещали заведующих, заподозренных в игнорировании интересов рабочих, и всеми мерами укрепляли в рабочих убеждение в том, что советские хозяйства принадлежат рабочим и призваны обслуживать их интересы.

Все это было совершенно естественно и неизбежно в пролетарском государстве, где власть не упускала случая напомнить рабочим, что фабрики и земля принадлежат не

кому иному, как им самим, и что получаемая ими заработная плата есть только форма распределения между собой ими же самими созданного продукта.

Но также неизбежны были и отрицательные последствия демократизации хозяйственного управления. В сельском хозяйстве ограничение рабочего дня 8 или 10 часами[35] создавало необходимость увеличивать число рабочих, вводить сменную работу по уходу за скотом и т. п. Среди рабочих, причастных к управлению хозяйством, возникало также естественное желание сводить к минимуму поденные и сдельные работы, столь частые в сельском хозяйстве, заменяя их расширением числа постоянных рабочих, имевших более прочное служебное положение. Количество рабочих в хозяйстве практически определялось потребностью в труде в критические периоды сельскохозяйственных работ при условии соблюдения нормированной длины рабочего дня. Такой метод организации труда естественно давал значительные излишки рабочей силы в мертвые сезоны года. Бюджет хозяйств отягощался, кроме того, семьями рабочих, как правило пользовавшимися продуктами советского хозяйства и получавших почти такие же «пайки», как и глава семьи.

Обременение излишней рабочей силой и непроизводительными едоками извращало самый смысл советских хозяйств. Вместо крупных, технически совершенных предприятий, дающих значительные излишки продуктов по сравнению с собственным потреблением получались территориально крупные, но по расчету на каждую занятую силу или на душу приписанного населения крайне перенаселенные хозяйственные единицы.

Производительность хозяйства может быть косвенно измерена отношением посевной площади к численности населения и рабочего скота, занятых ее обработкой. В таблице 11 составлены соответствующие порайонные коэффициенты* для советских и крестьянских хозяйств 1920 г. и для помещичьего хозяйства 1916 г.

---

[35] *В конце концов рабочий день в сельскохозяйственном производстве был повышен до 10 часов под видом обязательных «сверхурочных» 2 часов.*

* *Так в тексте.* — ***Ред.***

Таблица 11

Сравнительная характеристика среднего помещичьего (1916 г.), крестьянского и советского (1920 г.) хозяйств по районам

Районы	Хозяйства	Посевная площадь, десятин			На каждого работника – члена семьи
		на 1хозяйство	на 1 душу населения	на 1 голову рабочего скота	
Потребляющий	Помещичьи Советские Крестьянские	11,5 36,9 1,6	0,90 0,82 0,30	4,1 4,3 2,0	- 1,7 2,0
Производящий	Помещичьи Советские Крестьянские	77,9 51,0 3,9	3,20 1,26 0,70	5,9 4,7 3,9	- 1,8 2,2
в том числе: Урал	Советские Крестьянские	3,8	0,95 0,70	3,9 3,2	1,7 2,1
Центрально-Земледельческий	Помещичьи Советские Крестьянские	90,2 54,4 2,9	3,30 1,60 0,49	6,0 7,7 3,9	- 1,6 2,2
Поволжье	Помещичьи Советские Крестьянские	96,3 51,8 3,9	4,00 1,26 0,70	6,0 4,7 3,9	- 1,8 2,2
Юго-Восток	Помещичьи Советские Крестьянские	87,2 40,8 6,4	4,40 1,07 1,10	3,4 4,2 4,4	- 1,6 2,1
Киргизия	Помещичьи Советские Крестьянские	75,0 61,5 5,5	3,30 0,88 0,99	3,2 1,8 2,3	- 1,8 2,1
Сибирь	Советские Крестьянские	109,9 4,8	1,41 0,86	3,0 2,0	1,7 2,2
Всего по РСФСР (без Украины и Крыма)	Помещичьи Советские Крестьянские	47,2 55,0 3,3	2,60 1,17 0,58	5,0 5,1 3,8	- 1,7 2,1

Средний размер советского хозяйства во всех районах во много раз превосходит обрабатываемую площадь крестьянского хозяйства. Даже по отношению к прежнему помещичьему хозяйству первое место в некоторых районах остается за новой формой крупного производства. Но показатели производительности дают совершенно иную картину.

Использование рабочего скота, правда, как правило, выше в советских хозяйствах, чем в крестьянских. Однако, разница не так велика, а в двух районах, в Киргизии и Юго-Восточных губерниях (Предкавказье), советские хозяйства даже по абсолютным показателям — позади крестьянских. Нечего и говорить, что по сравнению с дореволюционным крупным хозяйством коэффициент использования скота находится в большинстве случаев на весьма пониженном уровне. И только в среднем по России недостаток скота в одних районах и избыток в других дает цифру, близкую к прежней норме.

Более важен показатель, измеряющий отношение между посевной площадью и численностью населения. Для собственно земледельческих районов большей части России он измеряет чистую производительность хозяйства, или то количество продукта, которое может быть сдано хозяйством государству за вычетом собственного потребления.

В среднем по России в советских хозяйствах сеется 1,17 десятины на душу занятого в них населения против 3,6 десятины в прежних частновладельческих хозяйствах. По районам наибольшего распространения крупно-помещичьего хозяйства разница в производительности еще резче. В Поволжье сеется на душу в 3 раза меньше, на Юго-Востоке с лишком в 4 раза меньше, чем в прежних хозяйствах. В общем, по соотношению между посевом и людьми советские хозяйства весьма приблизились к крестьянскому типу посевов дореволюционной эпохи. Даже с производительностью полуразрушенного к 1920 г. крестьянского хозяйства разница невелика, а в некоторых районах она и вовсе складывается не в пользу советских хозяйств.

Сходство с мелким хозяйством обнаруживается и по третьему признаку: по обремененности рабочей силы не участву-

ющими в производстве членами семьи. В среднем по России каждый крестьянин в рабочем возрасте кроме себя должен содержать еще 1,1 едока, в советских хозяйствах каждый работник содержит 0,7 едока. Разница опять совершенно не отвечающая идее высокой производительности крупного хозяйства.

На практике из «фабрик зерна» советские хозяйства превратились в организации, занятые самообслуживанием коллективов семейных сельскохозяйственных рабочих.

Этот вывод можно было бы значительно усилить приведением счетоводного баланса советских хозяйств. К сожалению, отчетность последних за все время социалистического опыта не позволяет этого сделать.

Как и другие отрасли производства, государственное земледелие было непосредственно включено в общую схему натурального планового народного хозяйства. Все излишки, получающиеся в хозяйствах, безвозмездно поступали в распоряжение центральных органов государства точно так же, как весь персонал хозяйств получал из центра определенное вознаграждение, не считаясь с производительностью самого предприятия. По целому ряду отдельных фактов и личных наблюдений можно, однако, с уверенностью утверждать, что выведение правильного баланса приходов и расходов дало бы бесспорный минус для всех без исключения советских хозяйств. Хозяйство не могло вынести ущерба, связанного с демократизацией производства, падением производительности труда и отсутствием импульсов к организаторской деятельности у наемных, неуверенных в завтрашнем дне от своих рабочих администраторов. Даже с узко практической точки зрения те ничтожные натуральные ресурсы, которые получало государство от своих земледельческих предприятий, не могли оправдать содержания огромного аппарата по созданию и извлечению этого продукта.

Ни в количественном, ни в качественном отношении советские хозяйства не оправдали возлагавшихся на них надежд. Они оказались дорогой игрушкой, а не рычагом, при помощи которого можно было бы придать социалистический характер сельскохозяйственному производству.

б) коллективные хозяйства

Ошибочными оказались и расчеты на добровольную коллективизацию сельского хозяйства. По первоначальному замыслу товарищества, артели и коммуны должны были составить переходную ступень от распыленного крестьянского хозяйства к обобществленному сельскохозяйственному производству. Государство могло подчинить своему непосредственному влиянию только образованные на помещичьих землях советские хозяйства.

Чтобы взять под контроль основную массу земель, находившихся в руках индивидуальных производителей, нужно было сначала побудить последних добровольно организоваться в более крупные хозяйственные единицы с общей собственностью на средства производства, коллегиальным управлением и коммунистическими нормами распределения. Большевики были настолько уверены в преимуществах крупного обобществленного производства даже с частнохозяйственной точки зрения, что не сомневались в возможности массового, стихийного движения крестьянства к новым формам землепользования.

На деле оказалось иное. Очень скоро обнаружилось, что коллективные хозяйства не оправдывают по своему внутреннему содержанию возлагавшиеся на них надежды. Прежде всего новыми формами хозяйства воспользовались далеко не те классы, на которые они были рассчитаны.

В таблице 12 приведены данные о социальном составе коллективных хозяйств 9 губерний.

Преобладающую массу участников коллективистического движения составляют не крестьяне. Из 10 259 членов коренными крестьянами оказались только 4 650, или 45%. Остальная часть коммунаров вербовалась из городских профессий. В нее вошли посторонние элементы, по преимуществу «деклассированные» городские рабочие, выбрасываемые в деревню голодом и закрытием национализированных фабрик. Для пролетария, еще не забывшего земледельческого ремесла, коммуны были если не золотым дном, то, во всяком случае, надежным

Таблица 12

Социальный состав коллективных хозяйств*

		Крестьяне земледельцы	Ремесленники и кустари	Рабочие	Служащие	Монахи, духовенство	Прочие категории	Всего
Артели	1918-19	1386	336	1530	490	15	72	3829
	%	36,3	8,8	40,0	12,9	-	2,0	100,0
	1920-21	1846	348	663	465	241	176	3739
	%	49,4	9,3	17,7	12,5	6,4	4,7	100,0
Коммуны	1918-19	735	239	180	4,8	-	27	1229
	%	59,8	19,5	14,6	3,9	-	2,2	100,0
	1920-21	683	252	154	2,31	135	7	1462
	%	46,9	17,2	10,7	15,8	9,4	-	100,0

*Конюков И. Коллективное земледелие. (Из итогов четырехлетнего опыта. М., 1923. С. 43. В указанной книге приводятся сходные, но не совпадающие данные. Возможно, Л. Н. Литошенко пользовался рукописью книги, где могли содержаться предварительные данные. — ***Ред.***)

убежищем. Здесь было обеспечено хотя бы скудное пропитание. По сравнению о мизерностью городского «пайка», «норма оставления» в земледельческом хозяйстве была все же соблазнительной приманкой.

Социальный состав коммунаров обманул, таким образом, ожидания Советской власти. Вместо того, чтобы перекинуть мост от индивидуального крестьянского хозяйства к социалистическому, коллективные хозяйства притягивали городской элемент и косвенным образом содействовали разрушению города и распылению пролетариата.

Понятно, что массового коллективистического движения на этой почве вырасти не могло. Тонкая струйка горожан терялась в крестьянской массе. К тому же она могла селиться только на свободных, нераспределенных землях. Количество же последних было невелико и постоянно сокращалось вследствие отвода под советские хозяйства.

Что касается крестьян, то значение их участия в процессе коллективизации умалялось уже тем, что, как показывает таблица 12, они воспользовались по преимуществу низшей организационной формой коллективных хозяйств — артелями, не поглощавшими безвозвратно личного имущества и вообще оставлявшими большой простор индивидуальной самодеятельности по сравнению с коммунами.

Впрочем, и ведя общее хозяйство, крестьяне не теряли индивидуалистических наклонностей и собственнических инстинктов.

В образовании коммун и артелей участвовали разные слои крестьянства. Таблица 13 показывает, с каким имуществом вступали в коллективные хозяйства крестьяне.

Среди индивидуальных семей, соединившихся в 1920/21 гг. в артели и коммуны, свыше 16% составляли двух- и трехлошадные хозяйства и 14–20% — двух- и трехкоровные. На русский масштаб это показатели значительного благосостояния. Мы находим в коммунах и артелях и пролетарские, и средние, и сравнительно богатые слои крестьянства. Все они принимают участие в общем хозяйстве с разными целями: одни надеялись получить даровую землю и инвентарь, других привлекает при-

Таблица 13

Имущественное положение крестьян, объединившихся в коллективные хозяйства в 1918/19 и 1920/21 гг.*

Наименование коллективного хозяйства		Число коллективов	Всего семей	В том числе с лошадьми							
				безлошадных	с 1 лошадью	с 2 лошадьми	с 3 лошадьми	Без боровы	с 1 коровой	с 2 коровами	с 3 коровами
Артели	1918/19 г.	50									
	Абс.		450	16,9	226	48	7	126	251	63	10
	В %		100,0	37,6	50,2	10,7	1,5	28,0	55,8	14,0	2,2
	1920/21 г	397									
	Абс.		3721	1172	1932	440	117	765	2210	602	144
	В %		100,0	31,5	51,9	11,8	4,8	20,4	59,5	16,2	3,9
Коммуны	1918/19 г.	65									
	Абс.		722	365	300	51	6	341	314	46	21
	В %		100,0	50,6	41,5	7,1	0,8	47,2	43,5	6,4	2,9
	1920/21 г.	64									
	Абс.		1169	716	259	158	76	664	340	120	45
	В %		100,0	61,2	22,2	10,1	6,5	56,8	29,0	10,3	3,9

* Конюков И. Указ. соч. С. 51.

вилегированное положение покровительствуемых форм землепользования, третьи стараются прикрыть юридической формой коммуны остатки собственного имущества.

Все эти частные цели не имеют ничего общего с сознательным коллективизмом. Организация производства оказывается на практике столь же далекой от принципа «от каждого по его способности», как и распределение — от принципа «каждому по его потребности». Не говоря уже о таких сравнительно свободных объединениях, по существу своему мало отличающихся от кооперации, как артели и сельскохозяйственные товарищества, даже в коммунах, вопреки уставу, чаще всего сохранялась частная собственность на средства производства. Крестьяне, вошедшие в коммуну с разными запасами средств производства, с разным числом коров, лошадей и инвентаря продолжали считать себя собственниками своих вкладов и требовали пропорционального имуществу, а не потребностям раздела общего продукта. В тех случаях, когда продукт делился по едокам, принималось во внимание и число «работников» в каждой из участвующих семей. Не довольствуясь этим, коммуны нередко ревниво следили за количеством труда, отдаваемого общему производственному процессу отдельными его участниками. Распределение продукта в этом случае было строго пропорционально затраченному труду и не считалось ни с семьей, ни с запросами потребления отдельных коммунаров.

Вообще, входя в состав артели или коммуны, крестьяне вносили туда весь свой бытовой уклад и мелкобуржуазную психологию, не имеющую ничего общего с настроениями коллективизма. По существу, это были объединения, независимо от устава руководившиеся собственным, неписанным буржуазным правом, объединения, в лучшем случае напоминавшие обычного типа земледельческие производительные товарищества, чаще же всего преследовавшие еще более узкие, частнохозяйственные цели.

Не оправдались также расчеты на высшую производительность коллективных хозяйств и быстрое их распространение. Таблица 14 дает количественную и качественную характеристику коллективных хозяйств к моменту переписи 1920 г.

Таблица 14

Коллективные хозяйства в 1920 г.

Категории хозяйств и районы	Число хозяйств	Абсолютные показатели				Относительные показатели			
		Население, тыс.чел.	В том числе в рабочем возрасте, тыс.чел.	Рабочего скот, тыс. голов	Площадь Посева, тыс. десятин	Площадь посева, десятин			Отношение числа едоков к числу работников
						на 1хозяйство	на 1 душу	на 1 голову рабочего скота	
I. Потребляющая полоса									
Коммуны	853	32,9	17,7	5,2	16,6	19,4	0,50	3,17	1,87
Артели	2632	80,6	43,1	12,3	36,0	13,7	0,45	2,92	1,87
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	-	1,6	0,30	2,0	2,0
II. Производяшая полоса									
Коммуны	569	26,4	13,7	8,0	27,2	47,9	1,02	3,38	1,92
Артели	1569	80,6	41,3	17,2	50,0	31,9	0,63	2,96	1,98
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	-	3,5	0,61	3,7	2,1
III. Юго-Восток									
Коммуны	43	2,6	1,3	0,8	2,8	65,6	1,09	3,63	1,95
Артели	112	6,2	3,2	2,0	8,4	75,1	1,34	4,21	1,98
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	-	6,5	1,10	4,4	2,1

Таблица 14 (окончание

Категории хозяйств	Число хозяйств	Абсолютные показатели				Относительные показатели			
		Население, тыс.чел.	в том числе в рабочем возрасте, тыс. чел.	Рабочий скот, тыс. голов	Площадь посева, тыс. десятин	Площадь посева, десятин			Отношение числа едоков к числу работников
						на 1хозяйство	на 1душу	на 1 голову рабочего скота	
IV. Киргизия									
Коммуны	14	1,0	0,5	0,4	1,4	100,6	1,34	3,58	2,16
Артели	101	3,8	1,6	1,4	2,2	22,0	0,59	1,61	2,28
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	-	5,4	0,99	2,3	2,1
V. Сибирь									
Коммуны	192	11,2	5,2	4,7	13,3	69,9	1,19	2,85	2,13
Артели	87	3,8	1,8	1,5	4,3	49,3	1,13	2,89	2,12
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	-	4,8	0,86	2,0	2,2
Всего по РСФСР									
Коммуны	1671	74,3	38,4	19,1	61,4	36,7	0,82	3,20	1,93
Артели	4531	175,0	91,0	34,0	-	22,5	0,58	2,96	1,92
Крестьянские хозяйства	-	-	-	-	101,9	3,3	0,58	3,8	5,1

Если судить по площади посева, то перед нами, несомненно, разновидность крупного хозяйства. Каждая коммуна сеет в 11 раз и каждая артель в 7 раз больше, чем среднее крестьянское хозяйство по всей России. Но стоит только взглянуть на другие характеристики коллективных хозяйств, чтобы обнаружить их чисто потребительское назначение.

Уже одно то обстоятельство, что больше половины их сосредоточено в потребляющей полосе России, свидетельствует в пользу такого предположения. Соотношение между посевной площадью и количеством скота окончательно сближает по экономической природе коллективные и крестьянские хозяйства.

В среднем по России на душу населения сеется в артелях ровно столько же, сколько в индивидуальных хозяйствах, а в коммунах вместо 0,58 десятины на душу — 0,82, или на 40% больше. По степени использования рабочего скота оба вида коллективных хозяйств уступают хозяйству индивидуальному. По обремененности работающих членов хозяйства неработоспособными разницы между сравниваемыми типами организации производства почти не оказывается.

И коммуны, и артели по рассматриваемым признакам должны быть поставлены ниже советских хозяйств. Там сеялось в среднем 1,44 десятины на душу и каждая единица скота обслуживала 6,4 десятины посева, здесь соответствующие показатели дают 0,82 десятины на душу и 3,2 десятины на голову скота. Если данные о современном состоянии советских хозяйств заставили нас признать близость по типу к крестьянским, то коллективные хозяйства еще меньше отличаются от последних.

Единственным положительным признаком коммун является как будто бы несколько более благоприятное отношение между площадью посевов и численностью населения. Но, во-первых, по абсолютным размерам разница в обеспеченности посевной площадью незначительна, во-вторых, она объясняется не большей работоспособностью коммун, а тем, что они большей частью возникали на месте бывших помещичьих владений и сразу оказывались лучше наделенными

землей и скотом, чем обыкновенные крестьяне; в-третьих, наконец, разница в обеспеченности посевами тех и других в значительной степени объясняется более точным учетом посевных площадей у коммун как привилегированных организаций, обязанных, кроме того, письменной отчетностью.

Что касается артелей, то они не имеют уже никаких признаков крупного хозяйства и являются, по-видимому, механическим объединением нескольких обычного типа крестьянских хозяйств.

Не менее расхолаживающим образом должны были действовать данные о количественном распространении коммун и артелей. Несмотря на все меры поощрения, коллективизация сельского хозяйства шла крайне медленно. В результате трехлетних усилий коммуны и артели объединяли 250 тыс. душ, или 0,25% сельского населения, под посевами у них числилось 163 тыс. десятин, или 0,3% посевной площади 1920 г. Если бы коллективизация шла тем же темпом, как и в первые годы революции, то на полное обобществление крестьянского хозяйства можно было бы рассчитывать только через сотни лет.

Не подавая надежд на быстрое территориальное распространение, коллективные хозяйства оказались мало пригодными в качестве «живых агитаторов». Крестьянская среда вообще с большим трудом мирится с присутствием посторонних элементов и еще больше ее раздражает насильственное их внедрение. Коммуны с первых же дней своего возникновения оказались чужеродным телом в однообразной массе крестьянских хозяйств. Они пользовались к тому же явно привилегированным положением. Записавшиеся в коммуну наделялись помещичьей землей, деньгами, инвентарем и скотом, часто взятым у односельчан. Все это не могло не раздражать коренное крестьянство. Коммуны, да отчасти и советские хозяйства, казались ему очагами враждебной городской власти. Они понемногу овладевали земельным фондом, который крестьяне считали своей собственной революционной добычей. По исчерпанию запаса свободных земель коммуны могли сделаться угрозой и для бесспорных кресть-

янских земель. «Всякая» собственность на землю ведь была формально отменена, а закон стоял на стороне коллективных хозяйств и обещал им преимущественное положение по сравнению с «проходящими и отживающими» видами единоличного землепользования.

В конце концов насаждение коллективных хозяйств мало содействовало мирной пропаганде социалистической культуры. Напротив, на коммунах как на ближайших форпостах воинствующего коммунизма сосредоточилась вся вражда крестьянского населения. Одним из самых популярных лозунгов 1919 г. был возглас: «Долой коммуну! Да здравствует Советская власть!»

Резюмируя сказанное, мы должны придти к выводу, что революционно-марксистская схема овладения деревней оказалась несостоятельной во всех своих частях. Коллективизация сельского хозяйства питалась городскими корнями. Ставка на классовую борьбу была бита буржуазной однородностью деревни. Вместо дружественного отношения к своим начинаниям рабоче-крестьянская власть почувствовала дружный отпор им. По мере укрепления курса советской политики возрастало стихийное сопротивление ему. Ярославское и Казанское восстания, чехословацкий фронт и успехи Колчака были симптомами недовольства земельно-продовольственной политикой. Дальнейшее упорство в принятых решениях грозило опрокинуть всю постройку. Нужны были реальные поправки к теоретически безупречным схемам.

Глава 6
Ставка на «середняка» и культурничество

1. Проповедь доверия к мужику

Третий период коммунистической земельно-продовольственной политики оказывается самым длинным: он простирается от начала 1919 г. до последней четверти 1920 г. Его отличительной чертой по сравнению с предшествующим революционно-марксистским периодом надо считать резкую перемену в отношении власти к среднему крестьянству.

До сих пор предполагалось, что крестьянство делится только на два «класса»: буржуазию и бедноту. Когда выяснилось, что последовательное проведение классовой борьбы переводит в разряд врагов Советской власти почти всю массу сельского населения, была выдвинута теория *среднего* трудового крестьянства. Согласно новой схеме среднее крестьянство, не пользующееся наемным трудом, но достаточно обеспеченное землей и другими средствами производства, находится между двумя полюсами сельского населения. Этот средний слой настолько многочислен, что его настроения определяют политическую ориентацию всего крестьянства. Советская власть ставила своей очередной задачей смягче-

ние классовой войны в деревне и мирное завоевание симпатий среднего крестьянства.

Уже на VI съезде Советов 6–9 ноября 1918 г. наметился перелом в отношении к крестьянству. Резолюция съезда расточала комплименты по адресу комитетов бедноты, но в конечном счете осуждала создавшееся благодаря им «двоевластие». Съезд постановил немедленно приступить к перевыборам всех волостных, сельских Советов, возложив руководство перевыборами на комитеты бедноты. Этим приемом обеспечивался послушный состав новых Советов, но зато сами комитеты, осуществив перевыборы, должны были закончить свое существование.

Официально признавалась, таким образом, ошибочность метода разжигания классовой вражды. В то же время в резолюции появилось осторожное упоминание о среднем крестьянстве. Отходящим в вечность комитетам бедноты ставилась в актив мнимая заслуга вовлечения в «борьбу с кулачеством среднего трудового крестьянства». Выражалась также надежда, что в работе новых Советов примет участие беднейшее и примыкающее к нему среднее трудовое крестьянство, одинаково заинтересованное в окончательном закреплении за собой социалистической революции[36].

На I съезде земельных отделов, комитетов бедноты и коммун, имевшем место в декабре 1918 г., в защиту среднего крестьянства также раздались достаточно авторитетные голоса. Народный комиссар земледелия Середа категорически заявил, что «мысль об экспроприации, об отобрании хозяйства у мелких крестьян, эта мысль не может придти в голову сознательному коммунисту... Наша задача показать и среднему крестьянству, которое пока не решается переходить к социализму, что социальный строй несет блага всем трудящимся, что нам важно, чтобы и отдельные хозяйства не оставались на низкой ступени разви-

---

[36] *Шестой Всероссийский чрезвычайный съезд Советов... С. 92.*

[37] *Труды I Всероссийского съезда земотделов, комитетов бедноты и коммун. Вып. I. С. 17.*

тия»[37]. И Ленин рекомендовал на том же съезде «идти путем соглашения» со средним крестьянином, который «*пойдет с нами только тогда, когда он действительно убедится на деле в пользе общественного хозяйства*»[38].

Все это были, однако, пока неопределенные заявления с неясным содержанием. Скобки были раскрыты на VIII съезде коммунистической партии, 18–23 марта 1919 г. Очередным вопросом всей внутренней политики был признан именно вопрос об изменении отношения к среднему крестьянству. В своей дирижерской речи Ленин ставил партии задачу «нейтрализации крестьянства». Для достижения этой цели надо было, по его мнению, прежде всего прекратить всякие насилия по отношению к среднему крестьянству и не ущемлять его вместе с «богатеями». Принуждение в области социалистического строительства приводит к тому, что «крестьяне говорят: "Да здравствует Советская власть, но долой коммунию!" (т. е. коммунизм)»[39].

Это самый опасный лозунг, грозящий «гибелью дела». «Задача должна быть здесь поставлена совсем иначе. Насилие по отношению к среднему крестьянству представляет из себя величайший вред. Это слой многочисленный, многомиллионный. Нет ничего глупее, как самая мысль о насилии в области хозяйственных отношений среднего крестьянина. Задача здесь сводится не к экспроприации среднего крестьянина,— формулировал свой основной тезис Ленин,— а к тому, чтобы учесть особенные условия жизни крестьянина, к тому чтобы учиться у крестьян способам перехода к лучшему строю и *не сметь командовать! Вот правило, которое мы себе поставили*»*.

Другой тезис Ленина намечал положительную программу новой тактики. Она сводилась к завоеванию доверия крестьянства путем организации государственной помощи его хозяйству.

---

[38] *Там же. С. 11.*

[39] *Ленин В. И. Как коммунисты-большевики относятся к среднему крестьянству. М., 1919. (Ленин В. И. Доклад о работе в деревне на VIII съезде РКП(б) 23 марта 1919 г. // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 199.— **Ред.**)*

** Ленин В. И. Доклад о работе в деревне... // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 201. — **Ред.***

«Нам необходимо,— говорил Ленин,— от задачи подавления буржуазии перенести наше внимание на задачу устроения жизни среднего крестьянства. Мы должны с ним жить в мире. Среднее крестьянство в коммунистическом обществе только тогда будет на нашей стороне, когда мы облегчим и улучшим экономические условия его жизни. Если бы мы могли дать завтра 100 тысяч первоклассных тракторов... то средний крестьянин сказал бы: "Я за коммунию" (т.е. за коммунизм)...

Крестьянин нуждается в промышленности города, без нее он жить не может, а она в наших руках. Если мы возьмемся за дело правильно, тогда крестьянин будет благодарен нам за то, что мы понесем ему из города эти продукты, эти орудия, эту культуру». Крестьянин ценит только фактическую помощь и отвергает «"командование", "предписания" сверху. Сначала помогите, потом добивайтесь доверия»*.

Принятая на этом же съезде аграрная программа коммунистической партии вполне отражала принципы ленинской декларации. Специальный пункт программы гласит, что «по отношению к среднему крестьянству политика РКП состоит в постепенном и планомерном вовлечении его в работу социалистического строительства. Партия ставит своей задачей отделять его от кулаков, привлекать его на сторону рабочего класса внимательным отношением к его нуждам, борясь с его отсталостью мерами идейного воздействия, отнюдь не мерами подавления, стремясь во всех случаях, где затронуты его жизненные интересы, к практическим соглашениям с ним, идя на уступки ему в определении способов проведения социалистических преобразований»**.

Программа намечала далее конкретно тот круг мероприятий, при помощи которых партия должна была привлечь на свою сторону среднее крестьянство. С этой целью обещалось: 1) упорядочение крестьянского землепользования и пр., 2) снабжение крестьян улучшенными семенами и искусственными удобрениями, 3) улучшение породы крестьянского ско-

---

Ленин В. И. Доклад о работе в деревне... С. 204.— **Ред.*

****Программа РКП(б) // КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. С. 54–55.— **Ред.***

та, 4) распространение агрономических знаний, 5) агрономическая помощь крестьянам, 6) ремонт в советских мастерских сельскохозяйственного инвентаря, 7) широкое и планомерное снабжение через прокатные пункты инвентарем бедного и среднего крестьянства, 8) устройство этих пунктов, опытных станций, показательных полей и т. д., 9) широко проведенная система мелиорации, в том числе мелиорация крестьянских земель*.

Дополняя положения программы специальная резолюция партийного съезда предписывала социалистическому государству «...развернуть широчайшую помощь крестьянству, заключающуюся, главным образом, в снабжении средних крестьян продуктами городской промышленности и в особенности улучшенными сельскохозяйственными орудиями, семенами и всяческими материалами для повышения сельскохозяйственной культуры и для обеспечения труда и жизни крестьян». Партия требовала далее от местных советских властей «изыскивать всевозможные пути к оказанию беднейшему и среднему крестьянству всяческой реальной помощи» и находила «необходимым ассигновать для этого крупный государственный фонд»**.

Не остался забытым и тезис Ленина об устранении насилия. В программном перечне мер, направленных на организацию крупного социалистического земледелия, «поддержка сельскохозяйственных коммун» ставилась в ряду, а не впереди других важнейших мероприятий, и подчеркивалась «совершенная добровольность» этих «союзов земледельцев для ведения крупного общего хозяйства». Резолюция о среднем крестьянстве требовала, кроме того, «строжайшей ответственности и отстранения от работы в деревне» тех представителей Советской власти, которые «позволяют себе употреблять не только прямое, но хотя бы и косвенное принуждение в целях присоединения крестьян к коммунам»***.

В той же линии поощрения добровольчества в коллективи-

---

*Там же.— **Ред.**

Резолюция «Об отношении к среднему крестьянству»// Там же. С. 79.— **Ред.

***Там же. С. 78–79.— **Ред.**

зации хозяйства стоит требование от государства «широкой» финансовой и организационной помощи «кооперативным объединениям крестьян». В аграрной программе РКП также содержится категорическое заявление, что партия «в особенности отстаивает всемерную государственную поддержку сельскохозяйственной кооперации, занятой переработкой продуктов сельского хозяйства»*. Добровольная крестьянская кооперация, таким образом, включалась в разряд официально признанных методов обобществления сельского хозяйства, наряду с организацией коммун и советских хозяйств.

Приведенных выдержек достаточно, чтобы охарактеризовать содержание новой политики. Ее основными элементами были: 1) отказ от классовой борьбы в деревне и методов принудительного насаждения социалистического хозяйства; 2) признание индивидуального крестьянского хозяйства легальной формой землепользования; 3) организация широкой агрономической помощи крестьянскому населению в целях его успокоения и примирения с Советской властью; 4) создание образцовых, советских и коллективных хозяйств, наглядно демонстрирующих все выгоды социалистических форм землепользования; 5) покровительство кооперации как наиболее понятной и привычной для крестьянства, хотя и наименее совершенной форме обобществления хозяйства; 6) пропаганда социалистических форм хозяйства в надежде на добровольный переход к ним сельского населения, ублаготворенного даровой помощью государства и соблазненного примером коллективных хозяйств.

Нетрудно узнать в этой программе один из вариантов умеренных марксистских схем. Не все марксисты видели в классовой борьбе и классовой политике пролетариата универсальный метод, годный для всех целей и во всякое время.

Еще в 1894 г. Каутский рекомендовал миролюбивую политику по отношению к крестьянству. По его мнению, «победоносный пролетариат», захватив власть в свои руки, должен был «поддерживать крестьянина в деле технического

* *Резолюция «Об отношении...». С. 53, 55, 79–80. — Ред.*

усовершенствования его хозяйства, сделать для него доступным удобрение, рабочий скот, улучшенные орудия». Благодарные мелкие крестьяне «рано или поздно должны сами добровольно оставить свою отсталую форму хозяйства и перейти к более высокой»[40]. Эта точка зрения может считаться господствующей в настоящее время среди западных социалистов.

Земельная политика РСФСР в 1919–1920 гг. представляет собой испытание на практике теоретической схемы Каутского.

2. Культурные мероприятия комиссариата земледелия

Исполнительные органы Советской власти умеют работать на заданную тему. Осуществление новой схемы земельной политики было поручено все тому же комиссариату земледелия, и он в короткий срок сумел перестроиться на новый лад. Вместо разжигания классовой борьбы, центром внимания сделались культурно-агрономические мероприятия, направленные к подъему производительности крестьянского хозяйства. В нашу задачу не входит подробное описание деятельности Наркомзема этого периода. По существу это была попытка бюрократического восстановления прежней культурной работы в деревне, составлявшей гордость и славу русского земства и уничтоженной революцией вместе с органами местного самоуправления.

Ограничимся кратким перечнем мероприятий, проводившихся центральным ведомством и его местными органами.

Эти мероприятия могут быть разделены на три важней-

[40] *Kautsky K. Vermehrung und Entwicklung in Natur und Gesellschaft. Stuttgart, 1910. S. 226.*

шие группы: агрономически-организационная помощь населению, материально-экономическая и землеустроительная.

На первом месте стоял план организации *культурно-агрономической помощи* населению. Здесь прежде всего надо было обеспечить себя рабочим аппаратом. Кампания открылась отданным по телеграфу распоряжением об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства. «Все лица, получившие какое бы то ни было сельскохозяйственное образование» под страхом ответственности по всей строгости революционных законов «обязывались зарегистрироваться в соответствующих учреждениях», безоговорочно принимать предлагаемую им работу[41]. Затем была намечена широкая программа деятельности центральных и местных органов комиссариата земледелия.

Положение о земельных отделах предписывало организацию бесплатной агрономической помощи населению. Предполагалось привлечь необходимое количество агрономов, специалистов, инструкторов, техников и мастеров по разным отраслям сельского хозяйства. Весь этот персонал обязан был словом и делом помогать коллективным и единоличным хозяйствам, знакомить их с рациональными техническими приемами земледелия, вводить улучшенные организационные планы и, вообще, всеми мерами содействовать подъему производительных сил сельского хозяйства.

Ту же цель должно было преследовать распространение сельскохозяйственного образования, для чего намечалась густая сеть школ, техникумов и высших заведений разных специальностей.

Особое внимание уделено было опытно-показательному делу. В составе каждого губернского земельного отдела выделялось отделение опытного дела и метеорологии, на заботу которого возлагалось создание сети опытных станций «по всем

---

[41] *Декрет СНК «Об учете и мобилизации специалистов сельского хозяйства» от 25 января 1919 г. // Сборник декретов и постановлений по Народному комиссариату земледелия. 1917–1920 гг. М., 1921. С. 59–61.*

отраслям сельского хозяйства, полеводству, животноводству, садоводству, огородничеству, виноделию, по техническим растениям, по борьбе с вредителями, по контролю семян, по испытанию машин и метеорологическим наблюдениям».

На специальные отделения животноводства при губернских земельных отделах возлагалась обязанность разрабатывать и осуществлять планы «мероприятий по массовому улучшению качеств и увеличению количеств всех видов сельскохозяйственных животных, птиц, рыб и полезных насекомых», а также руководство культурно-просветительной работой в области животноводства.

К культурно-технической работе на пользу населения оказались, далее, привлеченными советские хозяйства. Они не должны были оставаться только «фабриками зерна», только оазисами социалистического хозяйства. На них возлагалась также обязанность скорейшего создания технических и культурных центров для всестороннего обслуживания нужд населения. Наряду со специальными опытными и образовательными учреждениями, советские хозяйства должны были сделаться опорными пунктами агрономической работы, устраивать сельскохозяйственные курсы, чтения, беседы, библиотеки, распространять сельскохозяйственную литературу и организовывать на своих полях опытно-показательные мероприятия[42].

Кроме нематериальных услуг просвещения на органы комиссариата земледелия возлагались заботы о непосредственной *материальной помощи* крестьянскому хозяйству. Центральное ведомство, местные земельные отделы и советские хозяйства должны были озаботиться созданием сети государственных учреждений, обслуживающих в равной мере коллективные и индивидуальные хозяйства. По самым скромным, почти благотворительным ценам крестьянское хозяйство должно было пользоваться услугами национализирован-

---

[42] *Инструкция СНК «Об управлении советскими хозяйствами» от 28 августа 1919 г. // Там же. С. 134–139; Тигранов Ф. Г. Советские хозяйства. М., 1919. С. 1–23.*

ных и вновь устроенных мельниц, маслобоен, сыроварен, починочных и ремонтных мастерских, прокатных и зерноочистительных пунктов. Подъему крестьянского животноводства должна была содействовать сеть племенных хозяйств, рассадников и случных пунктов, создаваемых на месте разрушенных частновладельческих экономий[43]. Для снабжения крестьянских хозяйств машинным инвентарем, восстановление сельскохозяйственного машиностроения причислялось к разряду боевых задач. Принимались меры к созданию постоянного семенного фонда и к пополнению его средствами советских хозяйств[44].

В целях заслужить доверие крестьян было организовано, далее, льготное снабжение их лесными материалами. Основной закон о лесах, изданный еще в 1918 г., передавал в распоряжение государства все леса — не только помещичьи, но и крестьянские[45]. Это не могло не вызывать недовольство среди сельского населения. Теперь специальным распоряжением об упрощенном и скором порядке отпуска лесных материалов предоставлялась сельскому населению широкая возможность пользования лесами. За ничтожную корневую плату всему «трудовому населению» предоставлялось право получать лес для личных и хозяйственных надобностей. Кроме того, допускалась безвозмездная косьба сена в лесах и пастьба скота[46].

Широкая раздача лесов была растратой государственного достояния, но населению лесных районов она несомненно давала большие выгоды. Крестьяне теперь получали доступ в закрытые раньше для них частновладельческие и государственные леса. Ценою растраты лесных богатств поку-

---

[43] *Постановление НКЗ «О племенных хозяйствах, заводах и рассадниках» от 10 мая 1919 г. // Сборник декретов и постановлений по Народному Комиссариату земледелия. С. 101–104.*

[44] *Декрет СНК «Об образовании семенного фонда в потребляющих районах» от 16 апреля 1920 г. // Там же. С. 157.*

[45] *Декрет ВЦИК «О лесах» от 27 мая 1918 г. // Там же. С. 14–23.*

[46] *Декрет ВЦИК «Об отпуске трудовому населению леса и о пользовании в лесах» от 4 июня 1919 г. // Там же. С. 85–86.*

палось сочувствие населения лесной полосы России, главного оплота Советской власти.

Третья группа мероприятий, при помощи которых покупалось доверие крестьян, относилась к *землеустройству*. И здесь государство давало самые широкие обещания.

Предполагалось в натуре силами государственных органов произвести размежевание всего земельного фонда республики *с таким расчетом, чтобы в конце концов и для индивидуальных хозяйств* оказались бы уничтожены все вредные стороны исторически сложившейся конфигурации землепользования. Первоочередной задачей землеустройства поставлено было, конечно, отведение земель советским хозяйствам и коллективам, но и для отдельных хозяйств имелось обещание хорошо аррондированных и мелиорированных за счет государства земельных участков, по размерам приближающихся к оптимальной трудовой норме[47].

Одной из наиболее интересных мер в области землеустройства было ограничение и частью прямое запрещение переделов общинной земли, предписанное распоряжением комиссариата земледелия 1 июля 1919 г. и усиленное декретом 30 апреля 1920 г. Внутриобщинные переделы участились после революции и грозили окончательно изуродовать конфигурацию крестьянского землепользования. Декреты имели в виду ограничить и свести к минимуму «частые и бесхозяйственные переделы», которые «неизбежно сопровождаются понижением производительности сельского хозяйства, препятствуют правильной и интенсивной обработке и удобрению полей и создают в отдельных крестьянских хозяйствах неуверенность в использовании их трудовых затрат по хозяйству»[48].

Ограничение переделов возобновляло борьбу с вредными последствиями общинных порядков, предпринятую столыпинским законодательством. Переделы ставились под кон-

---

[47] *См.: Инструкция НКЗ по применению Положения о социалистическом землеустройстве от 11 марта 1919 г. // Там же. С. 115–130.*

[48] *Декрет СНК «О переделах земли» от 30 апреля 1920 г. // Там же. С. 163–165.*

троль местных земельных органов, и разрешение их зависело от наличности согласия 2/3 членов общества, от желания перейти к улучшенному севообороту, уменьшить чересполосицу и длинноземелье и от целого ряда других условий. Хотя в числе уважительных поводов к переделам упоминалось мимоходом и неравномерное распределение земель, но фактически ограничение права переделов шло на пользу более состоятельным крестьянам, всегда страдавшим от внутренних перетасовок.

Кроме стеснения переделов навстречу интересам индивидуалистического земледелия шел декрет об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах. Согласно этому декрету в пользование трудового населения, ведущего интенсивное земледельческое хозяйство с многопольными севооборотами, с промышленными культурами, как-то: лен, сахарная свекла, табак и т. п.,— а также хозяйство, где произведено коренное улучшение земельных угодий,— оставляется все то количество земли, которое находится в его фактическом пользовании и обрабатывается силами самого хозяйства без применения наемного труда, хотя бы это количество земли было выше установленных для данного района норм наделения землей[49]. Заигрывание с индивидуальным, наиболее сильным и прогрессивным хозяйством идет здесь так далеко, что в жертву ему приносится самый принцип уравнительности основного закона. В мотивах этого нормативного акта так и сказано, что он издается «в целях развития производительности сельского хозяйства» и «в изменение» соответствующих статей декретов о социализации земли и социалистическом землеустройстве, очевидно, препятствовавших достижению этой цели.

В числе мероприятий рассматриваемого периода надо упомянуть еще широко задуманный план государственных мероприятий, для осуществления которого был создан Главный комитет водного хозяйства и мелиорации[50].

---

[49] *Декрет ВЦИК и СНК «Об увеличении размера землепользования в трудовых хозяйствах» от 27 мая 1920 г. // Там же. С. 169.*

[50] *Постановление ВСНХ от 24 апреля 1920 г. // Там же. С. 166–167.*

Не была забыта, наконец, и сельскохозяйственная кооперация. Для содействия последней в деле обобществления сельского хозяйства был организован особый комитет при Наркомземе.

Описанная выше схема мероприятий по подъему производительности сельского хозяйства свидетельствует, что новая политика содействия крестьянскому хозяйству проводилась не менее энергично, чем предшествовавшая ей политика подчинения того же хозяйства победившему классу. Казалось бы, осуществления одной десятой доли намеченных планов достаточно, чтобы сделать крестьян самыми верными сторонниками Советской власти. И если этого не случилось, если «культурничество» оказалось столь же несостоятельным, как и массовая коммунизация, то, очевидно, этому содействовали какие-то мощные объективные факторы.

Чтобы раскрыть их, нужно бросить взгляд на другие стороны экономической политики рассматриваемого периода. Мы ведь знаем, что судьбы крестьянского хозяйства складывались под влиянием двух факторов: земельной и продовольственной политики. Что же делалось в этой последней области в то самое время, когда сельскохозяйственная политика строилась на дружелюбии к мелкому владельцу земли?

3. Продовольственная политика и система разверсток

Здесь все оставалось по-старому. Никакими новыми принципами продовольственная политика 1919–1920 гг. не обогатилась. Напротив, это был период усиления и проведения в жизнь лозунгов первых месяцев пролетарской диктатуры.

Государственная монополия постепенно распространялась на все продукты сельского хозяйства. Порядок введе-

ния монополии был всегда один и тот же. Сначала устанавливались твердые цены на тот или иной продукт с целью остановить неуклонное повышательное движение его цены на вольном рынке. К осени 1918 г. система твердых цен охватывала уже без всяких пробелов все виды сельскохозяйственного производства. Формально обращение продукта по твердым ценам было обязательно для всех. При отказе сдать продукт по твердой цене государству, последнее получало право реквизиции продукта с понижением твердой цены на 25%. Когда заготовка по твердым ценам оказывалась не в состоянии удовлетворять потребности государства, оно переходило к системе монополий.

К осени 1920 г. монополизированными оказались все зерновые хлеба, картофель, сено, фураж, мясо и мясные продукты, масло и жиры всякого рода, яйца, лен, конопля, шерсть, кожа и щетина — словом, почти все продукты сельскохозяйственного производства.

Изданные в разное время декреты о монополизации разных продуктов построены по одной и той же схеме[51]. Содержание их исчерпывается тремя принципиальными положениями. Во-первых, в распоряжение производителя оставляется только такая часть монополизируемого продукта, какая необходима для личного потребления или хозяйственных надобностей (семена, корм скоту), причем определяется она по заранее фиксированной норме. Все остальные «излишки» продукта должны быть сданы в определенные сроки продовольственным органам государства. Во-вторых, в качестве эквивалента за сданный продукт владелец получает твердую цену, выплачиваемую в бумажной валюте. В-третьих, запрещается всякая частная торговля монополизированными продуктами.

Как видим, советские монополии представляли собой тип монополии оборота, а не производства, и главной задачей своею имели сосредоточение в руках государства всех свободных излишков сырья и продовольствия.

---

[51] *См.: Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. Н.-Новгород, 1920; Кн. 3. 1 сентября 1919 г.— 1 января 1920 г. М., 1920.*

Хотя овладение товарным оборотом есть задача несравненно более легкая, чем организация государственного производства, тем не менее и в этой ограниченной форме осуществление системы монополий представляло огромные трудности. Мало было декретировать на бумаге всякого рода сдачу излишков, надо было еще заставить сделать это миллионы мелких производителей, формально остававшихся свободными в своей хозяйственной деятельности. Три года подряд все усилия Советской власти были направлены в эту сторону. И надо отдать справедливость, ей удалось в конце концов создать такой многогранный и совершенный аппарат выкачивания хлеба и других продуктов, какой не снился самому крайнему фанатику государственного вмешательства.

Комиссариат продовольствия не только составляет гордость и украшение советского административного хозяйственного аппарата. Его работа интересна, на наш взгляд, и как наиболее последовательно написанная страница социалистического опыта, одна из тех страниц, которые в социалистических теориях содержали только общие намеки и которые теперь заполнены реальным содержанием русской практики.

Осуществление сельскохозяйственных монополий происходило разными способами. Одним из наиболее удачных достижений в этой области оказался принцип разверстки.

Резолюция 2-го продовольственного совещания, фактически подводившая итоги уже сделанному, констатировала, что «весь опыт советской продовольственной политики и практики» неопровержимо свидетельствует в пользу разверстки как «единственно правильного метода заготовки» и «наиболее целесообразного способа осуществления монополии в настоящее время»[52].

В существенных чертах организация разверстки сводилась к следующему. На основании данных об урожае, посевных площадях, численности скота, населения и минимальных

---

[52] *Совещание состоялось осенью 1920 г. Резолюции напечатаны между прочим, в отчете Наркомпрода за 1918–1920 гг., изданном под заглавием «Три года борьбы с голодом» (М., 1920. С. 15).*

нормах потребления, комиссариат продовольствия определял для каждой губернии отдельно две цифры: размеры валового сбора монополизированных продуктов и количество тех же продуктов, необходимое для прокормления по нормам населения и скота, а также для обсеменения полей.

Положительная разница между этими двумя цифрами и составляла продовольственно-сырьевую погубернскую разверстку. Губернские продовольственные комитеты в свою очередь разверстывали пришедшееся на их долю количество продуктов между подчиненными уездными комитетами. Так как сеть продовольственных органов не шла дальше уезда, то дальнейшая раскладка продовольственного наряда между волостями, селениями, а затем и между отдельными домохозяевами производилась уже общеадминистративными органами: волостными исполкомами и сельскими советами. Все местные органы ответственны за выполнение погубернской разверстки в назначенные сроки, причем каждый низший продовольственный или административный орган отвечает перед высшими за свою долю разверстки. Все местные органы обязаны также следить за тем, чтобы нехозяйственная разверстка на периферии системы производилась «на основе классового принципа», падая «главным образом на зажиточные, затем на средние хозяйства»[53].

Как видим, разверстка представляет собой своеобразное сочетание монополии с натуральным раскладочным налогом. С монополией разверстка имеет то общее свойство, что она стремится изъять из рук производителя все излишки его хозяйства. Специальный пункт упомянутой выше резолюции отмечает, что «разверстка на основные продовольственные продукты должна быть построена из расчета, не превышающего излишков продуктов в сельском хозяйстве, но с тем, чтобы разверстка не оставляла свободных излишков». По отношению к коже, мериносовой шерсти и щетине рекомендуется даже полное изъятие этих продуктов без всяких норм оставления.

С другой стороны, поскольку разверстка превратилась в

[53] *Пункт 2 цитированной выше резолюции. (Там же. С. 15.— **Ред.**)*

раскладку, продовольственная политика приобретает ясно выраженный налоговый характер. Объявляя себя монополистом оборота, государство оставалось, по крайней мере формально, покупателем, а владелец продукта — продавцом. Теперь заготовки важнейших продуктов на основе купли-продажи, или так называемого «самотека», совершенно исключались, и сдача излишков всех сельскохозяйственных продуктов откровенно признавалась «государственной повинностью»[54].

Система натуральных раскладочных налогов представляла для Советской власти двоякую выгоду: во-первых, государство могло заранее знать, на какую сумму продовольственных и сырьевых фондов оно может рассчитывать. Во-вторых, чрезвычайно облегчался процесс изъятия монополизированных продуктов. При системе разверстки между государством и каждым плательщиком налога помещался весь аппарат административных органов, связанных ответственностью друг перед другом и коллективно перед центральной властью. Здесь нельзя было отговариваться неимением излишков у крестьян, ссылками на неурожай, недосев и т. п. Количество подлежащих сбору продуктов было определено заранее.

[За невыполнение разверстки руководители местных органов подвергались взысканиям, перемещениям, увольнениям и арестам. Испытанный революционный метод наказания генералов за поражение армии применялся и в продовольственной политике.]

Недоставало, однако, установить разверстку и переложить ответственность за выполнение ее на местные органы. Надо было еще вооружить последние средствами для борьбы с индивидуальным производителем. И в этом направлении советская политика выработала ряд достаточно сильно действующих мероприятий, непредусмотренных социалистической теорией.

---

[54] *Та же резолюция, пункт 1. (Там же. С. 15.— **Ред.**). Оплата излишков по твердым ценам, правда, сохранялась, но при установившейся ко времени введения разверстки пропорции между твердыми и вольными ценам это был уже чистейший рудимент старой системы, потерявший всякое практическое значение.*

Первоначально была сделана попытка косвенного экономического воздействия на производителя при помощи усовершенствования так называемого «товарообмена», практиковавшегося еще в народническую эпоху экономической политики.

Декрет Совнаркома от 5 августа 1919 г. делал этот товарообмен обязательным для всего сельского населения.

В сущности говоря, название декрета вовсе не отвечало его содержанию. Понятие товарообмена вызывает представление об обмене по равноценностям продуктов сельского хозяйства и промышленности. В действительности декрет 5 августа устанавливал только особый порядок снабжения сельского населения монополизированными продуктами. В отличие от снабжения городского населения, получавшего эти продукты по карточкам «классового пайка», частью даже независимо от своих производственных услуг, условием снабжения сельского населения было поставлено выполнение возложенных на него натуральных повинностей. «Все снабжение органами Наркомпрода и потребительскими обществами сельского населения РСФСР, предметами добывающей и обрабатывающей промышленности, а также хлебом и другими продовольственными продуктами,— гласит названный декрет,— производится лишь при условии обязательной сдачи населением продуктов сельского хозяйства и промыслов». Губернским комитетам вменялось «в обязанность в случае задержки в сдаче продуктов или не сдаче их в положенный срок лишать ту или иную местность права получения продуктов добывающей и обрабатывающей промышленности»[55]. Еще определеннее выражалась инструкция по проведению в жизнь товарообмена. Она предписывала не отпускать «ни одной товарной единицы... если то или иное общество не сдаст государству своих излишков, предпочитая сдавать их мешочникам и спекулянтам». Лишение снабжения за несдачу излиш-

---

[55] *Декрет Совнаркома об обязательном товарообмене // Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. С. 158–159.*

[56] *Циркуляр Главпродукта об обязательном товарообмене от 18 августа 1919 г. // Там же. Кн. 2. С. 165.*

ков также рекомендовалось проводить «со всей строгостью и последовательностью»[56].

Ни о какой эквивалентности или простой пропорциональности сдаваемых и получаемых продуктов не было и речи. Государство откровенно сознавалось, что оно «не располагает таким запасом товаров, который обеспечивал бы нормальный ход заготовок на основе оплаты» сельскохозяйственных продуктов. Взамен этого выдвигался принцип так называемого «коллективного товарообмена». Он сводился к тому, что только общество, полностью выплатившее свои обязательства, получало право на снабжение продуктами. Достаточно было нескольким лицам уклониться от выполнения разверстки, чтобы все общество лишалось права на причитавшиеся ему продукты. С другой стороны, исправные плательщики получали продукты тоже коллективно, всем обществом, и должны были распределять их равномерно, вне всякой связи с размерами выполненных повинностей каждым отдельным членом общества. Взаимная связанность в получении продуктов должна была поднять исправных плательщиков на неисправных, а равномерное распределение считалось проведением классового принципа.

«Товарообмен» являлся, таким образом, средством наказания неисправных сдатчиков, для исправных плательщиков он должен был служить соблазнительной премией.

На практике хитроумные расчеты товарообмена не оправдались. Резкое сокращение производства и старых запасов заставили назначить для сельского хозяйства ничтожные нормы снабжения. Перспектива получить на целое общество несколько десятков аршин дешевой ткани, две-три пары обуви и несколько фунтов керосину не могла соблазнить даже «беднейших» крестьян. Лишение снабжения оказалось таким же слабым средством взыскания, как само снабжение — средством поощрения. С каждой следующей хлебной кампанией, по мере истощения старых товарных запасов изделий промышленности, роль товарообмена падала ниже и ниже.

Нужны были другие, более действенные методы извле-

чения сельскохозяйственных продуктов. Они были найдены в мерах непосредственного принуждения.

Старая партизанская война между крестьянами и комитетами бедноты постепенно превращена была в полную и систематическую милитаризацию продовольственного дела. Изъятие хлебных излишков у населения производилось при помощи или под угрозой применения оружия.

При комиссариате продовольствия уже в начале 1919 г. создается специальное «Управление продовольственной армией»[57], ведающее «целесообразным распределением частей армии» в соответствии с «потребностью в вооруженной силе для той или иной губернии», определяемой продовольственными комитетами. Сама продовольственная армия является боевой единицей особого назначения, комплектуется по мобилизации и добровольцами из числа рабочих и беднейших крестьян, рекомендованных фабрично-заводскими комитетами, подразделяется на стрелковые батальоны и бригады и подчиняется всем правилам военной дисциплины. К осени 1920 г. общая численность регулярной продовольственной армии достигала 20 000 штыков и сабель.

Существенная обязанность в деле вооруженной борьбы за хлеб была возложена затем на так называемые рабочие продовольственные отделы. Каждый отряд состоял из 25 человек, «надежных рабочих» и «испытанных товарищей», как говорилось в декрете, во главе с политическим комиссаром и его заместителем. Все члены отрядов сохраняли на время своей командировки прежнее место и заработок по фабрике, получая кроме того суточные за счет комиссариата продовольствия[58]. Они формировались фабрично-заводскими комитетами и ячейками коммунистической партии, объединялись специально образованным для этой цели Военно-продовольственным бюро при Всероссийском совете профессио-

---

[57] *«Положение об управлении продовольственной армией Народного Комиссариата продовольствия» от 14 марта 1919 г. // Там же. Кн. 2. С. 29–31.*

[58] *См.: Декрет о рабочих продовольственных отрядах от 27 февраля 1919 г. и инструкцию о порядке формирования продотрядов и отправке их к месту назначения // Там же. Кн. 2. С. 28–29.*

нальных союзов и выполняли задания комиссариата продовольствия и его местных органов.

Одной из задач рабочих отрядов должна была явиться продовольственная агитация в деревне, фактически они выполняли те же боевые задания, что и продовольственная армия. К осени 1920 г. насчитывалось 800 отрядов общей численностью свыше 20 000 человек, причем деятельность их официально признавалась «могучим средством к улучшению продовольственного дела».

Аппарат принуждения не исчерпывался продовольственной армией и рабочими отрядами. В изъятии хлеба и других продуктов деятельно участвовала общегражданская милиция, в прифронтовой полосе заготовка продовольствия и фуража легально велась Красной армией[59], наконец, немаловажную величину представлял аппарат самого Наркомпрода, насчитывавший до 40 000 «квалифицированных» продовольственных работников не по вольному найму, но мобилизованных и подчиненных полувоенной дисциплине[60].

Продовольственная армия, рабочие отряды, агенты Наркомпрода, милиция и военные части составляли в сумме достаточно внушительную силу.

Сосредоточенная на ограниченном пространстве производящих губерний коренной России, без Украины и окраин, она давала возможность в буквальном смысле слова милитаризовать продовольственное дело.

Операции на «продовольственном фронте» велись в двух направлениях. Опираясь на военную организацию, продовольственные комитеты стремились прежде всего выполнить разверстку и передать в распоряжение Советской власти изъятые у населения излишки.

Учет посевных площадей и урожая, определение излишков, разверстка подлежаших поставке продуктов и ее вы-

---

[59] *См.: Положение о Главном управлении по снабжению Красной армии и флота продовольствием и предметами первой необходимости от 30 октября 1919 г. // Там же. Кн. 3. С. 86–87.*

[60] *Три года борьбы с голодом. Краткий отчет о деятельности Народного комиссариата по продовольствию за 1919–1920 год. М., 1920. С. VII.*

полнение, обыски уклоняющихся, ссыпка отобранного, сопровождение конных обозов и груженых поездов — все это производилось с применением или под угрозой применения вооруженной силы.

Затем при помощи тех же вооруженных отрядов разного происхождения и наименования велась упорная борьба с «мешочничеством» и свободной торговлей. Густая сеть «заградительных отрядов», раскинутая по всем железнодорожным линиям и важнейшим грунтовым путям, препятствовала провозу «нормированных» продуктов даже в самых минимальных количествах, предназначенных для личного потребления. Остатки вольной торговли в городских центрах беспощадно уничтожались, рынки разгонялись, товары отбирались, торговцы подвергались аресту.

Эти меры были одинаково направлены против покупателей и продавцов. Покупателей они должны были отучить от привычки пользоваться услугами вольного рынка. Продавцов-крестьян они должны были приучить к мысли, что единственным местом сбыта для излишков сельскохозяйственных продуктов являются советские склады и ссыпные пункты.

Борьба с мешочничеством убивала в корне само воспоминание о меновом хозяйстве. Способы «внеэкономического воздействия» или прямого принуждения усиленно рекомендовались вниманию продовольственных органов.

Перед каждой хлебной кампанией и в моменты наибольшего обострения голода органы власти производящих губерний засыпались декретами и циркулярами, предоставляющими им неограниченные полномочия по выкачиванию продуктов у крестьян. Вот несколько образцов подобных распоряжений.

Специальным декретом Совнаркома от 11 января 1919 г. предписывалось «подвергать безвозмездному принудительному отчуждению» запасы хлеба у сельских хозяев, не сдавших его в срок, а к упорствующим предлагалось применять

---

[61] *Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. С. 325.*

«суровые меры вплоть до конфискации имущества и лишения свободы по приговорам народного суда»[61].

Перед кампанией 1919–1920 гг. была передана на места подробнейшая инструкция, наделявшая соответствующими полномочиями все местные органы, причастные к извлечению хлеба, начиная от губпродкомов и кончая сельскими советами. Дополнительной телеграммой от 20 августа 1919 г. за двойной подписью комиссаров продовольствия и внутренних дел предписывалось немедленно беспощадно пресекать «возможный злостный саботаж кулацких волостных и сельских исполкомов» с отстранением виновных от должностей, преданием суду революционного трибунала и обязательным арестом до суда[62]. Несколькими месяцами позже рассылается всем высшим административным органам 13 центральных Поволжских губерний строжайшая телеграмма «о напряжении всех сил для усиления заготовок хлеба», о принятии «не медля ни часа» всех мер, о мобилизации на продовольственные работы всех сил, в том числе и партийных, об отдаче в связи с разверсткой всей агентуре и продотрядам «боевых приказов» и о получении от местных начальников «максимума» военной силы в свое распоряжение[63].

Месяц спустя, в феврале-марте 1920 г., губернским властям опять летят одна за другой три телеграммы, напоминающие об ответственности за невыполненную разверстку. Предлагается на практике приучить население к мысли, что, распродавая мешочникам свои излишки, скрывая их, гноя в ямах, оно обманывает только себя, ибо разверстка должна быть выполнена безусловно, и, следовательно, растраченный хлеб будет пополнен из собственных запасов населения... ибо она «есть возложенное на них государственное обязательство, а не их добрая воля»[64]. Агитация словом и делом должна была убедить крестьян, что «разверстка и впредь останется системой извлечения продуктов», что ответственность за ее исполнение уста-

---

[62] *Там же. С. 363.*

[63] *Там же. С. 234.*

[64] *Там же. Кн. 4. 1 января — 1 июля 1920. М., 1920. С. 237.*

навливается коллективная, и распроданный хлеб все равно будет взят у населения «вне каких-либо норм». Те же телеграммы предлагали усилить ответственность волостных комитетов, предоставив им в то же время право конфисковывать весь хлеб у продающих его мешочников, а самих продавцов-крестьян «отдавать на принудительные работы»[65].

Если так формулировались методы продовольственной работы в центре, то на местах они были еще суровее. На периферии административного аппарата оседали, как правило, наименее честные служащие, искавшие в своей власти прежде всего удовлетворения личных интересов — право распоряжения продовольственными продуктами на фоне крайнего голода представляло особо сильную приманку. Одни бесконтрольные конфискации нормированных продуктов были неисчерпаемым источником обогащения. Состав местных продовольственных комитетов, заградительных и реквизиционных отрядов, агентуры и других частей продовольственного аппарата комплектовался из самых беззастенчивых, грубых и испорченных элементов. В отличие от других советских органов, руководящий состав продовольственного аппарата выделялся резко пониженной квалификацией. Достаточно сказать, что специальная анкета 1920 г. обнаружила среди ответственного персонала местных комитетов 67% лиц с низшим образованием[66].

Побуждаемые, с одной стороны, грозными телеграммами центра, а с другой, своекорыстными интересами, продовольственные «работники» вели себя на местах как завоеватели в покоренной стране. Не было той жестокости, которая не нашла бы применения по отношению к крестьянину, производителю хлеба. За невыполнение разверстки отнимался весь хлеб до семян включительно, последний скот и даже птица, не говоря уже о личной собственности, арестах и бес-

---

[65] *Систематический сборник декретов... С. 241.*

[66] *Официальный источник, откуда взята эта цифра, приводит ее с гордостью, как доказательство «орабочения» продовольственного аппарата. В действительности по данным той же анкеты в составе руководящего персонала только 17% рабочих. (Три года борьбы с голодом. С. X и XVIII.)*

конечных отсидках в «административном порядке». Выполнение разверстки также не гарантировало от дальнейших взысканий. Разверстка шла для центра, а местные органы могли назначать дополнительные изъятия для местных нужд и местного «перераспределения излишков». В зависимости от энергии и предприимчивости того или иного комиссара население богатейших районов повергалось в безысходную нужду, и целые губернии превращались из производящих в потребляющие.

Еще острее был произвол в борьбе с мешочничеством. Официальные документы свидетельствуют о «незаконных действиях», «возмутительных безобразиях» заградительных отрядов, которые «останавливают поезда на каждом полустанке, грубо обращаются с обыскиваемыми пассажирами, в особенности женщинами, отбирают вещи и продукты для личного потребления», реквизируют «до последнего фунта, даже продукты ненормировочные» и бесконтрольно расходуют отобранные продукты для собственного потребления[67].

И эта сторона продовольственной политики более всего ударяла по крестьянству. Рабочие пользовались повышенным «классовым пайком», а недостающее продовольствие добывали обменом на расхищенные с фабрик товары и путем организованного, легального мешочничества[68]. Сельское население пайка не получало, и наряды на снабжение его хлебом фактически не выполнялись. Для потребляющих губерний это означало неизбежность закупки или промена хлеба по вольным ценам. Крестьянство северной полосы поставляло главную массу мешочников, широким потоком на крышах, в скотских вагонах и нередко на лошадях тянувшихся за сотни верст «на Украйну» за хлебом. На пути этого движения стояли морозы, болезни и

---

[67] *См.: Постановление ВЦИК о железнодорожных заградительных отрядах и Телеграмма Наркомпрода об упорядочении их деятельности // Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. С. 132–135.*

[68] *От времени до времени рабочим организациям разрешалась коллективная заготовка хлеба по вольным ценам в производящих губерниях.*

жестокие исполнители хлебной разверстки. Никакой статистикой не учтено бесконечное количество слез, страданий, лишений последнего имущества и самой жизни, павших на несчастных мешочников в памятные зимы 1919 и 1920 гг. На русском Севере нельзя найти ни одной деревни, где бы не было жертв продовольственных монополий и примитивной борьбы за хлеб и жизнь[69].

4. Неизбежность внутренних противоречий между земельной и продовольственной политикой

Как видно из предыдущего, между земельной и продовольственной политикой рассматриваемого периода существовало глубокое и очевидное противоречие. В 1918 г. земельные отношения и продовольственный вопрос разрешались на основании одного и того же принципа классовой борьбы. Государство откровенно занимало пролетарски-классовую позицию, становилось на сторону «беднейших элементов» и воздействовало при их помощи на всю среднюю и зажиточную массу крестьянства.

В 1919–1920 гг. «середняцкому царству» была протянута ветка мира. Комиссариат земледелия объявил своей прямой задачей помощь и содействие всему крестьянству, без различия его классового состава. В то же самое время комиссариат продовольствия усердно продолжал проводить старую политику. Бесчисленные монополии с каждым днем усиливали давление на крестьянское хозяйство.

Объясняется ли эта противоречивая политика недомыслием Советской власти или какими-либо более глубокими причинами?

---

[69] *Народное творчество сложило целые поэмы о похождениях и трагической судьбе мешочников, скитающихся «по диким степям Украины, где люди зарылись в деньгах». Теперь такие поэмы распеваются инвалидами в вагонах железных дорог.*

Ответ должен быть совершенно определенным. Противоречия советской политики обусловлены объективным положением дел, созданным Октябрьской революцией. Более того, они являются неизбежным следствием всякой социальной революции, завершенной пролетарской диктатурой.

Нетрудно обосновать этот тезис. Главным препятствием к осуществлению социализма в современных государствах является, как мы знаем, многочисленный класс мелких земледельцев с собственной идеологией. В странах аграрных этот класс составляет абсолютное большинство населения. В странах промышленных он имеет важное и возрастающее значение, ибо земледельческое хозяйство и здесь стремится к рассеянию и численность мелких собственников непрерывно возрастает. В обоих случаях класс, захвативший власть, «на другой день» после переворота оказывается в тесной политической и экономической зависимости от земледельческого населения. Зависимость политическая обусловлена удельным весом крестьянства, без поддержки которого невозможно создать устойчивую власть. Зависимость экономическая обнаруживается в тот миг, когда революционный переворот отрезает социалистическую страну от буржуазного окружения. Вследствие разрыва внешних отношений страна оказывается предоставленной собственным силам, и тогда зависимость государственного аппарата и промышленности от непосредственных производителей хлеба впервые сказывается с полной силой.

Каким же способом разрешается проблема взаимоотношения класса мелких собственников и победившего пролетариата? Экспроприация крестьянства, немедленное переустройство всего земледелия на социалистических началах представляет собой явно утопическое решение вопроса. Оно невыполнимо по соотношению политических сил и гибельно по экономическим последствиям. Экспроприация мелкой собственности опрокидывает победивший класс рабочих, а попытка заменить миллионы частных предприятий государственным хозяйством кончается голодной катастрофой.

Внесение классовой борьбы в деревню, как показал русский опыт, создает больше врагов, чем друзей.

Остается рекомендованный Каутским и другими теоретиками социальной революции путь миролюбивой политики по отношению к крестьянам. Но и это решение вопроса оказывается при ближайшем рассмотрении недостаточным и невыполнимым.

Бережным отношением к мелкой собственности, агрономической помощью и снабжением средствами производства пролетарская власть может если не привлечь на свою сторону крестьянство, то купить его временный нейтралитет. Политическая задача оказывается, таким образом, как будто разрешенной, по крайней мере до тех пор, пока пролетарская диктатура не приступит к осуществлению своего социалистического идеала и в области сельского хозяйства.

Но ошибка Каутского заключается в том, что его метод не разрешает *экономической* задачи, и в первую очередь задачи *продовольственной*. Если бы переход от капиталистического хозяйства к социализму совершался безболезненно и если бы внедрение социалистического хозяйства могло происходить без нарушения функционирования остальной части народно-хозяйственного механизма, достижение полученного равновесия города и деревни означало бы и решение проблемы их хозяйственных отношений. Такова и была, по-видимому, мысль Каутского, когда он говорил, что неприкосновенность мелкой собственности наряду с политическими причинами диктуется также необходимостью сохранения регулярного снабжения промышленных центров и победоносного пролетариата.

В основе миролюбивой крестьянской политики лежит, следовательно, старое марксистское представление о том, что переход от капитализма к социальному произойдет сравнительно безболезненно, путем удаления «головки» буржуазного хозяйства и передачи в неприкосновенности его рабочего аппарата.

Опыт европейских революций последних лет показал ошибочность теории как раз в этом пункте. «Экономика переходного периода» не оставляет камня на камне от старых, сложившихся хозяйственных отношений. Это объясняется тем, что принципы строения социалистического и капитали-

стического хозяйств диаметрально противоположны. Социалистическое плановое хозяйство есть прежде всего хозяйство безденежное и безобменное, с централизованным управлением, обобществленными средствами производства и планомерно организованным процессом распределения. Чем шире проводится осуществление этих принципов, тем полнее разрушается аппарат старого хозяйственного строя и тем уродливее становятся в первую очередь отношения между обобществленной промышленностью и индивидуалистическим сельским хозяйством.

Удар привычному хозяйственному равновесию наносит прежде всего расстройство денежного обращения. Оно вызывается рядом неустранимых причин, неизменных спутников социальной революции. Всякая революция сопровождается дорогостоящей гражданской войной, а социалистические перевороты требуют еще огромных средств на ведение государственного хозяйства и на создание колоссального административно-хозяйственного аппарата. С другой стороны, меняется в корне система государственных финансов. Налоги уничтожаются, конфискации дают небольшой и быстро преходящий эффект, единственным источником государственных доходов оказывается бумажная денежная эмиссия, форсируемая к тому же стремлением как можно скорее обесценить деньги, нулифицировать их и таким образом приблизиться к натуралистическому идеалу социалистического хозяйства.

Падение ценности денег тотчас же ломает старые меновые связи. Оно делает невозможным экономическое сотрудничество двух различных хозяйственных форм: обобществленной промышленности и предоставленного собственным силам крестьянского хозяйства. Последнее отказывается принимать обесцененные деньги, экономический оборот между городом и деревней резко обрывается, сельское хозяйство начинает вести свое обособленное натуральное хозяйственное существование, а город и государство оказываются обреченными на голод и медленное уничтожение.

В этой беде не может помочь замена купли-продажи натуральным товарообменом. Ни один из теоретиков социализма

не представлял себе, что социалистическое государство на первых же порах своего существования должно будет сделаться деревенским разносчиком товаров, как это случилось в России. Но если бы даже они предвидели этот возврат к примитивнейшим формам обмена, они ошиблись бы в другом отношении. Социалистическое государство оказалось плохим торговцем и еще худшим производителем. Натуральный товарообмен не мог восстановить разорванных связей с деревней по той простой причине, что у государства очень скоро обнаружился недостаток продуктов для обмена. Так было в России, так было в Венгрии. И это опять не простая случайность. Переход к социалистическому хозяйству сопровождается неизбежным сокращением национального производства. Здесь влияет не только разрушение материального аппарата промышленности, но и резкое падение производительности труда, обусловленное уничтожением прежних стимулов к труду и отсутствием новых. Старая теория социализма пребывала в уверенности, что обобществление средств производства вызовет немедленный расцвет производительных сил. Опыт последних революций заставил пересмотреть и это положение. Теперь уже самые крайние фанатики социализма придерживаются иных взглядов. Апологет русской революции Н. Бухарин выдвигает целую теорию «отрицательно-расширенного воспроизводства» в эпоху пролетарской диктатуры, причем громадность издержек пролетарской революции обусловливается, по его мнению, «глубиной коммунистического переворота, *принципиальным* изменением производственной структуры общества»[70]. Подобным же образом один из ближайших руководителей венгерской революции Е. Варга считает, что в начале пролетарской диктатуры производство не только не повышается, но с необходимостью «падает», и падает «прежде всего вследствие ослабления рабочей дисциплины»[71]. Того же мнения придерживаются и другие, более умеренные теоретики социализма.

---

[70] *Бухарин Н. Экономика переходного времени. С. 96.*

[71] *Варга Е. Как строилась промышленность и разрешался земельный вопрос в Советской Венгрии // Красная новь. 1921. №2. С. 86.*

Но если это так, если падение производительных сил неизбежно сопровождает социальную революцию, то отсюда надо сделать все выводы, в том числе и вывод, относящийся к способам восстановления разорванных связей между городом и деревней. Ни покупкой на обесцененные деньги, ни товарообменом, построенным на недостаточном товарном базисе, пролетарское государство не может обеспечить регулярное снабжение продовольствием и сырьем своих городов, промышленности и революционной армии. Остается путь натурального снабжения и принудительного изъятия сельскохозяйственных продуктов.

Жизнь внесла, таким образом, существенную поправку в схему Каутского. Победоносный пролетариат объективно не может продолжать проводить миролюбивую политику по отношению к крестьянству. Наряду с культурническими приемами земельной политики оказываются необходимыми агрессивные мероприятия в *продовольственном* деле.

Сказанное целиком относится к Советской России. Описанные выше противоречия земельно-продовольственной политики 1919–1920 гг. представляются нам обусловленными всем фактическим ходом революционного процесса.

На ведение гражданской войны и содержание миллионных армий нужны были огромные средства, аппарат социалистического хозяйства разбухал с каждым днем, а городской пролетариат требовал своей доли в завоеваниях революции.

Для удовлетворения этих запросов нужны были соответствующие продовольственные фонды. Привлечь их мирным путем было невозможно.

Рубль к концу 1920 г. упал уже до 1/14 000 своего номинала. Товарные запасы, унаследованные от старого строя, истощались с каждым годом, производство на новых началах давало жалкие результаты. Производительность русской промышленности упала в 1920 г. до 1/10 и 1/17 нормальной величины.

Оставался путь «внеэкономического, государственного» (Бухарин) принуждения*. На него Советская власть и всту-

---

* *Бухарин Н. Экономика переходного времени. С. 136–140.*— **Ред.**

пила, начиная с издания знаменитого декрета о продовольственной диктатуре от 28 мая 1918 г.

Последующая история продовольственной политики представляет собой логическое развитие одного и того же принципа. От регулярного снабжения армии и городов зависело сохранение власти, эта цель оправдывала всякое средство. Все эксцессы продовольственной политики, вплоть до бесчинств заградительных и реквизиционных отрядов, становятся понятными с этой точки зрения. Ни одна отрасль советской деятельности не вызывает столько нареканий, как продовольственная работа и ее методы. Особенно резкая критика слышится со стороны умеренных социалистов. Но тяжесть доказательства лежит на критиках. Вооруженная борьба за хлеб представляется неизбежным спутником социалистического строительства.

Тот, кто защищает идеи социализма и думает, что одной из причин гибели русского коммунизма были ошибки экономической политики, должен доказать, что есть другие способы разрешения продовольственной проблемы и что пролетарская диктатура может быть сохранена без объявления войны мелкому производителю хлеба[72]. Такой положительной программы никем предложено не было.

Но если милитаризация продовольственного дела была необходимым этапом социалистического строительства, то также логичны были и идиллические тоны земельной политики. Методы разжигания классовой борьбы и принудительной коллективизации быстро потерпели крушение. Крестьянство оказалось однородно буржуазной массой. Революционное насаждение коммунизма раздражало сельское население и восстанавливало против Советской власти. Задача сохранения политического господства требовала умиротворения де-

[72] *Лучшим доказательством закономерности русских методов служит опыт советской Венгрии. Последняя за короткий срок своего существования умела испробовать все способы мирного сожительства с крестьянством. История венгерского коммунизма оборвалась в тот момент, когда уже действовали комитеты бедноты, велась борьба с «мешочничеством» и готовился план вооруженного похода за крестьянским хлебом. (См.: Варга Е. Указ. соч. С. 78–85.)*

ревни. К этой цели и были направлены дружественные излияния по адресу «середнячества» и широкие планы культурно-технической помощи всему крестьянскому населению.

Обе стороны земельно-продовольственной политики оказывались, таким образом, исторически необходимыми и обусловленными. Перед крестьянином стояли два начальника: Наркомзем и Наркомпрод. Один шел к крестьянину с распростертыми объятиями, другой старался обобрать до последней нитки. С точки зрения здравого смысла эта политика *единой* Советской власти могла быть названа только обманом. Марксистские идеологи могли утешаться соображением, что это один из случаев объективных противоречий исторического процесса.

5. Результаты земельно-продовольственной политики

Теперь перед нами вопрос: какие результаты дала земельно-продовольственная политика рассматриваемого периода? Нас не интересует вопрос о том, как отразилась она на состоянии крестьянского хозяйства. Об этом предмете речь впереди. Сейчас нам важно знать, в какой мере удалось решить Советской власти стоявшие перед ней задачи и насколько полезной оказалась ей двойная игра с крестьянином. Нас интересует, во-первых, вопрос, удалось ли Советской власти заслужить своей земельной политикой «доверие» крестьянина и тем разрешить политическую проблему «нейтрализации» крестьянства, и, во-вторых, нам важно знать, какие плоды принесло «государственно-пролетарское» давление на деревню, выжало ли оно оттуда достаточное количество продовольствия и какою ценой? В-третьих, нас интересует судьба коллективных течений в сельском хозяйстве за рассмотренный период. Нас будет занимать, наконец, и наш обычный вопрос: объясняется ли неуспех того или иного меропри-

ятия случайным промахом Советской власти или мероприятия задуманы правильно, но причины неудач социалистического строительства коренятся в иррациональности поставленной цели?

Культурнический период земельной политики не принес примирения с крестьянством.

Начать с того, что широкие планы государственной помощи мелкому хозяйству остались в большей своей части неосуществленными. Заманчивые обещания свелись к очень скромным результатам. Цифровые итоги двухлетней работы Народного комиссариата земледелия дают следующую картину[73].

Показателем успехов культурно-организационной деятельности может служить численность агрономического персонала, объем работы опытно-показательных учреждений и развитие сельскохозяйственного образования. К концу 1920 г. в распоряжении Наркомзема числилось около 16 000 специалистов, в том числе 4 000 с высшим образованием, но только числилось. Лишь небольшая часть этого личного состава обслуживала советами и указаниями непосредственно сельское население. Остальные занимали административные должности или управляли советскими имениями, так и не сумевшими приблизиться к крестьянскому хозяйству.

Дореволюционное земское самоуправление имело агрономическую организацию в 3 300 человек. Кроме того, на государственной службе состояло 1 400 агрономов. Участковая организация агрономической помощи, т. е. максимальное приближение ее к населению, была осуществлена во многих губерниях и составляла ближайшую цель в остальных. По сравнению с объемом и методами земской агрономической работы, деятельность советской агрономии была груба, бюрократична и ничтожна по своим размерам и положительным результатам.

Несколько крупнее на первый взгляд достижения в области опытного дела и сельскохозяйственного образования.

---

[73] *Цифры, относящиеся к революционному периоду, заимствованы из официального издания Наркомзема. Книпович Б. Н. Очерк деятельности Народного комиссариата земледелия за три года (1917–1920 гг.). М., 1920.*

К концу 1920 г. сеть опытных учреждений насчитывала 104 станции, а сельскохозяйственных учебных заведений разного типа числилось 272. По сравнению с нормальным временем разрушения были невелики. В 1913 г. на несколько большей территории насчитывалось 173 опытные станции и 360 учебных заведений[74].

Но и эти успехи были в значительной мере эфемерными. Деятельность опытных станций была по преимуществу направлена на восстановление разрушенной внутренней организационной работы. Сельскохозяйственное просвещение насаждалось при помощи искусственно раздуваемой сети высших и специальных учебных заведений, необорудованных и страдающих недостатком преподавательского персонала. Помимо всего этого, как раз опытное дело и сельскохозяйственное образование были затратами капитала, которые могли принести результаты лишь спустя долгое время. Работа в этой области проходила незамеченной и не учитывалась крестьянством как благодеяние Советской власти.

Большую непосредственную пользу могла принести крестьянину система землеустроительных мероприятий. Но и здесь осуществлению широких планов мешал ряд объективных препятствий. Одним из главных был недостаток землемерных сил. Для выполнения землеустройства в описанном выше масштабе требовалось до 35 000 работников, а налицо имелась всего 1/9 этого количества. Вполне понятно, что все наличные силы направлялись на первоочередные с точки зрения социалистического землеустройства работы. Отводились и размежевывались земли для советских хозяйств, коммун и артелей, в лучшем случае отграничивались волости и устанавливались нормы земельных наделов, а самая ценная для крестьянина работа по внутриселенному землеустройству, устранению чересполосицы, длинноземелья и других технических недостатков в крестьянском землепользовании откладывалась на неопределенный срок[75].

---

[74] *Агрономическая помощь в России./ Под ред. В. В. Морачевского. Пг., 1914. С. 288, 485; Книпович Б. Н. Указ. соч. С. 38–39.*— **Ред.**

[75] *Так, в 1919 г. работы по массовому социалистическому земле-устройству*

Не лучше состояло дело и в области материально-технического снабжения крестьянского хозяйства: до последней степени оно изголодалось в инвентаре, улучшенных семенах, минеральных удобрениях, племенном скоте. Помощь в этом направлении была весьма оценена. Но что могло дать нищее советское государство? За три года органами Советской власти было распределено 237 000 плугов, 4 000 сеялок, 28 000 сенокосилок, 37 000 жнеек и 3 500 молотилок, что составляет для отдельных видов машин от 1 до 9% необходимого количества.

Состояние семенного дела характеризуется тем фактом, что для посева трав Советская власть располагала максимально 150–200 тыс. пудов семян вместо нормально необходимых 1–1,2 млн пудов. Запасы минеральных удобрений определялись в 2,9 млн пудов, а потребность измерялась 32 млн пудов. Племенное скотоводство исчерпывалось 122 рассадниками крупного рогатого скота, 22 рассадниками племенных овец и 109 конскими заводами.

К этому надо прибавить, что при снабжении средствами производства государство не могло не выделять покровительствуемых типов хозяйства. Машины, семена и удобрения получали прежде всего советские хозяйства, затем шли разные коллективные организации и семьи красноармейцев, и только в последнюю очередь ничтожные остатки и без того скудных запасов доставались «прочему населению», т. е. крестьянству.

Важно отметить, что бессилие культурнической работы Советской власти опять-таки непосредственно вытекало из общих усилий социалистического режима. Рекламный характер работы по просвещению вполне отвечал задачам нового строя. Советская власть хотела *показать*, что она делает высшее образование доступным для низов, поэтому она предпочитала учреждать университеты в захолустьях, чем заботиться о насаждении наиболее нужного в России элемен-

---

выполнены на площади в 16 млн десятин, а чересполосица и длинноземелье уничтожены на 105 тыс. десятин. (Березин А. Итоги и ближайшие перспективы землеустройства // О земле: Сб. статей о прошлом и будущем земельно-хозяйственного строительства. Вып. 1. М., 1921. С. 166–171).

тарного просвещения. Оторванность агрономической организации от населения гармонировала с общим бюрократическим духом социалистической системы управления. Низкая производительность труда мобилизованных специалистов отвечала общему упадку стимулов при переходе к государственному хозяйству.

С другой стороны, во всех мероприятиях социалистическая власть не могла отказаться от конечной цели, коллективизации сельского хозяйства. Везде, где приходилось выбирать между общими идеями социализма и конкретными нуждами индивидуалистического хозяйства, решение складывалось не в пользу последнего. Наконец, абсолютный недостаток материальных средств, неизбежное следствие низкой производительности социалистического хозяйства, довершал картину и оставлял на долю крестьянства почти одни благие пожелания.

Впрочем, если бы даже культурно-агрономическая деятельность доставила некоторые выгоды крестьянскому хозяйству, это не примирило бы его с Советской властью. Решающим моментом оставалась все-таки продовольственная политика. Выше мы видели, что ее принудительный характер был неизбежным следствием социалистического режима. Можно было по-разному обосновывать это принуждение. Сначала крестьянина уверяли, что в обмен на отобранный хлеб он получит от городских товарищей мануфактуру и машины. Потом, когда несоответствие между взаимными «услугами» стало слишком очевидным, его пытались убедить, что он дает хлеб «в долг» тем людям, которые помогли ему избавиться от власти «помещика и царя»[76].

Все эти аргументы оказывались на деле мало убедительными. Крестьянин всех стран мыслит практически. Отвлеченные соображения о причинах и факторах революции его не

---

[76] *Государственное принуждение в области изъятия хлебных излишков, пишет Бухарин, фундировано экономически, поскольку государственная власть пролетариата есть лучшее средство охраны от восстановления экономического давления крупного землевладельца ростовщического бюджета капиталистического государства и проч. (Бухарин Н. И. Указ. соч. С. 84.)*

трогают. От революции он ждал непосредственных материальных выгод.

В распоряжении крестьянина были оставлены захваченные земли, но государство стало отбирать продукт не только от этих земель, но и с его собственных. Этот образ действий не мог расцениваться иначе, как объявление войны и обман. Все обещания агрономической помощи, племенного скота, машин и семян, обещания к тому же, как мы видели, почти и не выполненные, не могли соблазнить душу собственника. Зачем нужны средства производства, если вырвано из рук право распоряжения своим продуктом?

В результате эпоха доверия и в земельной политике прошла просто незамеченной со стороны крестьянства. Крохи государственной помощи тонули в массовых проявлениях «пролетарско-государственного» принуждения. Политика насильственной коллективизации и классовой борьбы незаметно переходила в разверсточную вакханалию. В 1919–1920 гг., как и в 1918 г. крестьянин по-прежнему чувствовал себя объектом социалистической эксплуатации, пролетарская власть по преимуществу вела с ним вооруженную борьбу за хлеб.

Одинаковое восприятие Советской власти давало и одинаковые результаты. Политика доверия к среднему крестьянству не смягчила гражданской войны. Недовольство в деревне нарастало, горючий материал накапливался и вспыхивал при каждом удобном случае. Правда, по мере победы над организованной контрреволюцией, Советская власть все легче и легче справлялась с крестьянскими восстаниями. Но это не решало вопроса и не примиряло крестьян с социализмом. Болезнь уходила внутрь с тем, чтобы в свое время проявиться в новой форме и с новой силой. Решение задачи политической нейтрализации крестьянства, таким образом, не удалось. Бессилие пролетарского государства оказать реальную помощь крестьянству, с одной стороны, и неизбежное, но очевидное противоречие между аграрной и продовольственной политикой, с другой стороны, были главными причинами этого неуспеха.

Принесла ли, однако, пользу продовольственная политика по крайней мере самой Советской власти? Разрешила ли она проблему снабжения социалистического хозяйства в мелкобуржуазном окружении?

С внешней стороны вооруженная борьба за хлеб имела несомненный успех. Количество продуктов, поступавшее в распоряжение государства, неуклонно возрастало. Особенно характерен перелом от 1918/19 г. к 1919/20 г. Заготовки зерновых хлебов и мяса возросли в 2 раза, картофеля — в 3, яиц — в 5, масла — в 12. Сезон 1919/20 г. был отмечен как раз введением на все перечисленные продукты монополии и усилением работы продовольственной армии и рабочих отрядов.

Подводя итоги своей деятельности к трехлетнему юбилею Советской власти, один из руководителей Наркомпрода мог с гордостью констатировать несомненный успех принятых методов продовольственной политики. При сопоставлении губерний, не затронутых Гражданской войной, оказывалось, что Советской власти удалось взять оттуда даже несколько большее количество хлеба, чем было взято царской властью в последний год ее существования[77]. Выколачивание хлеба вооруженной силой казалось не менее действительным средством, чем извлечение его при помощи полноценных денег.

Но только казалось. Очень скоро обнаружились неустранимые недостатки и губительные противоречия метода принудительных разверсток.

Прежде всего, они все-таки не давали необходимого количества продовольствия. Несмотря на все меры строгости, разверстка ни разу не выполнялась целиком. В зависимости от силы сопротивления крестьянства и энергии местных властей одни губернии полностью отправляли в центр требуемое с них количество продовольствия, другие выполняли задания в ничтожной доле.

Наибольший успех показывают заготовки зерновых хлебов, но и они в 1919/20 г. дает только 55% выполнения плана. Заготовки яиц, и мяса и картофеля не превышают 1/4–1/3

[77] *Три года борьбы с голодом. С. 32.*

первоначальных предположений, молочные продукты спускаются до 12%. Разверстка приносила лучшие результаты по сравнению с товарообменом и ожиданием «самотека», но сама по себе и она по всей линии давала недобор[78].

Между тем по сравнению с дореволюционным временем число лиц, состоявших на иждивении государства, чрезвычайно возросло. Раньше государство кормило только армию, теперь с запрещением частной торговли и проведением монополий на все важнейшие продукты питания власть брала на себя обязательство снабжать не только армию, но и все гражданское население городов и потребляющих районов. Распределение по карточкам из государственных магазинов теоретически должно было сделаться единственным источником получения «нормированных» продуктов. Для этой цели даже высшей цифры заготовок 1919/20 г. было явным образом недостаточно. Так, по официальным данным, в указанном году было заготовлено зерновых хлебов (ржи и пшеницы) около 115 млн пудов, а в распоряжение центра поступило 109 млн пудов. Из этого количества 80 млн пудов, или 73%, было распределено привилегированным группам потребителей: армии, рабочим и железнодорожникам. На долю остального городского населения, исчислявшегося в 1920 г. 20 млн человек, оставалось всего 29 млн пудов казенного хлеба, или по 0,16 фунта в день на человека. Сельское население потребляющих местностей не получало ничего[79].

В 1919–1920 гг. Центральным статистическим управлением была произведено массовое анкетирование городского и сельского населения по вопросам питания. Согласно материалам анкет в июле 1919 г. семьи рабочих, т. е. наиболее привилегированная часть населения, получали по карточкам

---

[78] Правда, без Сибири, откуда Советской власти удалось вывезти в 1919/20 г. большое количество масла, заготовленного белыми.

*[79] Цифра заготовки взята из «Ежегодника»(См.: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. 1. М., 1921. Гл. XI. С. 3. — **Ред.**), она не совпадает с приведенной в таблице № 38 по причине, что последняя включает крупу и зерно, фураж для лошадей. Цифра гражданского населения вычислена по данным переписи 1920 г. Остальные цифры взяты автором непосредственно из Наркомпрода.*

и в виде пайков всего 35,7% фактически потребленного ими количества хлеба, муки и крупы вместе. Остальные 64,3% скромного полуголодного рациона добывались нелегальным способом на вольном рынке и по вольным ценам. Майская анкета 1920 г. показала некоторое увеличение казенной доли, именно: она составляла в среднем 58,5% общей суммы потребления. Но и в этом периоде, даже в городах производящей полосы, рабочие получали от государства только 62% потребного им количества, а остальную часть должны были добывать собственными силами. В городах потребляющей полосы государственное снабжение доставляло как раз половину хлебного бюджета, а в столицах — всего 38%.

Положение с остальными продуктами вроде мяса, жиров, яиц, картофеля и т. п. было еще хуже. Фактическое поступление отставало здесь от предположений еще больше, нормы снабжения определялись еще скромнее, а действительная выдача населению измерялась микроскопическими дозами. При таких условиях в городах и на фабриках нарастало недовольство, слышался ропот и упреки в обмане. Необходимо было во что бы то ни стало усилить заготовки и довести выполнение разверстки до 100%.

Целый ряд невыполнивших разверстки губерний оставлял как будто простор для дальнейшего развития военно-продовольственных операций. Сделать это, однако, оказалось не так просто. Несмотря на энергичные меры и сверхъестественные усилия, Советской власти на третий год своего существования не удалось извлечь более 200 млн пудов зерновых хлебов. Для России, вывозившей раньше за границу до 600 млн пудов, это была необычайно низкая цифра.

На первый взгляд это было непонятное явление, и большевики долго отказывались ему верить, обвиняя крестьян в «саботаже» и укрывательстве продовольственных запасов.

В действительности крестьянский «саботаж» был вполне закономерным явлением «социальной революции». Конечно, в невыполнении разверстки не последнюю роль играло и стремление ускользнуть от сдачи излишков государственным органам. Странно было бы предположить, что крестьянин доброволь-

но будет отдавать свои продукты, ничего не получая взамен. Непрекращавшийся оборот хлеба на подпольном рынке, «мешочничество» и свободный товарообмен свидетельствовали, что крестьянам удается кое-что уберечь от зоркого взгляда продовольственных отрядов. Да и деятельность последних не везде могла развиваться с одинаковой силой. Плодородные окраины то и дело ускользали из-под сферы влияния Советской власти. Восстания разных «зеленых» и просто выведенных из терпения крестьянских «банд» также нередко разрушали работу продовольственных органов.

Но наряду с этим, в «коренных» советских губерниях наметились уже и свои естественные границы продовольственных монополий. Заготовки не могли превысить наличных излишков в крестьянском хозяйстве. Последние же быстро приходили к концу.

[Оскудение деревни объясняется целым рядом причин. Во-первых, уничтожение крупного хозяйства само по себе сокращало свободные излишки сельскохозяйственных продуктов и выводило из строя главную категорию их поставщиков.

В том же направлении действовала политика уравнения землепользования и борьба с «кулачеством». Как раз крупное крестьянство вслед за помещичьим хозяйством располагало наибольшим количеством рыночного продукта и как раз этот тип хозяйства сознательно разрушался Советской властью. Но главной причиной сокращения свободных излишков была все же сама продовольственная политика. Вызванные ею крестьянские восстания были неорганизованны и без труда подавлялись регулярными войсками.]

Дело в том, что, потерпев поражение в открытой борьбе, крестьяне переходили к пассивному сопротивлению. На массовое отобрание излишков они отвечали массовым сокращением производства. Параллельно с успехами заготовок нарастало разрушение крестьянского хозяйства. Резкое сокращение посевной площади и скотоводства является характерной чертой периода продовольственных монополий. Крестьянин не хотел работать на государство. Раз все излишки сверх потребительной нормы предписывалось сдавать без-

возмездно, он предпочитал сберечь свой труд и не производить излишков вовсе.

Крестьянское хозяйство оказалось необычайно чувствительным к нарушению прав собственности. Не требовалось даже повсеместного применения разверстки. Там, где последняя выполнялась полностью, каждое отдельное хозяйство на собственном опыте испытывало результаты социалистического режима. Там, где разверстку удавалось обойти, устрашающе действовал пример попавших под нее соседей. Результат был одинаков. Одно прикосновение хлебной монополии заставляло хозяйство сжиматься до потребительских размеров. Чем последовательнее проводилась монополия, тем сильнее оказывалась экономическая реакция.

Перепись 1919 г. дала зловещие итоги. Посевная площадь по Европейской части РСФСР без Юго-Востока и Украины, т. е. как раз на территории наиболее прочного господства Советской власти, упала с 41,8 млн дес. в 1917 г. до 35,0 млн дес. в 1919 г., понизившись, таким образом, за 2 года на 16%. Цифры, полученные через год, носили еще более угрожающий характер. Посевная площадь упала еще на 3,4 млн дес. и составляла уже (включая Юго-Восток) не более 61% площади посевов мирного времени.

Разрушение сельского хозяйства принимало размеры народного бедствия. Само по себе это явление могло не беспокоить Советскую власть. Крестьянское хозяйство было чужеродным телом в социалистическом организме, его судьба мало трогала вершителей политики. Но оскудение деревни означало сокращение фондов для содержания социалистического хозяйства. Эти фонды, как мы видели, были недостаточны для удовлетворения самых насущных нужд государственного хозяйства. Разрушение крестьянского хозяйства не позволяло надеяться на их дальнейший рост. Метод разверстки наталкивался на свои естественные пределы.

Так изживал себя третий период земельно-продовольственной политики. Он проходил, как мы видели, главным образом под лозунгом разрешения продовольственного вопроса. Конечная цель социализации сельского хозяйства ос-

тавалась в тени. Аграрной политике ставилась политическая задача «нейтрализации» крестьянства и служебная по отношению к продовольственной политике цель сохранения или даже увеличения прежнего объема производства как объекта принудительных разверсток.

Но культурнические приемы комиссариата земледелия оказались, однако, недостаточными для достижения этих целей. Продовольственная политика энергичнее разрушала стимулы к поднятию производства, чем агрономическая «помощь» населению их созидала. В результате вырос новый враг советской системы — разрушение сельского хозяйства.

Борьба с разрушением могла идти только в двух направлениях: или надо было отказаться от принудительных разверсток и свободным оборотом сельскохозяйственных продуктов залечить раны крестьянского хозяйства. Или, напротив, надо было расширить методы принуждения, распространив их на организацию производства. В первом случае продовольственная политика перестраивалась бы по либеральному образцу земельной. Во втором — земельная политика заражалась принципами продовольственной. Первый путь означал отказ от регулированного хозяйства, второй требовал регулирования не только оборота, но и производства крестьянского хозяйства. Советская власть избрала второй путь. Она не хотела еще сдавать позиций. Социалистический опыт вступал в новую стадию. Игра продолжалась, требовалась только перестановка фигур.

Глава 7
«Великая кампания» государственного регулирования крестьянского хозяйства

1. Торжество идей планового хозяйства

Революция измеряет свои эпохи месяцами. За три года существования Советской власти мы насчитали уже не менее трех сменивших друг друга способов обобществления сельского хозяйства. Левоэсеровский период веры в социалистическую душу крестьянства продолжался не более полугода. Следующие девять месяцев заняли опыты классового расслоения деревни и увлечение коллективным хозяйством. Свыше полутора лет испытывался уверенно-марксистский метод нейтрализации крестьянства, дополненный оказавшимся практически неизбежным введением продовольственных монополий.

Во второй половине 1920 г. внутренние противоречия последнего периода становятся очевидными и политика «нейтрализации» по отношению к крестьянским массам оказывается изжитой.

Сменившая ее очередная «эпоха» земельной политики заняла неполную зиму 1920/21 г. Несмотря на краткость сро-

ка, перед нами опять вполне самостоятельный период социалистического строительства, период, проникнутый своею собственной идеей и вооруженный своим собственным методом.

Если противоречия умеренно-марксистского метода требовали перемены курса по отношению к крестьянству, то общий ход экономической политики подсказывал направление этой перемены.

Зима 1920 г. была кульминационным пунктом социалистического опыта. До победы над организованной контрреволюцией Советская власть могла объяснять все свои неудачи состоянием гражданской войны. После извлечения «крымской занозы» и перехода к «мирному строительству» надо было искать другое объяснение поражениям на экономическом фронте. Оно было найдено в недостаточно твердом проведении принципов социалистического хозяйства. Основа последнего усматривалась, как сказано выше, в построении единого хозяйственного плана, который должен был заменить анархическую систему производства капиталистического строя. Вся осень 1920 г. прошла в жесточайших «дискуссиях» о едином плане и методах борьбы с «59-головой гидрой» разных «главков» и «центров», заведовавших отдельными отраслями промышленности и унаследовавших от старого строя все привычки анархического образа действий.

Но «плановое хозяйство» в промышленности предполагало «планирование» сельского хозяйства. Нельзя было мечтать о едином планомерном, безденежном и натуральном народном хозяйстве, пока огромная часть его оставалась вне сферы социалистического строительства, находилась в распыленном состоянии, сама определяла свои хозяйственные цели и постоянно создавала наряду с планомерным распределением продуктов свободный оборот их на нелегальном вольном рынке. Крестьянин, владевший на правах собственности своими средствами производства, был прямым contradictio in adjekto* социалистического строя. К этому присоединилось то обстоятельство, что от запасов предметов продовольствия зависел объем госу-

*Внутреннее противоречие (лат.).— **Ред.**

дарственной промышленности, крестьянин же оказался кредитором осторожным, не верившим в будущую платежеспособность социализированной промышленности и предпочитавшим сокращать производство вместо того, чтобы отдавать его на содержание государства и падающей промышленности. Отсюда логически родилась мысль о принудительном регулировании сельского хозяйства. Решено было вовлечь в социалистический оборот все миллионы индивидуальных мелких хозяйств, лишить их права экономического самоопределения, заставить производить по заказу социалистического хозяйства и сделать их звеньями единого хозяйственного плана.

Так определилось содержание очередного курса земельной политики, получившего официальное наименование «Великой кампании» государственного регулирования крестьянского хозяйства.

2. Элементы регулирования производства в предыдущих периодах экономической политики

Собственно говоря, некоторые элементы политики регулирования наметились уже раньше, до официального объявления «Великой кампании» Эпохи социалистического строительства не могут быть вообще точно разграничены. В недрах коммунистической партии всегда существовали параллельные течения, преобладание одного из них и характеризует тот или другой период. В эпоху «нейтрализма» и невмешательства проводились все-таки некоторые мероприятия, по духу относящиеся к следующему периоду. Теперь уместно будет рассмотреть их.

Оставляя временно в покое организацию производства и ограничиваясь регулированием оборота, советская власть в то же время ни на минуту не упускала из виду своей конеч-

ной цели и готовилась к грядущему обобществлению сельского хозяйства. К числу таких подготовительных мероприятий следует отнести прежде всего *огосударствление свободной кооперации*.

Идеологи коммунизма хорошо понимали, что кооперация, особенно сельскохозяйственная, построена на буржуазных предпосылках частной собственности и свободного оборота благ и является инородным телом в социалистическом безобменном хозяйстве с обобществленными средствами производства. В посреднические функции кредитной, сбытовой и промысловой кооперации входит обслуживание врага социализма — мелкого собственника и предполагают существование свободного оборота хозяйственных благ. Функции потребительской кооперации являются «вредным для дела» параллелизмом по отношению к задачам государственных распределительных органов. В обоих случаях мы имеем перед собою «вредные пережитки прошлого», которые «должны быть сломаны и заменены новыми формами, соответствующими социалистическому содержанию общественного развития»[80].

Первый удар свободной кооперации был нанесен декретом 20 марта 1919 г. «О потребительских коммунах». Декрет предусматривал принудительную организацию всего населения в потребительские объединения. «Каждый гражданин,— гласил пункт 4 декрета,— обязан стать членом коммуны и приписаться к одному из ее распределительных пунктов». Все существовавшие ранее «общегражданские» кооперативы должны были слиться с «коммунами». Основная задача последних усматривалась в распределении среди населения продуктов питания и предметов первой необходимости, получаемых от государства. Особыми распоряжениями потребительским объединениям могли быть также предоставлены права в области заготовок. Организационно новая сеть потребительских коммун была теснейшим образом связана с Наркомпродом, ему же было поручено проведение в жизнь декрета 20 марта[81].

---

[80] *Милютин В. П. Социализм и сельское хозяйство. М., 1919. С. 45.*

[81] *Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 2. С. 166–168.*

Через несколько месяцев неутомимой работы была готова густая сеть новых «потребительских обществ»[82], объединенных в губернские и центральные союзы и возглавляемых коммунистическими правлениями. Можно было приступить к дальнейшему уничтожению свободной кооперации.

27 января 1920 г., «продолжая путь, начатый в отношении потребительской кооперации... и ставя своей целью постепенное сближение и объединение кооперативных организаций всех видов», Совет Народных Комиссаров постановляет «влить» кредитные и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества со всеми их объединениями «в находящиеся в тех же местах потребительские общества и их союзы, передав последним их актив и пассив, техническое оборудование и наличный персонал»[83].

Теперь за пределами «единой кооперации» оставались только сельскохозяйственные кооперативы по сбыту и закупке продуктов, а также немногочисленная промысловая кооперация. Декрет от 19 апреля 1920 г. соподчинил и эти виды кооперации губернским потребительским союзам, впрочем, в виде «автономных» секций последних. Тот же декрет ограничил функции приобретательской кооперации* «организацией производства определенных продуктов и сбором их» для передачи «кооперативным объединениям» (т. е. потребительским союзам) и государственным органам[84]. Наиболее существенная функция посредничества между производителем и вольным рынком была вычеркнута.

Декрет «О регулировании кустарных промыслов и ненационализированной промышленности» от 7 сентября 1920 г. закончил серию постановлений, относящихся к кооперации. Согласно этому декрету вся деятельность как от-

---

[82] *Во избежание недоразумений с крестьянами, подозрительно относившимися к самому слову «коммуна», последнее наименование скоро было официально заменено более привычным именем «потребительское общество».*

[83] *Систематический сборник декретов и распоряжений правительства по продовольственному делу. Кн. 4. 1 января – 1 июля 1920 г. М., 1920. С. 88.*

* *Так в тексте.*— **Ред.**

[84] *Там же. С. 96–97; СУ. 1920. № 30. Ст. 147.*

дельных кустарей, так и их объединений подчиняется общему контролю и руководству бюрократически построенного Главного управления кустарной промышленности и его местных органов. Все мелкие предприятия и их объединения рассматриваются декретом как подсобная в отношении крупной национализированной промышленности форма производства. Они «обязаны принять к исполнению все предлагаемые им заказы государственных органов», а все изделия, изготовленные сверх заказов на чьем бы сырье они ни были сработаны (за ничтожными исключениями), также передаются в распоряжение государственных органов и огосударствленной кооперации[85].

Не трудно разгадать общую идею, которой проникнуто советское законодательство о кооперации. Отсечение торгово-посреднических и кредитных функций, непосредственно связывающих кооперацию с буржуазным строем, огосударствление технического аппарата кооперации и принудительная организация населения в потребительские объединения — все эти методы «новой» кооперации преследовали одну и ту же цель. Для равномерно-социалистического распределения продуктов Советская власть должна была иметь перед собой организованных потребителей. С другой стороны, пока часть производства находилась в руках мелких производителей, надо было постепенно вовлекать их в сферу влияния социалистического хозяйства, а это можно было сделать как раз организацией производителей в объединения, находящиеся под контролем государственной власти и работающие исключительно по ее указаниям. Распределительно-заготовительный аппарат единой советской кооперации отвечал обеим задачам социалистического строительства.

Огосударствление вольной кооперации должно было создать *организационные* предпосылки обобществления мелких производителей. А землеустройству и электрификации пред-

[85] *СУ. 1920. № 78. Ст. 366. Только для некоторых отраслей промышленности допускалась продажа изделий на местных рынках, но и то под контролем государственных органов, нередко по твердым ценам и с запрещением торгового посредничества, хотя бы и кооперативного.*

стояло заложить материальный фундамент для введения крупного социалистического производства.

Землеустроительные работы велись в двух направлениях. С одной стороны, уничтожение чересполосицы и длинноземелья, отвод полос к одному месту и вообще технические мероприятия по аррондированию участков должны были служить помощью индивидуальному земледельцу и одним из доказательств расположения к нему Советской власти. Эта линия землеустроительных работ велась в духе и направлении периода доверия к крестьянству. Но в то же время исподволь и параллельно осуществлялась программа основного «Положения о социалистическом землеустройстве», проникнутая, как мы знаем, настроениями самого революционного периода политики, наступившего непосредственно вслед за изгнанием социалистов-революционеров из большевистских Советов. «Положение о землеустройстве», как известно, стремилось создать «единое производственное хозяйство» и рассматривало все земли, кому бы они ни принадлежали, как «единый государственный фонд». Основная органическая работа землеустроительного аппарата была направлена поэтому на общий обмер земельного фонда, разверстание его применительно к установленным законом нормам между отдельными волостями, внеочередное наделение землей коллективных хозяйств и организацию переселения избыточного населения. По отношению к будущему идеалу «единого производственного хозяйства» эти работы подготовляли организацию территории и производили соответствующее распределение населения.

Побочным эффектом сплошного землеустройства было разрушение привычных земельных правоотношений. Видя, как органы правительства размеряют землю не считаясь ни с какими прежними границами, крестьянин на деле убеждался, что он принадлежит к «отжившим и проходящим» формациям и что даже его собственная дедовская земля относится к «единому государственному фонду». Для текущей хозяйственной деятельности неустойчивость земельно-правовых отношений, создаваемая землеустройством, была сильной помехой. Для грядущего

обобществления сельского хозяйства ее можно было считать важной психологической предпосылкой.

На будущее были рассчитаны и *электрификационные планы* Советской власти. Электричество всегда пользовалось большим кредитом доверия у социалистов. В нем видели силу, способную произвести техническую революцию в самых отсталых частях народного хозяйства, силу, содействующую укрупнению и концентрации производства и потому приближающую час социализма. Неудивительно, что и русские коммунисты обеими руками схватились за идею электрификации.

Образованная по постановлению ВЦИК специальная комиссия подготовила к VIII съезду Советов обширнейший «План электрификации РСФСР», имевший целью «выравнить фронт нашей экономики в уровень с достижениями нашего политического уклада»[86]. Электрическая энергия должна была разрешить продовольственный, топливный и промышленный кризисы и в 10 лет удвоить производительность национального труда. Написанные десятками специалистов программы электрификации различных отраслей народного хозяйства составили самый толстый том среди советских изданий. Он с большой помпой, с помощью электрифицированных картограмм, демонстрировался на очередном съезде Советов и был награжден принятием широковещательной резолюции. В одной из своих речей Ленин дал математическую формулу, что «социализм — это Советская власть плюс электрификация».

В действительности, электрификационные планы представляют любопытный образчик технического творчества, оторванного от всякого экономического фундамента. Они явились прямым отражением характерной для социализма утраты чувства хозяйственного расчета и увлечения абстрактной «рационалистикой».

Только одни работы первой очереди, сокращенные и урезанные до крайних пределов, должны были дать 30 силовых станций общей мощностью в 1 750 000 киловатт. Стоимость

---

[86] *План электрификации РСФСР. Введение к докладу VIII съезду Советов Государственной комиссии по электрификации России. М., 1920. С. 14.*

строительства исчислялась в 1,1 млрд золотых рублей, и возведение их должно было занять 370 млн рабочих дней. Для страны с промышленностью, сократившейся до одной десятой первоначальной величины, и с валовым национальным доходом, не превышающим в 1920 г. 4 млрд золотых рублей, даже эти «скромные» планы нельзя не признать фантастическими[87].

Видное место в работах комиссии было отведено и электрификации сельского хозяйства. Здесь цифровые планы и расчеты были еще грандиознее. Программа работ намечала сотни подстанций и миллионы киловатт мощности. Мы не имеем возможности входить в подробности, важно отметить только принципиальный подход к делу. Экономическая сторона вопроса совершенно забывалась. Упускалось из виду, что в стране мелкого хозяйства и избытка сельского населения электрификация производства, сберегающая труд, может иметь лишь ограниченное значение. Если бы отпуск электрической энергии производился на коммерческих началах, то можно не сомневаться, что он нашел бы лишь умеренный спрос со стороны мелкого крестьянства, как правило, неполностью использующего свой рабочий скот и имеющего до 40% излишней собственной рабочей силы. С точки зрения общей экономики страны тоже сомнительно, имеет ли смысл затрачивать огромные средства на дорогие электрические установки, если слаборазвитая промышленность не может впитать освобождающиеся в деревне рабочие руки.

Но электрификаторы рассуждали иначе. Их увлекали расчеты германского профессора Баллода, рекомендовавшего заменить 5 млн крестьянских хозяйств ста тысячами крупных электрифицированных имений и тем в короткий срок превратить разоренную и побежденную Германию в страну всеобщего довольства и благополучия. Воображаемым объектом русской электрификации были также не миллионы мужицких дворов действительной России, а немногие сотни тысяч «баллодизированных» хозяйств социалистического «государ-

[87] *Там же. С. 218–219.*

ства будущего». Грандиозные планы прикрывались благом крестьянского хозяйства, но на деле предполагали его уничтожение.

Как и основные землеустроительные работы, электрификационные проекты имели конечной целью переход к единому социалистическому хозяйству. Землеустроительные работы в последнюю очередь планировали *индивидуальное* землеустройство, и электрификация не интересовалась вопросом, сумеет ли *индивидуальный* крестьянин воспользоваться ее благами. И землеустроитель и электрификатор останавливались у внешних границ деревни. Зачем подходить к отдельным крестьянским хозяйствам, этим «отжившим» и обреченным формам землепользования? В один прекрасный день границы их будут стерты и тогда сомкнувшиеся электрические провода приведут в действие единое социалистическое хозяйство[88].

Создавая описанные выше организационные и материальные предпосылки социалистического хозяйства, советская власть постепенно приступала к прямому регулированию крестьянского хозяйства. К числу этого рода мероприятий надо отнести организацию трудовых армий и введение натуральной гужевой повинности для крестьянского населения.

Принцип *трудовой повинности* провозглашен в Конституции РСФСР. Первое время он применялся, однако, не систематически и случайно. Только на III съезде Советов народного хозяйства в начале 1920 г. Троцкий выдвинул трудовую повинность как ключ к возрождению промышленности, как основу «правильного хозяйственного плана» и «краеугольный камень в здании социалистического хозяйства»[89]. «Рабочее государство», по мнению Троцкого, должно иметь право военной моби-

---

[88] *Имеется в виду нашумевшая в свое время книжка Атлантикуса (проф. К. Баллода) «Государство будущего. Производство и потребление в социалистическом государстве» (2-е изд. М., 1920), переизданная после Германской революции и одно время вдохновлявшая строителей русского коммунизма.*

[89] *Троцкий Л. Д. Речь на III Всероссийском съезде Советов народного хозяйства. М., 1920. С. 7.*

лизации квалифицированной и простой рабочей силы, замены одной профессии другою и территориальной переброски рабочих и крестьян. Проведение в жизнь распределения и использования рабочей силы Троцкий мыслил в форме переведения Красной армии на «трудовой фронт» и создания сплошной «милиционной системы», при которой все «население данного района, так, как оно живет,— трудящейся артелью, кустом» входило бы «в полк, в бригаду, в дивизию», впитывало бы «в себя те элементы милитаризма, которые являются жизненными — точность исполнения, отношение к хозяйственным приказам, как к боевым приказам»[90].

Полный план милитаризации народного хозяйства и «сближение его с военной силой» осуществлен не был. Но в духе идей Троцкого уже в феврале 1920 г. был издан декрет «О порядке проведения всеобщей трудовой повинности». Декрет предписывал: «а) Привлечение трудящегося населения к единовременному или периодическому выполнению, независимо от постоянной работы по роду занятий различных видов трудовой повинности: топливной, сельскохозяйственной, как для государственных, так в известных случаях и для крестьянских хозяйств, строительной, продовольственной, снеговой, гужевой, для борьбы с последствиями общественных бедствий и т. п. б) Использование рабочей силы частей Красной армии и флота. в) Привлечение необходимых квалифицированных рабочих из армии, а равно переводов лиц, занятых в сельском хозяйстве и ремесленно-кустарных предприятиях, на работы в государственных предприятиях, учреждениях и хозяйствах. г) Повсеместное и постоянное привлечение к общественно-полезному труду лиц, таковым не занимающихся. д) Необходимое перераспределение рабочей силы»*.

Для проведения в жизнь перечисленных мероприятий создавалась сеть полувоенных губернских и уездных комитетов труда с Главным комитетом труда в центре. Комитеты имели

---

[90] *Там же. С. 11.*

* *Постановление ВЦИК и СНК «О порядке всеобщей трудовой повинности» от 3 февраля 1920 г. // Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 173–175.*— ***Ред.***

право за «менее важные случаи нарушения трудовой дисциплины» налагать административные взыскания и подвергать виновных аресту на 1–2 недели, более важные проступки карались народным судом, за особо злостное «трудовое дезертирство» грозило предание революционному трибуналу.

Система принудительного труда должна была обслуживать по преимуществу нужды промышленности и государственного хозяйства. Но всей тяжестью своей она фактически обрушилась на крестьянское население. Квалифицированная рабочая сила подвергалась только «милитаризации», т. е. прикреплялась к месту и роду своих постоянных занятий и лишалась права свободного выбора профессии. Сельское население принципиально отрывалось от земледельческого промысла. На коренное сельское население было возложено выполнение целого ряда работ по преимуществу грубого неквалифицированного характера.

Специальным постановлением Главного комитета по проведению трудовой повинности была создана натуральная транспортная повинность для перевозки топливных, продовольственных и иных государственных грузов, повинность, которая почти целиком ложилась на крестьян, их лошадей и транспортные средства. Крестьяне обязаны были также производить массовые заготовки дров, расчищать от снега железнодорожные пути, разгружать поезда[91]. Для выполнения этих и других работ местным органам было приказано организовать все сельское население в трудовые отряды по 300 человек в каждом, готовые двинуться в путь или приступить к работе по первому требованию начальства[92]. Наконец, Красная армия, переведенная на «трудовой фронт», т. е. поставленная на мирные работы, а также специальная трудовая мобилизация трех возрастов, осуществленная в конце 1920 г., также целиком опирались и были направлены на использование рабочей силы крестьянского населения.

---

[91] *Главкомтруд и Наркомтруд. Крестьянство и трудовая повинность. Законы рабоче-крестьянского государства. М., 1920. № 2. С. 5–23.*

[92] *См.: Инструкция Комитета труда по подъему сельского населения для массовых работ // Там же. С. 9–11.*

Все эти мероприятия, независимо от их непосредственных хозяйственных целей, могли рассматриваться и как подготовка крестьянских масс к плановому социалистическому хозяйству, и как средство отучить их от буржуазного чувства собственности по отношению к своей рабочей силе.

По мысли Троцкого, «аппарат трудовой повинности» должен был «на практике приучить крестьянскую массу к тому, что новый режим обязывает их известную часть своего труда, своих сил, отдавать в виде ссуды или задатка советскому государству, которое раньше или позже вернет их ему в виде продукта городской культуры, в виде большого просвещения и т. д.»[93]

Другой руководитель трудовой повинности, обозревая успехи своей 8-месячной деятельности, с гордостью заявлял, что «рабочая сила в республике национализируется, превращается в собственность целого государства, выполняет веление и задания этого целого и становится преддверием коммунистического порядка»[94].

3. План «Великой кампании» Осинского

Описанные выше мероприятия имели ту общую черту, что все они в большей или меньшей степени противоречили идее невмешательства в крестьянские дела и готовили почву для государственного их регулирования.

Окончательный перелом в земельной политике произошел осенью 1920 г. Поводом к ее пересмотру послужили на-

---

[93] *Троцкий Л. Д. Указ. соч. С. 9.*

[94] *Аникст А. Краткий обзор деятельности Главкомтруда и Центрорабсилы и Наркомтруда за последние месяцы 1920 г. // Известия Главного комитета по всеобщей трудовой повинности и Народного комиссариата труда. 1920. № 7. С. 28.*

шумевшие в свое время статьи Н. Осинского, помещенные в «Правде», официальном органе ЦК партии большевиков. В этих статьях подвергалась резкой критике умеренная политика комиссариата земледелия и предлагался план «Великой кампании» регулирования крестьянского хозяйства.

Содержание новой программы лучше всего передать словами ее вдохновителя[95].

Идеологический подход к политике регулирования был построен на двух соображениях. Во-первых, само по себе регулирование сельского хозяйства является определенной частью социалистического строительства, во-вторых, предшествующая политика Советской власти, особенно продовольственная, уже достаточно подготовила крестьянство к восприятию этой идеи.

Бесспорным фактом прежде всего являлся острый сельскохозяйственный кризис. Одной из основных его причин теперь официально признавались разного рода продовольственные монополии, «подрывавшие основы буржуазного порядка в деревне». Под их влиянием у мелких хозяев «пропадают стимулы» к поддержанию и развитию своего хозяйства, крестьянин сокращает посевы и сводит их к потребительскому уровню. Чтобы бороться с этим явлением, есть два пути. Или отказаться от системы монополий, или заменить отмирающие стимулы государственным принуждением. Первый путь невозможен, ибо «без этой системы государственного снабжения промышленности продовольствием и сырьем *невозможно* восстановление народного хозяйства и изжитие промышленного кризиса». Остается путь регулирования. «Надо мерами государственного регулирования пополнить поблекшие стимулы, опираясь на старательных хозяев и подпирая их плечом государства».

На вполне естественный вопрос, отчего же на этот путь не вступили раньше и почему до сих пор господствовала теория невмешательства, ответ гласил, что только теперь, к кон-

---

[95] *Приведенные ниже цитаты заимствованы из брошюры Н. Н. Осинского «Государственное регулирование крестьянского хозяйства». (М., 1920. С. 7–9, 17, 27, 28.— **Ред.**)*

цу третьего года Советской власти, произошел, наконец, желанный «перелом в миросозерцании» рядового крестьянина-середняка. «Деревня в основе *признала* как продовольственные повинности, так и повинность трудовую и даже налоговую. А это признание волей-неволей ставит ее на государственно-социалистическую почву». Учитывая также результаты недосева и неурожая, «хозяйственный крестьянин» приходит к осознанию, что «так работать не дело». О возврате к буржуазному строю «никто не думает». «При таких условиях понятно, что мелкобуржуазное миросозерцание середняка с разных сторон начинает давать трещины, и середняк приходит к сознанию сельскохозяйственного производства как дела государственного, которое государство имеет основание и должно регулировать и организовывать, к сознанию того, что *только государственное вмешательство устранит неизбежный без этого кризис, сохранит, упрочит и разовьет хозяйство»*.

Но если, таким образом, государственное вмешательство вызывается понижением государственного снабжения и самого крестьянского хозяйства, то, с другой стороны, оно необходимо и как способ построения единого социалистического планового хозяйства. Характерная для предыдущего периода теория добровольной коллективизации сельского хозяйства признавалась теперь слишком медленным и неверным путем к социализму. Надеяться перестроить деревню, писал Осинский, только путем постепенного укрепления совхозов и примыкающих к ним добровольческих коллективов — значит идти по утопическому пути. «*Социализм строится только путем преобразования всего хозяйства и всех хозяйств единовременно*, не путем распространения "кооперативных фабрик" — оазисов в буржуазной пустыне». «*Основной путь перестройки: принудительная массовая организация производства*».

В идеале Осинскому рисовалась картина полного уничтожения категорий мелких производителей и подчинение сельского хозяйства единому централизованному руководству наподобие управления национализированной промышленности.

Материальное содержание проекта «Великой кампании» сводилось к следующим предложениям. Либеральный, увлекающийся «культурничеством» Наркомзем должен был сделаться «боевым органом», выполняющим программу регулирования крестьянского хозяйства. Программа эта распадается на три части. Прежде всего высшими экономическими органами страны устанавливается план обязательного засева полей, с указанием размеров посевных площадей и пропорции культур на них. Затем крестьянин получает сверху приказания не только относительно того, сколько и чего ему сеять, но и как сеять.

Травосеяние, многопольные севообороты, тракторные вспашки и другие приемы интенсивной и рациональной культуры вводятся «путем прямого вмешательства государства, а не только добровольной пропагандой». Наконец, для осуществления планового засева и принудительной рационализации соответствующие органы государства получают право мобилизации людей и коллективного использования скота и машин.

Уже в течение ближайшей весенней сельскохозяйственной кампании 1921 г. Осинский предполагал широко развернуть свою программу новой политики. «Это будет,— писал он,— прежде всего, единая великая кампания в деревне под общим лозунгом: "Все для усиления засева и улучшения обработки земли, для всесторонней помощи лучшим старательным хозяевам-крестьянам, для понуждения ленивых и нерадивых!"... Целая армия инструкторов, пропагандистов и организаторов, действующая сплоченным боевым фронтом, добьется прежде всего укрепления и приведения в блестящее состояние советских и коллективных хозяйств, а также всех решительно вспомогательных учреждений. Совхозы и колхозы — опорные пункты, технические базы всей работы, крепости социалистического строительства... Одновременно ведется обширная работа по мобилизации всех технических сил и средств для работы во время запашки, посева, уборки. Разыскиваются, берутся на учет (еще зимой), чинятся и сосредоточиваются тракторы, сеялки, веялки, молотилки и пр., и пр. Подтягиваются и налаживаются прокатные пункты и ремонтные мастерские. Насыщаются живым и мертвым инвентарем общественные хозяйства. Выбра-

сывается стройно и планомерно все, что возможно, на крестьянскую периферию. Учитываются и мобилизуются агрономы...

Особую страничку должна составить помощь города деревне во всех видах — мобилизация рабочих-специалистов на ремонт инвентаря, использование для этой цели городских заводов и мастерских, мобилизация рабочей силы на обработку и уборку, между прочим, и из состава служащих советских учреждений.

Наконец, главная работа — непосредственно расшевелить массу трудового крестьянства, создать в ней трудовой подъем путем политической агитации, производственной пропаганды, живого примера и демонстративного принуждения ленивых».

4. Постановления VIII съезда Советов

Мысли Осинского необыкновенно быстро сделались официальной программой. Фанатические верхи партии охотно поверили, что настало время сделать следующий шаг по пути к социализму и что час обобществления сельского хозяйства уже пробил. Для местных практиков администраторов новый курс был соблазнителен тем, что он устранял, наконец, противоречия земельно-продовольственной политики и отдавал в руки непокорное крестьянское хозяйство.

Опубликованный в начале декабря проект декрета о государственном регулировании сельского хозяйства, по свидетельству достаточно авторитетных лиц, был воспринят на местах настолько просто, что «почти стихийно» начал претворяться в жизнь раньше принятия его на съезде Советов[96].

На VIII съезде Советов, созванном в конце декабря 1920 г., вопросы земельной политики заняли центральное

---

[96] *Свидерский А. Накануне «Великой кампании» // Экономическая жизнь. 1920. № 288. А. Свидерский состоял членом Коллегии Наркомпрода.*

место. И здесь схема Осинского одержала полную победу. Сторонникам государственного регулирования приходилось скорее сдерживать порывы провинциальных делегатов, чем заставлять их идти за собой. Горячие головы требовали немедленного объявления «обязательной коммуны», коллективного использования средств производства и принудительного трехполья. Представители правительства считали целесообразным ограничиться на первое время более скромными мерами, отодвигая полное обобществление сельского хозяйства до создания новой техники, осуществления электрификации и землеустроительных планов. Все сходились, однако, в том, что эпоха свободного хозяйственного самоопределения миновала и для мужика. Единственной заменой стимулов капиталистического порядка может быть государственное регулирование сельского хозяйства. Не имея возможности при господстве монополий реализовать ренту и прибыль, крестьянин «в строго научном смысле» уже давно перестал быть собственником. Теперь речь шла о том, чтобы заставить его открыто признать свои «обязанности» по отношению к Советской власти, превратить крестьянина «в государственного работника на государственной земле» и заставить «работать по заданиям государства, под единым руководством и по единому плану», засевая «то количество полей, которое сочтет нужным указать рабоче-крестьянская власть» и теми растениями и в таких пропорциях, какие будут указаны все тою же «трудовой всероссийской общиной через свои руководящие органы». Спор мог идти только о пределах и формах вмешательства «всероссийской общины», самый принцип был предрешен[97].

Постановления съезда дали целую программу по земельному вопросу. Намеченные мероприятия можно разделить на две части.

Одни из них по-прежнему пытаются подчеркнуть высокую меру внимания к крестьянину со стороны рабоче-крес-

[97] *Цитаты заимствованы из стенографических отчетов съездов Советов и коммунистической партии в декабре 1920 г.*

тьянской власти. Само постановление съезда носит название «законопроекта о мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства»*. В мотивах законопроекта перечисляются все прошлые «усилия рабоче-крестьянской власти и все ее заботы о трудящемся крестьянстве». Пункт 5 законопроекта предписывает Совету Народных Комиссаров «в кратчайший срок издать постановление об оказании помощи крестьянскому хозяйству всеми ведомствами», в частности развитием ремонтного дела, расширением производства и закупки за границей машин, сеялок и удобрений, обеспечением земельных работников одеждой, снабжением работающей на сельское хозяйство промышленности рабочей силой и лошадьми, улучшением сельскохозяйственного образования и постановкой сельскохозяйственной пропаганды. Наконец, для «лучших хозяев», у которых предугадывалось «стремление расширять площади посева», п. 17 законопроекта устанавливает премирование сельских обществ и отдельных домохозяев, «выделяющихся хозяйственной старательностью и достигающих наибольших успехов путем точного выполнения планов засева и правил улучшенной обработки земли». Все эти постановления и декларации по-прежнему свидетельствуют о готовности протянуть крестьянину хотя бы и пустую руку помощи и по-прежнему дают формальное право на существование индивидуальному землевладельцу.

Но это был только мост между старой политикой и новыми планами, маскировка очевидного отступления на другие позиции.

Ядро «законопроекта» составляла другая группа постановлений, намечавшая пути массового регулирования крестьянского хозяйства. Эти пути, в соответствии с планами Осинского и прениями на съезде, шли в четырех направлениях.

** Судя по всему, автор пользовался изданием «проектов» постановлений съездов Советов. После съезда проекты стали действующими законами без каких-либо оговорок и соответственно были изданы. См., например: Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов (23–29 декабря 1920 года). М., 1921. СУ. 1921, № 2. Ст. 14.— **Ред.***

Во-первых, объявлялось «государственной повинностью обсеменение площади земли, устанавливаемой государственным планом посева» (п. 6).

Во-вторых, не надеясь на достаточность «стремления лучших хозяйств расширить свои посевы», государство бралось подумать за крестьян и все необходимое для обсеменения намеченной площади количество семян объявляло «неприкосновенным семенным фондом» (п. 9). Семена могли быть изъяты дополнительной разверсткой, ссыпаны в общественные амбары или оставлены «на дому» у хозяина. Во всяком случае последний терял право распоряжения ими, и единственным собственником семенного фонда, как и продовольственных излишков, объявлялось рабоче-крестьянское государство (п. 10).

В-третьих, законопроектом предусматривалось издание «обязательных правил, касающихся основных приемов механической обработки полей и улучшения лугов, производства посевов и способов сохранения естественного плодородия почвы» (п. 12), иначе говоря, намечался путь принудительной рационализации крестьянского хозяйства.

Наконец, в-четвертых, «в целях обработки и обсеменения земель маломошных и красноармейских хозяйств» соответствующим органам вменялось «в обязанность... устанавливать в селениях правильное использование живого и мертвого инвентаря, путем трудовой взаимопомощи крестьян» (п. 16), иначе говоря, прокладывалась прямая дорога к принудительной коллективизации средств производства крестьянского двора.

Для проведения в жизнь всех перечисленных мероприятий законопроект предусматривал создание сети губернских, уездных и волостных «комитетов по расширению посевов и улучшению обработки земли», губернских и уездных «сельскохозяйственных советов» и сельских крестьянских комитетов по улучшению сельского хозяйства (п. 1 и 2)*. Из всей этой сложной системы органов только компактные, составлен-

---

* *О мерах укрепления и развития крестьянского сельского хозяйства // Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда Советов... С. 11–14.— Ред.*

ные из высших представителей местных властей, бюрократические посевные комитеты были наделены соответствующими полномочиями и властью, сельскохозяйственные же советы и крестьянские комитеты являлись совещательными органами и преследовали единственную цель — создать кажущееся участие крестьянства в принудительном регулировании собственной деятельности.

В целом, намеченная съездом программа обобществления и регулирования крестьянского хозяйства была рассчитана на одновременное использование экономических интересов одной части крестьянства и принудительное воздействие на другую. Предполагалось, что за три года продовольственной политики, военно-трудовых мобилизаций и разного рода натуральных повинностей средний крестьянин научится сознавать себя гражданином социалистического отечества. Надо было использовать этот «перелом» в психологии «середняка» и подсунуть ему вместо собственных хозяйственных соображений готовый план государственного засева полей. Расчет основывался на том, что крестьянин сохранил все-таки живой интерес к земледельческому труду и готов работать усердно и старательно, если только дать ему к тому возможность. Сокращение посевов есть только преходящий результат отмирания старых «капиталистических» стимулов. Стоит убедить крестьянина в том, что он является «государственным работником на государственной земле» и что обрабатывать землю есть его прямая «великая обязанность», стоит указать ему сколько и чего сеять, стоит дать ему семена и орудия, как он тотчас возьмется за дело с прежней энергией и не за страх, а за совесть выполнит все предположения государственного плана. Надежды на стихийный успех новой политики были основаны на такой именно оценке интересов и психологии середняка. В этом смысле «великая кампания» нередко называлась курсом на старательного мужика.

Наряду с этим, коммунисты представляли себе, что в деревне имеется еще обширный слой отсталых крестьян, частью «лодырей», частью не по своей вине захудавших, час-

тью, наконец, лишенных необходимых средств производства. Именно эти крестьяне должны были сделаться объектом принудительного воздействия государства. Снабжая их всем необходимым, государство требует, чтобы они «равнялись» по старательному крестьянину и вели бы свое хозяйство с надлежащей степенью рациональности и в соответствии с государственными посевными планами.

В сущности говоря, новый курс повторял идеологию первого, чисто коммунистического периода земельной политики. Как там, так и здесь велась двойная игра, принуждение комбинировалось с использованием экономических интересов. Только в 1918 г. государство покровительствовало стремлениям бедноты и организованно разоряло зажиточное крестьянство, а теперь симпатии отдавались «старательному середняку», аппарат же государственного принуждения направлялся на подтягивание отстававших рядов деревенского населения.

Описанная выше программа земельной политики проводилась с обычной решительностью и энергией. Все средства партийной агитации и правительственного воздействия были пущены в ход. Идея планового засева пропагандировалась устно и письменно, в городе и в деревне. Тысячи партийных «работников» были поспешно переброшены на проведение «великой кампании»[98]. В развитие и исполнение одобренного съездом законопроекта был издан специальный декрет о повсеместной организации губернских, уездных и волостных комитетов и длинный ряд инструкций по разным ведомствам и учреждениям. К февралю месяцу имелись сведения об организации посевных комитетов по 46 губерниям и по Сибири.

Нам нет надобности углубляться в подробное описание посевной кампании. Все постановления и распоряжения этого периода проникнуты той же идеей двустороннего экономически-принудительного воздействия на крестьянское хозяйство, которая составила содержание резолюции VIII съез-

---

[98] *Только по 37 губерниям было мобилизовано 125 тыс. коммунистов в качестве «уполномоченных» по проведению посевной кампании. (Отчет Народного комиссариата земледелия IX съезду Советов за 1921 г. М., 1921. С. 34.)*

да. Перейдем сразу к оценке результатов нового метода овладения крестьянским хозяйством.

5. Результаты весенней кампании

Не требуется большой проницательности, чтобы видеть: здание снова строилось на песке.

Основная ошибка планового земледелия заключалась в неправильной оценке экономических интересов и стимулов среднего крестьянства. Никакого «перелома» в миросозерцании «середняка» не произошло и никаких «трещин» оно не давало. Подчинение продовольственным монополиям и разного рода повинностям нельзя считать их «признанием». Это местным администраторам и продовольственникам в покорности мужика чудился отказ от принципов собственности. Это *им* звучали принципы государственного засева полей, это *их* голос откликался на законопроект о регулировании крестьянского хозяйства.

Рядовой крестьянин всякое мероприятие, от кого бы оно ни исходило, расценивает прежде всего с точки зрения влияния на его хозяйство. Все, что сокращает производство и ограничивает самодеятельность,— есть зло, все, что дает ему непосредственную материальную выгоду,— есть благо. Крестьянин — природный фритредер и крайний индивидуалист. Можно ли было рассчитывать на появление у него новых стимулов к хозяйственной деятельности вроде признания своего труда «государственной обязанностью»? Можно ли требовать от крестьянина сознания, что «только государственное вмешательство» может «устранить кризис, сохранить, развить и упрочить» народное хозяйство?

Независимо от правильности или ошибочности самой мысли, такой степени сознательности не могли создать ника-

кая «производственная пропаганда» даже у городских пролетариев, непосредственных пользователей «социальной революции». Крестьянин же гораздо больше потерял, чем выиграл, и, конечно, не продовольственные разверстки и заградительные отряды могли привести его к сознанию своего социалистического долга.

Пока существует индивидуальное хозяйство, единственным критерием для него является баланс материальных выгод и потерь. А что с этой точки зрения могла предложить крестьянину обновленная земельная политика? План посева его собственных полей? Снабжение семенами, орудиями, скотом, минеральными удобрениями? Но что и как сеять — это крестьянин знал лучше всякого «планирующего» органа. Семена и скот государство не могло ни произвести само, ни ввезти из-за границы[99].

Оставалось надеяться на внутреннее перераспределение при помощи государственной власти средств производства, принадлежавших самим крестьянам. Но это перераспределение могло дать экономический эффект лишь в том случае, если бы до него «старательный» крестьянин был лишен средств производства, а находились бы они в руках «лодырей». На самом деле в деревенском быту бесхозяйственность и нищета идут рука об руку. Владельцами инвентаря, окота и семян являются как раз «старательные», зажиточные мужики. Внутреннее перераспределение средств производства может иметь для них в целом только отрицательное значение. Оно может понизить, но ни в коем случае не повысить производительность сельского хозяйства.

Но если бы даже в результате «государственной помощи» некоторое количество старательных крестьян оказалось бы луч-

---

[99] *Отчет Народного комиссариата земледелия IX съезду Советов за 1921 г. М., 1921. С. 198. Сельскохозяйственных машин и орудий в распоряжении государства было слишком мало. За весь 1920/21 г., следовательно* ***после*** *весеннего посева, по всей территории страны было распределено: 312 тыс. плугов, 16 тыс. борон, 4 тыс. сеялок, 18 тыс. сенокосилок, 330 жнеек, 3 тыс. молотилок и 2 тыс. зерноочистительных машин. По расчету на 15 млн хозяйств это была ничтожная величина, почти незаметная величина.*

ше, чем прежде обеспеченным средствами производства, откуда могла появиться уверенность, что они используют *по доброй воле* эти средства на благо советского государства? Что может заставить трудиться крестьянина по-прежнему, обрабатывать прежнюю площадь и добиваться прежних урожаев, если он знает, что все избытки все равно будут у него отобраны по законам о продовольственных монополиях? Правда, старательному крестьянину, выполнившему полностью государственные задания, обещается премия и даже знаки отличия, вроде ордена Трудового Красного Знамени[100]. Но, во-первых, выдача премий отдельным домохозяевам обусловлена крайне растяжимым условием неприменения «кулацких приемов», во-вторых, она низка и принципиально не достигает ценности отдаваемых излишков, в-третьих, государству нечем ее выплачивать, и, наконец, в-четвертых, премию можно получить только после того, как старательность крестьянина доказана и поля засеяны, а это опять предполагает такую степень доверия к Советской власти, которой по всей совокупности объективных условий крестьянин не располагал и располагать не мог.

Как не повернуть вопрос, вывод может быть только один. Самый лучший государственный план засева полей не мог заменить убитых продразверсткой стимулов к труду и расширению хозяйственной деятельности. Все расчеты на совпадение интересов старательного крестьянина и советского государства основаны были на грубом непонимании движущих сил крестьянского хозяйства. По существу, это был или сознательный обман мужика, или бессознательный самообман пролетарского государства.

Но если в основе расчета на «старательного мужика» лежали ошибочные предпосылки, то единственной опорой нового курса земельной политики оставалась сила государственного принуждения.

Однако и здесь, на пути стройно задуманного плана, стояли непреоборимые объективные препятствия.

---

[100] *Об этом гласит специальный пункт постановлений VIII съезда Советов. (Об ордене Трудового Красного Знамени // Постановления и резолюции VIII Всероссийского съезда Советов... С. 8.— **Ред.**).*

Прежде всего, за весь предшествующий период своего господства Советской власти не удалось создать ни организационных, ни материальных предпосылок для массового регулирования и обобществления сельского хозяйства. Попытки в этом направлении, как мы видели выше, делались, но все они оказались неудачными.

Опыт огосударствления кооперативного аппарата дал отрицательные результаты. Он был основан на непонимании хозяйственной природы кооперации. Желая уничтожить буржуазный дух кооперативного движения и сохранить его внешние организационные формы, большевики ставили себе внутренне противоречивую задачу. Душа кооперации заключается в праве свободного хозяйственного самоопределения. Запрещение свободы хозяйственного оборота убивает эту душу, а вместе с ней и кооперативную организацию. Сельскохозяйственная кооперация, лишенная права обслуживать частные хозяйственные интересы крестьянского населения и подчиненная принудительным организациям потребителей, фактически умерла, а ее аппарат превратился в одну из бесчисленных систем бюрократических органов, лишенных всякой живой связи с массами населения.

Социалистическое землеустройство еще менее сумело подготовить почву для политики массового регулирования и обобществления сельского хозяйства. Не говоря уже о технических затруднениях (недостаток землемерного персонала и т. д.), грозивших затянуть землеустроительные работы на десятки лет, сама операция перераспределения земельного фонда могла проводиться лишь очень медленно и постепенно, в меру уверенности, что передел коренных крестьянских земель не вызовет сопротивления со стороны их владельцев.

Электрификация сельского хозяйства, по расчетам самых горячих технических голов, не могла быть выполнена ранее ста лет от начала работ. Следовательно, и здесь нельзя было ждать немедленного создания технических предпосылок для крупного обобществления хозяйства.

Наконец, что касается трудовых армий и гужевых повинностей, то при их помощи обслуживались по преимуществу потребности промышленности и города. Сельское население поэтому склонно было считать их налогом в пользу города, а не опытом коллективного выполнения некоторых сельскохозяйственных задач.

Итак, ни собственные интересы, ни мероприятия правительства не могли убедить крестьянина, что он является теперь только «государственным работником на государственной земле». Оставалась, как мы сказали, сила голого государственного принуждения.

Но на нее не могла в данном случае расчитывать даже власть, не останавливающаяся ни перед какой мерой экономического насилия. Было бы безумием мечтать о подчинении государственной воле силой хозяйственной деятельности десятков миллионов враждебно настроенных земледельцев.

Приступая к осуществлению планового земледелия, Советская власть попыталась найти более мягкие формы принуждения. Вместе с Осинским она верила в произошедший перелом настроения крестьянских масс. В составе посевных комитетов было сделано обязательным представительство от крестьянства. Предполагалось, что комитеты, возглавляемые советской администрацией и дополняемые коммунистической пропагандой, сумеют разъяснить крестьянству смысл и цель планового засева. Постановления комитетов должны были, таким образом, утратить остроту приказов, оставаясь в то же время по существу для всех обязательными.

Действительность быстро разбила и эти последние иллюзии. Крестьянство неохотно выбирало своих представителей, усматривая в комитетах то восстановление недоброй памяти комитетов бедноты, то принимая их за органы, имеющие целью «загнать» крестьян в «коммуны». Кое-как образовавшиеся комитеты имели весьма слабое и пассивное представительство от крестьян. По признанию официального отчета «первый опыт вовлечения представителей крестьян в дело

восстановления сельского хозяйства оказался в большинстве случаев неудачным»[101].

Но без активного сочувствия населения посевные комитеты должны были чувствовать себя крайне слабыми. Для принудительного осуществления своих постановлений у них не было в большинстве случаев ни сил, ни решимости. Не могли они также преодолеть недостаток инвентаря, скота и, главное, пассивное сопротивление крестьян, не желавших работать на государство. Комитеты оживлялись на короткий срок распределения прибывшего в порядке «планового снабжения» семенного материала. В других районах они принимали некоторое участие в извлечении того же материала при помощи органов комиссариата продовольствия. В остальном, комитеты быстро потеряли свою активность и превратились в мертворожденные бессильные административные центры. План обязательного засева остался на бумаге, крестьяне сеяли что хотели и сколько хотели или могли.

В основу посевного плана была положена площадь посева и соотношение культур 1916 г. Предполагалось более или менее одним ударом ликвидировать недосевы предыдущих лет и восстановить разрушенное полевое хозяйство.

В действительности посевная кампания весны 1921 г. привела к следующим результатам.

Только в губерниях потребляющих площадь посева несколько расширилась. В остальных районах она заметно сократилась, в одних больше, в других меньше, и в среднем по России упала почти на одну четверть по сравнению с предыдущим годом. Таким образом, не только не был достигнут уровень 1916 г., но не удалось даже задержать падение посевной площади, начавшееся при других формах регулирования сельского хозяйства.

«Великая кампания государственного регулирования крестьянского хозяйства» окончилась быстрым, хотя и вполне понятным крахом. Она разбилась о неподготовленность объек-

---

[101] *Отчет Народного Комиссариата Земледелия IX съезду Советов за 1921 год. С. 34.*

Таблица 15

Площадь посева яровых культур 1921 г. в отношении к 1920г., %*

Районы	1921 г. к 1920 г.
Потребляющая полоса	103
Производящая -"-	73
Юго-Восток	35
Азиатская Россия	70
Итого по РСФСР	77

* Сост. по: Бюллетень Центр[ального] Стат[итстического] Управлен[ия]. № 57.

тивных предпосылок для коллективистического хозяйства, о несоответствие действительной психологии крестьянства тем настроениям, которые предполагались у него властью и о невозможности централизованного управления деятельностью миллионов изолированных хозяйств.

«Великая кампания» была последним опытом непосредственного обобществления сельского хозяйства.

Зима 1920/21 г., как отмечалось выше, была кульминационным пунктом в построении социалистического хозяйства. Обмен был почти уничтожен, рынок не существовал, деньги потеряли всякое значение, заработная плата выплачивалась пайками и натурой, частное хозяйство было полностью уничтожено, национализированные отрасли промышленности работали по единому хозяйственному плану, распределение национального продукта строго регламентировалось, нетрудовые доходы не существовали, право распоряжения трудом и временем граждан принадлежало государству. Если когда-либо чувствовалось дыхание подлинного и полного социализма, то именно в этот период русской революции.

И в то же время именно тогда, несмотря на общую подавленность и видимое торжество социалистических идей, становилось все очевиднее, что опыт осуществления немедленного социализма приходит к концу.

Социалистически организованное хозяйство оставалось все же ничтожным островком среди стихии крестьянского

земледелия. Последнее не поддавалось никаким ухищрениям социалистической политики и оставалось верным своим индивидуалистическим основам. Последняя героическая попытка массового регулирования оказалась такой же бесплодной, как и ставка на социалистический энтузиазм крестьянства, или метод использования классовых противоречий, или «культурническая» пропаганда социалистических приемов хозяйствования.

В то же время различные эксперименты земельно-продовольственной политики не проходили бесследно для народного хозяйства. На все мероприятия социалистического государства крестьянское хозяйство отвечало сокращением своих ресурсов и уничтожением капиталов. Разрушение сельскохозяйственного производства вызывало не только оскудение крестьянства. С ослаблением чужеродной экономической стихии социалистическая государственность примирилась бы слишком легко. Но параллельно с упадком крестьянского хозяйства шло сокращение того продовольственного и сырьевого базиса, на котором строилось социалистическое производство. Чем меньше сеял крестьянин, тем труднее становилось городу. Лишенная ресурсов промышленность катастрофически сокращалась с каждым годом. Немногочисленный пролетариат таял и «деклассировался», а вместе с ним исчезали и живые силы социальной революции. С другой стороны, и недовольство сельского населения нарастало после каждого поворота экономической политики. Теперь оно достигло высшей точки напряжения и грозило ежеминутным взрывом.

С трудом возведенное здание социалистического хозяйства оказывалось построенным на песке. Под ним не было прочного экономического фундамента, а социальные силы, участвовавшие в постройке, грозили полным распадом.

Нужны были героические меры, чтобы спасти положение. Очевидно, они должны были заключаться в каких-то уступках частнохозяйственному принципу. Если методы государственного регулирования даже в крайних своих формах оказались бессильными в поддержании минимального уровня благосостояния, то оставалось обратиться за помощью к

тем остаткам частной инициативы и «буржуазных» стимулов к труду, которые сохранились еще в отдельных уголках народного хозяйства и прежде всего в непобежденной стихии крестьянского хозяйства.

Так, одновременно с полным и строгим осуществлением социалистического планового хозяйства, назревали объективные предпосылки, приводившие к принципиальному его отрицанию.

Глава 8
«Новая» экономическая политика

1. Новое в продовольственной политике

С марта 1921 г. началась последняя эпоха хозяйственной истории советской России, известная под общим наименованием «новой экономической политики». По сравнению с предшествующим периодом новая экономическая политика означала коренную ломку сложившихся основ социалистического хозяйства. Были изменены принципы регулирования всех отраслей народного хозяйства: продовольствия, земледелия, промышленности и торговли.

Перелом начался с продовольственной политики. Внешняя последовательность событий была здесь такова.

15 марта Президиум ВЦИК принял постановление о замене разверстки натуральным налогом. В мотивах постановления указывалось, что оно принимается «для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледелием и своими хозяйственными средствами для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях

точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств». В Постановлении Президиума ВЦИК указывалось далее, что налог будет меньше разверстки, что он даст возможность крестьянству использовать оставшиеся после уплаты налога излишки «для обмена на необходимые в крестьянском хозяйстве предметы» и что, таким образом, плоды «их тяжкого труда не только помогут рабоче-крестьянскому государству, но и улучшат их собственное положение»[102].

[Уже в сдержанных и нерешительных выражениях этого первого акта новой политики чувствуется резкое противоречие с прививавшимися в течение 4 лет понятиями. Если для «правильного ведения», «укрепления» и «поднятия производительности» крестьянского хозяйства требуется «более свободное распоряжение своими хозяйственными ресурсами», то очевидно, что тот режим, который признавал всякую свободу хозяйственных действий преступлением и который убеждал крестьянина в том, что его единственное спасение заключается в обобществлении земли и труда, был заблуждением и увлекал крестьянина на ложный путь. Точно также упоминание о возможностях легального обмена находилось в резком противоречии с запрещением торговли и настойчиво осуществлявшейся программой безобменного планового хозяйства. Наконец, необычен был и самый тон заботливости об интересах крестьянства, тогда как до сих пор оно рассматривалось только как объект продовольственной политики и как средоточение недозволенной и вредной спекулятивной деятельности.]

Через 6 дней после только что описанной декларации Президиума ВЦИК сессия последнего, опять повторяя в основном резолюцию партийного съезда, в свою очередь приняла постановление, в котором более детально были указаны принципы новой продовольственной политики. Здесь подчеркивалось, что налог должен быть минимальным и что его сумма не должна превосходить «самых необходимых потребностей армии, город-

[102] *Налоговое законодательство. Вып. 1. М., 1921. С. 3–4.*

ских рабочих и неземледельческого населения». Налог, кроме того, должен быть понижаем «по мере того, как восстановление транспорта и промышленности позволит советской власти получать продукты сельского хозяйства в обмен на фабрично-заводские и кустарные продукты» (ст. 2).

Дальнейшие статьи постановления разъясняли само содержание нового понятия. Налог изображался в виде процентного отчисления от произведенных в хозяйстве продуктов. В целях справедливого распределения налогового бремени предполагалось сделать его пропорциональным мощности хозяйства, определяемой в зависимости от урожая, числа едоков и наличия скота в хозяйстве (ст. 3). Налог, кроме того, должен был быть и прогрессивным, т. е. «процент отчисления от хозяйств-середняков, маломощных домохозяев и для хозяйств городских рабочих должен быть пониженным». Освобождение от налога допускалось «по отношению к беднейшим крестьянам», некоторые льготы могли получать и «старательные хозяева», увеличивающие площадь засева или производительность своего хозяйства (ст. 4). Важным нововведением была, далее, отмена круговой поруки за выполнение продовольственных повинностей и замена ее личной ответственностью каждого налогоплательщика (ст. 7). Последние статьи постановления подсказывали крестьянину, куда следовало ему девать те излишки продовольствия, сырья и фуража, которые могли остаться у него за выполнением налога. Постановление подтверждало, что все эти запасы находятся в полном распоряжении крестьянина и могут быть им использованы для укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты промышленности. Специальная оговорка гласила, однако, что «обмен допускается только в пределах местного хозяйственного оборота, как через кооперативные организации, так и на базарах и рынках» (ст. 8).

В торжественном «обращении к крестьянству», выпущенном сессией ВЦИК одновременно с постановлением о налоге, подробно разъяснялись мотивы всех этих нововведений.

«Советская власть,— говорилось, между прочим, в этом обращении,— хорошо знала все тяжести разверстки для крестьян, неравномерность ее раскладки и все неудобство ее для развития крестьянского хозяйства. Но она стояла твердо за разверстку, хорошо понимая, что трудящееся крестьянство скорее простит Советской власти все тяжести разверстки для победы над врагами, чем отмену разверстки, купленную ценой победы помещиков, потерей земли, разгромом и гибелью Красной армии. Теперь, когда первый натиск капиталистов и помещиков на Советскую Россию отбит... теперь настал момент уменьшить тяготы крестьянства без риска потерять наиболее ценные завоевания рабоче-крестьянской революции... Отмена хлебной разверстки и введение вместо нее налога явится большим облегчением для крестьянского населения и вместе с тем укрепит союз рабочих и крестьян, на котором держатся все завоевания революции».

Но крестьянство должно помнить, что и эта мера является временной. Лишь страшная нищета вынуждает Советскую власть брать часть продуктов крестьянского хозяйства в виде налогов без возмещения. По мере роста промышленности налог будет уменьшаться, а в «дальнейшем строительстве социалистического хозяйства мы достигнем такого успеха, когда за каждый пуд крестьянского хлеба советское государство будет давать равноценный и нужный в деревне продукт»[103].

Зная предыдущую историю продовольственной политики, нетрудно видеть лицемерие официальной мотивировки наступавших перемен. Гражданская война вовсе не была единственной причиной реквизиционной системы продовольствия. Овладение товарными излишками крестьянского хозяйства было в то же время средством подчинения миллионов индивидуальных хозяйств единой воле социалистического общества. Продовольственная система эпохи революции превосходно укладывалась в рамки каждого из планов обобществления народного хозяйства. Именно в качестве законного звена генерального плана немедленной социализации она пропагандировалась в течение

[103] *Налоговое законодательство. Вып. 1. С. 7–9.*

4 лет, именно в этом качестве она вошла в сознание строителей социалистического хозяйства.

Теперь все 4 года неуклонного развития определенной системы вдруг шли насмарку и все прошлое продовольственной политики рассматривалось исключительно под углом зрения служебных целей Гражданской войны. Теория разверстки как средства содержания армии была правдоподобна, но неверна. Она была рассчитана на короткую память, обычную для эпохи быстрой смены событий, и должна была замаскировать наделанные раньше ошибки. Практически, впрочем, было безразлично по каким причинам проводилась разверстка. Важно было то, что она упразднялась и заменялась какой-то новой системой взаимоотношений между крестьянским хозяйством и советским государством.

Конкретное содержание этих взаимоотношений было определено серией декретов о натуральных налогах на различные отрасли сельского хозяйства.

С 21 апреля по 14 июня было опубликовано 10 декретов, установивших 12 разных налогов на зерновые продукты, масличные семена, картофель, молочные продукты, яйца, мясо, льняное и пеньковое волокно, шерсть, овощи, продукты пчеловодства и табак, позже еще пушнину и кожевенное сырье[104].

С некоторыми вариантами тип натурального налога был один и тот же по отношению к каждому продукту. Примером может служить наиболее важный налог на хлеб, картофель и масличные семена. Основные статьи соответствующего декрета гласят: «Общую сумму годового налога на зерновой хлеб, картофель и масличные семена по РСФСР за исключением Украины и Туркестана определить на 1921 г., в следующих размерах»: а) на зерновые хлеба — 240 млн пудов взамен разверстки в 1920 г. 423 млн пудов; б) на картофель — в 60 млн пудов взамен разверстки в 1920 г. 112 млн пудов; в) на масличные семена — в 12 млн пудов взамен разверстки в 1920 г. в 24 млн пудов (ст. 1).

---

[104] *Полные тексты декретов см. в сб.: Налоговое законодательство. (Вып. 1. С. 12–52.*

Размер налога определяется для каждого хозяйства в отдельности и исчисляется по количеству пашни и числу едоков в хозяйстве и по урожаю в данной местности.

В этих целях устанавливается 11 разрядов по урожаю, от 25 пудов до 75 пудов и более на десятину, 7 групп хозяйств по количеству пашни на одного едока в хозяйстве. В зависимости от принадлежности хозяйства к одной из этих групп и урожая той местности, в которой находится хозяйство, определяется налоговая ставка на одну десятину пашни. Для установления общей суммы налога, падающей на хозяйство, подесятинная ставка увеличивается во столько раз, сколько десятин пашни имеется в хозяйстве (ст. 2).

Ставки налога на одну десятину пашни устанавливаются в переводе всех зерновых хлебов, картофеля и масличных семян на рожь или пшеницу в размерах, указываемых особой таблицей. Из таблицы этой, здесь для краткости не приводимой, легко видеть, что налог установлен с высокой прогрессией для относительно крупных хозяйств. При среднем, например, урожае в 35–40 пудов хозяйства, имеющие менее чем по 0,5 десятины пашни на едока, уплачивают 10 фунтов с десятины пашни, хозяйства же, имеющие свыше 4 десятин пашни,— 8 пудов, т. е. в 32 раза больше. Хозяйства, имеющие под пашней не свыше одной десятины, от обложения налогом освобождаются (из ст. 8).

Совет Народных Комиссаров, по выяснении действительных видов на урожай, устанавливает для каждого уезда Республики соответствующий разряд по урожаю (из ст. 5). Плательщики налога обязаны приступить к сдаче продуктов после уборки урожая (из ст. 9). Граждане, не выполнившие налог, несут личную и имущественную ответственность в порядке административном и судебном (ст. 11).

[Остальные налоги построены приблизительно по такому же типу, только еще грубее и проще. Сенной налог взимается пропорционально количеству лугов, молочные продукты — в зависимости от размеров пашни, яйца — пропорционально площади пашни, мясной налог — с каждой головы скота, шерсть — с каждой овцы и верблюда, мед — с каждого

улья и т. д. Прогрессивное обложение более мощных хозяйств имеет место по отношению к мясному и овощному налогам, в остальных случаях введена районная прогрессивность, т. е. увеличение одинаковой для всех хозяйств ставки с единицы обложения в зависимости от степени распространения данной отрасли хозяйства в том или ином районе. Для каждого налога устанавливается также ориентировочная сумма налога, исчисленная на основании предположенного сбора и распределения плательщиков по отдельным категориям.]

Одновременно с введением налогов специальными декретами была создана целая система административно-правовых гарантий, которая должна была, с одной стороны, обеспечить исправное поступление налогов и, с другой, оградить права налогоплательщиков. В этих целях подвергся видимой радикальной реформе весь продовольственный аппарат Советской республики. Прежде всего, было предписано демилитаризовать продовольственное дело. Военные отделы местных продовольственных органов были реорганизованы в отделы «продовольственной инспектуры»[105]. Применение военной силы по отношению к неисправным налогоплательщикам, правда, не исключалось, но ее рекомендовалось применять «с особой осторожностью и только в пределах, установленных законом и отнюдь не в размерах и приемах старого порядка разверстки»[106]. Сама вооруженная сила должна была теперь доставляться по требованию комиссаров продовольствия регулярными военными властями, специальные же продовольственные армии распускались.

Для побуждения неисправных плательщиков создавались постоянные сессии при революционных трибуналах, обязанные в кратчайший срок разбирать все дела о «налоговых преступлениях и имеющие право налагать на неисправных плательщиков взыскания до конфискации всего имущества и лишения земельного участка включительно»[107]. Кроме пре-

---

[105] *Положение о налоговой инспекции Наркомпрода от 19 мая 1921 г. // Налоговое законодательство. Вып. 2. М., 1921. С. 24.*

[106] *Инструкция старшему налоговому инспектору, п. 17. — Там же. С. 31.*

[107] *Там же. С. 37–39.*

следования по суду, губернским и уездным продовольственным комиссарам предоставлялось право в административном порядке подвергать неплательщиков аресту до 2 недель и налагать на них пеню в размере не свыше 1/5 причитающейся в данный срок суммы налога[108].

С другой стороны, «для контроля и содействия правильному проведению» налогов организовывалось представительство самих налогоплательщиков. Избранным представителям групп плательщиков давалось право участвовать «в проверке устанавливаемых по отдельным хозяйствам исчислений размеров налога», наблюдать «за исправным выполнением налога плательщиками их групп», а также участвовать «в рассмотрении жалоб отдельных плательщиков на неправильности, допущенные при установлении размеров налога и взимания последнего»[109].

Такова была в самых общих чертах организация налоговой системы, сменявшей систему общих реквизиций. Разница между двумя системами, конечно, огромна, хотя те видимые преимущества, которые сулил крестьянину налоговый принцип, и не были в действительности так велики, как это может показаться на первый взгляд.

Новое вино в значительной мере было влито в старые меха. Несколькими декретами нельзя было изменить привычки и методы действия созданных и воспитанных в других условиях продовольственных органов. Практика взимания натуральных налогов в первый год их существования резко отличалась от идиллической картины, нарисованной серией весенних декретов.

Оказались сознательно невыполненными и некоторые весьма существенные обещания самой центральной власти.

Начать с того, что вопреки первоначальной декларации, сумма продовольственных налогов не была понижена по сравнению с размерами разверстки за предыдущий год. Декрет о каждом налоге начинался, правда, с указания, что сумма данного налога определена в таких-то размерах, вместо такого-

---

[108] *Там же. С. 39–41.*

[109] *Там же. С. 23.*

то количества, взимавшегося по разверстке, причем первая цифра всегда была значительно ниже второй. Но суть дела заключалась в том, что здесь сопоставлялись несравнимые величины. Для характеристики разверстки бралась цифра первоначально *назначенного* ко взиманию количества продукта, количества, заведомо преувеличенного и к моменту издания декрета явным образом не собранного. Для налога же приводилась цифра, которая считалась минимальной и обязательной при среднем урожае. По сравнению с действительным объемом реквизиций в 1920/21 г., налоговые суммы, назначенные на 1921/22 г., были нередко значительно выше. При сопоставлении относительной тяжести обложения, нетрудно убедиться, что, как правило, налог был выше разверстки (см. главу 5 в части III настоящей работы).

Мало изменились и формы взимания налогов. Правовые гарантии нового законодательства в значительной мере остались бумажными. За неисправный взнос налогов без всякого суда и следствия отбирался скот, конфисковался инвентарь, учинялись обыски, производились аресты. Неграмотный крестьянин не знал декретов и по-прежнему оставался в руках мелких администраторов. Последние переменили свое наименование, но сохранили все обычаи и методы эпохи реквизиций. Даже исправные плательщики не были гарантированы от неожиданностей. По идее, указанная в декретах общая сумма налогов должна была служить только ориентировочной цифрой, указывающей, какое количество продуктов предполагает собрать государство. В действительности эти цифры принимались за твердые задания власти. Когда в какой-нибудь губернии оказывалось, что налог даже при исправном поступлении не дает ожидаемой суммы, недостающее количество продукта обращалось к дополнительному взысканию. Продовольственные органы иногда с оружием в руках начинали «искать пропавшую пашню» и в конце концов разверстывали недобор пропорционально зарегистрированной у каждого хозяина земельной площади, не исключая и тех, которые добросовестно уплачивали свою долю. Этот дополнительный налог за скрытую якобы пашню нередко ложился на хозяйство не менее тяжким бременем, чем налог

основной. Были случаи, когда дополнительный налог взимался в отдельных губерниях по нескольку раз, уничтожая тем самым определенность налоговой ставки, которая должна была составить одну из самых положительных сторон налога в противоположность разверстке.

Вообще налоги из окладных на практике превратились в раскладочные и тем самым граница с отмененной разверсткой почти стерлась. Как тогда, так и теперь, установленная в центре сумма «налога» раскладывалась между губерниями, губернские продовольственные органы делили свою долю между уездными, уезды занимались раскладкой между волостями и в конце-концов до крестьянина доходила твердая ставка налога, очень мало согласованная с его индивидуальной платежеспособностью. Методы выколачивания этих ставок мало отличались от методов «старой» политики, и первый официальный отчет о налоговой кампании с полным основанием констатирует, что «все 13 продуктовых и сырьевых налогов являются перепевом на новый лад всех бывших и сданных в архив продуктовых и сырьевых разверсток»[110].

[Только к следующей сельскохозяйственной кампании, т. е. весной 1922 г., продовольственной политике был действительно придан налогообразный вид. Основное изменение, внесенное декретом от 18 марта 1922 г. в налоговую практику предыдущего года, сводилось к тому, что вместо множества отдельных налогов теперь вводился «единственный натуральный налог»[111].] Вся сумма продуктов, которую предполагало взять государство с сельского хозяйства, исчислялась теперь единой весовой мерой, пудом ржи, к которому по определенным эквивалентам приравнивались другие продукты сельскохозяйственного производства. Согласно этим эквивалентам налогоплательщику разрешалось вносить причитающуюся с него сумму «ржаных единиц» по выбору (в известных, правда, пределах) зерновыми хлебами, масличными семенами, картофелем, сеном, маслом или мясом. Уве-

[110] *Четыре года продовольственной работы. М., 1922. С. 31.*
[111] *См.: Единый натуральный налог 1922–1923 гг. М., 1922.*

личено было также число признаков, определяющих мощность хозяйства, а вместе с тем и норму обложения. Кроме площади пахотной земли, урожайности и числа едоков в семье принимались во внимание еще размеры скотовладения и кормовые площади хозяйства. В общем, система «единого» налога значительно более приближалась к уловлению сравнительной доходности отдельных хозяйств, чем мало задававшаяся этой целью налоговая политика 1921/22 г.

Но главное значение налоговой системы заключается все-таки не в упорядочении методов изъятия продуктов крестьянского хозяйства и не в смягчении нравов продовольственных органов.

«Новая» политика в области продовольственного вопроса принесла свободу торговли продуктами сельского хозяйства, и в этом состояло ее главное принципиальное отличие от политики предыдущих лет. Осторожное упоминание мартовского постановления ВЦИК о допушении «обмена в местном хозяйственном обороте» не могло, конечно, удержать в этих пределах торговлю продуктами крестьянского хозяйства. Уже в конце мая 1921 г. потребовалось специальное постановление СНК, более полно определяющее границы дозволенного «обмена». Первая же статья этого постановления разрешала «свободный обмен, покупку и продажу остающихся у населения после выполнения натурального налога продуктов сельского хозяйства». «Право обмена, покупки и сбыта» распространялось также на изделия и предметы кустарной и мелкой промышленности[112]. Свобода менового оборота прокламировалась, таким образом, в полном объеме. Легализировался не только свободный продуктообмен, но и свободное совершение сделок по купле и продаже товаров, осужденная на отмирание денежная система восстанавливалась в своих правах.

Легко понять, какое огромное влияние на крестьянское хозяйство должна была оказать именно эта сторона нового продовольственного законодательства. Несмотря на оскуде-

[112] *Налоговое законодательство. Вып. 2. С. 50.*

ние хозяйства, у крестьянина могла зародиться надежда на улучшение своего положения. Как много ни забирало государство, все-таки был предел, за которым его права прекращались и крестьянин мог по своему усмотрению распорядиться оказавшимися у него излишками. По существу, возрождалось право собственности на продукт своего хозяйства, то самое право собственности, которое только что, всего два-три месяца назад, принципиально отрицалось концепцией «государственного работника на государственной земле».

Не может быть сомнения, что поворот продовольственной политики был крупным, что он означал капитуляцию перед индивидуалистическим принципом и пробивал первую брешь в замкнутом круге безобменного обобществленного социалистического хозяйства.

2. Новое в земельной политике

Перемены в области продовольственной политики не могли остаться изолированными. Если они являлись уступкой мелкобуржуазно-крестьянской стихии, то такие уступки делались неизбежными и в области сельскохозяйственной политики.

Здесь, однако, новое направление мысли обнаружилось значительно позднее. По наиболее существенному пункту сельскохозяйственной политики, по вопросу о формах землепользования, новые слова, которые должна была произнести Советская власть, были настолько резкими, что их нельзя было выговорить в первые же недели и месяцы «новой» экономической политики. Последняя вообще родилась, как увидим ниже, в очень туманных формулах и развивалась большей частью сама собой, стихийным путем. Понадобился целый год для того, чтобы в области земельного вопроса созрели необходимые лозунги, чтобы Советская власть могла произнести их, не отказываясь сама от себя.

Что касается законодательства 1921 г., то оно не отличалось ни полнотой, ни выдержанностью стиля. В общем, оно сводилось к уничтожению отдельных форм регулирования и стеснения частнохозяйственной инициативы, созданных в течение предыдущего периода.

С этой же точки зрения следует отметить прежде всего перемену взглядов, происшедшую по отношению к «посевным кампаниям». Постановление ВЦИК от 28 июля 1921 г., намечающее контуры осенней посевной кампании, уже резко отличается от принципов «Великой кампании» предыдущего года. И теперь составляется «план» сплошного посева озимого клина. Однако полученные для отдельных районов «задания» уже только «объявляются во всеобщее сведение» и не носят, следовательно, обязательного характера. Каждый домохозяин, не имеющий возможности справиться со своим «заданием», обязан только заявить об этом в семидневный срок своему ближайшему административному органу. Тот же декрет делает еще одно важное отступление от прежнего порядка, дозволяя хотя бы и однолетнюю, но все же возмездную сдачу земли в аренду теми, кто не может справиться с ней собственными силами[113]. Посевная кампания и посевные планы превращаются, таким образом, в довольно безобидные бумажные планы, не отягчающие крестьянина никакими обязанностями.

В том же либеральном духе составлены декреты о сельскохозяйственной и промысловой кооперации от 17 мая и 16 августа 1921 г.[114] Первым из них предписывается: 1) «принять необходимые меры к развитию кустарной и мелкой промышленности, а также ко всемерному развитию сельскохозяйственной кооперации»; 2) «избежать излишней регламентации и излишнего формализма, стесняющих хозяйственный почин отдельных лиц и групп населения»; 3) «не стеснять крестьян кустарей и мелких производителей в свободном распоряжении производимыми ими товарами»; 4) «поощрять стремление мел-

[113] *Новая экономическая политика. Систематический обзор-сборник декретов и постановлений, регулирующих хозяйственную жизнь за время март — август 1921 г. / Сост. П. Н. Першин. Воронеж, 1921. С. 101–102.*

[114] *Там же. С. 53 и 74.*

ких производителей к кооперированию»; 5) «допускать явочное образование кооперативов при добровольном вхождении в них членов и свободном избрании правления».

Второй декрет касался специально сельскохозяйственной кооперации. Она освобождалась от принудительного слияния с огосударствленной потребительской кооперацией. В числе дозволенных целей кооперации упоминалось совместное ведение производственных операций, закупка и снабжение своих членов средствами производства, переработка и сбыт продуктов земледельческого производства. Кооперация наделялась, далее, правами юридического лица и широким перечнем имущественных прав. Специальный пункт декрета гарантировал кооперативные предприятия и помещения от национализации или муниципализации, в привилегированное положение ставилась кооперация и по отношению к реквизициям и конфискациям, которые могли применяться по отношению к кооперативному имуществу не иначе как по решению суда или по особому постановлению Совета Народных Комиссаров. Наконец, предупредительность новой политики по отношению к кооперации заходила так далеко, что особый пункт декрета признавал организацию кооперативов «делом государственно необходимым» и предписывал «всем органам государственной власти оказывать содействие земледельцам в деле кооперирования» преимущественной выдачей заказов, выдачей авансов деньгами и натурой, государственным кредитованием и другими материальными и правовыми льготами. Все это было, понятно, диаметрально противоположно тому жалкому субсидированному положению, которое отводилось сельскохозяйственной кооперации в эпоху принципиального отрицания законности частной инициативы.

Среди мероприятий переходного периода следует упомянуть еще Постановление ВЦИК «Об обеспечении за крестьянским населением правильного и устойчивого пользования землей» от 23 марта 1921 г.[115] Изданное на заре новой политики постановление еще не находит надлежащих слов, и содержа-

[115] *Известия ВЦИК. 1921. 23 марта. № 62. (СДЗЗ. С. 126–127.— **Ред.**)*

ние его не соответствует многозначительному заголовку. Тем не менее и здесь имелись положения, довольно решительно порывавшие с традициями «старой» политики. Во-первых, декрет подтверждал установку на точное и немедленное исполнение введенной еще раньше разрешительной системы земельных переделов, ограничивая, таким образом, революционную идею уравнительного дележа. Во-вторых, местным земельным органам запрещалось «отводить принудительным порядком для образования советских и коллективных хозяйств земли, поступившие в закономерное пользование крестьянского населения»; не разрешалось также наделять вновь образующиеся из состава сельского населения коллективы большим количеством земли или землей лучшего качества, чем та, которой они пользовались ранее. Этими постановлениями как бы нарушалось привилегированное положение коллективного хозяйства по сравнению с хозяйством индивидуальным. Другие, в административном порядке изданные распоряжения уже прямо переводили советские и коллективные хозяйства в разряд агрономически-показательных, лишая их того особого народохозяйственного и социального значения, которое приписывалось им раньше, в эпоху социалистического строительства.

Но всех описанных декретов и постановлений было все же недостаточно, чтобы наметить линию «новой» экономической политики в области земельных отношений. Оставался принципиально не разрешенным самый важный вопрос о формах землепользования и сущности юридических прав на землю трудящегося на ней населения. По прежнему действующим земельным правом оставался «Основной закон о социализации земли» и «Положение о социалистическом землеустройстве» со всеми их коллективистическими устремлениями, так противоречащими индивидуалистическим веяниям «новой» политики.

Только на IX съезде Советов в конце декабря 1921 г. земельная политика получила более или менее определенные очертания. «Признавая, что особенно важным для развития крестьянского хозяйства является создание правильного, устойчивого, приспособленного к хозяйственным и бытовым

условиям пользования землей, незыблимо остающейся в собственности государства трудящихся» съезд наметил основные линии необходимых для этой цели декретов, поручив их разработку ВЦИК и Наркомзему. Требовалось заново составить стройный ясный, доступный пониманию каждого земледельца «свод законов о земле», который должен был в первую очередь установить полную свободу выбора форм землепользования, освободить крестьянина от пут земельной общины, ограничить и упрочить права пользования земельными участками, расширить аренду и урегулировать вопросы о наемном труде в сельском хозяйстве[116].

Разработка намеченного съездом Советов земельного законодательства потребовала довольно долгого времени, и только 22 мая 1922 г. на III сессии ВЦИК был принят «Основной закон о трудовом землепользовании», составляющий часть разрабатываемого земельного кодекса и решительно меняющий действовавшее до тех пор земельное право[117].

Закон распадается на IV главных отдела. Раздел I устанавливает «порядки трудового землепользования». Каждое земельное общество, т. е. первичная административная единица, имеет право по постановлению большинства своих полноправных членов (мужчин и женщин от 18 лет) избрать любой способ землепользования. Последний может быть общинным, участковым (индивидуальным), товарищеским (сельскохозяйственные коммуны, артели и т. д.) или смешанным. Право свободного выбора способов землепользования распространяется и на коллективные хозяйства, которые могут полностью или частично распадаться, при условии возвращения государству взятых у него материальных или денежных средств. В случае избрания земельным обществом общинной формы землепользования, закон энергично защищает интересы меньшинства, желающего перейти к участковому землепользованию. При общих переделах общинных земель выдела из общины может требовать каждый отдельный двор. В другое время выдел

[116] *См.: Законы о трудовом землепользовании. М., 1922. С. 71–73. (СДЗЗ. С. 132–133.— **Ред.**)*

[117] *Там же. С. 49–55. (СДЗЗ. С. 140–144.— **Ред.**)*

участков производится по требованию 1/5 членов земельной общины или 50 дворов в обществе, объединяющем более 250 хозяйств, хотя бы и вопреки желанию большинства членов общины. Под защитой закона оказываются и существующие в настоящее время участковые и «улучшенные трудовые хозяйства», земли которых не допускаются к передвижкам, отрезкам или разделам при общих переделах земли.

Раздел II устанавливает объем и пределы прав на землю отдельных пользователей. Никто из них не может быть лишен земли, кроме случаев, прямо указанных в законах, а размеры, границы и местоположения их участков могут быть изменены лишь при землеустройстве или при переделах в живуших общинах. Права на землю прекращаются в случаях добровольного отказа от нее всех членов двора, прекращения двором ведения самостоятельного хозяйства полностью, выморочности двора, окончательного переселения, лишения права на землю по суду и занятие ее для государственных и общественных надобностей (пути сообщения, разработка ископаемых и т. д.). Неиспользование отведенной земли «без уважительных причин» карается временным лишением права пользования ею. «Покупка, продажа или запродажа, дарение, а также залог земли запрещаются, и совершенные в нарушение этого запрещения сделки считаются недействительными, а лица, виновные в их совершении, помимо наказания в уголовном порядке, лишаются земли, находившейся в их пользовании».

Раздел III определяет правила «трудовой аренды земли». Основное содержание их сводится к тому, что сдавать в аренду землю могут лишь хозяйства «временно ослабленные» стихийным бедствием (неурожай, падеж скота и т. п.) или убылью рабочей силы (смерть, временный отход на заработки, мобилизация, служба и т. п.). Земля сдается на срок не более одного севооборота, а при отсутствии последнего — не более чем на 3 года. В исключительных случаях срок аренды может быть продлен с разрешения местной администрации еще на один период, а если и после того срока сдатчик земли окажется не в состоянии вести самостоятельное хозяйство, то сдаваемый участок у него отбирается в местный запас-

ный фонд для удовлетворения потребности в земле других членов общества. Ограничены и права съемщика земли. «Аренда... допускается только трудовая: никто не может получить по договору аренды в свое пользование земли больше того количества, какое он в состоянии дополнительно к своему наделу обработать силами своего хозяйства».

Раздел IV вводит понятие «вспомогательного наемного труда» в земледельческом хозяйстве, который допускается в тех случаях, когда хозяйство «по состоянию своей рабочей силы или инвентаря не может выполнить своевременно необходимые сельскохозяйственные работы». Применение наемного труда допускается при непременном условии, если «все наличные трудоспособные члены хозяйства наравне с наемными рабочими работают в своем хозяйстве».

Постановления раздела V касаются «укрепления трудового землепользования». «В целях скорейшего создания прочности и устойчивости трудового землепользования» со дня издания излагаемого закона «за волостями, селениями и другими сельскохозяйственными объединениями признается закрепленным в постоянное трудовое пользование все то количество земли, которое ныне находится в их фактическом трудовом пользовании».

Дальнейшее поравнение земель между волостями и селениями «в обязательном порядке прекращается», и землеустройство впредь, как правило, производится не для осуществления элементарных принципов старого закона о социализации земли, а «для создания населению наибольших удобств в землепользовании путем устранения чересполосицы, дальноземелья и т. п.» В районах, где не имеется запутанности земельных отношений между отдельными селениями, земельным органам предлагается произвести земельную регистрацию, оформить существующее пользование землей, установить размеры его и границы и выдать населению соответствующие документы.

Заключительная статья всего закона говорит о том, что действие его распространяется не только на РСФСР, но и на все «автономные, договорные и дружественные республики».

Непосредственным дополнением к «Основному закону о трудовом землепользовании» является, наконец, особое, двумя днями позже изданное Постановлении ВЦИК «О порядке рассмотрения земельных споров». Согласно этому постановлению по всей стране организуется сеть иерархически построенных административно-судебных органов, разрешающих все споры о земле в порядке состязательного процесса, с представительством сторон и вызовом свидетелей*.

Описанное выше законодательство майской сессии ВЦИК представляет собой основной памятник «новой» земельной политики. Обещанный на IX съезде Советов кодекс земельного права пока еще не готов и не опубликован. Его главное содержание во всяком случае предвосхищено «Основным законом о трудовом землепользовании».

Нетрудно видеть, что различие между «старым» и «новым» земельным правом не менее глубоки, чем противоречия старого и нового в области политики продовольственной.

Вместо привилегированного положения коллективных хозяйств и обречения на гибель «отживших форм» индивидуального землепользования, как это предрешалось социалистическим законодательством, теперь закон занимал позицию строгого нейтралитета по отношению к разным формам землепользования и выбор их поручал инициативе как раз «обреченного» индивидуального хозяина. Неустойчивые и неопределенные по сроку и форме права на землю заменялись сравнительно прочным порядком наследственного владения. Категорическое запрещение аренды и наемного труда отпадало. Важнейшая цель «социалистического землеустройства» — тщательное уравнение «по нормам» землепользования — отменялась, и фактическая неравномерность распределения земли между отдельными селениями закреплялась законом.

Принципы нового законодательства были, конечно, еще очень далеки от полной свободы распоряжения землей и основных норм дореволюционного гражданского права. В новой земельной политике сохранилось значительное количе-

* СДЗЗ. С. 144–145.— **Ред.**

ство устоев старой, социалистической схемы. От этого результаты ее применения делались спорными. Экономические последствия новой земельной политики могут быть оценены, впрочем, только в последней части работы, после того, как будет выяснен объем и характер разрушений, произведенных социалистическим опытом.

Сейчас нам важно установить, что земельная политика 1921–1922 гг. представляла собой сплошную цепь отступлений от позиций, занятых в предыдущие годы. Она сводилась к значительным уступкам индивидуалистическому принципу, к косвенному признанию большей производительности индивидуалистического хозяйства по сравнению с коллективным и к молчаливому отказу от продолжения опыта немедленного обобществления сельскохозяйственного производства.

3. Общий смысл «новой» экономической политики

Новая экономическая политика захватила не только сельское хозяйство. Еще более глубокие изменения произвела она в промышленности, торговле, финансах, денежном обращении.

В задачи настоящей работы не может входить даже самое краткое описание тех путей отступления, по которым шла Советская власть в перечисленных областях народного хозяйства. Достаточно указать, что уже через полгода применения новой политики в экономической жизни страны произошли заметные перемены, а через год она сделалась неузнаваемой.

Уже зимой 1921/22 г. промышленность была организована на совершенно новых основаниях, чем несколько месяцев назад. Мелкая промышленность была целиком освобождена от контроля государства, значительная, иногда большая часть крупных предприятий в самых разнообразных отрас-

лях производства если не была сдана, то сдавалась в частнохозяйственную аренду. В ведении государства оставались только основные отрасли крупной индустрии, организованные в виде самоуправляющихся единиц — «трестов» и «синдикатов», действующих на основе «хозяйственного расчета», покупающих, продающих и более или менее автономно распоряжающихся своим производством.

В области торгового оборота на местах полной пустыни выросла обширная внутренняя торговля, с оптовыми и розничными фирмами, товарными биржами и ярмарками. Само государство приняло живое участие в той деятельности, которая еще так недавно строжайшим образом запрещалась и преследовалась. Улицы запестрели вывесками государственных магазинов и торговых учреждений. Появились даже государственные игорные дома и тотализатор.

Вместе с торговым оборотом выросло значение денег. Теперь государство уже не мечтало о естественном процессе «отмирания» денег и не содействовало ему безграничнорастущим выпуском «расчетных знаков». Главнейшей задачей своей оно считало восстановление денежного обращения и «стабилизацию» рубля. В конечной перспективе рисовался возврат к прежней валюте, и в угоду этой «золотой» мечте приносилось немало материальных и человеческих жертв.

И строение государственных финансов испытывало резкие перемены. Вместо прежнего народнохозяйственного бюджета со сложным «безденежным» оборотом материальных ценностей между отдельными отраслями производства произошел крутой поворот к обычному типу государственных бюджетов. «Трудовая единица», к которой пытались свести социалистический баланс, уступила место обычным денежным расчетам.

Источниками дохода сделалось громадное количество прямых и косвенных налогов, не пощадивших даже таких предметов первой необходимости, как соль и спички. Бесплатность государственных и коммунальных услуг заменена была монопольной расценкой этих благ. Во имя буржуазного принципа безде-

фицитности бюджета государство требовало от населения величайших жертв.

Список характерных черт новой политики еще далеко не исчерпан. Сюда относятся организация банков и кредита, допущение вексельного оборота, создание торгового законодательства и гражданского права, заключение торговых договоров, развитие внешней торговли и т. д. и т. д.

Но и сказанного достаточно, чтобы убедиться в значительности происшедших перемен. В современном сельском хозяйстве, промышленности, транспорте, финансах и торговле также трудно найти черты социалистического, безобменного, единого планового хозяйства, как в переполненных витринах магазинов 1922 г. узнать замерзшие стекла пустых советских «распределителей» зимы 1920/21 г.

Какой же смысл имеет вся эта метаморфоза? Во имя чего проделана она руками той самой власти, которая с таким упорством и энергией четыре года занималась возведением вавилонской башни социалистического хозяйства?

Первый ответ на этот вопрос дан в известной брошюре Ленина «О продовольственном налоге», явившейся одним из пограничных камней для всей «новой» экономической политики. Из достаточно туманных и несистематических рассуждений лидера русской революции можно выделить следующую мотивировку им же самим подсказанного и проведенного переворота.

«...Политическая обстановка к весне 1921 года,— заявлял Ленин,— сложилась так, что немедленные, самые решительные, самые экстренные меры для улучшения положения крестьянства и подъема его производительных сил стали неотложно необходимы». Это необходимо не ради самого крестьянства, но ради промышленности и пролетариата, ибо только подняв производительные силы крестьянского хозяйства «можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, и укрепления диктатуры пролетариата».

С этой точки зрения политика «военного коммунизма», связанная с изъятием у крестьянина всех излишков, а иногда

даже и «части необходимого для крестьянина продовольствия», изжила свой век. «Правильной политикой пролетариата, осуществляющего свою диктатуру в мелкокрестьянской стране, является обмен хлеба на продукты промышленности, необходимые крестьянину. Только такая продовольственная политика отвечает задачам пролетариата, только она способна укрепить основы социализма и привести к его полной победе». Но дать все необходимое крестьянину мы «не можем и не очень скоро сможем — по крайней мере до тех пор, пока не закончим хотя бы первой очереди работ по электрификации всей страны»*.

Отсюда следует, что первый шаг к улучшению положения крестьянина должен заключаться в замене коммунистических разверсток продовольственным налогом, с предоставлением крестьянину права свободного обмена остающихся у него после уплаты налогов излишков на продукты промышленности. Так как, однако, крупная «социалистическая» промышленность, до крайности упавшая, не может сразу удовлетворить потребностей деревни, то очевидно, что «необходимо в известной мере помогать восстановлению мелкой промышленности», могушей развиваться за свой счет, без помощи государства**.

«Что же из этого получается?— спрашивал Ленин. — «Получается на основе известной (хотя бы только местной) свободы торговли возрождение мелкой буржуазии и капитализма. Это несомненно. Закрывать глаза на это смешно». Но в то же время это и не страшно. Частный государственный обмен неизбежен «при существовании миллионов мелких производителей». Попытка совершенно запретить такой обмен «была бы глупостью и самоубийством той партии, которая испробовала ее»***. Нужно исправить допущенные ранее «ошибки» и постараться использовать неизбежное возрождение капитализма.

Последний при условии сохранения политической власти в руках пролетариата должен принять форму регулируемого

---

*Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 218–220, 222.— **Ред.**

Там же. С. 221.— **Ред.

***Там же. С. 221, 222.— **Ред.**

«государственного капитализма». В отличие от обычного, стихийного капитализма, государственный капитализм будет развиваться в тех формах и в том объеме, какой будет предуказан ему пролетарским государством. Таких форм может быть много. Наиболее чистым и «точно очерченным» видом государственного капитализма следует считать концессии, где Советская власть прямо заключает договор с иностранными капиталистами и, платя им «известную дань» в виде прибыли, использует их силы для «развития производительных сил, увеличения количества продуктов немедленно или в кратчайший срок». Другой формой государственного капитализма может служить кооперация, облегчающая государству «учет, контроль, надзор, договорные отношения» с миллионами мелких производителей. В качестве третьей группы дозволенных капиталистов могут сделаться, затем, частные торговцы, занимающиеся скупкой продуктов мелкого производства и получающие «определенный комиссионный процент за продажу государственных продуктов». Четвертым видом дозволенного капитализма может служить сдача в аренду предпринимателю-капиталисту принадлежащих государству промышленных заведений, лесов и земель и т. д. и т. д.

Все формы государственного капитализма должны быть использованы без смущения. «Капитализм есть зло по отношению к социализму. Капитализм есть благо по отношению к средневековью, по отношению к мелкому производству... Поскольку мы еще не в силах осуществить непосредственный переход от мелкого производства к социализму, постольку капитализм неизбежен в известной мере как стихийный продукт мелкого производства и обмена и постольку мы должны использовать капитализм (в особенности направляя его в русло государственного капитализма) как посредствующее звено между мелким производством и социализмом, как средство, путь, прием, способ повышения производительных сил»*.

Таков был первый эскиз принципов и целей «новой» экономической политики. [Он оставляет еще неопределенное и

* *Там же. С. 222–224, 226, 227, 229.— **Ред.***

двойственное впечатление. Ясно, что делаются уступки «капитализму», или индивидуалистическому способу производства. Но делается ли это ради раскрепощения крестьянства или потому, что «капитализм» есть меньшее зло по сравнению с мелкобуржуазной стихией крестьянства,— остается неясным. Неизвестной казалась также судьба национализированной промышленности.]

В нем довольно откровенно признавалось, что основной причиной перемены курса был упадок сельского хозяйства, грозивший не только крестьянскими восстаниями, но и гибелью крупной промышленности. Создавшаяся «политическая обстановка» требовала немедленных уступок крестьянскому населению. Они должны были выразиться прежде всего в смягчении форм принудительного регулирования хозяйственной жизни, в допущении свободного рыночного оборота и в замене государственной монополии на продукты сельского хозяйства нормированным изъятием их в форме натуральных налогов. В остальном теория «государственного капитализма» была не более как самоутешением, стремившимся доказать, что из вынужденного отступления от своих принципов Советская власть должна и суметь все-таки извлечь надлежащую пользу.

В позднейших формулировках задач новой политики, ее характер служебного, обходного движения был поставлен на первом плане.

В августе 1921 г. один из видных теоретиков русского коммунизма, Бухарин, назвал «новую» экономическую политику «грандиозной, на ряд лет рассчитанной *стратегической операцией пролетариата на хозяйственном фронте*», которая закончится «ликвидацией» крупного частного хозяйства и «подчинением» мелкого руководству обобществленного производства. «При всех и при всяких условиях,— читаем мы в объяснении содержания этой операции,— при любом курсе экономической политики для строительства коммунизма основными интересами являются интересы *крупной промышленности*». Состояние распада, в котором находится последняя, есть «основная опасность, которая ставит под угрозу все строитель-

ство коммунизма». Для поднятия крупной промышленности и нужно прежде всего увеличить количество продуктов, в которых она нуждается, «во что бы то ни стало и какими угодно средствами». Источниками этого дополнительного, вне социализированной промышленности лежащего количества продуктов могут быть: крестьянское хозяйство, мелкая промышленность, аренда, концессии, внешняя торговля. В эту сторону и должно быть произведено стратегическое отступление. Дополнительное количество продуктов должно быть получено «всеми средствами, хотя бы ценой временного усиления мелкобуржуазных и крупнобуржуазных хозяйственных форм». Когда цели отступления достигнуты и крупная социализированная промышленность построена, «можно поворачивать руль в другую сторону». Крупное частной хозяйство «ликвидируется», а мелкое — «подчиняется» руководству крупного обобществленного производства. Стратегическая операция закончена и социалистическое хозяйство снова торжествует[118].

Формулы Бухарина, высказанные через полгода новой политики, уже не проникнуты страхом перед недовольством крестьян. Они пытаются доказать, что поворот курса произведен в интересах самой крупной промышленности.

Уступки капитализму не означают отказа от социализма. Пролетарское государство удерживает в своих руках не только власть, но и всю крупную национализированную промышленность. Ядро социалистического хозяйства, таким образом, сохраняется. Легализуется только его индивидуалистическое окружение. Здесь допускается развитие частной инициативы. Более того, государство даже стремится «насаждать» частный капитал, оно обзаводится собственным «государственным» капитализмом, чтобы эксплуатировать его в свою пользу. По образному выражению одного из видных деятелей коммунистической партии, государство предоставляет свободу развития и накопления частному капиталу с тем, чтобы «путем налогов

---

[118] *Бухарин Н. И. Новый курс экономической политики // Правда. 1921. 6 августа. (См. также: Бухарин Н. И. Избранные произведения. М., 1988. С. 24–33.— **Ред.**)*

срезать жировые отложения частного хозяйства в пользу становящейся на ноги крупной социалистической промышленности»[119]. В этом собственно и заключается цель новой политики государственного капитализма.

Действительность не оправдала программных предположений. Нарисованная выше картина современной экономики мало походит на первоначальные планы ее вдохновителей. «Отступление» от социалистических принципов оказалось более глубоким, чем предполагалось. Временами, по признанию самих руководителей новой экономической политики, оно принимало скорее характер «панического бегства», чем планомерного занятия «заранее приготовленных» тыловых позиций.

Ошибка была допущена в двух отношениях. Новой политике не удалось создать сколько-нибудь заметного «капитализма» вокруг социалистической промышленности, зато последняя насквозь пропиталась капиталистическим духом. Частный капитал не пошел в приоткрытые ему двери. Внутри страны после четырехлетнего господства равенства вообще не осталось крупных состояний, с которыми можно было бы попробовать счастья. Иностранный капитал не хотел идти на риск и требовал таких гарантий, которых не могла предоставить Советская власть, не отказываясь от самой себя.

С другой стороны, национализированная промышленность не могла остаться незатронутой новыми принципами «новой» политики. Товарно-меновые отношения, допущенные в «мелкобуржуазном окружении», быстро проникли в сердце социалистической промышленности. Два чуждых друг другу строя — социалистический, натурально-плановый, и индивидуалистический, денежно-меновый,— не могли существовать рядом. Социализированная промышленность распалась на ряд самоуправляющихся хозяйственных единиц, действующих по образу и подобию капиталистических предприятий. Изменилась и вся экономика страны. В ней нет уже ни единого планового хозяйства, ни даже «социалистического» ядра крупной промышленности. Современное народное хозяйство

[119] *Преображенский Е. А. Перспективы // Правда. 1921. 6 ноября.*

России представляет собой механическое соединение основной массы мелких земледельческих производителей с довольно обширным, хронически убыточным государственным хозяйством.

Соответственно перерождению народнохозяйственного строя эволюционировала и теория экономической политики. Теперь речь идет уже не о социализме, ни даже о государственном капитализме. В результате отступления в руках Советской власти остались только так называемые «командные высоты» в виде более или менее реального контроля над распределением земли и работой транспорта и основных отраслей промышленности. Самый этот контроль приобрел иной, не соответствующий первоначальным решениям смысл. В центре внимания не стоит уже «срезание жировых наростов» с частного капитализма, который вообще, по-видимому, не может получить широкого развития при современных условиях. Рычагом для подъема разрушенных производительных сил страны считается государственное хозяйство. Все усилия власти направлены на то, чтобы, применяя капиталистические методы действий и расчетов, сделать его безубыточным, производительным и неуклонно растущим. Государство не надеется теперь на самопроизвольный рост допущенного к жизни «капитализма». Оно стремится само, собственными силами воссоздать разрушенное народное хозяйство и подготовить почву для перехода в новое социалистическое наступление. Пассивная теория «государственного капитализма» превратилась в активную рабочую гипотезу «командующих высот».

Более детальный анализ «новой» экономической политики не входит в нашу задачу. Мы не будем разбираться ни в том, можно ли при помощи хронически убыточного государственного хозяйства восстановить хозяйство народное, ни в том, является ли обладание «командными высотами» достаточным залогом второго пришествия социализма. Все это завело бы нас слишком далеко.

Для целей настоящей работы сказанного вполне достаточно. Из него вытекает один бесспорный вывод. Теория и

практика новой политики означает отказ от немедленного осуществления социализма. Идеал обобществленного производства отодвигается вдаль. Между вторым пришествием социализма и первой попыткой его воплощения выдвигается неопределенно долгий период восстановления и развития разрушенных производительных сил. Эта непосредственная цель заслоняет собой все недавние мечты. И если в промышленности неуклюжие формы государственного предпринимательства напоминают обломки единого планового хозяйства, то в сельском хозяйстве не осталось даже и этих памятников социалистической эпохи. Именно отсюда началось крушение непосредственного социалистического опыта, здесь наиболее полной была и капитуляция перед индивидуалистическим принципом. После четырех лет бесплодных попыток овладеть сельским хозяйством и подчинять его социалистическому руководству, Советская власть должна была склониться перед частнохозяйственным интересом крестьянина. Новая земельно-продовольственная политика означает отказ от непосредственного обобществления сельскохозяйственного производства. Остается учесть результаты этого беспримерного в истории человечества социального опыта.

ЧАСТЬ III

Результаты и перспективы

Глава I
Разрушение сельского хозяйства

Выше была описана сложная система опытов, проделанных над русским сельским хозяйством в течении первых четырех лет господства Советской власти. Теперь перед нами вопрос, в каком виде оно вышло из этой тяжкой эпохи испытаний.

Ответ следует прежде всего искать в беспристрастных цифрах, характеризующих состояние сельского хозяйства за рассматриваемый период.

Как и подобает социалистическому государству, РСФСР располагает огромным количеством статистического материала. Никогда и ни в одном цивилизованном государстве за такой короткий срок не было произведено столько переписей, анкет и исследований, как в неграмотной Советской России. [Статистика представляет один из немногих видов «производства», обнаруживших признаки роста при социалистическом хозяйстве.] Далеко не вся масса накопленных цифр заслуживает доверия, однако при надлежащем выборе данных и осторожном их использовании можно получить довольно точную картину переживаний русского народного хозяйства.

В интересующей нас области мы располагаем данными четырех последовательных сельскохозяйственных переписей, относящихся к 1916, 1917, 1919, 1920 и 1921 гг. Первая из

них произведена еще царским правительством, вторая начата при Временном правительстве, три последние целиком относятся к советскому строю. Не все переписи равноценны. На полноте и достоверности их сведений отражались влияния Гражданской войны и экономической политики. Тем не менее эти сведения, собранные и разработанные под руководством опытных земских статистиков, дают, в общем, вполне пригодный материал для суждения об изменениях, происходивших в сельском хозяйстве.

Из двух основных отраслей сельского хозяйства — земледелия и скотоводства — состояние первого характеризуется движением посевных площадей и урожая, состояние второго — изменением численности скота и его продуктивности.

Таблица 16 показывает, как изменилась численность скота за время с 1916 г. по 1921 г. включительно. Данные сгруппированы по 7 крупным районам. Первый из них составляют 22 губернии и области так называемой «потребляющей» полосы, куда относится вся северная промышленная и лесная половина Европейской России. В состав «производящего» района входят 25 губерний и областей средней полосы России, обладавших в нормальное время избытками хлеба. Сибирь и Киргизия составляют вместе азиатскую часть РСФСР. Украина занимает 12 губерний южной полосы. Под именем «Юго-Востока» разумеются Донская область и Предкавказье. Вследствие экономических и политических особенностей в отдельную единицу выделен Крым.

Количество скота сократилось во всех районах и везде приблизительно в одинаковом направлении.

Больше всего пострадало овцеводство: число овец упало в центрах экстенсивного скотоводства, какими можно считать Киргизию и Юго-Восток, почти до 1/3 первоначальной величины. Сильно сократилось оно и в производящей полосе, где в 1916 г. было сосредоточено до 40% всего овечьего капитала страны. Мало затронутым оказалось, по-видимому, овцеводство Сибири, хотя высокоценные стада тонкорунных овец, разводившихся здесь в крупно-капиталистических хозяйствах, уничтожены почти целиком. Несколько увеличи-

Таблица 16

Количество скота в 1916-1921 гг.*

Районы	Лошади		Крупный рогатый скот		Овцы		Козы		Свиньи	
	1916	1921	1916	1921	1916	1921	1916	1921	1916	1921
Потребляющий абс., тыс.голов	4205,9	3988,3	8482,6	8006,1	10 576,2	8997,2	50,3	70,0	3258,6	2365,7
отн., %	100	94,8	100	94,4	100	85,1	100	139,0	100	72,6
Производящ[ий]- абс., тыс. голов	10 600,0	7345,6	16 190,6	10 176,7	3469,1	14 852,7	1156,5	322,0	5594,9	2352,3
отн., %	100	69,3	100	62,9	100	42,8	100	27,8	100	42,0
Юго-Восток абс., тыс. голов	2334,9	1408,8	4749,7	2784,9	8024,9	2887,3	414,0	268,0	1844,2	1219,0
отн. %	100	60,3	100	58,6	100	36,0	100	64,7	100	66,1
Крым абс., тыс. голов	193,6	141,5	205,1	213,3	743,8	477,4	19,4	6,0	83,8	84,2
отн.%	100	73,1	100	84,0	100	64,2	100	30,9	100	100,5
Киргизия абс., тыс.голов	3348,6	2092,2	4807,3	3878,7	11 321,6	4296,4	1283,1	616,7	425,0	344,0
отн., %	100	62,8	100	80,7	100	37,9	100	48,1	00	80,9
Сибирь абс., тыс. голов	4786,2	4573,6	6952,8	5529,6	7271,6	6202,7	53,7	1059,219	2715,8	1673,7
отн., %	100	95,6	100	79,5	100	85,3	100	72,4	100	61,6
Украина абс., тыс. голов	5487,5	3987,9	7807,2	7005,2	6357,2	6976,0	48,2	40,0	4623,6	5444,1
отн., %	100	72,7	100	89,7	100	109,7	100	83,0	100	117,7
Всего по РСФСР и Украине абс., тыс. голов	30 956,7	23 537,9	49 195,2	37 594,5	78 991,4	44 689,7	3025,2	2381,9	18 545,9	13 483,0
отн., %	100	76,0	100	76,4	100	56,6	100	78,7	100	72,7

* По данным Центрального статистического управления

лись стада Украины, где, впрочем, по абсолютной численности овцы вообще не занимали большого места.

Свиноводство, в общем, разделило участь овцеводства. И во всех регионах за исключением Крыма и Украины повсеместно наблюдается резкое падение числа животных этого вида. Максимальное сокращение падает на производящую полосу, где количество свиней за 5 лет уменьшилось более чем вдвое. В голодавшем Поволжье уже за год до неурожая число свиней упало до трети показателя 1916 г.

Несколько иную картину эволюции дает третий вид мелкого скотоводства — козоводство. Как и численность овец и свиней, число коз сократилось в тех районах, где раньше они имели большое распространение. Так, в производящей полосе в 1921 г. было насчитано на 74% меньше коз, чем в 1916 г., в Юго-Восточных губерниях — на 35%. Но в то же время в качестве чрезвычайно полезного во время голода и неприхотливого животного коза получила распространение в районах, где раньше она встречалась редко. Увеличилось козоводство на 26%* в потребляющей полосе России и на 19% — в Сибири и Киргизии, вместе взятых[1].

Что касается крупного скота, то численность его сократилась повсеместно, причем в одних районах, как, например, в Киргизии, Крыму и на Украине, пострадали больше лошади, а в остальных, наоборот, рогатый скот. Наибольший урон и здесь приходится на производящую полосу. Губернии Поволжья потеряли к 1921 г. около 44% крупного рогатого скота и не менее 29% лошадей.

В общем, по всей России убыль скота за годы революции составила около половины всего количества овец и приблизительно четверть для крупного и остального мелкого скота.

Коэффициент сокращения скотоводства может показаться скромным по сравнению с разными отраслями промыш-

---

Несовпадение приводимых здесь данных с данными таблицы содержится в авторском тексте.— **Ред.*

[1] Показанное в таблице увеличение числа коз в Сибири наряду с сокращением в Киргизии должно быть отнесено на счет неточности учета во вновь отделенных провинциях, заселенных к тому же кочевым населением.

ленности, где сохранившаяся часть производств составляет не более 0,1–0,2 прежнего объема. Следует, однако, помнить, что в русском сельском хозяйстве большинство хозяйственных единиц принадлежит к разряду однолошадных и однокоровных крестьянских хозяйств. Сокращение скотоводства на четверть означает исчезновение тонкого слоя зажиточного крестьянства, имевшего, как мы знаем из первой части настоящей работы, наиболее ценное значение в общей экономике страны. Скотоводство приобретает характер подсобной отрасли сельского хозяйства и обслуживающей почти исключительно потребности хозяйствующей семьи. Значение его как источника рабочей силы и в особенности как производительного капитала сводится к минимуму и местами почти к нулю.

Не лучше обстоит дело и со скотоводством как источником питания. Производство мяса сократилось в стране гораздо больше чем на одну четверть. Количественное сокращение скота сопровождалось качественным его ухудшением. По данным отдела статистики потребления Центрального статистического управления, убойный вес скота резко понизился в 1921 г. по сравнению с нормальным временем. В России нет больше специально подготовляемого к убою мясного скота. На мясо идет обыкновенный рабочий и продуктивный, истощенный бескормицей скот. Средний вес туши крупного скота колеблется в разных районах от 5,4 до 8,0 пуда, вес свиной туши равен 2,4 пуда, вес телячей заключен между 1,2–1,8 пуда и овечьей — между 0,7–1,2 пуда. По сравнению с нормами мирного времени убойный вес понизился на 50%. В соединении с описанным выше количественным упадком скотоводства максимальная мясная продукция, не затрагивающая скотского капитала, составляла в 1921 г. по всей России всего около 72,5 млн пудов мяса всякого рода. По сравнению с продукцией мирного времени, исчисленной тем же методом, получается сокращение мясного фонда ровно в два раза.

Мы не располагаем данными относительно изменений молочности скота, но несомненно, под влиянием острой бес-

кормицы сократилось в стране и производство молока. Исчез также почти без следа племенной скот и те рассадники улучшенных пород, коими являлись крупные помещичьи хозяйства.

В целом нет сомнения, что русское скотоводство переживает глубокий кризис. Во всех своих частях оно отброшено на много лет назад, и те 25% убыли, которые зарегистрированы в 1921 г., далеко не измеряют всех потерь, понесенных им во время революции.

Обратимся теперь к основной отрасли сельскохозяйственного производства, к полеводству. Разрушения, происшедшие здесь за рассматриваемый период, оказываются еще более грозными, чем в скотоводстве.

Таблица 17 дает представление о характере происшедших изменений в посевных площадях важнейших культур по основным экономическим районам России.

Сильнее всего упало производство кормовых хлебов. В производящей полосе они занимали в 1921 г. 41,8%, на Юго-Востоке — всего 38% и в среднем по всей России — 58,8% своей прежней посевной площади.

Резко сократилась также посевная площадь, занятая картофелем. В потребляющей полосе, на долю которой приходилось раньше свыше 40% всей посевной площади картофеля, в 1921 г. было посеяно всего 541 тыс. десятин, или на 43% меньше, чем в 1916 г. В Приволжском районе, в Киргизии и в Крыму сокращение посевной площади под картофелем достигало еще более значительной величины. В среднем по России оно составило 40,1%.

Несколько меньше сократились посевы продовольственных хлебов: ржи и пшеницы. В среднем по России выпала треть посевной площади этих культур. Ниже средней нормы упало производство хлеба в производящей полосе, юго-восточных губерниях, Киргизии и Крыму. Более сохранились посевы продовольственных культур в потребляющей полосе и на Украине.

Исключение из общей динамики составляет движение посевной площади, занятой разного рода крупами: просом, гречихой и кукурузой. Здесь небольшое сокращение дают

Таблица 17

Посевная площадь под важнейшими культурами в 1916 и 1921 гг

Районы	Продовольственные хлеба (рожь, пшеница)		Кормовые хлеба (овес, ячмень)		Крупы (просо, гречка, кукуруза)		Картофель	
	1916	1921	1916	1921	1916	1921	1916	1921
Потребляющий абс., тыс десятин отн., %	4832,6 100	3702,2 76,6	4364,1 100	2203,8 63,6	418,6 100	354,5 84,7	893,4 100	504,4 56,5
Производящ[ий] абс , тыс десятин отн., %	19 078,6 100	11 340,2 59,4	8801,7 100	3930,2 44,6	2368,4 100	2417,7 106,3	769,9 100	330,7 43,0
Юго-Восток абс , тыс десятин отн., %	4134,1 100	2534,4 61,3	2208,8 100	839,0 38,0	619,2 100	570,8 92,2	58,4 100	38,5 65,9
Крым абс , тыс десятин отн., %	393,7 100	245,9 62,5	353,7 100	273,6 77,4	8,5 100	15,5 187,5	13,5 100	1,0 28,6
Киргизия абс , тыс десятин отн., %	2563,6 100	1647,1 64,2	658,9 100	457,6 69,4	307,8 100	178,7 58,1	25,2 100	8,6 34,1
Сибирь абс., тыс десятин отн., %	3857,2 100	2863,6 74,5	1870,3 100	1207,6 64,6	102,4 100	146,4 143,0	81,3 100	47,0 57,8
Украина абс., тыс. десятин отн., %	9274,8 100	7135,1 76,9	6389,4 100	5040,1 78,9	1732,7 100	2078,6 120,0	485,5 100	457,4 94,2
Всего по РСФСР и Украине абс.,тыс.десятин отн., %	44 134,6 100	29 468,5 66,8	23 746,9 100	13 951,9 58,8	5557,6 100	5762,2 103,7	2317,2 100	1387,6 59,9

только потребляющая полоса Юго-Восток и Киргизия, в остальных районах и в целом по России производство круп возросло. Причины этого явления будут объяснены ниже.

Если теперь площади под всеми культурами соединить вместе и добавить к ним исключенные в предыдущей таблице площади под техническими растениями (лен, конопля), подсолнухом, кормовыми травами, свеклой и другими второстепенными культурами, то получим картину общего движения посевной площади, изображенную в таблице 18 по годам и основным районам.

По большинству районов из года в год обнаруживается один и тот же процесс неуклонного сокращения обрабатываемой площади. Наиболее пострадавшими оказываются производящая полоса и Юго-Восток, где посевы за 4 года революции сократились на 42–43%. В производящей полосе последующие переписи обнаруживают, кроме того, нарастающий темп сокращения площадей. От 1916 г. к 1917 г. было потеряно только 0,6%, в течение следующих двух лет посевы сократились на 14,3%, затем за один 1920 г. площадь упала на 14,8% и, наконец, площадь 1921 г. по сравнению с предыдущим дала понижение на 14,2%. Несколько иной ход сокращения посевов наблюдается в потребляющей полосе. Здесь посевы сократились в общей сложности на 36,4%, причем низшая точка оказалась приблизительно достигнутой уже на исходе второго года пролетарской диктатуры; затем абсолютные размеры посевов сокращаются все медленнее и в 1921 г. по сравнению с 1920 г. остаются почти неизменными.

Крым близко подходит к потребляющей полосе по относительным размерам сокращения его посевных площадей. Киргизия по урону также приблизилась к потребляющей полосе, причем самое сильное падение приходится на период между 1920 и 1921 гг. Сибирь пострадала меньше Центральной России. Обращает на себя внимание тот факт, что не только в 1917 г., но и в 1920 г. здесь сеялось больше, чем в 1916 г., и только 1921 г. принес сокращение посевной площади на 31,5% по сравнению с предыдущим и на 27,5% по сравнению с 1916 г.

Меньше всего оказались затронутыми посевы Украины.

Таблица 18

Посевная площадь под всеми культурами
в 1916, 1917, 1919 –1921 гг. (в тыс. десятин)

Районы	1916 г.	1917 г.	1919 г.	1920 г.	1921 г.
Потребляющий абс., тыс. десятин отн., %	11 370,0 100	10 949,5 96,3	8321,6 73,1	7404,8 65,1	7393,0 65,0
Производящий абс., тыс. десятин отн., %	33 366,4 100	33 184,7 99,4	28 005,2 85,7	23 668,8 70,9	18 898,9 56,6
Юго-Восток абс., тыс. десятин отн , %	7688,6 100	8050,0 104,7	- -	5000,9 65,0	4449,5 57,9
Крым абс., тыс. десятин отн., %	779,7 100	697,1 89,4	- -	- -	551,9 70,8
Киргизия абс., тыс. десятин отн., %	3638,9 100	4126,6 113,4	- -	3212,8 88,3	2350,2 64,6
Сибирь абс., тыс. десятин отн., %	6129,7 100	6877,5 112,2	- -	6372,3 104,0	4442,6 72,5
Украина абс., тыс. десятин отн., %	19 490,1 100	17 424,1 89,4	- -	- -	15 886,3 81,5
Всего по РСФСР и Украине *абс., тыс.десятин* *отн , %*	82 463,4 100	81 309,5 98,6	- -	- -	53 972,4 65,5

Отсутствие данных не позволяет проследить изменения посевной площади за промежуточные годы, но к 1921 г. здесь выпало 18,5% посевов 1916 г.

В общей сложности за 5 лет, не считая отошедших к новым государствам территорий, Россия потеряла несколько более трети прежней посевной площади, или в абсолютных цифрах 28 млн из 82,5 млн десятин всех культур, вместе взятых.

По абсолютным размерам сокращение посевной площади в России почти равняется сумме всех посевов Франции и Германии, вместе взятых, накануне войны. По относительному своему значению оно превышает убыль посевной площади в самый критический момент в любой из великих европейских держав, участвовавших в мировой войне. Русская посевная площадь 1921 г. на 10 млн десятин меньше, чем засевалось 30 с лишним лет тому назад в Европейской России.

Как и по отношению к скотоводству одно количественное сокращение посевной площади не дает полного представления о степени упадка русского земледелия. Годы революции отмечены еще и значительным ухудшением урожайности. В таблице 19 сопоставлены данные о сборе важнейших хлебов с единицы площади в 1918–1920 гг. и в среднем за десятилетие 1905–1914 гг.

По климатическим условиям годы 1918 и 1919 принадлежали к числу благоприятных. Частичная засуха 1920 г. компенсировалась хорошими урожаями в других районах. В среднем, однако, сбор с единицы площади по всем хлебам обнаруживает определенную тенденцию к падению. Если верить урожайной статистике, всегда наиболее спорной и требующей оговорок, то средний сбор по России упал для ржи на 17,4%, пшеницы — на 32,7%, для овса — на 20%, для ячменя — на 28,7%, для проса — на 27,9% и для гречихи на —16%.

Комбинируя сокращение площади с падением урожайности и суммируя важнейшие культуры, получаем следующую итоговую таблицу зерновой продукции Советской России (см. табл. 20).

За 5 лет производство хлебов сократилось в два с лишним раза. Чтобы оценить по достоинству эту цифру, необходимо сопоставить ее с размером производства, потребления и вывоза в прежнее время. В 1912 г. Россия вывезла 430 млн пудов и 3352 млн пудов осталось для внутреннего потребле-

Таблица 19

Средний по России урожай в 1905-1920 гг.

Название хлебов	Среднее за 1905-1914 гг.	1918 г.	1919 г.	1920 г.
Рожь озимая абс., пуд с десятины отн., %	43,7 100,0	44,5 101,8	38,6 88,3	36,1 82,6
Пшеница яровая абс., пуд с десятины отн., %	43,7 100,0	35,9 82,1	35,6 81,5	29,4 67,3
Овес абс., пуд с десятины отн., %	46,2 100,0	41,5 89,8	40,4 87,4	36,9 80,0
Ячмень абс., пуд с десятины отн., %	47,0 100,0	37,0 78,7	38,2 81,3	33,5 71,3
Просо абс., пуд с десятины отн., %.	38,7 100,0	38,1 98,4	38,1 98,4	27,9 72,1
Гречиха абс., пуд с десятины отн., %	27,2 100,0	26,4 97,1	25,8 94,9	22,8 84,0

Таблица 20

Валовой сбор хлебов в 1916 и 1921 гг., млн пудов

Районы	Абс. показатели, млн пудов		1921 г. к 1916 г.,%
	1916 г.	1921 г.	
1. Потребляющий	435,3	316,4	72,7
2. Производящий	1322,3	382,5	29,0
3. Юго-Восток	229,4	81,2	35,4
4. Украина	1089,4	551,6	50,6
5. Крым	34,8	5,3	15,2
6. Киргизия	90,2	42,3	46,9
7. Сибирь	245,9	191,3	77,8
Всего:	*3447,3*	*1570,6*	*45,6*

ния. В 1921 г. все производство РСФСР не могло покрыть половины прежних запросов потребления, а вместо вывоза, впервые за все время своего участия в мировой торговле, Россия *ввезла* 77 млн пудов зерновых продуктов. Раньше в России производилось 22,3 пуда зерна на душу населения, теперь всего 11,9 пуда, или на 46,6% меньше.

Перед нами картина несомненной катастрофы. Сельское хозяйство огромной страны из года в год разрушается и приходит в полный упадок. Если судить по одной только убыли посевной площади, не принимая во внимание всех остальных моментов распада, то земледелие России отброшено по крайней мере на пятьдесят лет назад.

Глава 2
Причины разрушения сельского хозяйства

1. Механическое влияние войны, или результаты экономической политики

Где же причины разразившейся катастрофы? Долгое время официальная теория гласила, что в разрушении сельского хозяйства повинен старый строй и его «империалистическая» война. Не далее, как во второй половине 1920 г., в официальном издании и устами достаточно авторитетного представителя власти заявлялось, что «устранение помещиков не ускорило темпа запустения русских полей, созданного войной, а наоборот, замедлило его». У крестьянина констатировалось «повышение... хозяйственной энергии при советском строе» и в этом усматривался залог «близости и легкости обратного движения вверх» посевной площади[2].

[Подобного рода заявления имели успех среди невежественных городских масс, наделавших беды и стремившихся свалить вину на других. На деле, свободной критике, если бы

[2] *Ларин Ю. Очерк хозяйственного развития Советской России // Продовольственная политика в свете общего хозяйственного строительства Советской власти. М., 1920. С. 68, 69.*

она существовала, нетрудно было бы связать аграрный кризис именно с политикой Советской власти.

Сопоставление посевной площади 1916 г. с нормальным временем показывает действительно некоторое ухудшение.] В первой части настоящей работы уже был исследован вопрос о влиянии мировой войны на сельское хозяйство. Мы убедились, что последнее в целом и особенно крестьянская его часть скорее были в выигрыше, чем в проигрыше к моменту заключения Брестского мира. С другой стороны, разрушение крестьянского хозяйства за время социалистического опыта делалось настолько явным, что ссылаться по-прежнему на «империалистическую» войну становилось все труднее. Тогда в качестве очередного объяснения сельскохозяйственного кризиса было выдвинуто влияние контрреволюции и Гражданской войны.

Натянутость этого объяснения бросается в глаза. Конечно, Гражданская война, как и всякая война, губительно отражается на посевах прифронтовой полосы. Таблица 21 хорошо оттеняет ее влияние.

Сокращение посевной площади в районах, затронутых войной, характеризуется более высоким процентом, чем в губерниях незатронутых. Но военные действия выступают здесь только дополнительным фактором разрушения. Теоретический интерес заключается в объяснении причин сокращения посевной площади даже в глубоком тылу, даже в тех губерниях потребляющей полосы, которые вовсе не переживали Гражданской войны и, тем не менее, стали сеять на 22% меньше прежнего. Непосредственное влияние военных действий здесь не может иметь места. Более того, можно показать, что и косвенные последствия состояния Гражданской войны в этом случае ни при чем.

На карте военных действий в 1919–1920 гг. можно считать тылом Сибирь по отношению к белому фронту, а потребляющую полосу — по отношению к красному. В обоих случаях отраженное влияние войны должно быть одинаковым. Однако в то время как посевная площадь потребляющей полосы сократилась на 34% по сравнению с 1917 г. и на 28% по

Таблица 21

Влияние войны на крестьянское хозяйство*
(в 1919 г. по сравнению с 1917 г.: больше + или меньше -, %)

Районы	Группы губерний	Население обоего пола	Площадь посева	Рабочих лошадей	Количество коров	Количество овец	Количество свиней
Производящие губернии	Сильно затронутые войной	+3,7	-19,8	-13,7	-8,0	-33,0	-31,6
	Слабо затронутые войной	+2,4	-11,2	-4,8	+2,6	-27,1	-45,2
	Не затронутые войной	+2,1	-12,2	-2,9	+8,5	-5,2	-29,4
Потребляющие губернии	Слабо затронутые войной	-1,6	-35,7	-13,6	-0,3	-20,0	-47,5
	Не затронутые войной	-1,4	-22,1	-0,5	+5,3	-13,0	-63,3

* Хрящева А. И. Крестьянство в войне и революции. М., 1921. С. 6.

сравнению с 1916 г., соответствующие показатели хозяйственного упадка для Сибири составляют всего 14 и 2%. Резкий перелом в движении посевной площади Сибири наступил только в 1921 г., т. е. *после окончания* Гражданской войны. За первый же год господства Советской власти площадь посева упала на 30%. Очевидно, условия существования крестьянского хозяйства в тылу белой и красной армии складывались по-разному и на сокращение посевной площади влияет не одна Гражданская война.

То же самое можно сказать об Украине. Она являлась территорией наиболее ожесточенной гражданской войны, но сокращение посевной площади оказалось здесь в конце концов наименьшим. Это объясняется тем, что господство советской политики на Украине прерывалось довольно длинными промежутками «буржуазного» строя и колебалось постоянными крестьянскими восстаниями. До самого после-

днего времени Советская власть не могла овладеть украинской деревней, последняя не исполняла продовольственных разверсток и жила своей собственной, обособленной жизнью.

Но если ни наследие «империалистической» войны, ни влияние гражданской войны не объясняют разрушение крестьянского хозяйства, то остается искать последние причины этого явления в особенностях *внутренней* экономической политики Советской власти. В настоящее время никто [из большевиков] не пытается доказать, что весь социалистический опыт пошел на пользу крестьянства. Перемена общего курса политики вызвана по преимуществу сознанием вреда, нанесенного «старой» политикой сельскохозяйственному производству. Тем не менее и теперь находится достаточное количество людей, искренне убежденных, что кроме вреда эта политика принесла крестьянству и немаловажные выгоды и что во всяком случае, хотя бы и *вопреки* желаниям коммунизма, именно мелкий индивидуальный земледелец оказался главным «пользователем» русской «социальной» революции[3].

Задачей последующих страниц является сопоставление и оценка потерь и приобретений крестьянского хозяйства при советском режиме. Если бы оказалось, что оно больше выиграло, чем проиграло, пришлось бы искать другие факторы разрушения сельского хозяйства, а не советскую политику. Если отрицательные стороны последней перевешивают положительные и если эти отрицательные стороны составляют необходимые элементы социалистической системы хозяйствования, то, очевидно, причиной распада сельскохозяйственного производства является именно социалистический опыт и его принципиальная несовместимость с интересами мелких индивидуальных землепользователей.

Защитники советского режима выставляют обычно следующие четыре заслуги революции перед русским крестьянином. Во-первых, она дала ему, наконец, «дополнительное

---

[3] *Такова по преимуществу точка зрения умеренных социалистов марксистского толка.*

наделение» за счет конфискованных земель нетрудового пользования. Во-вторых, хотя бы и невольно, революция пришла на помощь крестьянину высокими ценами на сельскохозяйственные продукты, обогнавшими по темпу своего нарастания увеличение цен других предметов потребления. В-третьих, революция освободила крестьянина от прямых и косвенных налогов, уплачивавшихся им при царском правительстве. В-четвертых, умалчивая о всех остальных заслугах пролетарской революции и не придавая, по-видимому, им большого значения, Ленин сводит в последнее время смысл октябрьского переворота к «свержению остатков средневековья» и к освобождению России от этого «варварства», «позора» и «величайшего тормоза всякой культуры»[4].

2. *Результаты дополнительного наделения землей*

Конфискация земель нетрудового пользования и передача большей части их в руки «трудящегося» населения была, как мы знаем, одним из первых актов Советской власти. Крестьяне получили, наконец, долгожданную помещичью землю. В разных официальных изданиях нетрудно встретить эффектную табличку (см. табл. 22).

Был ли выигрыш крестьянства действительно столь велик, как может показаться по данным этой таблицы? Мы знаем, что к 1916 г. большей частью государственные и частные земли были либо проданы, либо сданы в аренду крестьянам. В 1916 г. посевная площадь частных владельцев достигала 7 млн десятин из общего засева в 71,4 млн десятин. Поэтому, если мы исключим на время из наших рассуждений выигрыш,

[4] *Ленин В. И. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции // Правда. 1921. 18 октября. № 234. (Полн. собр. соч. Т. 44. С. 144.— **Ред.**).*

Таблица 22

Перераспределение земельного фонда*

До революции (1905 г.)		После революции (1919 г.)	
Категория земель	% земель	Категория земель	% земель
I. Советская Россия			
Трудовой фонд — крестьянские земли	76,3	Земли крестьян	93,3
Нетрудовой фонд — частно-владельческие и государственные земли	23,7	Земли сельскохозяйственных коллективов	0,5
Всего	*100*	*Всего*	*100*
II. Советская Украина			
Трудовой фонд — крестьянские земли	55,4	Земли крестьян Земли коллективов	96,0 0,8
Нетрудовой фонд — частно-владельческие и государственные земли	44,6	Земли советских хозяйств и др.	3,2
Всего	*100,0*	*Всего*	*100,0*

*Книпович Б. Н. Направление и итоги аграрной политики 1917-1920 гг. // О земле: Сб. ст. М., 1922. С. 23.

происходящий из отмены арендной платы, максимальное увеличение обрабатываемых площадей во владении крестьян не будет превышать 1/9 от их первоначального объема[5]. Фактически же крестьяне не получили и этого, поскольку определенная часть частных и государственных земель была сохранена в руках государства с целью организации на них коллективных хозяйств. В 71 губернии Европейской России, согласно данным переписи 1920 г., некрестьянские хозяйства занимали площадь в 600 тыс. десятин. Огромное большин-

[5] *Леса перешли во владение государства. Причем под его юрисдикцию перешли и леса, бывшие раньше в собственности крестьян.*

ство таких хозяйств было организовано на землях, прежде принадлежавших частным владельцам или государству. Мы можем вычесть эту площадь из 7 млн десятин посевной площади, находившейся в некрестьянской собственности. Так, с вычетом этой цифры, конфискованные дворянские земли увеличили собственные посевные площади крестьян всего на 6,4 млн десятин, или на 9%. Для отдельного индивидуального хозяйства это увеличение равнялось 0,4 десятины, а на душу сельского населения — 0,08 десятины.

Кроме того должна быть принята во внимание крайняя неравномерность территориального размещения этих «земельных фондов». Только в крайней северной Архангельской губернии, т. е. как раз там, где имеется и без того наибольший земельный простор, «дополнительное наделение» дало заметные величины свыше 1 десятины на душу. В Центральной России и к югу эта цифра понижается до 1/2, 1/4 и 1/10 десятины на душу и еще меньше. Есть губернии, в которых захват помещичьей земли дал сотые доли десятины на душу[6].

Однако и этим ничтожным приращением хозяйственной площади крестьянам воспользоваться не удалось. Уже к концу второго года господства Советской власти площадь крестьянских посевов понизилась на 29% первоначальных размеров, а захват земель нетрудового пользования переводил в руки «трудящихся» только 11% от той же величины. Факт остается фактом. Те земли, из-за которых столько лет велась ожесточенная политическая и экономическая борьба и которые были одной из ближайших причин Октябрьской революции, лежат теперь невозделанными и присоединяют к себе из года в год возрастающую часть искони возделывавшихся коренных крестьянских земель.

Нельзя утешаться и тем, что сокращение посевов есть временное явление, связанное с существованием «старой» социалистической политики, и что с окончанием последней крестьянин сумеет, наконец, пожать плоды революции. В дей-

---

[6] *В данном случае речь идет о распределении* **всей** *земли, включая и арендный фонд. См.: Книпович Б. Направление и итоги аграрной политики 1917–1920 гг. // О земле: Сб. ст. М., 1922. С. 29–31.*

ствительности, надо оставить и эту надежду. Революционное земельное право открыло доступ к земле новым кадрам трудящихся, а голод и запустение городов вернули в деревню всех тех, кто сохранил с нею хоть малейшую связь. По всей России наблюдается значительное увеличение числа хозяйственных единиц. Новые пришельцы потребовали своей доли в разделе помещичьих и перераспределении крестьянских земель. Никакая перемена политики не удалит это добавочное земледельческое население. Оно может разредиться либо длительным процессом экономической борьбы внутри самого крестьянства, либо какой-нибудь катастрофической причиной, вроде голода в Поволжье. Пока этого нет, конечным результатом революции оказывается скорее рост земельной тесноты, чем ее смягчение.

Один конкретный пример может иллюстрировать это положение. Пять губерний Центрально-Земледельческого района (Курская, Орловская, Тульская, Рязанская и Тамбовская) были областью наибольшего распространения помещичьего землевладения, если не говорить об Украине и Юго-Востоке. В этой же области крестьянское хозяйство больше всего страдало от земельной тесноты. В 1916 г. сельскохозяйственная перепись обнаружила здесь 7,1 млн десятин крестьянских посевов и 1,1 млн десятин помещичьих. Захват земель нетрудового пользования обещал крестьянам приращение площади их хозяйства на чувствительную величину в 16%. Что же получилось на самом деле? По переписи 1920 г. в том же районе оказалось приблизительно на 250 000 крестьянских хозяйств больше, чем в 1916 г. Из числа помещичьих посевов под коллективными хозяйствами некрестьянского типа осталось около 0,1 млн десятин. Один миллион десятин посева или несколько меньше[7] поступил в распределение между «трудящимися». В 1916 г. средняя площадь посева крестьянского хозяйства в рассматриваемом районе составляла около 4 десятин. Если предположить, что вновь возникшие за время революции хозяйства об-

[7] *Советские хозяйства засевают далеко не все находящиеся в их распоряжении земли.*

ладают средним нормальным размером, то захваченной земли едва хватит на обеспечение потребностей добавочного населения. Старые хозяйства от «дополнительного наделения» ровно ничего не получили.

Аналогичные подсчеты можно было бы привести и по другим районам. Общий вывод может быть только один. Земли нетрудового пользования казались заманчивым призывом революции только издалека. Осуществление «заветной мечты» русского крестьянства принесло горькое разочарование. Если даже не считать ущерба от исчезновения крупного хозяйства, дававшего крестьянину заработок, семена, племенной скот и культурные приемы земледелия, валовая выручка от захвата нетрудовых земель была слишком ничтожна и распределялась она между слишком большим числом участников. А если принять во внимание те разрушения, которые в конце концов произошли в крестьянском хозяйстве, то надо признать, что революция оказалась слишком дорогим и невыгодным способом передачи в руки крестьян нескольких миллионов десятин помещичьей земли.

3. Рыночная конъюнктура во время революции

Теперь перед нами более сложный вопрос. Не выиграло ли крестьянство вследствие повышения цен на сельскохозяйственные продукты?

Вздорожание продуктов питания по сравнению с предметами удовлетворения других потребностей на первый взгляд не подлежит сомнению. Цены хлебных продуктов увеличились по сравнению с довоенными на московском рынке в январе 1920 г. в 7,8, в январе 1921 г. — в 38,8 и в январе 1922 г. — в

[8] *Экономический бюллетень Конъюктурного института. М., 1922. № 1. С. 3.*

677,5 тыс. раз. Одновременно на те же сроки цены осветительных материалов поднялись в 5,0, 27,5 и 242,5 тыс. раз, а цены одежды и обуви в 1,8, 25,2 и 260,8 тыс. раз[8]. Наряду с этими цифрами всякому, кто наблюдал при Советской власти состояние вольного рынка, сначала нелегального, а затем и узаконенного, бросалось в глаза господствующее положение на нем именно держателей продуктов питания и сырых материалов. Крестьянин являлся наиболее мощным покупателем вольного рынка, он же диктовал, по-видимому, цены и на свой продукт. Остальные классы населения продавали последнее имущество, чтобы не умереть с голоду, крестьянин увозил из города в деревню мануфактуру, мебель, предметы роскоши и комфорта. В деревню, по-видимому, стекались и бесконечные потоки денежных знаков, всевозможных образцов, бесследно исчезая из рыночного оборота. До сих пор можно найти немало верующих в золотые, серебряные и бумажные сокровища, зарытые в крестьянских кубышках.

Все это, однако, больше настроения и впечатления голодного городского обывателя, чем подлинная действительность. Соотношение цен на продукты промышленности и сельского хозяйства, созданное экономикой коммунизма, в общем и целом было *не в пользу* крестьянина. Обратимся прямо к фактам.

В таблице 23 сопоставлены цены на вольном рынке, зарегистрированные местными статистическими бюро в разных городах Советской России. Цены взяты на 3 отрезка времени, отделенные друг от друга годичным промежутком и захватывающие разные периоды советского режима. В качестве представителя продаваемых крестьянином товаров избрана ржаная мука[9]. Положение крестьянина, как покупателя, характеризует уровень цен на соль и ситец, главнейшие предметы его потребления, непроизводящиеся в своем хозяйстве; сапоги взяты в качестве товара, занимающего про-

[9] *Ржаной хлеб сделался на время социалистического режима не только главной и почти единственной пищей населения, но и одним из популярнейших измерителей ценности. И на вольном рынке, и в официальном обиходе до сих пор нередко практикуется счет «на хлеб» или на «ржаные единицы».*

Таблица 23

Средние цены в советских рублях в июле 1919, 1920 и 1921 гг.*

Наименование товаров	14 губерний производящей полосы (Астраханская, Воронежская, Курская, Марийская обл., Орловская, Пензенская, Самарская, Саратовская, Немкоммуна, Тамбовская, Татарская республика, Уфимская, Царицынская)						5 губерний потребляющей полосы (Владимирская, Иваново-Вознесенская ,К алужская ,К остромская и Московская)					
	Июль 1919 г.		Июль 1920 г.		Июль 1921 г.		Июль 1919 г.		Июль 1920 г.		Июль 1921 г.	
	Цена	Воздоро-жание**	Цена	Воздоро-жание**	Цена	Воздоро-жание**	Цена	Воздоро-жание**	Цена	Воздоро-жание**	Цена	Воздоро-жание**
Ржаная мука, пуд	243	243	8 733	183 000	183 000	183 000	1 266	1 266	18 381	18 381	179 500	179 500
Увеличение	1		40		712		1		15		142	
Соль, фунт	34	3 400	673	67 300	1 660	166 000	41	4 100	1 015	101 500	4 502	450 200
Увеличение	1		20		49		1		25		110	
Ситец, аршин	82	820	1 386	13 860	8 362	8 362	58	580	980	9 800	9 521	95 210
Увеличение	1		17		102		1		17		164	
Сапоги мужские, пара	1 288	258	29 225	5 845	179 875	36 000	1 414	283	29 108	5 822	250 208	80 042
Увеличение	1		23		140		1		26		177	

* Составлена на основании данных о вольных ценах, опубликованных в "Статистическом ежегоднике. 1918-1920 гг.". Вып. I. Г. IX.
** Воздорожание по сравнению с нормальным временем.

межуточное положение и изготовляемого из крестьянского сырья ремесленным трудом.

Кроме общего представления о росте цен при советском режиме, цифры таблицы позволяют сделать следующие выводы. Прежде всего легко заметить, что общее движение цен и соотношение цен отдельных товаров между собой носят совершенно различный характер в потребляющей и производящей полосах России. В губернских и уездных городах 5 центральных промышленных губерний цена на ржаную муку поднялась выше сравнительно с уровнем мирного времени, чем цены продуктов промышленности. Это соотношение цен удержалось на все два года, захваченные данными таблицы. В нормальное время требовалось 10 аршин ситца, чтобы купить пуд муки, в июле 1919 г. надо было затратить на ту же покупку уже почти 22 аршина, в июле 1920 г.— почти 20 аршин, в июле 1921 г.— почти 19 аршин. То же самое относится к сапогам. В нормальное время за пару прочных, грубых сапог надо было бы отдать 5 пудов муки, в 1919–1921 гг. сапоги можно было уже купить за 1,25–1,5 пуда. Исключение составляет соль. Как привозной продукт, на Севере и в Центре России она все время шла впереди всех товаров по своей дороговизне. Впрочем и здесь в конце концов покупательная сила хлеба улучшилась. В 1919 г. за пуд хлеба можно было иметь 31 фунт соли, в 1920 г.— только 18 фунтов, а в 1921 г.— уже почти полные 40 фунтов.

Именно это соотношение и движение цен, характерное для промышленных центров, внушает мысль, что крестьянин выиграл от революции. На все это надо возразить, во-первых, что пропорции городских цен не характерны для деревни. Только пригородные крестьяне могли воспользоваться благоприятной конъюнктурой городского рынка и то при условии, если им удастся благополучно избежать всех заградительных отрядов, особенно густо расставленных и жестоких как раз в потребляющей полосе. В более отдаленных от рынка местах крестьянин терял свои преимущества. Учитывая риск и накладные расходы, «спекулянт» выменивал хлеб на соль, ситец, керосин, спички и мыло в менее выгодной для крестьянина пропорции, чем в нормальное время.

Во-вторых, и это главное, цены городских рынков потребляющей полосы вовсе не пригодны для характеристики положения крестьянства вообще. По площади сельское хозяйство потребляющей полосы занимает сравнительно скромное место. В 1917 г. здесь насчитывалось всего около 11 млн десятин посева, а в производящих губерниях (вместе с Украиной и Сибирью) посевы занимали около 70 млн десятин. Кроме того, надо иметь в виду, что сельское население северной полосы России само является регулярным покупателем хлеба и относительное вздорожание последнего вовсе не является для него благом. Обращаясь же к ценам производящей полосы, мы получаем совершенно иную картину.

В 1919 г. соотношение цен на продукты сельского хозяйства и промышленности складывалось здесь явным образом во вред крестьянину. Если в нормальное время и здесь за пуд муки можно было купить 2,5 пуда соли, то теперь за ту же цену можно приобрести едва 7 фунтов, т. е. в 14 раз меньше. Ситец тоже вздорожал по сравнению с мукой в 3,4 раза. Даже сапоги, почти что продукт труда самого крестьянина, расценивались выше, чем раньше, по сравнению с хлебом. Через год положение крестьянина как будто несколько «улучшилось». Хлеб вздорожал за этот срок в 40 раз, сапоги, ситец и соль — в 17–23 раза. Тем не менее и теперь, по сравнению с нормальным временем, крестьянин платит мукой за соль в 7,5 раза и за ситец в 1,5 раза больше, чем раньше. Только сапоги понизились в цене по сравнению с хлебными продуктами. Еще через год картина резко меняется. Мука делает огромный скачок, поднявшись по сравнению с 1919 г. в 712 раз. Остальные продукты успели повыситься за тот же срок в 49–140 раз. В результате за пуд муки в июле 1921 г. можно приобрести 22 аршина ситца, более чем пару сапог и 110 фунтов соли, т. е. пропорции товаров, немыслимые в старое время. Даже непобедимая соль оказалась, наконец, превзойденной хлебом.

Значат ли эти цифры, что положение сельского хозяйства, наконец, улучшилось под влиянием советского режима и крестьянин начал пожинать плоды революций? Конечно, нет. Нор-

мальным и типичным для производящей полосы является соотношение цен 1919 г., а не 1921 г. Параллельно с повышением цен сельскохозяйственные продукты шло сокращение посевной площади и уменьшение свободных излишков хлеба.

В течение почти всей революции, включая 1920 г., покупательная сила хлеба была ниже нормальной. Когда, наконец, она поднялась на небывалую высоту, крестьянину нечего было уже продавать. В 1921 г. цены производящей полосы обнаруживают огромное сходство с ценами городских рынков Центрально-Промышленного района: стоимость ржаной муки держится почти на одном уровне, стоимость ситца даже несколько ниже, чем в районах его производства. Но это уже результат голода, результат превращения старинной житницы России в опустошенную область, нуждающуюся в огромных количествах привозного хлеба.

Типичным для производящей полосы надо считать строение цен 1919, а не 1921 г. Оно было невыгодным для крестьян и не могло быть иным.

Прямым следствием осуществления социализма должно было быть именно падение покупательной силы сельскохозяйственных продуктов. Разными путями, вольно или невольно, но советская политика неизменно действовала именно в этом направлении.

Прежде всего экономическое положение крестьянства было подорвано катастрофически быстрым распадом промышленности. Сокращение промышленной продукции шло более быстрым темпом, чем сокращение продукции сельскохозяйственной. В 1920 г. важнейшие отрасли промышленности, в продуктах которых нуждалось сельское хозяйство, как, например, хлопчатобумажная, сахарная и масляная, производили не более 3–7% довоенной нормы. Продукцию сельского хозяйства следует считать сократившейся к тому же сроку не более как на 50%, причем разрушение крестьянского хозяйства обнаружилось вообще значительно позже разрушения фабрик. Уже одно это обстоятельство должно было сильно изменить экономическую конъюнктуру не в

пользу производителей хлеба. К этому присоединились социалистические принципы распределения произведенных продуктов. Если бы сокращение промышленной продукции происходило в условиях свободного товарооборота, все поднявшиеся в цене городские товары притекали бы в деревню, ибо только здесь имелась реальная покупательная сила в виде излишков хлебного производства. На деле происходило иное. Принципы социалистического хозяйства упразднили меновой оборот и позволяли оторвать распределение национального продукта от его производства. И старые запасы, и вновь произведенные товары составляли собственность государства. Оно распределило их по своему усмотрению и наделяло ими в первую очередь привилегированные, но непроизводительные классы. Содержание 5-миллионной армии, огромного аппарата управления и рабочих закрытых фабрик фактически поглощало львиную долю и без того ничтожной промышленной продукции. На долю сельского хозяйства оставались ничтожные «товарообменные фонды».

Их было совершенно недостаточно для реализации покупательной силы деревни, к тому же благодаря подсказанной социалистическими принципами системе «коллективного» товарообмена товары попадали в руки наиболее бедного крестьянского населения, а не той зажиточной части его, которая обладала излишками хлеба. Фактически эти главные держатели покупательной силы в течение всего революционного периода вынуждены были пользоваться услугами нелегального вольного рынка и теми запасами товаров, которые просачивались туда путем расхищения советских складов.

Но и здесь советская политика становилась поперек дороги крестьянину. Свободная торговля была запрещена, и уничтожение ее проводилось самыми решительными мерами. Чтобы вывезти на рынок свой мешок хлеба, крестьянин должен был объехать или подкупить несколько заградительных отрядов, занимающих пути к городу. Достигнув рынка, он не был уверен, что товар его ускользнет от взора городских властей, а сбыв его покупателю, он рисковал не найти в продаже нужного про-

дукта и уехать домой с запасом обесцененных бумажек. Те же опасности, только в обратном порядке, ожидали всякого городского «спекулянта», отправившегося за хлебом в деревню. Сношения между отдаленными рынками были еще более затруднительны жалким состоянием железнодорожного транспорта и прямым запрещением частного пассажирского и грузового движения. Неуклонное падение ценности бумажных денег также делало свое дело, заставляя крестьянина избегать денежных сделок. Никакой регулярной торговли при таких условиях существовать не могло. Страна оказывалась разорванной на сотни изолированных рынков, связанных между собой лишь тонкими нитями искусственно задерживаемого натурального товарообмена. При резком разграничении в России промышленных и земледельческих районов этот разрыв торговых связей не мог не дать именно тех результатов, какие обнаружены помещенной выше табличкой цен. Потребляющая полоса России и особенно промышленный центр страдали от голода и высоких хлебных цен, а в коренных земледельческих губерниях ощущался крайний недостаток промышленных изделий для личного и хозяйственного потребления.

Для подавляющей массы крестьянского населения экономическая конъюнктура эпохи революции была, таким образом, не выгодна. Покупательная сила земледельцев, вследствие недостатка товаров и уничтожения торговли, оставалась как бы висящей в воздухе и не находящей объекта для своей реализации.

При таких условиях, возобновление и увеличение этой покупательной силы, иначе говоря, производство сельскохозяйственных продуктов для продажи в значительной мере потеряло свой хозяйственный смысл. Крестьянину незачем было тратить силы и средства, чтобы произвести продукт, который не нужен ему самому и который нельзя обменять на что-либо другое на вольном рынке. В сущности, одних этих условий, т. е. резкого сокращения промышленного производства и запрещения свободной торговли, было бы достаточно, чтобы вызвать в крестьянском хозяйстве тенденцию к сокращению посевов.

4. Революционные налоги

На деле крестьянское хозяйство оказалось еще в более худшем положении. Социалистическое государство не ограничилось авторитарным распределением продуктов промышленности и запрещением торгового оборота. Покупательная сила крестьянского хозяйства в образе «излишков» продовольственных продуктов сделалась, как мы знаем, предметом горячих вожделений пролетарского государства. Оно не только мешало или запрещало крестьянину реализовать доходы своего хозяйства, но и прямо накладывало на них руку, объявляло их государственным достоянием.

Здесь мы подходим к третьему из поставленных выше вопросов: выиграло ли крестьянство от революционной отмены «царских» налогов или нет?

На первый взгляд ответ должен звучать утвердительно. После «социальной» революции крестьяне перестали платить арендную плату не только бывшим помещикам, но и государству. Вся земля фактически перешла в их бесплатное пользование. Далее, бюджет социалистического государства предполагалось построить на совершенно иных основаниях, чем бюджет государства буржуазного. Отменены были не только прямые, но и все косвенные налоги. Первое время Советская власть строила свой доходный бюджет на «контрибуциях» и «чрезвычайных налогах», взимаемых с «буржуазных классов»[10]. Право распоряжения бумажно-денежной эмиссией тоже казалось достаточно надежной опорой советских финансов. Крестьянство как будто несомненно выигрывало от такого положения вещей.

Очень скоро выяснилось, однако, что имущество выс-

---

[10] *Был, между прочим, установлен и «натуральный налог» на «сельских хозяев, обладающих излишком продуктов потребления». Декрет об этом налоге опубликован в «Известиях ВЦИК» от 14 октября 1918 г. Практически налог оказался неосуществим. Идея его возродилась только с переходом к новой экономической политике.*

ших классов, лишенных земель и фабрик, не может служить регулярным источником государственных доходов.

Неудержимый рост цен на практике познакомил новых государственных деятелей с последствиями неограниченного выпуска бумажных денег. Оказалось также, что содержание красного войска и советского аппарата управления обходится относительно гораздо дороже, чем расходы на соответствующие статьи в бюджете буржуазного государства. Все это, вместе взятое, побудило Советскую власть искать реальные источники государственных доходов. Они могли быть найдены только в обложении крестьянства, ибо всякий налог на рабочих и служащих пришлось бы возмещать в заработной плате самому государству, а других классов населения, кроме рабочих и крестьян, в стране Советов существовать не могло.

Объективная необходимость заставляла, таким образом, сделать крестьянское население единственным податным классом Советского государства.

Первоначально налоговое бремя маскировалось перспективами нормального распределения в социалистическом обществе. Крестьян утешали тем, что взятое у них будет возвращено полностью. Предполагалось, что крестьянин, выполнивший свои обязательства по отношению к социалистическому государству и сдавший ему излишки своего производства, получит в свою очередь причитающуюся ему равную долю продукта национализированной промышленности и услуг государства. На деле, как мы уже знаем, эквивалентность взаимных услуг города и деревни не была выдержана ни в одном периоде революции. Практически, если не считать ничтожного и все сокращавшегося «товарообменного» фонда, единственным возмещением за взятые государством продукты были твердые цены, выплачивавшиеся крестьянину в обесцененной валюте. Эта цены от времени до времени повышались, но в целом неизмеримо отставали от реальной ценности сельскохозяйственных продуктов.

В 1920 г., в период наибольшего приближения к натурально-хозяйственному социалистическому строю, даже оплата по твердым ценам за взятый хлеб была уничтожена.

Государство даром забирало хлеб у крестьянства, чтобы также бесплатно раздавать ему изделия своей промышленности. Но производства всей русской промышленности не хватало для удовлетворения потребности армии и занятых в самой промышленности рабочих. На долю сельского населения от «бесплатного» распределения национального продукта, не доставалось ровно ничего. Крестьянин был первым плательщиком, но стоял на последнем месте в ряду получателей. Продовольственная и сырьевая разверстка превращались, следовательно, в типичный и несомненный налог[11].

Натуральные налоги не были единственной формой податного бремени, возложенного на сельское население социалистическим государством. Крестьянин платил Советской власти не только продуктом своего хозяйства, но и собственным личным трудом.

Трудовая повинность составляет необходимый элемент социалистического хозяйствования, где отмершие или уничтоженные частнохозяйственные стимулы к труду заменяются силой государственного принуждения. Мы уже имели случай показать, в какой форме этот принцип социалистического хозяйства был осуществлен в Советской России и почему главной своей тяжестью он должен был лечь на крестьянские хозяйства.

Здесь нам важно подчеркнуть, что привлечение к трудовой повинности крестьянства означало для него установление такого же односторонне-принудительного обязательства по отношению к Советской власти, как и обложение его ставкой какого-нибудь прямого или личною налога.

Правда, трудовая повинность не требовала от крестьянина непосредственных хозяйственных жертв. Она ограничивалась передачей части его рабочего времени и этим как будто отличалась от старых прямых налогов, связанных с материальным ущербом. Поскольку, однако, трудовые повинности отрывали крестьянина от сельскохозяйственного труда, они косвенно наносили ущерб именно его материальному благосостоянию. В промысловых районах принудительный труд также в конце

[11] *Переход от продовольственных монополий и разверсток к продовольственным налогам «новой» политики в этом отношении только санкционировал и признавал давным давно фактически создавшееся положение.*

концов сокращал доход мелкого производителя, лишая его возможности посвятить свои силы дополнительным, внеземледельческим заработкам. Непосредственный материальный ущерб наносился крестьянину разрушением транспортных средств, изнашиванием одежды, расходом корма и порчей рабочего скота[12]. Наконец, даже в том случае, когда трудовая повинность падала на свободное время крестьянина, ее можно ставить в счет государству, ибо крестьянин так же хорошо умеет ценить досуг и право распоряжаться своим трудом и временем, как и всякий другой человек.

Трудовая повинность отражается на крестьянском хозяйстве иным способом, чем продовольственно-сырьевые разверстки, но налоговая природа ее не подлежит сомнению.

Итак, вместо отмененных прямых и косвенных денежных налогов старого режима крестьянское хозяйство получило от Советской власти ряд натуральных сельскохозяйственных и трудовых повинностей. Оно не только выигрывало, но и проигрывало, революция имела для него не только актив, но и пассив.

Попробуем теперь подойти к определению размеров налогового пассива русской революции. Мы имеем здесь дело с двумя столпами социалистической хозяйственной политики: продовольственно-сырьевой разверсткой и трудовой повинностью. Посмотрим, как каждая из них порознь и обе вместе отражались на состоянии крестьянского хозяйства.

5. *Тяжесть продовольственных и сырьевых налогов*

Очень трудно определить точные размеры тех принудительных изъятий, которые были произведены из крестьянского

[12] *Трудовая повинность для крестьян в большинстве случаев соединялась с использованием их транспортного инвентаря и рабочего скота.*

хозяйства при помощи 13 натуральных налогов, существовавших до перехода к «новой» экономической политике.

Сама форма взимания налогов делала неопределенной сумму поступлений от них. Неизвестны были ни количества продуктов, оставлявшиеся в хозяйстве, ни размер остатков, отчуждавшихся в пользу государства.

Пока продовольственная политика проводилась в форме торговых монополий государства, существовала, по крайней мере, некоторая определенность по отношению к размерам того минимума, который оставался в распоряжении хозяина. Более или менее тщательно определялись «нормы» потребления и расходов в каждом хозяйстве, и только «излишки» подлежали сдаче продовольственным органам, притом не даром, а все-таки за известный эквивалент, хотя бы в обесцененной валюте. Проявлялась, таким образом, хотя бы теоретически, забота о сохранении в неприкосновенности капиталов крестьянского хозяйства и возможности дальнейшего производства. По мере того как монополии превращались в «разверстки» или раскладочные налоги, с границами платежеспособности крестьянского хозяйства считались все меньше и меньше. У советских «продовольственников» установился твердый взгляд на крестьянина как на неисчерпаемый источник продовольствия и сырых материалов. Искусство продовольственной политики заключалось в изыскании действенных средств по выколачиванию продуктов из этого источника, а не в определении его нормальной силы и не в поддержании его платежеспособности.

С другой стороны, задания разверсток по каждому из продуктов устанавливались произвольно, в случайных глазомерных величинах. Потребности государства считались неограниченными. Выполнение разверстки сверх «ста процентов» ставилось в заслугу продовольственным органам. К неопределенным заданиям центральной власти присоединялись произвольно-широкие самостоятельные «заготовки» военных властей и иногда местных Советов.

Невыясненность размеров продовольственно-сырьевых запасов сочеталось, таким образом, с неопределенностью

государственных заданий. Практически государство черпало из крестьянского хозяйства без меры и веса.

Точный учет всего взятого у крестьянина при таких условиях почти невозможен. Цифры официальной статистики принудительных отчуждений должны считаться поэтому заведомо преуменьшенными и далеко не полно отражающими тяжесть выпавшего на крестьянское хозяйство бремени.

Попробуем теперь с этой оговоркой посмотреть, в каких величинах выражались общие итоги реквизиций, как они распределялись территориально, как изменялись во времени и какой относительной тяжестью падали на производительные силы сельского хозяйства.

Нас будут при этом интересовать данные, относящиеся только к трем сельскохозяйственным годам: 1918/19, 1919/20 и 1920/21. В 1917/18 г. основы советской продовольственной политики еще не достаточно укрепились и реквизиции носили в значительной степени случайный характер. В 1921/22 г. мы имеем дело с изменившимися формами экономической политики, которые будут разобраны позже и в другой связи.

Нет надобности также рассматривать цифровые итоги каждого из 13 натуральных налогов. В целях экономии места можно ограничиться описанием 5 важнейших из них, а именно реквизиции зерновых хлебов, мяса, масла, картофеля и сена. В денежном выражении эти продукты дали в 1920/21 г. 80% общей суммы натуральных налогов.

Как видно из таблицы 24, сумма натуральных налогов, извлеченных за три года из крестьянского хозяйства резко возросла. Если принять принудительные отчуждения 1918/19 г. за 100, то в следующем году они почти удвоились по трем из рассматриваемых продуктов, почти учетверились по картофелю и резко понизились только по коровьему маслу вследствие выпадения Сибири из-под Советской власти. Еще через год абсолютная сумма взятых государством продуктов снова возросла. Теперь сельское хозяйство в целом отдавало мяса в 1,5, масла в 2, хлеба в 3, сена в 4 и картофеля почти в 6 раз больше, чем два года назад.

Обращаясь к районному рассмотрению продовольственных заготовок, мы замечаем, что они развивались неравномерно.

Зерновые разверстки в основной массе своей ложились на губернии приуральские, волжские и центрально-земледельческие, или, грубо говоря, на производящую полосу Европейской России. Только в 1920/21 г. центр тяжести переместился на Юго-Восток и Сибирь. По абсолютным размерам количество реквизированного хлеба достигло максимума в 1919/20 г. в Поволжье и Приуральском районе и несколько сократилось здесь в следующем 1920/21 г. В центрально-земледельческих губерниях максимум хлеба был взят уже в первый год разверсток. В Сибири и Киргизии заготовки третьего года в 2–3 раза превышают заготовки второго. Иначе шло дело в потребляющей полосе (северные, западные и центрально-промышленные губернии). По абсолютным размерам хлеба здесь много взять было невозможно. Но относительно хлебные заготовки возрастали здесь быстрее всего, увеличившись за 3 года в десятки и даже сотни раз.

Заготовки картофеля неуклонно возрастали по всем районам. По абсолютным размерам главной тяжестью своей они падали на центрально-земледельческий, центрально-промышленный и волжский районы. В общей сложности здесь было взято почти 100% заготовок в первом году, 84% во втором и 66% в третьем.

Реквизиция мяса территориально и во времени изменялась приблизительно так же, как отчуждение зерновых хлебов. Доля потребляющей полосы России возрастала относительно, но оставалась абсолютно небольшой. Заготовки в производящей полосе дали свыше 90% в 1918/19 г., затем понизились абсолютно и относительно, уступив место в 1920/21 г. Сибири и Юго-Востоку.

Центр заготовки масла перемещался каждый год. В 1918/19 г. свыше 90% всего количества было взято в Сибири, в следующем году на первом месте оказался Крайний Север, в 1920/21 г. опять 61% масла был взят в Сибири. Обращает внимание резкое увеличение размеров маслянных рек-

Таблица 24

Государственная заготовка продуктов сельского хозяйства в 1918/19-1920/21 гг.

Районы	Зерно- и хлебофураж			Мясо		
	1918/19	1919/20	1920/21	1918/19	1919/20	1920/21
1. Северный абс., тыс. пудов уд. вес*, %	259 0,2	3106 1,5	6602 2,2	120 2,6	299 3,4	297 4,2
2. Западный абс., тыс. пудов уд. вес, %	50 0,1	4429 2,1	8484 2,9	94 2,1	721 8,2	438 6,2
3. Центральный абс., тыс. пудов уд. вес, %	830 0,8	6771 3,2	9034 3,1	134 2,9	324 3,7	346 4,9
4. Приуральский абс., тыс. пудов уд. вес, %	8266 7,7	43 191 20,3	34 733 11,9	318 6,7	1905 22,3	532 7,5
5. Центр[ально]-Земл[едельческий] абс., тыс. пудов уд. вес, %	37 633 34,9	25 726 12,1	24 776 8,5	952 20,6	772 8,8	595 8,4
6. Волжский абс., тыс. пудов уд. вес, %	58 746 54,4	91 643 43,1	61 703 21,1	3018 65,1	2675 30,5	839 11,8
7. Юго-Восток абс., тыс. пудов уд. вес, %	- -	- -	61 361 21,0	- -	16 0,2	1334 18,8
8. Сибирь абс., тыс. пудов уд. вес, %	- -	28 198 13,3	67 179 22,9	- -	1295 14,8	1874 26,5
9. Киргизия абс., тыс. пудов уд. вес, %	2088 1,9	9397 4,4	18 857 6,4	- -	710 8,1	829 11,7
Итого *абс., тыс. пудов* *уд. вес, %* *Итого к 1918/19 г.,%*	107 922 100 100	212 461 100 196	292 649 100 271	4636 100 100	8762 100 191	7084 100 154

*Уд. вес в годовом объеме заготовок.— ***Ред.***

Картофель			Сено			Масло		
1918/19	1919/20	1920/21	1918/19	1919/20	1920/21	1918/19	1919/20	1920/21
- -	323 0,8	3 099 4,5	7 642 29,7	9 558 18,7	9 870 10,8	51,6 7,8	84,4 82,0	77,7 6,2
	3121 7,4	8 523 12,4	3 057 11,9	7 051 13,8	9104 9,9	- -	- -	31,7 2,5
	12 415 29,4	12 256 17,8	5325 20,7	9 088 17,8	8 545 9,3	2,7 0,4	- -	55,1 4,4
	3 008 7,1	4 722 6,9	1 599 6,2	4 608 9,0	6 543 7,1	5,6 0,8	5,4 5,2	139,6 11,0
	11 177 26,4	23 548 34,2	2405 9,3	5 365 10,5	8 801 9,6	0,0 0,0	0,0 0,0	58,4 4,6
	12 158 28,7	10 148 14,7	5 710 22,2	13 080 25,6	19 693 21,5	4,7 0,7	4,8 4,7	92,9 7,3
- -	- -	1 586 2,3	- -	- -	8 852 9,6	0,7 0,1	- -	9,0 0,7
- -	- -	4 837 7,0	- -	401 0,8	16 070 17,5	596,9 90,2	0,2 0,2	773,1 61,0
- -	89 0,2	156 0,2	- -	1 930 3,8	4 303 4,7	- -	8,2 7,9	29,2 2,3
100	42 291 100 362	68 875 100 589	25 738 100 100	51 081 100 199	99 781 100 396	662,2 100 100	103,4 100 16	1266,9 100 191

визиций в Волжском и Приуральском районах. За 3 года заготовки здесь увеличились в 20 и 25 раз соответственно.

Заготовки сена сосредоточились в северной половине России плюс Поволжье. Они возрастают повсеместно из года в год и быстрее всего в Сибири и Приуральском районе.

Судорожное и случайное на первый взгляд перемещение фокусов государственных заготовок может быть объяснено разными причинами. Продовольственная политика рассматриваемого периода мало считалась с естественно-историческими и экономическими особенностями отдельных облагаемых районов. Поэтому центры заготовок отдельных продуктов часто не совпадали с местами их наибольшего распространения. С другой стороны, сдача излишков одного типичного для данной местности продукта не избавляло те же хозяйства и в тех же районах от обложения другими видами натуральных налогов.

Объем и состав последних зависел прежде всего от силы и ловкости местных органов продовольственного управления. Там, где последние действовали энергичнее, процент выполнения налоговых заданий был значительно выше и соответственно этому быстрее возрастали абсолютные и относительные размеры извлекаемых в этом районе продуктов.

Перемещение центров поступления отдельных налогов объясняется также изменением фронта Гражданской войны. Некоторые районы только в 1920 г. оказались под Советской властью и, следовательно, только с этого срока могли сделаться объектом принудительных отчуждений.

Наконец, значение отдельных районов менялось потому, что некоторые из них оказывались уже на второй, третий год заготовки истощенными, неплатежеспособными и не способными выполнить возлагаемые на них обязательства.

В общем, основным принципом советской продовольственной политики всегда было брать сколько физически возможно. О том, как выполнялось это правило можно судить на основании таблицы 25, где 5 основных натуральных налогов соединены вместе путем исчисления их стоимости в золотой валюте, по ценам довоенного времени.

Таблица 25

Стоимость изъятых продуктов
Уд. вес в годовом объеме заготовок

Районы	1918/19		1919/20		1920/21	
	Абс., тыс. зол.руб.	уд.вес в годовом объеме заготовок	Абс., тыс. зол.руб.	уд.вес в годовом объеме заготовок	Абс., тыс. зол.руб.	уд.вес в годовом объеме заготовок
Северный к 1918/19 г., %	3 546,0 100	2,6	7 992,1 225,4	3,1	12 830,4 361,8	3,4
Западный к 1918/19 г., %	1 288,2 100	0,9	10 154,6 788,3	3,9	16 271,7 1263,2	4,3
Центральный к 1918/19 г., %	3 017,2 100	2,2	14 318,5 474,6	5,5	18 072,1 599,0	4,8
Приуральский к 1918/19 г., %	9 384,2 100	6,8	49 824,4 530,9	19,2	40 720,8 433,9	10,8
Центрально-Земледельческий к 1918/19 г., %	41 808,1 100	30,3	31 911,1 76,3	12,3	38 510,5 92,1	10,3
Волжский к 1918/19 г., %	68 566,2 100	49,7	102 103,4 148,9	39,3	73 169,8 106,8	19,5
Юго-Восток к 1918/19 г., %	9,5 100	0,0	70,4 741,0	0,03	64 693,4 680 983,1	17,2
Сибирь к 1918/19 г., %	8 356,7 100	6,1	31 187,1 373,2	12,0	88 747,5 1062,0	23,6
Киргизия к 1918/19 г., %	1 879,2 100	1,4	12 247,6 651,7	4,7	22 801,8 1 213,4	6,1
Итого *к 1918/19 г., %*	*137 855,3* *100*	*100*	*259 809,2* *188,5*	*100*	*375 818,0* *272,6*	*100*

Горизонтальные ряды относительных цифр характеризуют изменения в течение трех лет суммы стоимостей, извлекавшихся в каждом районе, причем за 100% принят 1918/19 г. Вертикальные процентные числа измеряют удельный вес каждого района в общей сумме заготовок данного года. Оба вида показателей позволяют установить следующую картину трехлетней практики реквизиций.

В потребляющей полосе России, к которой относятся

первые три района таблицы, давление реквизиционного пресса неуклонно возрастало, обгоняя даже общий рост всех заготовок в стране. В 1918/19 г. отсюда было взято продуктов на 7,8 млн золотых рублей, а в 1920/21 г.— уже на 47,2 млн, или в 6 раз больше. В 1918/19 г. потребляющая полоса дала 5,7% общей суммы налогов по России, а в 1920/21 г.— уже 12,6% увеличившейся тем временем почти в 3 раза суммы поступлений.

Характер использования потребляющей полосы сделается понятным, если припомнить, что сюда относится как раз большинство губерний, ни разу не выходивших в течение рассматриваемого периода из-под скипетра Советской власти. Кроме того, довольно скоро обнаружилась относительная неснижаемость крестьянского хозяйства в потребляющей полосе. Посевы редко превышали здесь размеры строго необходимого для крестьянской силы продовольственного минимума. После выпадения тонкого слоя зажиточных многопосевщиков, основная масса крестьянства не могла уже сокращать посевов, тем более что подвоз продовольствия из земледельческих районов России почти прекратился. Высокие налоги не могли здесь уничтожить хозяйство, скорее они могли только заставить мелкого крестьянина больше трудиться и больше сеять. Советская власть это прекрасно поняла и с каждым годом все сильнее опиралась на производительные силы потребляющего района.

По удельному весу в общей массе налогов первое место, однако, принадлежит производящим, чисто земледельческим районам. Так должно было быть уже потому, что основным налогом является все-таки налог на зерновые хозяйства.

Здесь продовольственные органы Советской власти с самого начала стали на точку зрения хищнически-экстенсивного хозяйства. Они набрасывались на каждый сколько-нибудь и чем-нибудь обильный район и старались выжать из него все возможное, не заботясь о судьбе подвергаемого реквизициям хозяйства.

В течение 1918/19 г. в фокусе продовольственных операций находилось ограниченное пространство центрально-

земледельческих и приволжских губерний. Отсюда было взято свыше 80% всей суммы изъятых в том году ценностей. В следующем году, несмотря на обнаружившийся уже упадок крестьянского хозяйства, из тех же двух районов было взято 52% возросшей почти вдвое суммы налогов, причем в абсолютных цифрах ценность уплаченных продуктов возросла на 23 млн рублей. Только в 1920/21 г. сумма изъятых из рассматриваемых районов ценностей несколько упала, вернувшись приблизительно к уровню 1918/19 г. Но надо заметить, что здесь мы имеем дело с хозяйством производящей полосы, где крестьянину было от чего отказываться и где разрушение хозяйства под влиянием налогов шло интенсивнее и глубже, чем в хозяйствах потребляющей полосы. Несколько уменьшившаяся сумма налогов падала теперь на сокра-тившиеся производительные силы более тяжким бременем.

В 1919/20 г. произошел резкий скачок объемов заготовок в Приуральском районе, настолько резкий, что уже в следующем году общая сумма изъятий должна была здесь снова снизиться. В том же 1919/20 и особенно в 1920/21 г. выдвинулась только что отвоеванная у Колчака Сибирь. В 1920/21 г. она дала почти 1/4 всей налоговой суммы и в качестве объекта реквизиций стала на первом месте в ряду других районов. Постепенно нарастало и значение диких степей Киргизии.

Описанные выше изменения в размерах и территориальном распределении натуральных налогов не дают еще представления об их относительной тяжести для сельского хозяйства. Состояние статистических материалов не позволяет определить наиболее показательно в этом отношении пропорцию между стоиммостью чистого сельскохозяйственного продукта и суммой разного рода взятых отсюда налогов. Приходится ограничиться сопоставлением отдельных отраслей производства и соответствующих материальных налогов.

Таблица 26 представляет показатели наиболее важных групп хлебных налогов. Она дает сведения о количестве реквизированных зерновых продуктов по 44 губерниям за 3 года, об изменении тяжести этих реквизиций по расчету на 1 деся-

Таблица 26

Тяжесть хлебных налогов

Губернии	На одну десятину посева, пуды			В % к сбору в 1920/21 г.	
	1918/19	1919/20	1920/21	Валовой	Чистый
Производящие губернии					
Тульская	4,61	4,03	5,18	30,9	43,9
Орловская	5,65	0,99	6,90	41,8	84,1
Рязанская	3,03	4,17	3,01	9,0	11,6
Тамбовская	6,59	5,79	3,62	15,2	19,9
Пензенская	2,72	4,41	3,42	18,3	27,2
Курская	2,42	1,18	3,74	9,0	11,1
Воронежская	1,68	0,83	3,26	8,9	11,7
Казанская	5,00	5,98	6,04	19,0	28,1
Симбирская	3,64	9,65	7,55	22,8	29,4
Саратовская	5,34	6,00	4,85	44,1	70,2
Самарская	5,96	8,15	4,84	38,9	82,6
Немкоммуна	-	18,00	2,09	16,4	27,4
Вятская	2,99	8,7	8,53	16,3	22,4
Пермская	-	-	5,67	13,7	19,1
Екатеринбургская	0,73	17,29	10,52	26,4	38,0
Уфимская	2,03	10,87	9,15	30,9	43,9
Челябинская	-	-	7,07	46,3	115,1
Оренбургская	-	-	8,80	-	-
Уральская	-	-	9,43	-	-
В среднем по району	3,58	6,55	5,98	23,9	39,7

Таблица 26 (продолжение)

Губернии	На одну десятину посева в пудах			В % к сбору в 1920/21 г.	
	1918/19	1919/20	1920/21	Валовой	Чистый
Потребляющие губернии Олонецкая	-	0,22	3,37	4,00	5,0
Северо-Двинская	0,49	4,56	6,36	11,3	13,4
Вологодская	-	4,70	7,30	20,1	28,2
Черневецкая	-	1,10	3,94	8,4	11,0
Новгородская	-	0,97	3,93	7,6	9,6
Петроградская	-	0,46	6,63	17,7	26,2
Псковская	-	0,51	3,35	8,8	12,1
Витебская	-	1,02	4,07	11,2	15,4
Гомельская			5,42	19,3	28,7
Минская	-	-	2,19	5,9	8,1
Тверская	-	4,27	6,12	10,0	13,3
Ярославская	-	2,45	9,98		
Костромская	-	2,00	1,72	3,9	5,2
Ивановская	-	-	1,11		3,7
Владимирская	-	2,27	4,06	13,5	20,8
Нижегородская	1,50	2,53	2,53	7,6	10,7
Смоленская	-	3,33	3,41	10,0	16,8
Московская	-	1,55	3,23	5,8	7,9
Калужская	0,77	2,55	2,59	8,1	14,4
Брянская	-	-	2,42	6,7	9,5
В среднем по району	*0,58*	*2,15*	*4,18*	*9,6*	*13,6*

тину посева[13] и об относительном их значении по сравнению с размерами хлебной продукции.

Приведенные в таблице данные позволяют сделать следующие заключения. Как и при порайонном рассмотрении общей массы разверсток, обнаруживается большая пестрота показателей относительной тяжести принудительных отчуждений в отдельных губерниях. Количество отчуждаемого хлеба по расчету на десятину посева резко колеблется и из года в год, и по соседним губерниям. Так, в Центрально-Земледельческом районе (семь первых строк) в одном и том же году, например 1919/20, есть губерния, уплатившая почти 6 пудов с десятины, наряду с двумя губерниями, отдавшими меньше чем по пуду с десятины. В Тамбовской губернии тяжесть налога уменьшалась от года к году, в Тульской, наоборот, увеличивалась, в Орловской испытывала резкие колебания и т. д. То же самое происходило и в других районах, не исключая и потребляющей полосы, где смежные губернии уплачивали нередко весьма различные количества зерна по расчету на единицу площади.

Объяснить все эти колебания налогового бремени нет никакой возможности. В каждом случае здесь действовало довольно сложное сочетание местных условий. Несомненно, однако, то, что в огромном большинстве губерний показатели тяжести налогового бремени возрастают с каждым годом. То же самое относится к итоговым средним величинам, где возрастание налогов становится еще очевиднее. В 1920/21 г. губернии производящей полосы уплачивали в среднем на 80%, а губернии потребляющей полосы на 57,5% больше, чем два года назад.

В приведенной выше таблице 24 общее количество изъятых по районам хлебов возрастало только в потребляющей полосе. В производящих губерниях оно достигло максимума в 1919/20 г. (160,5 млн пудов) и упало в 1920/21 г. (121,2 млн пудов). Теперь мы видим, что и для производящего района

---

[13] *Абсолютные данные о размерах посевной площади не приводятся вследствие неоднократно происходившего изменения административных границ губерний. Это обстоятельство не лишает, однако, сравнимости показателей относительной тяжести разверстки для одноименных губерний.*

ослабление реквизиций было только кажущимся. На самом деле в 1920/21 г. было взято на 2/3 пуда с десятины больше, чем в предыдущем году.

Что касается абсолютных размеров принудительных изъятий, то они были значительно выше в производящем районе, чем в потребляющем. В 1920/21 г. производящие губернии уплачивали в среднем по 6 пудов с десятины, а потребляющие по 4. Погубернские расхождения и там и здесь весьма велики. Обращает на себя внимание тяжесть налогов в Приволжских и Приуральских губерниях, где нередки случаи уплаты по 8–10 и более пудов с десятины.

Нам остается задать вопрос, какое значение имеет отдача этих 4, 6, 8 или 10 пудов с десятины по отношению к объему хлебных ресурсов. Ответ на этот вопрос содержится в той же таблице 26, где в двух последних графах общее количество принудительно изъятых хлебов выражено в процентах по отношению к валовому и чистому сбору (за вычетом семян) по отдельным губерниям в 1921 г.

Теперь, наконец, перед нами точный показатель тяжести разверсток, ибо кроме сокращения посевной площади цифра сбора учитывает и понижение урожайности. Цифры получаются поразительные. Даже в потребляющем районе имелись 4 губернии, отдававшие государству свыше 20% чистого сбора. В производящей полосе из 19 губерний пять отдали до 20%, десять — от 20 до 50% и четыре — свыше 70% чистого сбора. Среди особенно пострадавших от разверсток губерний находим значительную часть Поволжья и Приуралья. В Челябинской губернии было взято 105% чистого сбора, иначе сказать, были захвачены и семена. В среднем по всей России отчуждено было 23% валовой и 31% чистой продукции[14].

На этом можно закончить цифровую характеристику действовавших в течение четырех лет продовольственных монополий и разверсток. Ясно, что безвозмездное изъятие трети чистого урожая должно было самым разрушительным

---

[14] *Взвешенная, средняя. Ту же цифру, до 30% чистой продукции, находим в официальных расчетах управляющего ЦСУ. См.: П. Попов. Производство хлеба в РСФСР и федерирующихся с нею республиках. М., 1921. С. 25.*

образом влиять на крестьянское хозяйство. Нужно помнить, кроме того, что хлебные налоги были важнейшими, но не единственными. Мясные заготовки, производившиеся на тех же основаниях, что и хлебные, отнимали не менее 10% мясной продукции. Затем имелся еще ряд других налогов, поражавших все остальные второстепенные отрасли крестьянского хозяйства. Вместе взятые, они составляли нередко чувствительную надбавку к основной тяжести хлебных реквизиций.

Большое значение имел, наконец, порядок взимания продовольственно-сырьевых разверсток. Некоторое представление о нем было дано в исторической части настоящей работы. Более точную картину можно найти в докладной записке одного из видных «продовольственников», опубликованной в свое время комиссариатом продовольствия, очевидно, в качестве рекомендованного пособия по проведению хлебной кампании[15]. В записке можно найти поучительную историю о том, «как достается хлеб» и как следует «реализовать» урожай. С большим знанием дела и с эпическим спокойствием автор повествует, как он «прибыл» с 5000 «отрядников» в отведенную ему «для реализацию» урожая губернию, как он разделил свои силы по районам и создал «оперативные штабы, как в 48 часов была произведена раскладка причитавшихся с губернии 11 млн пудов хлеба по отдельным селениям, с колебаниями обложения от 5 до 35 пудов на десятину, как затем было приступлено к «выколачиванию» хлеба, игнорируя «товарообмен» и другие тонкости, как приходилось по 8–10 раз заглядывать в один и тот же двор для обнаружения спрятанного хлеба, как непокорные толпы крестьян рассеивались «пулеметным огнем вверх» и бомбами, бросаемыми «в сторону», как «на рассвете занимались крупные селения», производились «повальные обыски» и предъявлялись «ультиматумы», как убежденные крестьяне вносили после этого немедленно 100% разверстки, как одно присутствие вооруженной силы производило необходи-

[15] *Как достается хлеб. Доклад уполномоченного ВЦИК по реализации урожая 1919 г. в Симбирской губернии тов. Кагановича. М., 1920.*

мое «моральное» действие и как в конце концов выколачиваемый хлеб «могучей лавиной двинулся» в ссыпные пункты, на станцию и пристани.

Описанные методы «реализации урожая» действительно дали блестящие результаты. Симбирская губерния, где действовал автор записки, дала в этом году 10 млн пудов хлеба и выполнила почти 100% данного задания. Но уже в следующем 1920/21 г., несмотря на подготовленную почву и выработанные методы, здесь удалось «реализовать» только 6,5 млн пудов, а еще через год губерния была одним из очагов беспримерного голода.

6. Трудовая повинность

Продовольственная политика была главным, но не единственным фактором разрушения крестьянского хозяйства. Многое в этом направлении сделано еще системой обязательных трудовых повинностей.

Смысл этих институтов объяснен выше. Социалистическое правительство считало себя вправе распоряжаться личностью своих подданных и заменять частнохозяйственные стимулы к труду. Обязательная трудовая повинность должна была дать возможность «планомерного» распределения и использования наличных запасов рабочей силы в стране для надобностей социалистического хозяйства.

Главные запасы этих сил находились в деревне, куда укрылась от голода и значительная часть пролетариата. Естественно, что лично-трудовые обязательства всею тяжестью своей должны были лечь именно на сельское население.

Запасы рабочей силы для разного рода хозяйственных целей черпались из деревни двумя способами. Во-первых, она поставляла кадры для регулярных «трудовых армий», организованных в определенные единицы и работавших на раз-

ных трудовых «фронтах». Во-вторых, на деревенское население возлагалось выполнение целого ряда эпизодических и периодических работ, требовавших массового приложения неквалифицированного труда и, главное, массового использования транспортных средств крестьянского населения.

Второй вид трудовых повинностей лег на крестьянское хозяйство несравненно более тяжелым бременем, чем первый. Грандиозные планы Троцкого о милитаризации труда окончились почти ничем. Если не считать того переходного периода, когда демобилизованные красноармейские части временно исполняли обязанности «трудовых» полков, то во исполнение декрета о всеобщей трудовой повинности была произведена только одна мобилизация трех возрастов (1885–1888 гг.) в конце 1920 г.[16]

Остальное время государственные органы, ведающие трудовой повинностью, занимались учетом работоспособного населения, успев подготовить списки его по 9 губерниям как раз к тому моменту, когда учет трудоспособных сделался ненужным в силу «новой» экономической политики[17]. На 1 октября 1921 г. численный состав всех трудовых частей определялся в 188 662 человека, из которых фактически работало только 50%, а остальная половина поровну делилась между «самообслуживанием» и «неиспользованностью по разным причинам»[18]. К концу ноября 1921 г. численность трудоармейцев упала до 100 000 человек, опять-таки «примерно» на половину занятых «самообслуживанием». Как не бессмысленна сама по себе подобная организация труда, она не могла повлиять слишком сильно на состояние крестьянского хозяйства, хотя бы уже вследствие общей скромной численности «трудовых» частей.

Гораздо ощутительнее для крестьянина оказались так называемые «периодические» и иные нерегулярные натуральноличные повинности. За два года существования декрета о все-

---

[16] *СУ. 1920. №79. Ст. 372.*— **Ред.**

[17] *Дополнения к «Обзору деятельности Народного комиссариата труда за 1921 год». М., 1921. С. 23.*

[18] *Там же. С. 38.*

общей трудовой повинности, на крестьянина и его лошадь был возложен целый ряд всевозможнейших «общественно-необходимых» работ. Крестьянин вывозил на станции и на ссыпные пункты отобранный у него же самого хлеб, сводил лес, пилил и возил в город дрова, перевозил с места на место бесчисленную советскую администрацию, расчищал от заносов железнодорожные пути, разгружал и нагружал вагоны, чинил проселочные дороги, обрабатывал поля и убирал хлеб для красноармейцев, прудил мельничьи плотины, подметал городские вокзалы и улицы, собирал для топлива еловые шишки[19].

Весь этот тяжелый труд, требовавший участия не только самого «трудообязанного», но и его рабочего скота вместе со скудным транспортным инвентарем, почти не оплачивался. За целый день труда взрослого мужчины с телегой и лошадью «выдавали» ничтожный «паек», состоящий из фунта хлеба, щепотки соли, коробки спичек, чаще всего десятка фунтов овса для лошади. В большинстве случаев даже эти нищенские нормы оплаты труда оказывались фактически невыполненными. По признанию официального отчета «общие цифры задолженности» государства населению «достигают огромных размеров». Один только Главный лесной комитет остался должен населению 23,5 млрд рублей деньгами, 180 пудов жиров, 13 293 пуда мяса, 63 пуда чая и т. д.[20] Нередко повинности крестьянского населения вообще считались бесплатными. По подсчетам одного автора, касающимся 6 губерний, ущерб, понесенный населением от трудовой повинности по заготовкам леса, составляет 14 млн золотых рублей, а доход от государства за выполнение этой работы, по самым оптимистическим расчетам, не может превышать

---

[19] Постановлением СНК от 14 сентября 1920 г. Главному комитету по трудовой повинности предлагалось привлечь к сбору «шишечного топлива» всех деревенских детей школьного возраста и «трудоспособные элементы населения в возрасте более 40 лет для женщин и более 50 лет для мужчин». Зимой того же года каждый служащий московских советских учреждений был награжден бесплатно одним пудом «шишечного топлива». (Известия Главного комитета по всеобщей трудовой повинности. 1920. № 6. С. 19)

[20] Дополнения к «Обзору деятельности Народного комиссариата труда за 1921 год». М., 1921. С. 24.

1,2 млн руб. Труд крестьянина оплачен, таким образом, не более как на 8% его действительной стоимости[21]. В итоге и сами «трудообязанные» и их работодатели смотрели на разного рода «пайки» и денежные выдачи, как на подачки, имеющие целью несколько скрасить настроения работающих. Установился, по существу, правильный взгляд, что трудовая повинность основана не на договорном начале, но представляет собой образец подневольного, обязательного и бесплатного труда.

Обременительность трудовых повинностей усиливалась организацией их выполнения. Основные декреты по этому поводу имели в виду только интересы административно-хозяйственных органов и не содержали никаких норм, охраняющих интересы «трудообязанных»[22]. Право пользования трудовой повинностью было предоставлено не только различным центральным «чрезвычайным» комиссиям по снабжению топлива, по борьбе с заносами, пожарами, вредителями и т. п., но и местным советским властям. На почве же «местных нужд» вырастали самые уродливые формы эксплуатации городом деревни. Каждый уездный город или губернский Совет считал себя полным хозяином личных сил и транспортных средств подчиненных ему деревень. В административных органах, особенно провинциальных, сосредоточились отбросы городской культуры, не имеющие часто никакого представления об условиях деревенской жизни. Они могли искренне верить, что крестьянская лошадь работает без корма 24 часа в сутки, а крестьянское хозяйство представлялось им неисчерпаемым источником не только продовольственных ресурсов, но и свободного запаса живой силы, которым правящий класс пролетариев рас-

---

[21] *Вайнштейн А. Сравнительная тяжесть обложения крестьянского хозяйства до войны и в настоящее время. (Б. м. Б. г.— **Ред.**)*

[22] *Иначе, конечно, быть не могло. Только в социалистических условиях можно было рисовать себе картину идеального плана народного хозяйства, где каждому рабочему или земледельцу отведено определенное место, гарантирующее наиболее целесообразное и продуктивное использование его сил. Русский опыт показал, что социалистическое хозяйство практически может строиться только на основе районных планов и большой децентрализации хозяйственного управления.*

поряжается по своему усмотрению. Нет той экономической бессмыслицы, которая не была бы испробована в виде обязательных заданий для трудовых повинностей. Описывать их — значило бы пуститься в расследование изобретательности каждого уездного совета и комитета труда[23].

В настоящее время с переходом к «новой» экономической политике само ведомство, раньше проводившее в жизнь трудовую повинность, откровенно признает, что его прежняя политика в этой области выливалась в «уродливые и отрицательные формы», что повинности не были ограничены «никакими нормами», что «самый процесс привлечения к трудовым повинностям проходил под знаком безответственности со стороны органов потребителей, не признававших за собой... никаких обязанностей» по отношению к привлекаемым «массам» и проявлявших «до преступности легкое отношение к условиям работы и быта последних» и что, наконец, в области подневольного труда наблюдались «частые злоупотребления» либо прямое неиспользование мобилизованных сил[24].

Всякий, кому приходилось зимой 1920 г. проезжать проселочной дорогой, помнит незабываемую картину принудительной организации труда. Снежные поля, пустынное шоссе, черные пятна павших при исполнении обязанностей лошадей по сторонам дороги, изредка советские трактиры с одной горячей водой, одинокий, бесконечно длинный, еле двигающийся обоз с «советскими» дровами и неизменные через каждые 15–20 верст «засады» заградительных отрядов, тша-

---

[23] *Автору, например, лично известен случай, когда в течение целой зимы железнодорожное сообщение между двумя городами поддерживалось при помощи дров, подвозившихся крестьянами гужем на расстояние 60 верст вдоль линии железной дороги. Целью этой своеобразной системы была, очевидно, «экономия» дорогих железнодорожных сооружений за счет дешевых крестьянских лошадей.*

[24] *Народный комиссариат труда. Сборник действуюших постановлений, инструкций и телеграфных распоряжений по проведению трудовых и гужевых повинностей. М., 1921. С. 5. Аналогичные признания см.: Дополнения к «Обзору деятельности Народного комиссариата труда за 1921 г.» М., 1921. С. 22.*

тельно перерывающие возы с дровами, чтобы найти и отобрать запрещенные к провозу продовольственные припасы.

Нет никакой возможности сколько-нибудь полно и точно определить в цифрах объем выполненных деревенским населением трудовых повинностей и ущерб, нанесенный ими крестьянскому хозяйству. Точными сведениями о количестве и качестве исполнения работ располагают только ближайшие к населению местные административные органы, по непосредственному распоряжению которых происходит отправление на работу людей и лошадей. Впрочем, здесь в большинстве случаев никаких письменных документов не оставалось, так что и будущий статистик не сумеет подсчитать, сколько «трудодней» и «пудоверст» отдано крестьянским населением на пользу социалистического хозяйства.

Отдельные, ограниченные небольшой территорией подсчеты дают поразительные цифры. Один автор-коммунист попытался подсчитать по документальным данным, какую работу пришлось выполнить людям и лошадям его родной волости в порядке трудовых повинностей. Оказалось, что 2 000 лошадей, насчитывавшихся в этой волости, за один 1920 г. прошли по приказам Советской власти не менее 500 тыс. верст, т. е. десять раз объехали по экватору земной шар[25]. Исследованная волость вовсе не принадлежит к числу исключительных, и усердие местных органов власти не выходит за пределы нормального.

Ниже приводятся подсчеты, произведенные автором этих строк на основании анкеты, захватывавшей 146 крестьянских хозяйств в 6 губерниях, довольно полно представляющих разные хозяйственные районы России. В анкете задавался, между прочим, вопрос о количестве затраченных на трудовые повинности рабочих дней, мужских, женских и лошадиных. Другие вопросы анкеты позволили установить общий запас рабочей силы в хозяйстве по тем же категориям. В таблице 27 сопоставлены эти величины.

Первое, на что следует обратить внимание, это абсолютные цифры, выражающие объем трудовых повинностей. Они

[25] *Большаков. Выиграло или проиграло крестьянское хозяйство от революции.*

Таблица 27

Объем трудовых повинностей в среднем на одно хозяйство в 1920 г.

Губернии	Число показ.	Затрачено рабочих дней на трудовую повинность				Уд.вес в годичном запасе рабочей силы в хозяйстве			
		Мужчины	Женщины	Всего	Лошади	Мужчины	Женщины	Всего	Лошади
Уфимская	9	72,2	12,6	84,8	71,5	19,0	3,3	11,6	14,4
Орловская	40	34,5	6,6	41,1	26,6	6,3	1,1	3,5	5,5
Тульская	25	27,1	5,3	32,4	27,4	6,8	1,3	4,1	6,3
Северо-Двинская	20	82,7	40,8		46,2	19,4	3,4	13,5	12,7
Новгородская	18	46,6	13,1	59,7	41,1	11,3	3,4	7,7	10,8
Владимирская	34	24,8	6,5	31,3	25,5	5,3	1,5	3,4	8,5

везде оказываются весьма заметными величинами. Нет ни одной губернии, где трудовая повинность отнимала бы менее одного рабочего месяца в год мужского и женского труда вместе. В среднем по всем 6 губерниям затрата рабочего времени составляет 62 дня на одно хозяйство, или около 2,5 рабочего месяца. Нужно заметить, что в этой сумме преобладает более дорогой и ответственный в сельском хозяйстве труд мужчины, на долю которого приходится 2 месяца, или 80% трудовых повинностей. Кроме того, каждое хозяйство в среднем отдавало государству 40 рабочих дней лошади.

Если мы теперь сопоставим трудовые повинности с общим запасом рабочих сил в хозяйстве, то окажется, что в среднем по всем губерниям принудительный труд отнимал 11,3% мужской рабочей силы, 3,2% женской и 9,7% лошадиной. Это значит, что каждый мужчина в крестьянской семье отдавал социалистическому правительству каждый 9-й день своего труда, каждая женщина трудилась по приказу того же правительства каждый 30-й день и каждая лошадь в крестьянском хозяйстве работала для государства один из десяти своих рабочих дней.

Но эти средние цифры еще не говорят всей правды. Размеры трудовых повинностей обнаруживают колебания по от-

дельным губерниям. В этом сказывается та особенность организации трудовых повинностей, о которой говорилось выше и которая предоставляла слишком большие права местным органам власти. Тогда как, например, в губерниях Орловской, Владимирской и Тульской принудительный труд отнимал всего 5–6% рабочего времени каждого взрослого мужчины, в Новгородской губернии этот коэффициент социалистического использования рабочей силы поднимался до 11%, а в Уфимской и Северо-Двинской приближался уже к 20%. Даже в пределах одной и той же губернии обнаруживаются значительные расхождения. В Северо-Двинской губернии зарегистрированы хозяйства, отдававшие до 100 мужских и столько же женских дней работы. Во Владимирской есть несколько случаев, превышающих 50 дней труда и т. д.

Никакой закономерности в колебаниях этих цифр искать не следует. Некоторое влияние на степень развития трудовых повинностей оказывал, быть может, лесистый характер местности. Чем больше леса, тем больше поводов к лесным работам. Это обстоятельство с точки зрения интересов крестьянского хозяйства должно считаться отрицательным. Именно в северной, лесистой полосе России благосостояние крестьянского хозяйства основано на отхожих и кустарных промыслах, и для этой цели крестьянин в нормальное время пользовался зимним досугом. Затрата хорошо оплачиваемого рабочего времени на безвозмездные повинности наносила, конечно, серьезный ущерб интересам северного крестьянина. В общем же пестрота размеров трудовых повинностей больше всего объясняется случайными причинами и произволом местных властей.

Но как раз этот произвол и ощущался болезненнее всего.

Крестьянин не мог располагать ни своим временем, ни своей лошадью, ни своей телегой. Всегда, зимой и летом, во время отдыха и на полевых работах[26], могло явиться начальство и потребовать его к отбыванию социалистической повинности. Последние разрушали его здоровье, губили лоша-

[26] *Только в апреле 1921 г., т. е. уже после объявления нового курса был издан декрет, ограничивающий право привлечения крестьянства к трудовой повинности в период полевых работ. (Бюллетень трудового фронта. 1921. № 8.)*

дей[27] и ломали последний инвентарь, не давая взамен ни материальных компенсаций, ни морального удовлетворения. Троцкий думал, что «аппарат трудовой повинности» на практике приучит крестьянскую массу к особенностям «нового режима» и разовьет в ней социалистические навыки. На деле трудовая повинность будила не мечты о земном рае, а воспоминание о недавнем прошлом, когда крестьянин был прочно опутан узами крепостного права.

Вместе с этими воспоминаниями возрождалась и психика подневольного труда. С одной стороны, стремясь ускользнуть от гужевой повинности, крестьянин сокращал численность своего рабочего скота, недостаток же последнего заставлял ухудшать обработку почвы и сокращать площадь посева. С другой стороны, чувствуя себя в полной зависимости от произвола местной власти и отдавая социалистическому государству не только продукт своего труда, но и самые силы и здоровье свое, крестьянин переставал сознавать себя свободным хлебопашцем, терял интерес к ведению хозяйства, опускал руки и переходил на положение ленивого и лукавого раба.

Если продовольственные разверстки уменьшали стимулы к производству и сокращали площадь посевов крестьянских хозяйств, то транспортная повинность сокращала наличность живого и мертвого инвентаря, а трудовая — убивала саму душу крестьянского хозяйства, его волю к свободному труду.

7. Итоги влияния «старой» политики

До сих пор мы рассматривали каждый из социалистических налогов порознь и судили о размерах, выраженных в соответствующих натуральных единицах меры, веса или вре-

---

[27] *Падеж лошадей на трудовой повинности сделался массовым явлением, потребовался специальный декрет об оказании помощи хозяйствам, лишившимся лошадей на гужевой повинности. (Известия ВЦИК. № 127. 1920. 6 июня.)*

мени. К этому обязывала нас натуральная форма налогов, взимавшихся именно в пудах, штуках, ведрах и днях. Но эти разноименные величины не дают еще представления об истинных размерах налогового бремени. Необходимо найти общую единицу измерения для всех натуральных повинностей. Главное же, надо определить, какую долю крестьянского дохода поглошают эти налоги и в каком соотношении они находятся с налоговым бременем старого режима. Только такие расчеты могут с полной определенностью ответить на вопрос о выигрыше или проигрыше крестьянства, и только они могут измерить силу разрушительного влияния советской политики на сельское хозяйство страны.

Попытка разрешить эту задачу может быть сделана при помощи бюджетных данных. В 1920/21 г. Центральным статистическим управлением было произведено описание нескольких сот типичных крестьянских хозяйств в ряде губерний Советской России. Бюджеты, как зеркало, отражают все детали крестьянской жизни. Выполненные по очень подробной программе, они содержат данные о денежно-меновых операциях крестьянского хозяйства, о происходящем внутри его движении натуральных ценностей, о запасе труда и объектах его приложения. В числе расходных статей крестьянского бюджета подробно учтены все уплаченные им натуральные налоги, а также количество затраченных на трудовые повинности рабочих дней. Все доходы от выполнения государственных повинностей, хотя бы и самые ничтожные, занесены в актив хозяйства. Материал бюджетной статистики позволяет ответить и на интересующие нас вопросы. Соответствующие сопоставления сделаны в таблице 28. Отсутствие неизменного мерила ценности для суммирования сделок, распределенных по всему бюджетному году, заставило исчислить интересующие нас величины в золотых рублях по местным ценам нормального времени.

Цифры таблицы достаточно красноречивы. Принудительное отчуждение продуктов в общей сложности составляет от 33 до 88 руб. на хозяйство в разных губерниях. По расчету на средний семейный состав хозяйства это составляет от 5,3

Таблица 28

Натуральные налоги и трудовая повинность в 1920 г.
в расчете на одно хозяйство

Губернии	Число описанных хозяйств	Размер семьи, чел.	Площадь посева, десятин	Убытки, зол. руб.		
				от принудит. отчуждения	от трудповинности	итого
Новгородская	21	6,6	3,6	52,5	73,0	125,5
Сев[еро]-Двинская	26	6,1	1,9	32,5	126,9	150,4
Владимирская	45	6,7	4,1	33,5	51,4	84,9
Тульская	32	6,5	3,8	88,3	41,5	129,8
Орловская	53	8,5	5,5	77,2	45,0	122,2
Уфимская	25	5,8	4,9	50,8	90,9	141,7
Всего и в среднем	*202*	*6,7*	*4,0*	*55,8*	*71,3*	*127,3*

до 13,6 золотого рубля подушной подати; десятина посева уплачивает 8–23 рублей золотом. Неравномерность обложения сочетается здесь с высокими абсолютными размерами податного бремени.

Что касается трудовой повинности, то по своим абсолютным размерам стоимость отданного государству труда мало уступает ценности взятых им продуктов. В общем, можно заметить, что принудительные отчуждения продуктов были наивысшими в производящих хлеб губерниях, а трудовая повинность ложилась более тяжелым бременем на население потребляющей лесной полосы России.

В итоге все крестьянство находилось приблизительно в одинаковых условиях. Продуктами своего хозяйства и личным трудом оно уплачивало в пользу социалистического государства огромную подать в 127,3 руб. на хозяйство. По расчету на душу населения и десятину посева это составляет 19,5 и 31,8 золотого рубля.

Разрушительная сила налогов такого размера очевидна сама собою. Она еще резче бросается в глаза при сопоставлении с тяжестью податного бремени нормального времени. Такие сопоставления неоднократно делались в Советской России и приводили к неодинаковым результатам.

Многое зависит здесь, конечно, от метода исчисления и отбора сопоставляемых величин. Полный список убытков и переплат крестьянина при старом режиме так же велик, как перечень прямых и косвенных потерь его при социалистическом строе. Раньше на крестьянина ложились: прямые, общие и местные налоги, арендная плата за помещичьи и государственные земли, переплаты в пользу государства за водку, сахар, спички и другие монополизированные или обложенные акцизом продукты потребления, к числу потерь крестьянского хозяйства можно, наконец, отнести вздорожание некоторых товаров вследствие высокого таможенного тарифа. С другой стороны, ущерб, наносимый крестьянскому хозяйству современным строем, также не ограничивается натуральными налогами и трудовой повинностью. К ним присоединяется убыток от понижения покупательной силы хлеба, сокращение кустарных промыслов вследствие монополизации источников сырья и орудий производства, сокращение спроса на личный промысловый труд, отсутствие свободной конкуренции, монопольная цена нелегального рынка и ряд других косвенных последствий неблагоприятной крестьянину экономической политики.

Полный учет всех источников, прямых и косвенных потерь одинаково невозможен как для нормального, так и для революционного времени. На стороне социалистической более или менее точному определению поддаются только описанные выше натуральные налоги и трудовая повинность. Налоги буржуазного государства могут быть учтены с большей полнотой. Однако было бы неправильно противопоставлять прямым налогам социалистического периода сумму прежнего прямого и косвенного обложения.

Доходы буржуазного государства от акцизов и особенно монополий в значительной степени черпаются из прибы-

лей посредников и торгового капитала. Мы не можем, например, сказать, что отмена винной монополии повлекла бы за собой понижение цен на водку на всю сумму винного дохода. Возможно, что значительная часть его попала бы в руки народившегося класса посредников и крестьянин не получил бы почти никакой выгоды от уменьшения косвенных налогов. Еще сомнительнее личность последнего плательщика таможенных пошлин. Им может оказаться и иностранный импортер. Вообще же уплата косвенных налогов неразрывно связана с приобретением продуктов потребления.

Нельзя поэтому считать без дальних слов, что революция положила в карман крестьянину всю сумму отмененных косвенных налогов. Чтобы сделать уплачиваемые суммы сравнимыми, надо принять во внимание условия снабжения крестьянина облагавшимися продуктами в революционное время. Но здесь мы наталкиваемся на описанное выше понижение покупательной силы продуктов сельского хозяйства по сравнению с продуктами промышленности. Неблагоприятная для производителя хлеба конъюнктура отнимала у него гораздо больше, чем он получал в виде отмены косвенных налогов.

Если мы сбросим косвенные налоги, с одной стороны, и учет потерь от ненормально высоких цен и недостатка продуктов, с другой, то, во-первых, избегнем вычисления сомнительных величин и, во-вторых, изменим соотношение налоговых норм скорее в пользу нового порядка, чем наоборот[28].

Проблематичным «завоеванием» революции приходится считать и освобождение крестьянина от арендной платы в пользу земельного собственника. Выигрыш был бы лишь в том случае, если бы крестьянство сумело воспользоваться полученной дополнительно землей. В действительности оно сократило посевы даже на собственной земле. Выиграть могли отдельные крестьяне, крестьянство в целом, «как класс», проиграло и здесь.

---

[28] *Кому этих соображений недостаточно, пусть вспомнит о потере крестьянским хозяйством 90% промыслового дохода. Это ведь тоже дань крестьянина государственной промышленности, между тем мы не ставим ее в счет советскому строю.*

В силу всех изложенных соображений мы полагаем, что сопоставление одних прямых налогов является наиболее бесспорным и реальным методом измерения сравнительной тяжести податного бремени.

Что же даст такое измерение?

В таблице 29 приведены данные о размерах прямых налогов по бюджетным описаниям 1920/21 г.

Губернии не совпадают, но в общем в обоих случаях различные экономические районы представлены с достаточной полнотой, и мы можем без больших сомнений сопоставлять средние итоги, а также распространять их на всю Россию.

По абсолютным размерам податное бремя по расчету на одно хозяйство 1920/21 г. превышает довоенную норму в среднем в 9 раз. По расчету на душу населения тяжесть обложения возросла еще больше. Каждый сельский житель отдавал в 1920/21 г. государству трудом и продуктами ровно в 10 раз больше, чем при старом режиме.

Тяжесть налогов измеряется, однако, не столько их абсолютными размерами, сколько отношением к платежеспособности.

Производительность сельского хозяйства, как мы знаем, резко понизилась за время революции. Увеличенные во много раз налоги падали на сократившуюся к 1921 г. примерно вдвое продукцию и потому должны были ощущаться населением как более тяжелое и все возрастающее бремя.

К сожалению, нет возможности измерить точной цифрой отношение налогов к платежеспособности или доходности крестьянского хозяйства. Если это можно сделать для денежных налогов нормального времени, то из современных натуральных налогов только принудительное отчуждение продуктов может быть исчислено как доля валового или чистого дохода хозяйства. Трудовая повинность непосредственно уносит из хозяйства не продукт, а только часть его рабочей силы, запас же последней относится к капиталам хозяйства и не учитывается в материальном доходе крестьянина. Желая выразить относительную тяжесть прежних и новых налогов в долях дохода, приходится ограничиться сопоставлением пре-

Таблица 29

Прямые налоги до войны* и в 1920/21 г., в зол. руб.

До войны			В 1920/21 г.				
Губернии	Прямые налоги		Губернии	Натуральные налоги		Натуральный налог и трудовая повинность	
	На одно хозяйство	На одного члена семьи		На одно хозяйство	На одного члена семьи	На одно хозяйство	На одного члена семьи
Вологодская	12,2	2,2	Северо-Двинская	32,5	5,3	159,4	26,1
Новгородская	11,9	1,7	Новгородская	52,5	8,3	125,5	19,0
Московская	12,9	1,5	Владимирская	33,5	5,0	84,9	12,7
Смоленская	16,3	2,2	Тульская	88,3	13,6	129,8	20,0
Тамбовская	20,7	2,5	Орловская	77,2	9,1	122,2	14,4
Харьковская	12,5	1,6	Уфимская	50,8	8,6	141,7	24,4
В среднем	14,4	1,9	*В среднем*	55,8	8,3	127,3	19,4

* Имеется в виду до Первой мировой войны.— ***Ред.***

жних налогов с одним продуктовые обложением нового времени. Это заведомо неполный, склоняющий весы в пользу революции расчет. Тем не менее и он дает достаточно определенные результаты.

Таблица 30

Относительная тяжесть налогов до войны и в 1920-21 гг.

До войны		В 1920/21 г.		
Показатели	В среднем по 5 губерниям	Показатели	В среднем по 7 губерниям потребляющей полосы	В среднем по 7 губерниям производящей полосы
1. Валовая продукция на 1 хозяйство, зол. руб.	924,0	1. Валовая продукция на 1 хозяйство, зол. руб.	483,0	384,4
2. -"- на 1 душу, зол. руб.	127,5	2. -"- на 1 душу, зол. руб.	73,2	52,0
3. Прямые налоги на 1 хозяйство, зол. руб.	13,2	3. Продразверстка на1 хозяйство, зол. руб.	40,6	66,5
4. -"- на 1 душу, зол. руб.	1,8	4. -"- на 1 душу, зол. руб.	6,2	9,0
5. Прямые налоги к валовой продукции, %	1,4	5. Продразверстка к валовой продукции, %	8,4	17,3

По разным губерниям в нормальное время взималось в среднем 1,4 валового дохода. В 1920/21 г. доля государства дает уже между 8,4 и 17,3%. В среднем тяжесть обложения возросла в 6–12 раз, и это *не считая трудовой повинности*.

Словом, каким способом ни измерять налоговое бремя, крестьянин оказывается в жестоком проигрыше уже при сопоставлении одних сумм и ставок прежних и нынешних налогов.

Для полноты картины необходимо напомнить, что в смысле обременения плательщика *формы взимания* налога имеют не меньшее значение, чем ее размеры. Это установлено еще А. Смитом в его знаменитых четырех правилах налоговой по-

литики. Система советских налогов кажется построенной на принципиальном отрицании каждого из них. Вместо налогового *равенства* мы имеем исключительно неравномерное, несправедливое и несогласованное с хозяйственными силами плательщиков обложение. Вместо *определенности* налогов — судорожное изъятие на глаз установленных «излишков», совсем по Смиту «поощряющее нахальство и содействующее развращению сборщиков податей». Вместо наибольшего *удобства уплаты* налога — наиболее тяжелая натуральная форма налогов, связанная для плательщика с рядом добавочных обременении в виде подвоза, ссыпки и хранения продуктов. Вместо дешевизны взимания, наконец,— громаднейший аппарат людей, складов, транспорта и упаковочных средств, поглощающих иногда до 50% собранных продуктов.

Мы не говорим уже о средневековых жестокостях, сопровождавших взимание разверсток и налогов, о «милитаризации» продовольственного дела, о лишении свободы распоряжения своей личностью всех «трудообязанных». Эти стороны социалистической налоговой системы не могли быть предусмотрены в гуманный век Смита.

Подведем теперь итог описанным выше плюсам и минусам революции. Конфискация земель нетрудового пользования и дополнительное наделение обманули ожидания крестьянства. Выгодная для сельского хозяйства конъюнктура войны и первого года революции быстро уступила место сокращению покупательной силы крестьянства и понижению ее по сравнению с продуктами промышленности. Освобождение от прямых и косвенных денежных налогов сменилось бестоварьем и неизмеримо более тяжким натуральным обложением. Формы взимания налогов заставляли вспоминать об остатках средневековья и крепостного права. Баланс советской политики явным образом складывался не в пользу крестьянского хозяйства. Революция возлагала на него несравненно более тяжкое бремя, чем снимала.

Как это могло отражаться на судьбе хозяйства? В рамках буржуазного строя всякое индивидуальное хозяйство может реагировать на высокие налоги двояким образом. Во-первых,

оно постарается избавиться от них перелагая их на других лиц, переводя свои капиталы в другую отрасль производства или экспортируя их за границу. Во-вторых, если более выгодного помещения для капитала найти нельзя, хозяйство может попытаться расширить и интенсифицировать свое производство, чтобы за уплатой налога очищался достаточно высокий, свободный приток дохода. В замкнутом безобменном социалистическом хозяйстве все эти пути наглухо закрыты. Переложение налогов невозможно, ибо они взимаются в натуральной форме, а рыночный оборот теоретически отсутствует. Миграция и экспорт капиталов невозможны в условиях национализированной промышленности. Расширение продукции с частнохозяйственной точки зрения бесполезно, ибо государство забирает все «излишки» сверх минимальной нормы потребления. Остается один выход — сокращать производство до необлагаемых нижних пределов и таким образом избавиться от безвозмездной работы для государства.

Так именно реагировал крестьянин на экономическую политику Советов. От образа действий последних к описанному выше катастрофическому падению русского сельского хозяйства ведет прямая причинная линия.

Глава 3
Перерождение крестьянского хозяйства

Предыдущее изложение дает характеристику деградирующего влияния революции на сельское хозяйство в целом. Этого недостаточно, однако, ни для оценки глубины падения сельского хозяйства, ни для установления народнохозяйственного значения этого факта, ни для выяснения перспектив экономического возрождения России.

Сельское хозяйство в целом есть такая же методологическая фикция, как «народнохозяйственная» точка зрения по отношению к современному индивидуалистическому «народному хозяйству», представляющему собой лишь систему автономных хозяйств, а не единое, органически слитое во всех своих частях общество-хозяйство.

Единственной реальностью народного хозяйства индивидуалистического типа является отдельное хозяйственное предприятие. Точно так же индивидуальное крестьянское предприятие надо считать единственной реальной данностью современного русского сельского хозяйства.

Это предприятие было точкой приложения для всех разрушительных мероприятий эпохи обобществления сельского хозяйства, оно должно сделаться и исходным пунктом для будущего возрождения России.

План социалистического строительства разбился о не-

соответствие предпринимаемых мероприятий природе крестьянского хозяйства. В то же время грандиозный опыт не мог пройти даром. Он произвел глубокие изменения в строении крестьянского хозяйства. Не теряя своей индивидуалистической сущности, оно видоизменило цели, приспособило к ним средства, начало работать другими методами и на иных основаниях установило свое равновесие с внешним миром.

Оценка прошлого невозможна без понимания этих внутрихозяйственных процессов.

Точно так же это понимание необходимо для прозрения будущего.

Недостаточно бесконечных повторений азбучных истин о развитии производительных сил и нуждах сельского хозяйства. Нужно знать, к какому объекту будут приложены проектируемые мероприятия, как восприняты они будут изменившимся в революции индивидуальным крестьянским хозяйством, в каком отношении принесут ему пользу или вред.

Задача настоящей главы заключается в описании перерожденного революцией крестьянского хозяйства. Мы знаем уже, как изменились количественные пропорции сельскохозяйственного производства и каковы были причины этих изменений. Теперь настал момент выяснить, в каком виде вышло индивидуальное хозяйство из революционного процесса и как изменились типичные для него формы организации и цели производства.

Внутреннее перерождение крестьянского хозяйства характеризуется следующими тремя основными чертами.

1. Нивелировка размеров и доходов хозяйственных единиц

До революции строение крестьянского хозяйства не было однородным. Русские экономисты давно спорили между собой,

куда ведет крестьянское хозяйство стихийный процесс экономической эволюции: в сторону «дифференциации» или «нивелировки», в сторону расслоения деревни на крупные, средние и мелкие хозяйства или в сторону исчезновения крайних групп. Мы видели в первой части настоящей работы, что история готовилась разрешить этот старинный спор, по-видимому, в пользу первого мнения. Здоровое экономическое развитие страны постепенно выдвигало на первый план средние и сравнительно крупные крестьянские хозяйства. Именно здесь накапливались излишки, росли потребности, завязывались сношения с рынком, создавался спрос на продукты промышленности. Удельный вес «крепких» хозяйств возрастал из года в год. Статистически этот факт выражался в увеличении процента средних хозяйств при каждой следующей частичной переписи. Относительно сокращались рыхлые, недостаточно обеспеченные трудом и капиталом хозяйственные единицы и еще быстрее разрушались мельчайшие парцеллярные, безлошадные и беспосевные группы.

Революция резко оборвала этот естественный процесс отбора приспособленных. Все удары советской экономической политики были направлены против деревенской «буржуазии», т. е. против состоятельных крестьянских хозяйств. Не всегда эти удары попадали в цель. Борьба за сохранение накопленного и за место на жизненном пиру подсказывала слишком много путей уклонения от сетей социалистического законодательства. Тем не менее 4 года упорного натиска не прошли даром. Разрушению подвергся не только тонкий слой действительно богатого крестьянства, но и широкие массы «средних», добросовестных, хороших хозяев. Несмотря на дружелюбие Наркомзема, «середняку» приходилось нести на себе всю тяжесть политики Наркомпрода. На одной подлинной деревенской «буржуазии» нельзя было бы обосновать и десятой доли советской финансовой системы.

Описанное выше падение общей посевной площади прежде всего объясняется сокращением посевов в крупных крестьянских хозяйствах.

При господстве хлебной монополии или при последовательном проведении разверстки производство сельскохозяй-

ственных продуктов становилось невыгодным прежде всего там, где имелись товарные излишки и сверх собственных потребностей, а такими излишками, конечно, только и могли обладать сравнительно крупные крестьянские хозяйства.

Мелкие производители не имеют излишков, обложение заставляет их либо сокращать потребление, либо повышать затраты труда. У крупных, прежде чем придти к такому положению, есть психологически более легкий и доступный путь — сокращение посевов. Натуральные налоги, кроме того, по существу своему были прогрессивными. Они стремились взять весь излишек производства сверх собственного потребления и потому в большей степени ложились на хозяйства, производившие большие массы продуктов, чем на мелкие, чисто продовольственные единицы. Это заставляло еще быстрее сокращать элементы производства в крупных хозяйствах.

Сильные хозяйства разрушались, однако, не только сверху, но и снизу. Революция открыла возможность насильственного, внеочередного продвижения по социальной лестнице. Парцеллярные хозяйства, обреченные на гибель в экономической борьбе, теперь могли поправить свои дела, спекулируя на принципе равенства. Поскольку закон о земле претворялся в жизнь, они являлись первыми претендентами на конфискованные земли и инвентарь. Поскольку раздел этого имущества не удовлетворял аппетитов, на очередь ставилось «поравнение» состоятельного крестьянства.

В том же направлении действовал характерный для революции процесс дезурбанизации. Голод и материальная необеспеченность гнали в деревню всех, у кого сохранились там еще какие-либо связи.

Главный кадр бегущих в деревню составляли промышленные рабочие. По данным 1913 г., в России числилось около 3 млн рабочих. К 1920 г. это число сократилось на 40%, а к 1 июля 1922 г. оно понизилось еще на 17%[29]. Явившись в деревню, весь этот людской поток потребовал себе места на-

[29] *Катель М. Я. Численность рабочих и служащих в фабрично-заводских предприятиях на 1 июля 1922 г. // Бюллетень Центрального статистического управления. № 67. 9 сентября 1922 г.*

равне с коренным сельским населением. Безземельных надо было снабдить всеми элементами хозяйства, безлошадным требовался скот, малоземельным необходимо было довести землепользование до обычной средней нормы в деревне. Наследство, полученное от помещиков, было слишком ограниченно и быстро истощилось. Требования новых пришельцев могли быть выполнены только за счет зажиточного крестьянства путем перераспределения их хозяйственного имущества.

По этим причинам должно было произойти повсеместное поравнение крестьянских хозяйств, снижение к общему, крайне низкому уровню. И действительно, все сказанное легко подтверждается массовыми статистическими данными.

В таблице 31 сгруппированы сведения о числе крестьянских хозяйств и их основных элементах на одной и той же территории 34 губерний за два срока, разделенных двумя первыми годами революции.

Перед нами определенно выраженный двусторонний процесс. Число хозяйственных единиц и сельское население

Таблица 31

Изменение элементов сельского хозяйства в 1917–919 гг. (по 34 группам)*

Описанные элементы	1917 г.	1919 г.	+ -	1919 г. к 1917 г., %
Число хозяйств	8 130 893	8 337 785	+ 206 892	102,5
Население	36 270 539	39 922 990	+3 652 451	110,1
Десятины посева	28 493 454	23 749 494	- 4 743 960	83,4
Лошади	10 071 115	9 399 165	- 670 950	93,4
Крупный рогатый скот	16 862 259	13 526 243	- 3 336 016	80,2
Мелкий скот	38 365 190	28 217 974	- 0 147 216	73,5

* Статистический ежегодник. 1918–20 гг. Вып. I. М., 1921. С. 344-49.

возрастают, общая площадь посевов и размеры скотоводства резко сокращаются. За два года революции на территории 34 губерний в деревню влилось более 3,5 млн жителей, частью вернувшихся с войны, частью бежавших от городского голода и с закрытых фабрик. Весь этот людской поток разместился частью в старых семьях, частью в 200 тыс. вновь образованных хозяйственных единицах. В то же самое время 8 млн хозяйств потеряли свыше 14 млн голов скота и перестали засевать 4,7 млн десятин хлеба. Свеча горела с двух концов. Увеличивалось сельское население и уменьшались ресурсы, которыми оно располагало. Результатом могло быть только чрезвычайное измельчание хозяйственных единиц и резкое понижение среднего типа крестьянского хозяйства.

Процесс нивелировки крестьянского хозяйства, выразившийся в сокращении крайних групп, также легко обнаруживается при помощи данных тех же переписей. По состоянию статистических материалов группировка хозяйств по их экономической мощности могла быть сделана только по 25 губерниям и всего лишь для 460 тыс. хозяйств. Однако и это достаточно массовые данные для того, чтобы распространить их значение на всю Россию.

Два года революции заметно изменили пропорцию хозяйств разного типа. Сдвиги обнаруживаются при группировке хозяйств по любому признаку. Число беспосевных, бескоровных или безлошадных хозяйств несколько сократилось. Огромный прирост оказался в группе мелких и мельчайших хозяйств с 1–2 десятин посева. Число хозяйств, сеющих до 1 десятины, увеличилось на 80%, сеющих от 1 до 2 десятин — на 30%. Доля мелких хозяйств, включая с посевом до 4 десятин, составляла в 1919 г. около 79% общего числа крестьянских хозяйств. Начиная с посева в 4 десятины, вес каждой следующей группы резко понижается, и чем дальше, тем больше. Число средних хозяйств с посевом в 8–10 и 10–16 десятин сократилось за 2 года в 2–3 раза. Действительно, крупные хозяйства крестьянского типа с посевом от 25 десятин и выше составляли в 1919 г. теряющуюся величину в 0,03%, с посевом свыше 50 десятин — 0,0006%.

Таблица 32

Распределение хозяйств по площади посева*

Годы	Без посева	С посевом (десятин)									
		До 1,0	1,1-2,0	2,1-4,0	4,1-6,0	6,1-8,0	8,1-10,0	10,1-16,0	16,1-22,0	Св. 22,0	Всего
1917	49 098	44 199	78 444	123 590	62 601	31 342	76 336	16 432	3589	1671	427 291
1919	30 415	83 401	115 246	135 996	57 301	24 013	9 801	6 393	697	157	463 390
В % к итогу											
1917	11,5	10,3	18,4	28,9	14,7	7,4	3,8	3,9	0,8	0,3	100,0
1919	6,6	18,0	24,9	29,3	12,4	5,2	2,1	1,4	0,1	0,0	100,0

* ЦСУ. Экономическое расслоение крестьянства по переписям 1917 и 1919 гг.

Надо при этом помнить, что территориальные размеры хозяйства еще не измеряют его мощности. В крестьянском быту крупные хозяйства обладают обыкновенно и большей семьей. Доход такого хозяйства по расчету на голову населения может не превышать уровня благосостояния в низших группах. Если произвести комбинационную группировку хозяйств, охваченных переписью 1919 г. по посеву и семье, то окажется, что уже среди хозяйств с посевом в 4–6 десятин преобладают крупные семьи. При посеве 6–8 десятин 3/4 всех хозяйств имеют семью свыше 7 человек, в посевной группе с 10–13 десятин уже почти 90% хозяйств относятся к разряду многосемейных. Начиная с посева в 13 десятин абсолютное большинство принадлежит хозяйствам с огромной семьей свыше 11 человек. Та ничтожная степень дифференциации, которая как будто сохранялась в 1919 г., на самом деле, следовательно, является призрачной. Крупность современного хозяйства есть результат его многосемейности.

Таблица 33

Измельчание крестьянского хозяйства от 1917 к 1920 г.

Год переписи	Удельный вес хозяйств, %						
	без рабочих лошадей	имеющих рабочих лошадей					
		1 голову	2 головы	3 головы	4 головы	5 голов и более	Всего
1917	36,0	37,6	19,7	5,1	1,1	0,5	100
1919	27,5	58,0	13,0	1,3	0,15	0,05	100
1920	31,6	60,6	7,3	0,4		0,01	100

Не забудем еще, что все приведенные данные относятся к 1919 г. В течение следующих лет революции процесс нивелировки продолжался. Когда будут опубликованы соответствующие материалы переписей 1920 и 1921 гг., перед нами предстанет картина поразительного поравнения крестьянского хозяйства.

Можно без преувеличения утверждать, что к концу четырехлетнего социалистического опыта оно представляло собой вполне однородную, экономически однотипную и однообразную массу, почти без всяких признаков внутренней социально-экономической дифференциации.

2. *Натурализация крестьянского хозяйства*

По самому существу своему социалистическое хозяйство должно быть безобменным и натуральным. Чем основательнее Советская власть искореняла свободу торговли, чем полнее овладевала она промышленностью и чем шире вводила авторитарное распределение продуктов, тем изолированнее оказывалось товарное сельское хозяйство. Правда, за все время социалистического режима вольный рынок не исчезал ни на одну минуту, но значение его постоянно падало. Продукт текущего производства резко сокращался и скоро стал распределяться по преимуществу среди городского населения. Вольный рынок питался старыми распыленными запасами, по мере истощения которых безвозвратно уменьшалось предложение товаров. Под давлением революционных налогов исчезала и покупательная сила крестьянства. Не последнюю роль играло, наконец, расстройство транспорта, ибо при сокращении пассажирского движения до 1–3 пар поездов в неделю, при разрешительной системе поездок и при полном запрещении перевозки частных грузов нельзя было и думать о сколько-нибудь нормальных рыночных связях между отдельными районами.

Все это, вместе взятое, могло действовать только в сторону разрушения меновых связей и изоляции крестьянского хозяйства от внешней среды. Окруженный со всех сторон рогатками и запретами регулированного оборота,

имея перед собой чисто случайный рынок и располагая нелегальной покупательной силой, мелкий земледелец предпочитал эмансипироваться от услуг менового хозяйства. Он стал производить в своем хозяйстве все необходимое для личного потребления. В области пищевых продуктов он начал возделывать такие хлеба, которые раньше по климатическим или экономическим причинам предпочитал покупать на рынке, выменивая их на другие продукты своего труда. В области промышленных изделий он перешел к домотканой одежде, собственному шитью и валянию обуви, к изготовлению примитивной упряжи и транспортного инвентаря. Крестьянское хозяйство возвращалось к давно изжитому типу замкнутого, самодовлеющего, натурального хозяйства, где между трудом семьи и удовлетворением ее потребностей не лежат промежуточные звенья меновых отношений.

Как и процесс нивелировки, процесс натурализации может быть доказан статистически. О нем свидетельствуют прежде всего перемены в организационном плане крестьянского хозяйства. На общем фоне сокращения посевной площади произошло своеобразное перемещение пропорций площадей под возделываемыми культурами в соответствии с их потребительским или рыночным назначением. Таблица 34 изображает эти перемены за пятилетие 1916–1921 гг. по важнейшим областям России.

В разных районах с разной степенью напряженности и по-разному выраженные в зависимости от местных климатических и почвенных условий, происходили одни и те же процессы. Везде, за исключением Украины, где вообще неоднократные уходы Советской власти ослабили силу влияния социалистического опыта, произошло значительное увеличение удельного веса посевных площадей под продовольственными хлебами, рожью и пшеницей. Истощение этих основных источников питания происходило медленнее, чем общее сокращение посевной площади. То же самое относится к другой группе пищевых продуктов, разного рода крупам: просу, гречихе, чечевице и кукуру-

Таблица 34

Пропорция посевных площадей, занятых под различными культурами, % *

Наименование культур	Потребляющий район		Производящий район		Юго-Восток		Украина	
	1916 г.	1921 г.	1916 г.	1921 г.	1916 г.	1921 г.	1916 г.	1921 г.
Рожь	41,05	48,45	34,64	45,86	3,57	3,41	18,41	18,3
Пшеница	1,46	1,62	22,39	14,13	50,19	53,54	29,17	26,6
Овес	23,20	22,68	23,26	19,00	4,00	2,11	9,83	10,13
Ячмень	7,27	7,12	3,06	1,79	24,72	16,74	22,94	21,50
Просо	0,59	2,03	4,72	10,82	3,88	4,84	2,46	3,96
Гречиха	3,09	2,76	2,34	1,95	0,05	0,35	4.41	5,65
Горох	0,92	0,95	0,64	0,47	0,01	0,09	0,46	0,3
Чечевица	0,43	0,23	0,62	0,59	0,01	0,03	0,15	0,15
Кукуруза	–	–	0,03	0,01	4,11	7,63	3,00	3,46
Картофель	7,86	6,82	2,56	1,74	0,75	0,86	2,49	2,80
Лен	7,19	4,21	0,85	1,00	0,46	0,42	0,41	0,32
Конопля	1,12	0,26	0,76	0,34	0,06	0,24	0,36	0,6
Подсолнух	0,00	–	1,29	1,24	4,76	3,93	1,85	1,81
Кормовая трава	5,62	–	1,42		1,19		2,47	
Прочее	0,20	2,86	1,40	0,99	2,17	5,74	3,52	4,14
Всего	100,0	99,99	100,00	99,93	99,53	99,93	101,93	99,93

* Предварительные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1916 года. Вып. 1-3, Пг., 1916–1917.

зе. Площади под этими культурами либо сохранили свое прежнее место, либо заметно повысились. Особенно интересна судьба проса. Его доля в площади посева резко возросла во всех районах, не исключая Украины, где, кроме того, сильно возросла и аналогичная по назначению культура гречихи. Посевы проса увеличились не только относительно, но и абсолютно. В потребляющей полосе они ока-

зались к 1921 г. в 2,5 раза выше площади посева в 1916 г., в производящей полосе и на Украине прирост площадей под посев проса составляет 30–31%, в Сибири — 51%.

Питательная ценность проса, высокая урожайность и особенности в качестве посевного материала[30] обеспечивали успех этой культуры. И действительно, пшенная каша, как главное и часто единственное plat du jour, прочно ассоциировалась в представлении русского народа с переживаниями революционной эпохи.

Совершенно другую картину показывает эволюция тех культур, которые служили прежде источником денежных доходов крестьянского хозяйства и связывали его с рынком. Все они сократились абсолютно и относительно. Посевы овса, одного из главных предметов сбыта на внутреннем рынке губерний производящей полосы, сократились в 1921 г. на 54% по сравнению с 1916 г., и доля их в общей площади посевов соответствующих лет упала с 23,3% до 19,0%. Точно так же резко понизился удельный вес посевов ячменя на Юго-Востоке, где он составлял главный предмет заграничного вывоза. Еще показательнее судьба технических культур, льна и конопли. В потребляющей полосе, где эти растения возделывались по преимуществу на продажу, площадь под ними катастрофически сократилась. Посевы льна составляли здесь в 1921 г. 38% посевной площади 1916 г., посевы конопли — всего 15%. Соответственно понизилась и доля этих культур в общей площади посева. В других районах посевы льна и конопли понизились также, однако, в меньшей пропорции, так что местами удельный вес посевов то одной, то другой культуры даже возрос по сравнению с дореволюционным временем. Очевидно, пределом сокращения посевной площади оказались потребности собственной семьи в продуктах рассматриваемых культур.

В общем, мы видим, что все описанные изменения в пропорциях посева различных растений имеют один и тот же смысл. Из организационного плана крестьянского хозяйства

---

[30] *Для засева одной десятины требуется 8–9 пудов ржи или пшеницы и 2 пуда проса. (Статистический ежегодник. 1918–1920 гг. Вып. I. М., 1921. С. 264–265.)*

выпадают в первую очередь культуры, рассчитанные на сбыт, и, напротив, относительно, а иногда и абсолютно возрастает площадь, имеющая чисто продовольственное значение. Технические культуры также удерживаются только в той мере, в какой они могут служить непосредственным нуждам семьи, подвергшись лишь домашней или кустарной переработке в соответствующие предметы потребления.

Потеря связей с рынком может быть обнаружена и другим способом, при помощи бюджетного материала. В таблице 35 ценность проданных и отданных в обмен на вольном рынке продуктов своего хозяйства сопоставлена с ценностью всей валовой продукции той же группы хозяйств. Данные относятся к 1920/21 г. и заимствованы из 383 монографических описаний отдельных хозяйств.

Товарность крестьянского хозяйства к концу эпоха социалистического строительства выражалась ничтожным коэффициентом. По потребляющему району и в Сибири крестьянин отчуждал только 6% своего производства. Сравнительно высокий показатель рыночности производящей полосы следует считать преувеличенным, ибо есть основание полагать, что сведения о валовой продукции по этому району несколько преуменьшены. Но даже без этой поправки средняя товарность крестьянского хозяйства по всей России оказывается ниже 11,5% продукции. Чтобы измерить глубину этой натурально-хозяйственной реакции достаточно напомнить, что в нормальное время, по бюджетным же данным, мера денежности крестьянского хозяйства колебалась в среднем по разным губерниям в диапазоне 40–55% валового дохода.

3. Падение уровня потребления

Потребности русского крестьянина и в мирное время не отличались большим разнообразием. В этом, как отмеча-

Таблица 35

Товарность крестьянского хозяйства в 1920/21 г.*

Районы	Число описанных хозяйств	Валовая продукция, зол. руб.	Добровольное отчуждение продуктов своего хозяйства , зол. руб.	Уд.вес добр. отчуждения в валовой продукции,%
Потребляющая полоса	164	80 776	5323	6,3
Производящая полоса	172	62 978	12 978	19,3
Азиатская Россия	47	17 733	1 128	6,4
В среднем	383	161 487	19 429	11,4

*Составлена по данным: Статистический ежегодник за 1921 г.. М., 1922. С. 332.

лось выше, была одна из причин нашего долгого экономического застоя. Крестьянин не только был беден, но и не хотел быть богатым (с одной стороны. — ***Ред.***). Его идеал благосостояния был слишком достижим и близок, с другой стороны, новые потребности, во имя которых стоило затрачивать добавочный труд, составляли слишком неустойчивую и малоценную величину в его обычном образе жизни. На этой почве создалась даже довольно популярная специфически русская теория трудово-потребительского баланса крестьянского хозяйства.

Предполагалось, что между количеством затрачиваемого крестьянином труда и его обычным уровнем потребностей устанавливается своего рода подвижное равновесие. Пока не удовлетворена одна из составных частей узко очерченного круга потребностей, крестьянин готов работать как вол, без счета расходовать свою рабочую силу и ставить в тупик всякого нормально считающего человека видимой бесхозяйственностью своих поступков. Как только цель достигнута, 20 пудов хлеба в год и пара сапог обеспечены, стимулы к труду не только падают, но прямо исчезают, и крестьянин предпочитает целыми днями лежать на печи, не ис-

пытывая никакого желания расширять даже выгодно оплачиваемые затраты своего труда[31].

В целом эта теория отвечала психологии натуральной эпохи крестьянского хозяйства. Она была в значительной мере справедлива и для обширного слоя отсталых хозяйств в рамках современного менового общества. Но ни общего направления аграрной эволюции, ни настроений прогрессивной части крестьянства эта теория не улавливала. Вместе с экономическим расслоением крестьянства, отчасти ему сопутствуя и отчасти прокладывая путь, шла дифференциация потребностей, увеличивалось многообразие материальных и культурных запросов передового крестьянства, росла настоятельность вновь народившихся привычек. «Личный бюджет едока» терял характер постоянной величины. В одних и тех же экономических районах можно было обнаружить широкие расхождения в образе жизни и расходах отдельных слоев крестьянства.

Война, познакомившая миллионные массы населения с более культурными странами, еще более способствовала пробуждению желаний и новых потребностей. В укреплении нового и более высокого уровня жизни следовало бы видеть основной залог преуспеяния деревни, ибо, по старому наблюдению Мальтуса, прочен только тот рост благосостояния народных масс, который подпирается снизу укоренением высокого уровня потребностей и жизненных привычек.

Революция остановила и этот благодетельный процесс. Нивелировка размеров хозяйственных единиц и общее их измельчание обусловливали однообразное и низкое строение крестьянского дохода. Этим самым были положены объективные границы развитию потребностей и их насыщению. Натурализация крестьянского хозяйства действовала в том же направлении, заранее ограничивая круг запросов только теми продуктами, которые могли быть созданы в своем хо-

---

[31] *Главными представителями этой теории являются А. Н. Челинцев (Теоретические основания организации крестьянства хозяйства. Харьков, 1919) и А. В. Чаянов (Очерки по теории трудового хозяйства. Вып. 1–2. Москва, 1912–1913).*

зяйстве или приобретены на местном, случайном рынке. Наконец, такие мероприятия социалистической власти, как фиксация одной общей и минимальной «нормы оставления» сельскохозяйственных продуктов и передача всех излишков государству или строго равномерное распределение гомеопатическими дозами продуктов национализированной промышленности, должны были также, по мере своего осуществления, способствовать всеобщему уравнению потребностей и потребления.

За время революции культурный уровень жизни сельского населения не только сделался однообразным, но и заметно понизился. Это одинаково относится как к питанию, так и к удовлетворению других потребностей мелких земледельцев.

В области питания, правда, первые годы не обнаружили резкого ухудшения. В таблице 36 сопоставлены душевые нормы потребления важнейших продуктов по бюджетным данным до войны (до Первой мировой. — ***Ред.***) и в 1919 г.

Как видим, потребление хлебных продуктов значительно сократилось, зато возросло потребление картофеля, ово-

Таблица 36

Среднедушевое потребление пищевых продуктов в крестьянской семье за год*

Наименование продуктов	По 15 губерниям в нормальное время**	По 5 губерниям в 1919 г.	1919 г. к довоеному времени, %
Хлеб и хлебные продукты, пуд.	17,68	11,36	64,9
Картофель, пуд.	9,00	11,56	129,0
Овощи и фрукты, пуд.	3,74	4,18	111,4
Мясо и сало, пуд.	0,86	0,75	87,2
Молоко и молочные продукты, пуд	8,40	9,57	114,0
Яйца, штук	37,76	42,21	111,6

*Нормы потребления для 1919 г. взяты из: Статистический ежегодник. 1918–1920 гг.» (В изданных в 1921 г. выпусках названного ежегодника приведенные в таблице данные не обнаружены. — ***Ред.).***

Среднегодовые данные, предвоенного (накануне Первой мировой войны) времени.— ***Ред.*

шей, молочных продуктов и яиц. Массовые данные анкет о питании показывают еще более слабую тенденцию количественного ухудшения продовольственных условий[32].

Характерной особенностью потребительского бюджета некультурных народов является преобладание расходов на пищу. Русский крестьянин, со всех сторон теснимый социалистическим государством, в последнюю очередь отказался от потребления привычного количества пищи.

Тем не менее и здесь произошли сдвиги в худшую сторону. Те же анкеты показывают, что оставаясь количественно, по своему калорийному содержанию, приблизительно на одном и том же уровне, питание сельского населения ухудшалось качественно. Исчезло разнообразие пищи и привозные продукты. Рожь повсеместно вытеснила пшеницу, исчезла мука тонкого помола, появились самодельные крупы, вроде ржаной и пшеничной, стали есть овес и конину, укоренились и другие пищевые суррогаты или продукты скверного качества.

По мере приближения к современному моменту более резко обнаруживаются перемены в количественных пропорциях питания. Систематическое проведение земельно-продовольственной политики на фоне повторных неурожаев сделало свое дело.

Даже оптимистические анкеты о питании дают для 1922 г. резко выраженное падение норм потребления. Нечего и говорить, что небывалый голод, поразивший в 1921 г. огромную территорию, надолго понизил уровень питания населения соответствующих районов.

Но еще глубже и быстрее, чем питание, упал уровень жизни в области удовлетворения других материальных по-

---

[32] *Данные этих анкет, периодически производимых ЦСУ (под руководством А. Е. Лосицкого), представляют ценнейший материал для анализа условий питания населения во время революции. [Несомненно, однако, что по целому ряду причин они дают значительно преувеличенные нормы потребления. Истина, по-видимому, лежит посредине между бюджетными данными и данными анкет о питании.] Результаты обследования питания в 1919–1920 гг. опубликованы в: Статистический ежегодник. Ч. I. Гл. VII. (Там же в главе VIII можно найти нормы потребления по бюджетным материалам).*

Таблица 37

Среднее душевое потребление продуктов промышленности в крестьянской семье, в год золотых рублей*

Наименование товаров	Нормальное время**	1919/20 г.	1919/20 г. к нормальному времени, %
Сельскохозяйственные машины и орудия	1,39	0,15	10,7
Транспортный инвентарь	0,37	0,16	43,3
Домашние инструменты и орудия	0,10	0,02	20,0
Хозяйственные материалы	0,19	0,13	68,4
Строительные материалы	1,49	0,84	56,4
Осветительные материалы	0,60	0,22	36,4
Мебель и посуда	0,71	0,14	19,7
Предметы комфорта	0,13	0,07	53,8
Одежда, белье, мануфактура, обувь	9,19	0,69	7,5
Галантерейные товары	0,12	0,05	41,7
Продовольственные продукты (главным образом сахар и соль)	4,05	0,53	13,9
Наркотики	2,53	0,27	10,7
Писчебумажные принадлежности	0,05	0,02	40,0
Мыло	0,39	0,12	30,7
Всего	21,31	3,41	15,1

*Данные о нормальном времени взяты у С. А. Первушина, для 1919/20 г. — По материалам бюджетного подотдела ЦСУ.

Среднегодовые данные предвоенного (накануне Первой мировой войны) времени.— ***Ред.*

требностей сельского населения. В таблице 37 приведены данные о количествах разного рода продуктов, не производимых крестьянским хозяйством и купленных или выменных им в 1919/20 г.

Перед нами картина поразительного оскудения. Для его характеристики не нужно обращаться к иностранным образцам, достаточно сравнения с нормами довоенного потребления. Наибольшему сокращению подверглись самые важные потребности. Приобретение сельскохозяйственных машин и орудий упало до 10% обычной нормы, покупка и без того скудных в крестьянском обиходе одежды, обуви и белья сократилась почти в 14 раз, потребление важнейших, не производимых в крестьянском хозяйстве продовольственных припасов (сахар, соль, чай) понизилось в 7 раз и т.д. В среднем по всем статьям покупных продуктов потребление упало с 22 руб. 42 коп. до 3 руб. 41 коп., т. е. уменьшилось приблизительно в 6–7 раз.

Смысл этих цифр может быть объяснен опять только в том же направлении. Наталкиваясь на дороговизну или прямой недостаток промышленных продуктов, крестьянин частью урезывал свои потребности, отказываясь от самого необходимого, частью заменял недостающие блага предметами собственного изготовления. Потребность в машинном инвентаре не могла быть удовлетворена собственными силами и она осталась висеть в воздухе. Зато на смену водке явилась «самогонка», место покупных ситцев заняло домашнее полотно, недостаток керосина был пополнен дедовской лучиной. По всей линии потребления: в пище и в одежде, в постройке жилищ и в освещении — крестьянин выбрасывал все лишнее и переходил от денежного хозяйства к строго натуральному.

Все три вышеописанные черты — нивелировка крестьянского хозяйства, его натурализация и понижение жизненного уровня, вместе взятые,— дают картину ярко выраженной *натурально-хозяйственной реакции*.

Крестьянское хозяйство утратило приобретенные долгой эволюцией свойства сложного, дифференцированного целого и вернулось к состоянию аморфной, механической совокупности однообразных, простейших организмов.

Вместо полной гаммы хозяйственных единиц разной величины и мощности, гаммы, дававшей незаметный переход от мельчайших, чисто продовольственных единиц к сравнительно крупным капиталистически настроенным и рассчитывающим хозяйствам, получилось массовое сползание вниз, равнение на нищету [взамен стремления к социальной дифференциации].

Вместо сложного трудораздельного строения сельскохозяйственного производства, с резко очерченными экономическими районами и богато развитой сетью внутренних и внешних меновых сношений, создался тип замкнутого натурального хозяйства, собственными силами удовлетворяющего почти все свои потребности и стремящегося к полной эмансипации от окружающей среды.

Вместо растущего разнообразия потребностей и культурных запросов обнаружился поворот в сторону всеобщего оскудения, падения импульсов к труду, довольства малым или даже прямого голода.

Под влиянием революции и социалистического законодательства крестьянское хозяйство быстро утрачивало все свои качества прогрессирующего хозяйственного организма, законного члена индивидуалистического народного хозяйства. На смену ему вырастал давно изжитый тип натурально-потребительского хозяйства, вернувшегося к забытым настроениям подневольного труда, ленивого, инертного и застывшего на своем ничтожном трудово-потребительском балансе.

Глава 4
Экономические последствия натурально-потребительской реакции

1. Опасность хронического голода

Трудно переоценить вредные последствия натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства. Они простираются буквально во все стороны современной экономики.

Одним из ближайших ее результатов необходимо считать неустойчивость продовольственного баланса и опасность *хронических голодовок*.

Россия издавна была страной частых недородов. Низкая производительность сельскохозяйственного труда, отсталая техника и климатические особенности приводили к тому, что почти каждый год частичный неурожай обнаруживался то в одном, то в другом районе. За последние 30 лет более крупные недороды, поразившие значительное число губерний, приходятся на 1891, 1906, 1911, 1920 и 1921 гг. В советской печати существует понятная тенденция относить голодовки последних лет к разряду обычных для России, неотвратимых стихийных бедствий. Это верно только отчасти. На деле между бедствием 1921 г., описанной выше натурально-хозяйственной реакцией и экономической политикой последних

лет может быть установлена неопровержимая причинная связь. Она обнаруживается прежде всего поразительным совпадением территории, пораженной голодом в 1921 г., и области, бывшей главным театром принудительных отчуждений в предшествующих 1919 и 1920 гг.

Главным очагом голода является Поволжье и Приуралье в составе 12 губерний[33]. Подсчитывая количество взятого в этих губерниях государством хлеба, получаем 132 млн пудов для 1919/20 г. и 90 млн пудов для 1920/21 г. По отношению к общей сумме хлебных заготовок за два года по всей РСФСР эти цифры составляют 44%. В 1920/21 г., когда реквизиции на востоке были уже ослаблены, государство забрало все же в 6 губерниях Поволжья 15% чистого сбора хлебов, полученного в 1920 г. Изъятие такого количества хлеба в течение двух лет подряд не могло не отразиться на состоянии местного хозяйства.

Его положение ухудшалось, далее, крайней бессистемностью (и жестокостью) продовольственных реквизиций. Отбиравшие хлеб не считались ни с продовольственной нуждой хозяйства, ни с его потребностями в семенах и корме скота, ни с необходимостью иметь некоторый запас продуктов в качестве запасного, страхового от неурожая фонда. Последнее обстоятельство особенно гибельно отразилось как раз на состоянии хозяйства Поволжья. Этот край издавна славился подверженностью засухам и резким колебаниям урожая. Годы тучных сборов чередуются здесь с тощими жатвами.

При резких колебаниях урожая крупные размеры посевной площади до некоторой степени смягчали опасность голода. Абсолютно низкий сбор с одной десятины по расчету на все хозяйство обеспечивал необходимый минимум существования. Крестьянин переставал продавать хлеб, но для скудного пропитания и редкого посева хлеба у него все же хватало.

Средство борьбы с постоянной угрозой голода население нашло в расширении посевов и накоплении запасов.

---

[33] *Уральская, Оренбургская, Челябинская, Уфимская, Екатеринбургская, Вятская, Трудовая Коммуна немцев Поволжья, Самарская, Саратовская, Симбирская и Татарская республика.*

Наличность резервного фонда можно обнаружить, например, по старым бюджетным описаниям Симбирской губернии. В 1913 г. здесь был учтен приход-расход и внутренний оборот ценностей по 225 хозяйствам, материал достаточно обширный и типичный для общих выводов. Предыдущий 1912 г. был урожайным. И вот из 115 тыс. пудов зерновых хлебов, собранных и купленных в указанных хозяйствах, около 35 тыс. пудов было потреблено, 39 тыс. пудов продано и 20 тыс. пудов скормлено скоту, 14 тыс. пудов посеяно и 7 тыс. пудов, или 6% валового сбора, были оставлены крестьянами в качестве страхового фонда на будущие годы[34].

Советские продовольственные органы принимали этот страховой фонд за скрываемые «спекулятивные» запасы и уничтожали их.

На беспорядочные реквизиции, как мы уже знаем, крестьянство отвечало систематическим сокращением посевных площадей. Страх голода отступал на задний план перед страхом правительственных разверсток. Кроме того, население не имело физической возможности засеять прежнюю площадь. Для этого у него не хватало ни семян, ни скота. В результате лишенное запасов прежних лет и не обеспеченное посевами крестьянское хозяйство подвергалось величайшей опасности.

До революции общая площадь посева голодающего Поволжья составляла 10,2 млн десятин при 10,1 млн человек сельского населения. На душу населения здесь имелось, следовательно, несколько более одной десятины посева. Даже при урожае в 15 пудов с десятины своего хлеба хватило бы для прокормления семьи, а при пониженной норме потребления и с запасами прежних лет можно было обеспечить посевной материал и корм скоту. Наконец, собственные излишки у многопосевных хозяйств, излишки, несомненно получавшиеся даже при самых скудных урожаях, становились теми местными запасами, которые помогали пополнить недостаток продовольственных ресурсов, не прибегая к привозу их издалека.

---

[34] *Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губ. Симбирск, 1914. С. 150 и сл.*

Сокращение посевной площади, ухудшение обработки, нивелировка размеров хозяйства и систематическое отобрание излишков должны были радикальным образом понизить естественную сопротивляемость голоду описываемых районов. Сокращение посевов достигло, как мы знаем, наибольших размеров именно в Поволжье. В 1921 г. здесь оставалось не многим более половины прежней площади. Общая площадь посева исчислялась в 5,8 млн десятин; по расчету на душу населения, возросшего до 10,6 млн, это составляло не более 0,55 десятины посева всех хлебов, включая технические культуры. При урожае в 15 пудов с десятины на каждого человека приходилось бы 7,5 пудов хлеба. Этого не могло хватить даже на голодное существование. Отсутствие запасов и местных излишков увеличивали опасность.

В 1921 г. Поволжье поразила редкая по силе засуха. Урожай с десятины в среднем упал в 17 пудов ниже 10 пудов с десятины. Катастрофа разразилась. Поволжье переживало страдания, небывалые со времен Годунова. В течение зимы 1921/22 г. документально засвидетельствованы массовые случаи каннибальства. Для поверхностного наблюдения или официального оптимизма причиной бедствий служит засушливое лето нынешнего года. В действительности гибель миллионов людей была предопределена продовольственной политикой последних лет. С полудесятиной посева на душу и без всяких запасов Поволжье существовать не может. Стихийные причины стали только последней каплей, упавшей на весы судьбы несчастного края.

Значение продовольственной политики и вызванной ею натурально-хозяйственной реакции не ограничивается, однако, одними местными, хотя бы и жестокими, голодовками. Под угрозой голода оказывается вся Россия.

Таблица 38 характеризует продовольственный баланс РСФСР в 1921/22 г. Данные заимствованы из официального источника, и они скорее грешат в сторону оптимизма, чем пессимизма. Во всяком случае, они тщательно обдуманы, взвешены и могут считаться, по-видимому, наиболее полным приближением к истине, какое только мож-

Таблица 38

Избытки и недостатки главнейших продовольственных и кормовых хлебов в 1921/22 году*

Районы	Население, млн душ			Валовой сбор со всей площади, млн пудов	Семенная потребность, млн пудов	Чистый сбор		Продовольствие и корма, потребленное населением, млн пудов	Продовольствие, потребленное городским населением, млн пудов	Продовольствие и корма, потребленные всем населением, млн пудов
	сельское	городское	всего			со всей площади, млн пудов	на 1 душу сельского населения, пудов			
Потребляющий район	21,9	5,2	27,1	322,8	66,7	254,1	11,6	253,0	51,7	304,7
Производящий район	36,5	4,4	40,9	489,3	150,0	339,3	9,3	424,2	44,1	468,3
в том числегубернии: а) не пострадавшие от неурожая	17,9	2,1	20,0	318,8	68,5	250,4	14,0	236,0	21,4	257,4
б) пострадавшие от неурожая	18,6	2,3	20,9	117,5	81,5	88,9	4,8	188,2	22,7	210,9
Юго-Восток	5,7	1,2	6,9	112,6	28,9	83,7	14,8	86,4	12,6	99,0
Крым	0,4	0,4	0,8	9,1	4,2	4,9	12,1	4,9	3,6	8,5
Киргизия	4,4	0,4	4,8	66,1	14,6	51,5	11,7	47,2	3,9	51,1
в том числегубернии: а) не пострадавшие от неурожая	2,3	0,2	2,5	49,9	6,9	43,0	19,0	27,2	1,6	28,8
б) пострадавшие от неурожая	2,1	0,2	2,3	16,2	7,7	8,5	4,0	20,0	2,3	22,3
Сибирь	7,9	1,1	9,0	188,7	39,0	147,7	18,7	130,9	10,8	144,7
Украина	20,8	5,2	26,0	712,5	110,1	602,4	29,0	419,0	52,4	471,4
Всего по РСФСР иУкраине	97,6	17,9	115,5	1 899,1	415,5	483,6	15,2	365,6	179,1	1 544,7

* Таблица составлена по данным: Бюллетень ЦСУ. № 87.

но получить при современном состоянии статистической информации.

Что же показывают приведенные цифры?

Потребление сельского и городского населения исчислено по минимальным нормам. Предположено, например, что в потребляющей полосе сельское население съедает только по 11,5 пуда хлеба на душу в год, включая расход на корм скота. Та же норма сохранена для пострадавших от неурожая губерний производящей полосы. Для непострадавших губерний производящей полосы норма несколько повышена. Потребление городского населения повсеместно ограничено 10 пудами хлеба. Если принять во внимание, что прежняя норма потребления хлебных продуктов, без корма скота, составляла около 18 пудов в год на душу населения, то нельзя не признать, что исчисления сделаны осторожно и исходят из предположения, что нищая страна будет питаться впроголодь.

Несмотря на это, общий баланс страны, вывезшей не далее как в 1913 г. 648 млн пудов хлеба, сводится теперь с огромным дефицитом в 61 млн пудов. [Присоединение ресурсов Украины не устраняет дефицита. Сама Украина в 1921/22 г. голодает и в целом нуждается в привозе 197 млн пудов хлеба.] Чтобы просуществовать впроголодь, Россия должна ввозить значительные количества хлеба. Без этого продовольственный бюджет может быть сбалансирован лишь за счет увеличения числа голодных смертей.

Но может быть этот печальный вывод относится только к 1921 г.? Может быть он объясняется неблагоприятными климатическими условиями этого года и огромной потребностью в хлебе пораженных недородом областей?

Анализ порайонных итогов приведенной выше таблицы, к сожалению, заставляет отказаться от этого последнего утешения. Прежде всего перед нами огромная потребляющая полоса России в составе 23 северных и северо-западных по отношению к Москве губерний с населением в 27 млн человек. До революции этот район нуждался в огромном количестве привозного хлеба. Неблагоприятные климатические условия, неплодородная почва и развитая промышленность по-

буждали здесь население уходить в города и забрасывать земледелие. Теперь обстоятельства несколько изменились. Распад промышленности и торговых связей с плодородными районами возвратил северное крестьянство к земледельческому труду. В 1921 г. посевная площадь здесь, несмотря на все крайности продовольственной политики, даже несколько увеличилась по сравнению с предыдущим годом.

Климатические условия 1921 г. для рассматриваемого района были весьма благоприятны. Средний урожай всех хлебов дал 51,6 пуда на десятину, т. е. величину значительно больше средней[35]. Несмотря на это, собственное производство потребляющей полосы, за вычетом скромно исчисленного потребления сельского населения, дало ничтожный избыток в 1,1 млн пудов. Для продовольствия городов нужно было вывезти 51,6 млн пудов, и в целом баланс района свелся с дефицитом в 50,5 млн пудов. Едва ли можно рассчитывать, чтобы потребность в привозном хлебе могла сократиться против этой цифры в течение длинного ряда лет. Напротив, при осуществлении надежды на возрождение промышленности и увеличение городского населения можно ожидать скорее обратного, т. е. увеличения дефицита потребляющей полосы, а не его уменьшения.

Где же источники покрытия этого дефицита, неизбежного при всяком урожае? В нормальное время северная и промышленная Россия питалась хлебом Поволжья, Центрально-Земледельческого района и Сибири. Украина работала по преимуществу на экспорт.

Теперь пораженное голодом Поволжье разорено. Четырнадцать восточных губерний с населением в 21 млн человек нуждаются в привозе 129 млн пудов для того, чтобы только не умереть с голоду[36].

---

[35] *Средний урожай по нечерноземной полосе за десятилетие 1905–1914 гг. составлял, по данным Центрального статистического комитета, 44,8 пуда для ржи и 46,8 пуда для овса. (Статистический ежегодник за 1921 г. М., 1922. С. 244 и след.)*

[36] *По другому варианту расчетов, без оптимистических поправок на увеличение скрытой от переписи посевной площади и преуменьшение урожая, дефицит тех же губерний исчисляется в 158,5 млн пудов. (Бюллетень ЦСУ. № 57. С. 65.)*

Этот дефицит исчислен при урожае в 17 пудов с десятины. При удвоении сбора и сохранении площади посева 1921 г. пораженный край едва может свести концы с концами и прокормить себя. В действительности, по имеющимся данным, Поволжью грозит дальнейшее оскудение. Несмотря на своевременно оказанную помощь, обессиленное население могло засеять только 75% площади озимых посевов 1921 г. Весенняя посевная (1922 г.— ***Ред.)*** кампания прошла еще хуже, ибо уже к декабрю (1921 г.— ***Ред.)***, по официальным данным, крестьянское хозяйство потеряло половину рабочего скота. Надежду на высокий урожай при обработке почвы умирающими людьми и полуживым скотом приходится оставить. Последствие голода и раньше изживалось медленно. Теперь возрождение пораженных областей будет проходить еще тяжелее.

Поволжье и весь восточный район следует считать выбывшим из разряда «производящих» губерний. Вместе с городами потребляющей полосы разоренные голодом плодородные районы будут долгое время нуждаться в привозном хлебе.

Центрально-Земледельческий район, или несколько шире 9 губерний не пострадавшей части производящей полосы, также не могут дать больших излишков для вывоза за свои пределы. В 1921 г. при хорошем урожае почти в 40 пудов с десятины здесь получилось 14 млн пудов излишков у сельского населения Рязанской, Орловской и Курской губерний, однако потребность городского населения рассматриваемых 9 губерний составляет 21 млн пудов, так что в целом и этот район оказывается потребляющим и нуждается в привозе 7 млн пудов.

Остается надежда на Азиатскую часть России и Предкавказье (Юго-Восток). Однако и здесь дела не так блестящи.

Так называемая Киргизия разделяется на две почти равные части, из которых одна сильно пострадала от неурожая и требует ввоза 14 млн пудов, т. е. почти как раз всего того количества, которое произведено другой половиной в 1921 г., при высоком урожае в 47,44 пуда сверх своего собственного потребления. На ближайший год или годы от Киргизии в целом можно ждать в лучшем случае только удовлетворения

собственных потребностей. При посевной площади в 0,52 десятины на душу сельского населения отсюда нельзя ждать больших излишков даже при высоком урожае.

Неисчерпаемая житница России, плодородная Сибирь также сильно оскудела. Еще в 1920 г. при хорошем урожае в 47,1 пуда с десятины можно было ожидать от нее до 70 млн пудов излишков сверх собственного потребления. Но уже в 1921 г., когда посевная площадь сократилась здесь с 6,1 до 4,1 млн десятин, картина резко изменилась. Многопосевное сибирское хозяйство перешло, как и Центральная Россия, к потребительским нормам посева, вырабатывая все те же 1,52 десятины земли на душу. В результате почти при том же уровне урожая в 45,2 пуда с десятины излишки сибирского хлеба опустились до 6 млн пудов, т. е. практически свелись к нулю.

Несколько лучше перспективы сельскохозяйственного производства на Юго-Востоке. Правда, и здесь голод поразил почти половину района.

В 1921 г. весь район в целом, включая пострадавшую Ставропольскую губернию и Донскую область, потребовал привоза 15,3 млн пудов хлеба. Однако этот результат получился при урожае в 35 пудов с десятины для непострадавших губерний и 28 пудов для всего района. Посевная же площадь здесь еще не упала до полудесятинной нормы и составляет 0,73 десятины на душу. Если урожай поднимется до сибирской нормы, район в целом не только прокормит сам себя и свое городское население, но и даст избыток в 50 млн пудов[37]. Неблагоприятный баланс Юго-Востока можно, таким образом, хотя бы отчасти приписать случайно низкой урожайности 1921 г.

Что может дать, наконец, Украина? Для 1921/22 г. примерные расчеты давали сначала благоприятные результаты. В цитированном выше официальном источнике предполагалось, что Украина имеет избыток в 131 млн пудов. Позднейшие данные, собранные статистическими органами самой

[37] *Посевная площадь в 3,9 млн десятин при урожае в 45 пудов дает 178 млн пудов валового сбора. Семенная потребность района исчисляется в 29 млн пудов, потребление городского и сельского населения — 99 млн пудов.*

Украины, дают совершенно иную картину. Средний урожай определился не в 41 пуд, как предполагалось раньше, а всего в 28 пудов. Общий валовой сбор 7 важнейших хлебов дал всего 384,5 млн пудов[38]. При сохранении норм потребления и высева, принятых в таблице 38, Украина вместо излишка, оказывается, сама имеет дефицит около 197 млн пудов. Пусть истина лежит посредине, между излишком в 130 млн пудов и дефицитом в 197 млн пудов. Во всяком случае, не подлежит сомнению, что юг Украины поражен не менее жестоким голодом, чем Поволжье, и растущее здесь каннибальство является лучшим свидетельством в пользу справедливости пессимистических расчетов.

Благодатная природа Южной России может, конечно, быстрее, чем на востоке, залечить раны. Однако несомненно и то, что съеденный скот, распроданный инвентарь и отсутствие семян быстро восстановлены быть не могут. Украина не может быть в ближайшие годы неисчерпаемым источником хлеба, даже в случае хорошего урожая. Не следует также забывать, что она считает себя автономной республикой и что украинские хлеборобы не очень склонны отдавать свой хлеб даром, хотя бы и по ставкам натурналога. Хлебные богатства Украины представляют собой клад, нелегко идущий в руки.

Подводя итоги сказанному, мы видим, что неустойчивость хлебного баланса России не есть случайное явление, вызванное климатическими условиями 1921 г. В основе ее лежит разрушение крестьянского хозяйства всей предыдущей политикой. Это разрушение привело к небывалому голоду, а голод, в свою очередь, становится мощным фактором дальнейших разрушений. Может быть статистически доказано, что степень сокращения посевов находится в причинной связи с интенсивностью неурожая[39]. Не только гибель рабочего скота и недостаток посевного материала, но и физиче-

---

[38] *Статистический бюллетень УССР. Харьков, 1921. № 7. С. 4.*

[39] *Эта связь между голодом и площадью посевов открыта заведующим отделом текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ Н. И. Дубенецким. Результаты его подсчетов могут быть иллюстрированы следующей итоговой таблицей. (Таблица не сохранилась.— **Ред.**)*

ская слабость совместно с моральной апатией заставляют население голодающих районов сеять еще меньше, чем раньше. Учет засеянной осенью 1921 г. площади озимых по 28 губерниям показывает понижение против прошлого года на 23%[40]. Посев яровых едва ли будет благоприятнее. Мы стоим, таким образом, перед новым сокращением посевной площади, а вместе с тем и перед продолжением кризиса.

Не может быть и речи об устойчивом балансе, пока в коренных земледельческих районах засевается полдесятины земли на душу сельского населения. При огромном протяжении России невозможно предположить такое сочетание метеорологических условий, которое было бы благоприятно для всего сельского хозяйства. Каждый год в России бывают пораженные недородом районы. Вся разница в том, что раньше дефицит пораженных районов пополнялся излишками более счастливых областей, а теперь таких излишков нет и население каждого района предоставлено собственным силам. Частичный недород в любом районе означает в настоящее время обречение на голод или даже голодную смерть большего или меньшего числа людей. Если бы даже одновременно в других районах вследствие высокого урожая образовались бы некоторые излишки, использование их все равно было бы до крайности затруднено распыленностью этих излишков по миллионам мелких хозяйств, слабостью стимулов у последних к обмену излишков на обесцененные денежные знаки, полным отсутствием покупательной силы у населения пострадавших районов.

Натурально-потребительская реакция крестьянского хозяйства имеет, таким образом, два ряда вредных последствий. С одной стороны, она мешает самопроизвольному или организованному выравниванию избытков и недостатков отдельных районов, с другой — она ставит под удар продовольственный баланс всей страны. Одним из давних недугов русского народного хозяйства была тесная зависимость его процветания от размеров урожая. Теперь не только благосостояние, но и жизнь миллионов людей каждый год висят на волоске. От того, пойдет

[40] *По данным отдела текущей сельскохозяйственной статистики ЦСУ.*

или не пойдет вовремя дождь, зависит урожай, а вместе с ним и судьба целых областей, по размерам превосходящих крупнейшие европейские государства.

В стране, лишенной возможности покупать хлеб за границей и не имеющей средств для выравнивания избытков и недостатков за государственный счет, дефицит продовольственного баланса может быть покрыт только физической смертью избыточного населения[41].

2. Упадок промышленности. Сырье и продовольствие

Другим вредным последствием натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства надо считать ее влияние на условия развития русской промышленности.

Сельское хозяйство несколькими путями связано с промышленным производством. Во-первых, оно доставляет значительную часть промышленного сырья, во-вторых, оно кормит промышленных рабочих, в-третьих, сельское хозяйство образует главнейший рынок для многих массовых промыш-

---

[41] *Итоги сельскохозяйственной кампании 1922 г. подтвердили этот прогноз. По самым оптимистическим расчетам, весьма благоприятный в климатическом отношении год дает не более 100 млн пудов «излишков» сверх внутреннего потребления. «Излишки» эти носят, однако, условный характер. Они получаются при условии, что какая-то сила сумеет, с одной стороны, равномерно распределить собранный хлеб между районами с разной степенью нужды и, что, с другой стороны, та же сила сумеет ограничить потребление населения в благополучных по урожаю местностях. В действительности такой силы нет. Поэтому наряду с районами, вроде юго-западных губерний, где сельское население страдает от низких цен на хлеб и добивается права вывоза за границу, имеются обширные области востока и юго-востока, где население, лишившееся скота и капитала несмотря на хороший урожай, может прокормиться своим хлебом только до Рождества и для спасения от голодной смерти по-прежнему нуждается в иностранной благотворительной помощи.*

ленных изделий. Во всех этих отношениях натурализация и измельчание крестьянского хозяйства резко ухудшают условия возрождения русской промышленности.

Мы видели выше, как под давлением государственных монополий деформировалось сельское хозяйство и как постепенно из разнообразно организованных, обслуживавших разные специальные потребности рынка хозяйственных единиц образовывалась монотонная, серая масса работающих на самих себя мелких потребительских крестьянских хозяйств.

Натурализация крестьянского хозяйства сопровождалось выпадением рыночных культур. На северо-западе быстро исчезал лен, в центре — конопля, на юго-западе — свекла, в Туркестане — хлопок.

Сокращение посевов технических культур характеризуется катастрофическими цифрами.

Упадок производства сырых материалов не мог не отра-

Таблица 39

Сокращение посевов технических растений
от 1916 г. к 1920 г.

Наименование культур	Главные районы производства	Площадь посева, тыс. десятин		Площадь посева, в 1920 г. к 1916 г., %
		1916 г.	1920 г.	
Лен	Потребляющая полоса	817	337	41,2
Конопля	Производящая и потребляющая полоса	389	77	20,0
Хлопок	Туркестан	714	102	14,3
Свекла	Юго-Западный и Малороссия	358	62	17,3
Картофель	Производящая и потребляющая полоса	1752	866	49,4
Табак		65	5	7,7

зиться на состоянии тех отраслей промышленности, которые занимались их переработкой. Промышленность, работающая на сельскохозяйственном сырье, по сравнению с положени-

Таблица 40

Сокращение промышленности, перерабатывающей сельскохозяйственное сырье*

Наименование производства	1916 г.	1920 г.	В 1920 г. к 1916 г., %
Текстильная промышленность Произведено пряжи: хлопчато-бумажной, млн пудов	18,8	0,8	4,4
шерстяной, млн пудов	1,2	0,4	36,5
льняной, млн пудов	4,3	0,2	4,7
пеньковой, млн пудов	3,4	0,5	14,3
Сахарная промышленность Переработано свеклы, млн берковцев	44,0	4,3	9,8
Крахмально-паточная промышленность Переработано картофеля, млн пудов	50,0	3,6	7,2
Маслобойная промышленность Выработано масла, млн пудов	26,7	1,8	6,7
Винокуренная промышленность Выкурено спирта, млн ведер	139,5	2,5	1,7
Кожевенная промышленность Выделано кож, млн штук	16,0	6,1	38,7

* Данные заимствованы из книги: Русская промышленность в 1921 году и ее перспективы. Отчет к 9 съезду Советов. М., 1921. С. 335, 342, 429, 439 и 446, 469–470. Для картофельно-паточной и винокуренной промышленности сравниваются 1914 и 1920 гг. Упадок винокуренной промышленности объясняется также запрещением торговли вином после объявления войны.

ем ее в конце мировой войны, сократилась к 1920 г. в следующих размерах.

Везде перед нами резкое сокращение производства, упавшего в рассматриваемых отраслях еще глубже, чем в среднем по всей промышленности. Единственно счастливым исключением рисуется кожевенное производство, обеспеченное дешевым сырьем от уничтожаемого рабочего и продуктивного скота.

Необходимо отметить, что падение промышленности, занятой переработкой сельскохозяйственного сырья, труднее из-

лечивается и тяжелее отражается на общем состоянии народного хозяйства, чем распад других отраслей производства.

Из сельскохозяйственного сырья — льна, пеньки, хлопка, масличных семян, свеклы, кож и шерсти — изготовляются по преимуществу предметы первой необходимости и массового потребления. Недостаток их понижает уровень жизни народных масс и приводит к общему упадку производительности труда.

С другой стороны, добыча сельскохозяйственного сырья, в противоположность сырью промышленному, почти целиком находится в руках миллионов мелких производителей, и потому объем ее плохо поддается даже самому умело организованному воздействию. Нужно, чтобы сами крестьяне снова перешли к посеву технических растений, чтобы им это стало выгодно и чтобы у них снова укрепилась уверенность в том, что излишки сельскохозяйственного сырья легко могут быть обменены на рынке на необходимые предметы продовольствия и потребления. Такой психологический перелом может произойти лишь постепенно. Пока он не закончен, русская промышленность, в каких бы формах она ни развивалась, непрерывно будет страдать от хронического недостатка сырья. Распыление, измельчание и натурализация крестьянских хозяйств создает чрезвычайно неблагоприятные условия для добычи и сбора сельскохозяйственного сырья, а вместе с тем и для развития всей обрабатывающей промышленности.

Кроме сокращения предложения сырья, натурально-потребительская реакция крестьянского хозяйства отражается на промышленности еще ухудшением условий снабжения ее продуктами продовольствия. До революции продовольственный вопрос не являлся самостоятельной проблемой в организации производства. Реализация заработной платы происходила за стенами фабрики, и рынок всегда заботился о том, чтобы рабочий имел возможность превратить свой денежный доход в соответствующие его вкусам и желаниям продукты потребления.

В течение всех фазисов социалистического опыта снабжение промышленности продовольственными продуктами было

важнейшей задачей государственного регулирования. Сначала оно вызывалось разрывом меновых связей между городом и деревней. Запасы продовольствия в стране имелись, но извлечь их можно было только силой. Затем, по мере сокращения посевной площади и натурализации крестьянского хозяйства, свободные излишки исчезли, и сила государственного принуждения шла на то, чтобы оторвать часть продовольствия от нормального потребления крестьян и передать ее фабричным рабочим[42]. Последним словом тарифной политики «военного коммунизма» был лозунг полной натурализации заработной платы государственных рабочих. Эта цель не могла быть достигнута, несмотря на все усилия продовольственных органов и лишение хлебного пайка гражданского населения. Государство оказалось несостоятельным должником и не было в состоянии выполнить свои обязательства даже по отношению к ничтожным остаткам русской промышленности.

Новая экономическая политика 1921 г. пыталась разрешить продовольственную проблему путем обратной постановки вопроса. Решено было оставить поиски продовольствия для содержания промышленности и, наоборот, приспособить объем промышленности к ожидаемым поступлениям от продовольственных налогов.

Внутренний смысл этих постановлений заключается в том, что они признают полную зависимость размеров промышленности от величины свободного излишка продовольственных ресурсов. Для «изолированного государства», каким до сих пор является Советская Россия, это, несомненно, правильная мысль. Беспощадное сокращение числа предприятий до тех пределов, в коих они могут содержаться за счет фактических излишков продовольственных ресурсов, казалось единственным средством обеспечить устойчивость национализированной промышленности.

Ближайшие месяцы новой политики показали, что даже этот осторожный подход от продовольственных возможностей к про-

---

[42] *Последнее время даже в Наркомпроде твердо установился взгляд, что разверстки и натуральные налоги падают непосредственно на потребление крестьянской семьи.*

изводственным грешил чрезмерным оптимизмом. Планы государственного хозяйства на 1921/22 г. исходили от натуральных фондов общей ценностью до 400 млн золотых рублей, причем на долю промышленности должно было пойти не более половины этого количества, остальное же предназначалось на содержание армии и чиновничьего аппарата. На деле государство оказалось не в состоянии выполнить даже эти скромные обещания перед своей промышленностью. Общую сумму натуральных налогов пришлось понизить на 40% вследствие голода, поразившего огромную часть России.

Не будучи в состоянии снабдить промышленность из своих фондов, государство разрешило ей пользоваться услугами вольного рынка, обещая доплачивать рабочим деньгами суммы, необходимые для покупки по вольным ценам всех недополученных от государства продуктов.

Но и ресурсы вольного рынка оказались весьма ограниченными. По мере того, как государственные тресты и предприятия выплачивали служащим повышенные оклады, цены на рынке росли еще быстрее. От сентября 1921 г. к концу апреля 1922 г. общий индекс цен хлебных продуктов по Москве увеличился в 60 раз. В апреле цена хлеба была в 6,7 млн раз выше довоенной, а цена золотого рубля возросла только в 2,3 млн раз.

Ясно было, что в повышения цен виноват не только поток бумажных денег, но и прямое истощение хлебных запасов. Официальный обзор состояния русской промышленности за первые три четверти 1921 г. констатирует, что все отрасли производства страдали от недостатка продовольствия и что это была одна из главных причин низкой производительности труда в рассматриваемом периоде[43].

Затруднения, испытанные в 1921/22 г., едва ли могут быть значительно смягчены в дальнейшем. После голодного года и уничтожения рабочего скота общая площадь посевов сократилась еще больше. Новая экономическая политика не привела также к заметному улучшению хозяйства в благопо-

[43] *Народное хозяйство в третью четверть 1921 года. М., 1922.*

лучных районах. С другой стороны, продовольственный налог 1922/23 г. почти целиком предназначен на непроизводительные цели, состояние транспорта за год новой политики ухудшилось, а частный торговый аппарат находится в зачаточном виде. При таких условиях крупная промышленность, переведенная на «хозяйственный расчет» и предоставленная собственным силам, несомненно встретится с большими затруднениями в области продовольственного вопроса. Пока крестьянское хозяйство не сделается снова регулярным поставщиком хлебного рынка, последний будет подвержен резким колебаниям и заработная плата промышленных рабочих не может быть целиком выплачиваема в денежной форме. Будем ли мы поэтому иметь национализированную или свободную промышленность, ей все равно придется считаться с опасностью продовольственного дефицита, случайностью местонахождения скудных излишков, в зависимости от районов высокого урожая, распыленностью продовольственных ресурсов и неустойчивостью реальной заработной платы[44].

3. Упадок промышленности. Сокращение покупательной силы

Но самым тяжким для промышленности следствием натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства является *падение его покупательной силы*.

Неизбежность такого падения совершенно очевидна. Чем ближе вся масса крестьянских хозяйств подходит к общему типу самодовлеющих мелких земледельческих предприятий, тем

[44] *По сведениям, поступающим из России, этот прогноз не совсем оправдался в 1922 г., когда промышленность довольно легко справлялась с продовольственным вопросом. Это объясняется, с одной стороны, жестокой налоговой политикой, заставляющей крестьян продавать часть продуктов, отрывая ее от собственного потребления.*

меньше становится та часть продукта, которая предназначена для отчуждения и составляет фонд для оплаты услуг государства и промышленности. Сокращение платежеспособности, или покупательной силы, сельского населения есть неотъемлемая часть процесса натурализации крестьянского хозяйства и сжимания его до потребительских размеров.

Нет надобности доказывать, что для такой страны, как Россия, вопрос о состоянии покупательной силы сельского населения есть, в сущности, вопрос жизни и смерти всего народного хозяйства в целом.

Весь секрет успехов русской промышленности в XX в. заключался в росте внутреннего рынка. Спрос на промышленные изделия предъявляли и быстро растущие средние городские классы, и еще быстрее накапливавшееся богатство в верхних слоях сельского населения.

Русское сельское хозяйство представляло собой практически неограниченный рынок для важнейших продуктов массового производства, а по отношению к машинам и искусственным удобрениям покупательной силы хватало и для оплаты огромного, из года в год растущего привоза из-за границы.

Революция и здесь радикальным образом сломала привычные отношения. Конфискованное у буржуазии и средних классов имущество было непроизводительно растрачено на ведение гражданской войны и содержание грандиозного аппарата управления. Покупательная сила городов, таким образом, быстро и бесспорно иссякла. Единственным платежеспособным рынком оставалось как будто крестьянское хозяйство.

Долгое время, несмотря на всесторонние поиски причин распада русской промышленности, не было сделано попытки определить размеры «чистого продукта» сельскохозяйственного производства, этого фундамента всей остальной экономической постройки. Предполагалось, что емкость крестьянского рынка является величиной практически неограниченной и во всяком случае превосходящей производительную способность современной промышленности.

Легко убедиться, насколько ошибочным являлось такое мнение.

Мы видели уже выше в таблице 37, что за время революции потребление продуктов промышленности резко понизилось по сравнению с нормальным временем. Особенно упал спрос на продукты крупной промышленности. В 1920/21 г. продовольственных продуктов, т. е. по преимуществу сахара и соли, приобреталось в 8 раз, машинного сельскохозяйственного инвентаря — в 9 раз, одежды и мануфактуры — в 12 раз меньше, чем прежде. На сравнительно высоком уровне удержалось потребление таких продуктов, которые производились мелкими деревенскими ремесленниками и кустарями, например транспортный инвентарь. В общем, по сравнению с нормальным временем душевой расход на приобретение продуктов несельскохозяйственного происхождения понизился в 6,5 раз. Так было в 1920/21 г. в момент наивысшего развития социалистического хозяйства.

С переходом к новой экономической политике крестьянин получил возможность легально приобретать товар на рынке и продавать произведения своего хозяйства. Это сразу повысило на 45% общую сумму душевого расхода на продукты обрабатывающей промышленности. Но все же и при новой политике крестьянин покупал в 4 с лишком раза меньше, чем до революции.

Приведенные цифры еще не измеряют степени сокращения сельскохозяйственного рынка по отношению к продуктам промышленности. Спрос на последние определяется не только нормами потребления, но и численностью платежеспособного населения. Голод 1921/22 г. исключил из разряда покупателей продуктов промышленности 32 млн человек, или около трети сельского населения всей России. Голодающее население не могло думать о приобретении одежды, обуви или хозяйственного инвентаря. Все помыслы его были направлены на поиски пищи. Распродаваемое для этой цели имущество скорее увеличивало предложение продуктов промышленного происхождения, чем предъявляло на них спрос. В общем, можно признать, что покупательная сила голодных районов была равна нулю.

Тогда соотношение объемов сельскохозяйственного рынка до революции и в 1921/22 г. выразится в следующих циф-

рах. По прежним нормам потребления те 97,6 млн душ, которые составляют сельское население нынешней России, купили бы продуктов промышленности на 2079 млн золотых рублей (20 руб. 30 коп. х 97,6 млн), а в 1921/22 г. — на 324 млн руб. (4 руб. 94 коп. х 65,6 млн). Емкость сельскохозяйственного рынка для продуктов обрабатывающей промышленности сократилась, таким образом, в 6,5 раза по сравнению с мирным временем.

Таблица 41

Ценность окончательных продуктов по ценам довоенного времени*

Отрасли промышленности	Ценность продуктов, млн руб.			1920 г. к 1912 г., %	1921 г. к 1912 г., %
	1912 г.	1920 г.	1921 г.		
Пищевая	1 059,8	105,5	109,3	9,9	10,3
Металлическая	726,7	48,5	76,0	6,7	10,4
Хлопчато-бумажная	600,4	39,6	44,9	6,6	7,5
Нефтяная	274,3	45,7	98,3	16,6	35,8
Горная	296,7	98,0	88,0	23,3	27,4
Химическая	185,4	32,6	37,2	17,9	20,5
Обработка дерева	107,4	9,3	9,3	8,6	8,6
Обработка минералов	120,6	5,1	7,2	4,2	6,0
Шерстяная	117,6	42,1	39,8	35,9	34,0
Кожевенная	47,2	54,3	43,5	75,2	60,3
Бумажная	57,3	13,8	10,8	24,1	18,8
Шелковая	54,4	1,1	1,7	2,0	3,1
Льняная	35,7	12,5	10,3	35,0	28,8
Пеньковая и джутовая	17,8	5,8	4,3	32,5	24,2
Обработка продовольствия животного происхождения	10,2	0,7	0,6	6,9	5,9
Вязально-трикотажная	9,8	3,0	4,0	30,6	40,9
Всего	3 721,3	517,6	585,2	12,9	15,3

* Продукция фабрично-заводской промышленности за 1912, 1920 и 1921 гг. М., 1922. С. XI.

Что касается размеров фабрично-заводской продукции, то они изменялись по сравнению с мирным временем следующим образом.

Перед нами картина поразительного разрушения русской промышленности. В момент наиболее высокого развития планового хозяйства крупная промышленность производила всего 13% той суммы ценностей, которую она создавала раньше (до Первой мировой войны.— ***Ред.***). В течение первого года новой политики продукция несколько увеличилась и составила уже чуть более 15% от довоенного уровня.

Сопоставляя теперь размеры промышленной продукции с покупательной силой сельского населения, мы находим в обоих случаях один и тот же коэффициент сокращения. Благодаря этому, теперь, как и прежде, сельскохозяйственный рынок может оплатить только 55% промышленной продукции.

Не следует, однако, утешаться этим кажущимся равновесием. Роль сельскохозяйственного рынка теперь иная, чем прежде. В нормальное время сельское население являлось далеко не единственным потребителем продуктов крупной промышленности. Не менее важным рынком для последней служил спрос государства, городского населения и состоятельных классов общества. Расширение промышленности могло также происходить за счет непотребляемой части прибыли промышленных предприятий и путем развития кредитных отношений.

В настоящее время, в условиях новой экономической политики, положение вещей совершенно иное. Характерными чертами современного народного хозяйства России являются: крайняя нивелировка доходов и понижение их среднего уровня, полное отсутствие фондов для накопления и кредита, хронически убыточная промышленность и высокодефицитный государственный бюджет.

При таких условиях доходы сельского населения, составляющего около 85% всей массы населения страны, должны быть главным и господствующим источником для оплаты услуг промышленности и государства. Разного рода государственные заказы, спрос национализированных железных до-

рог и т. д. не могут считаться правильным рынком для продуктов промышленности. Его объем всецело зависит от платежеспособности населения, т. е. в последнем счете все от того же крестьянина (который является и почти единственным плательщиком налогов и главным потребителем услуг государственного транспорта). Между емкостью сельскохозяйственного рынка и допустимым объемом промышленности должна существовать гораздо более тесная связь, чем прежде. Если спрос сельского населения покрывает, как и прежде, только 55% промышленной продукции, то это свидетельствует не о благополучном сохранении старого равновесия, а о крайне опасном и неустойчивом соотношении между сельским хозяйством и крупной промышленностью.

В действительности дело обстоит еще хуже, ибо далеко не все упомянутые выше 324 млн золотых рублей, измеряющие собой емкость сельскохозяйственного рынка, идут на оплату услуг крупной промышленности. Около 96 млн из этой суммы были затрачены в 1921/22 г. на приобретение продуктов мелкой ремесленной промышленности и не менее 47 млн — на покупку лесных необработанных материалов. На оплату продуктов крупного производства остается, таким образом, только 181 млн золотых рублей. По сравнению с ценностью промышленной продукции эта сумма составляет около 31%, и даже если из состава промышленной продукции выделить только ту часть ее, в потреблении которой крестьянское хозяйство участвует непосредственно, то и тогда спрос сельскохозяйственного населения окажется в состоянии покрыть не более 40% предложения.

В условиях «новой» экономической политики, построенной на принципе возмездности услуг и обмена равноценностей, между отдельными составными частями национального продукта должна существовать строгая пропорциональность, нарушение которой карается кризисами перепроизводства. Одно из важнейших таких нарушений перед нами налицо. Между «чистым» продуктом сельского хозяйства и размерами промышленного производства существует глубокое расхождение. Только разные остатки регулированного хозяйства, вроде госу-

дарственного снабжения, дарового транспорта, авторитарного распределения промышленных изделий и безвозмездного обмена услуг между различными отраслями государственной промышленности, более или менее удачно маскировали это вопиющее противоречие и позволяли до поры до времени обольщаться успехами промышленности при новой политике.

По мере укрепления последней и перехода всех отраслей народного хозяйства на «хозяйственный расчет» стало обнаруживаться несоответствие между емкостью рынка и размерами производства. Уже в конце 1921 г. начали показываться первые признаки нездорового развития народного хозяйства. В марте 1922 г. все признаки жестокого промышленного кризиса были налицо. Центральные рынки завалены товарами. На самых отдаленных местах хорошего урожая, в Сибири и на Украине, не находят сбыта предметы первейшей необходимости. Мануфактура не продается, хотя население ходит в лохмотьях. Сельскохозяйственные машины не покупаются, несмотря на полную изношенность не пополнявшегося с мирного времени инвентаря. Государственные тресты жалуются на отсутствие сбыта, недостаток оборотных средств и высокую заработную плату, хотя реальный заработок рабочих упал по сравнению с ноябрем на 70%. Цены на продукты промышленности неизменно поднимаются в бумажной валюте и в то же время реально оказываются убыточными и недостаточными для продолжения производства.

В условиях обычного капиталистического хозяйства кризис вызывает стихийное сокращение производства, разорение слабых предприятий и увеличение безработицы. В условиях «государственного капитализма» взамен этого происходит планомерное «сокращение штатов», пересмотр «производственных программ» и «свертывание» государственной промышленности. Внешние проявления русского промышленного кризиса, быть может, несколько своеобразны. По внутренней своей сущности это типичный кризис относительного перепроизводства.

В отличие от кризисов общего недостатка эпохи социалистического опыта перед нами ярко выраженный кризис

сбыта, изобилие на фоне нищеты, картина, так часто вменявшаяся в вину капиталистическому обществу.

Жестокий урок последнего промышленного кризиса в России заключается в том, что он вводит нашу промышленность в надлежащие количественные рамки. Он показывает, что в стране с практически закрытыми границами, без капиталов, накоплений и крупных доходов естественный предел развитию промышленности полагается размерами product net собственного сельского хозяйства. Те 25% от объема довоенной продукции, которых успела достигнуть в 1922 г. русская промышленность, оказываются, без сомнения, чрезмерными. В целях оздоровления промышленности нужно прежде всего сузить ее до размеров покупательной силы основной массы населения. Ничтожные размеры могущей выдержать «хозяйственный расчет» промышленности соответствуют ничтожной платежеспособности населения. Прочное поступательное движение промышленности может начаться только от этого пункта и может идти только по мере преодоления натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства, по мере восстановления его товарности, роста покупательной силы и емкости внутреннего рынка.

4. Привлечение иностранных капиталов. Денежная система

Может показаться, однако, что развитие покупательной силы населения не есть единственный путь промышленного возрождения. За последнее время в России господствует убеждение, что участие иностранного капитала есть необходимая предпосылка восстановления русского народного хозяйства. Это часто мыслится то в форме развития внешней торговли, то в форме привлечения капиталов внутрь России. Иностранные капиталы должны оживить промышленность,

создать спрос на ее изделия, содействовать экспорту русского сырья и хлеба, снабдить крестьянина недостающими предметами потребления. Все эти оптимистические надежды на чужеземную «помощь» страдают одной общей ошибкой. Они забывают о натурально-потребительском перерождении русского сельского хозяйства и о вытекающем отсюда сокращении русского рынка. Для развития внешней торговли это обстоятельство является роковым.

Европа сама переживает кризис относительного перепроизводства как результат падения покупательной силы населения после войны. Для иностранцев Россия интересна как рынок сбыта, а не как источник сырья. Но что мы можем дать Европе в качестве покупателя? Наша покупательная сила упала еще больше, чем на Западе. К непроизводительным затратам материальных ценностей в мировой войне присоединились издержки трехлетней гражданской войны и четырехлетние результаты сознательной нивелировки крупных и средних доходов.

Нужно еще отметить, что иностранные товары едва ли могут привлечь и внимание крестьянина как главного покупателя. Русская деревня консервирована в своих потребностях. Она не привыкла к предметам потребления, приспособленным к европейскому обиходу. При низком уровне русских денег они могут показаться ей и слишком дорогими. Единственно, что могло бы вызвать у крестьянина стимулы к развитию своего производства или отчуждению большого количества продуктов, это желание пополнить убыль машинного инвентаря. Но и здесь надежды не могут быть чрезмерными.

Применение сложных сельскохозяйственных машин становится выгодным при условии сравнительно крупных размеров обслуживаемой площади, наличности хорошего упряжного скота и сравнительно высоких цен на рабочие руки. Крестьянское хозяйство за время революции заметно измельчало, впитало в себя бежавшую из города добавочную рабочую силу и лишилось значительной части рабочего скота. Все условия для сокращения спроса на машины, таким образом, налицо. К этому надо прибавить, что машина обыкновенно

покупается в том случае, если при ее помощи можно удешевить производство продукта, предназначенного к рыночному сбыту. В условиях замкнутого натурально-потребительского хозяйства экономические мотивы в пользу машин звучат несравненно слабее. А если принять еще во внимание не совсем невозможную перспективу принудительного коллективного «доиспользования» купленного на частные средства инвентаря, то можно с уверенностью сказать, что спрос на сложные заграничные машины будет во много раз слабее спроса в довоенное время. Что же касается простейших машин и орудий, то, по-видимому, их в России производится в настоящее время больше, чем может купить население.

Наше положение в качестве импортеров довольно безнадежно (с одной стороны.— ***Ред.***). Мы не можем позволить себе роскошь пассивного баланса, потому что население не имеет свободных платежных средств. С другой стороны, мы не можем оплатить иностранные товары вывозом своего сырья и хлеба, потому что мелкое натурально-потребительское хозяйство не имеет излишков и не производит то, что спрашивает иностранный рынок. Отчетные данные о русской внешней торговле лучше всего свидетельствуют о полной бесплодности надежд на ее развитие.

В 1921/22 г. торговые сношения были завязаны уже с многими государствами мира. Несмотря на это, вывоз наш неуклонно сохраняет характер мелких и случайных продаж, а огромное пассивное сальдо оплачивается остатками золотого государственного фонда. Никакой роли в восстановлении народного хозяйства не может иметь внешняя торговля на 4/5 состоящая из ввоза продовольственных продуктов и предметов непосредственного потребления.

Не более основательны и расчеты на массовое переселение иностранного капитала внутрь России.

Кроме отсутствия правовых гарантий и ряда неблагоприятных для капитала политических условий, Советская Россия имеет еще обширное социальное законодательство, также всею силой своей направленное против свободного накопления капиталистической прибыли. Но, главное, и здесь

нельзя рассчитывать на сколько-нибудь широкое привлечение иностранных капиталов, пока отсутствует покупательная сила внутри страны. Рынок, емкостью в несколько десятков миллионов рублей, представляет собою слишком слабую приманку для капитала, привыкшего к европейским условиям работы и рискующего при переселении в Россию.

Итак, ни наружное, ни внутреннее лечение иностранными средствами не может существенно улучшить состояние народного хозяйства, больного недостатком покупательных сил.

Та же болезнь вызывает, наконец, еще одно гибельное следствие. Десятки «специалистов» заняты сейчас изысканием способов устранения дефицитности государственного бюджета. Допустим, старания их увенчались успехом, все непроизводительные расходы вычеркнуты, бюджет проникнут сознанием степени достигнутой нищеты и способы его покрытия отвечают общему уровню богатства страны и характеру его социального распределения. Очевидно, что в тех условиях социальной нивелировки и равенства в нищете, в каких мы теперь находимся, все сложные рецепты финансовой науки окажутся нам не по плечу. Прогрессивно-подоходный налог дал бы, например, жалкие результаты. Единственно реальным базисом современных финансов может быть только косвенное обложение. Но много ли могут дать налоги на потребление, если покупательная сила самого главного плательщика налогов измеряется 200 млн рублей? Пусть акцизами и пошлинами государство удвоит цену тех продуктов, которые покупает теперь русский крестьянин. Пусть потребление от этого не сократится и государство полностью получит причитающуюся ему долю. Пусть столько же, сколько крестьянин, заплатит государству городское население и небольшая горсточка новой буржуазии. Бюджет государства и в этом случае будет измеряться такой ничтожной цифрой, которой совершенно недостаточно для покрытия самых ничтожных, действительно необходимых коллективных потребностей.

Дефициты делаются трудно устранимой, почти неизлечимой раной государственного хозяйства. За ними идет бумаж-

но-денежная эмиссия, а расстройство денежной системы ломает все попытки уравновесить хозяйственную жизнь страны[45].

Мы снова оказываемся у того же исходного пункта.

Восстановление народного хозяйства невозможно в условиях химерически падающей валюты. Укрепление денежной системы немыслимо при хроническом бюджетном дефиците. Оздоровление государственных финансов неосуществимо без подъема покупательной силы сельского населения.

Словом, с какой стороны ни подойти к проблеме экономического возрождения России, с чего ни начать работу в этом направления, с развития внутренней промышленности или привлечения иностранного капитала, с оздоровления государственных финансов или укрепления денежной системы, — везде основным препятствием оказывается недостаток покупательной силы сельского населения как следствие натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства.

Любая сторона переживаемого нами экономического кризиса в конечном счете упирается в эту причину.

За время революции были испробованы разные способы переустройства хозяйственной жизни на новых началах. Каждое из этих мероприятий прямо или косвенно оставляло след на фундаменте экономического здания крестьянского хозяйства. Его перерождение есть материальный итог социалистического опыта. Новая экономическая политика может ставить себе иные цели и стремиться к ним иными путями. Но все программы и планы хозяйственного возрождения России до тех пор будут висеть в воздухе, пока не будет изжито роковое наследство революционных потрясений — реакционное перерождение сельского хозяйства. *Без преодоления натурально-потребительской реакции крестьянского хозяйства нет выхода из переживаемого экономического кризиса.* В этом положении заключается основной вывод предыдущего анализа.

---

[45] *Бюджет на первые 9 месяцев 1922 г. после многочисленных сокращений и исправлений выведен, наконец, в сумме 1 млрд золотых рублей с дефицитом около 50% этой суммы. Общее количество выпущенных на 1 мая бумажных денег составляет 103 трлн советских рублей.*

Глава 5
Новая экономическая политика и возрождение сельского хозяйства

1. Официальная программа

В предыдущих главах описаны объективные результаты опыта непосредственного обобществления сельского хозяйства. Нам остается рассмотреть, каким способом могут быть исправлены разрушения, произведенные этим опытом, есть ли надежда на скорое восстановление русского земледелия и при каких условиях эта надежда может сделаться реальностью.

Начнем с анализа официальной программы возрождения сельского хозяйства, выработанной за время существования «новой» экономической политики, и посмотрим, в какой мере она способна излечить тот основной недуг сельскохозяйственного производства, выяснению которого были посвящены предыдущие страницы.

Все официальные и полуофициальные программы производят на первый взгляд благоприятное впечатление. В основных своих чертах они кажутся списанными с буржуазных учебников сельскохозяйственной политики и содержат описание системы мероприятий, практикуемых любым цивилизованным и благоустроенным государством. Только при ближайшем рассмотрении обнаруживаются пункты програм-

мы, составляющие характерную особенность политики, еще не порвавшей с традициями «социальной» революции. Эти пункты считаются само собой очевидными и бесспорными, они нередко формулируются в придаточном предложении и тонут в общей массе бесспорных технических, агрономических и экономических истин. Между тем, именно они должны задавать тон и направление аграрной политике, именно они должны составлять душу и цель остальной системы экономических мероприятий. И вот, если поставить цель впереди средства и раскрыть скобки почти молчаливых предпосылок, то перед нами развернется следующая схема официальной идеологии и программы в их социально-экономической и технико-аграрной перспективах[46].

Социализация сельского хозяйства отодвигается на неопределенный срок, но не уничтожается как конечная цель. Она разделяет судьбу всей «старой» экономической политики, и, вместо неудавшегося опыта немедленной коллективизации, основной и ближайшей задачей объявляется предварительное развитие производительных сил как предпосылки второго пришествия социализма. В этом смысле новая экономическая политика несомненно знаменует поворот к старым марксистско-ревизионистским схемам. Однако тотчас же обнаруживается и серьезное расхождение. Русские коммунисты не склонны к терпеливому ожиданию самопроизвольно-го «созревания» производственных предпосылок социализма. Вопреки Марксу, они не хотят верить, что наиболее верный и скорый путь развития производительных сил есть капиталистический, никем и ничем не регулируемый способ производства. Они хотят сознательным вмешательством пролетарского государства развить и ускорить естественный, если так можно выразиться, «вегетационный период» социалистического хозяйства. Отсюда рождается идея «государственного капитализма» в промышленности, этим же объяс-

---

[46] *Всего отчетливее эта программа развита в официальных речах представителей комиссариата земледелия Н.Осинского и Шеффлера на агрономическом съезде в феврале 1922 г. (См. отчеты в «Сельскохозяйственной жизни» № 18 за 1922 г.)*

няются и общие социально-экономические цели новой аграрной политики.

Смысл «стратегического отступления» аграрного социализма заключается в том, что, провозглашая экономический подъем сельского хозяйства важнейшей задачей дня, Советское государство стремится в то же время удержать в своих руках контроль над этим подъемом и допускать только такие формы хозяйственного прогресса, которые не уничтожили бы социальных «завоеваний» революции и не закрывали бы путь к переходу в новое социалистическое «наступление».

В этой точке зрения особенно важное значение придается сохранению того «социального баланса», равенства доходов и состояний, который создан революцией в деревне[47]. Прежние марксисты радовались успехам аграрного капитализма и нарастанию экономических противоречий в деревне. Теперь идеал заключается в том, чтобы предотвратить эти естественные результаты свободного развития хозяйственных сил. Подъем сельского хозяйства должен быть проведен в сочетании с сохранением строго трудового характера крестьянского земледелия. «Новая деревня» не должна знать полюсов, в ней не должно быть ни богатых, ни бедных. В момент «поворота руля» опять к социалистическому берегу это бесклассовое, «трудовое» строение крестьянского хозяйства должно облегчить задачи Советского государства и устранить самый высокий барьер социализма в виде собственнических инстинктов мелкокапиталистического производителя. Именно такой смысл имеет последний лозунг Ленина о «смычке» с крестьянином и его план медленного продвижения к социализму совместно с широкими крестьянскими массами[48].

Но как может быть сохранен «социальный баланс» революции в условиях «новой экономической политики» и освобожденной хозяйственной инициативы? Как предохранить

---

[47] *См. речь Осинского на агрономическом съезде // «Сельскохозяйственная жизнь». 1922. № 18.*

[48] *Речь Ленина на XI съезде Коммунистической партии в марте — апреле 1922 г. (Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 78.— **Ред.**)*

деревню от нарастания новых «экономических противоречий» взамен уничтоженных? Как согласовать идею «социального баланса» с необходимостью преодоления разрушений, произведенных в конечном счете тем же самым процессом социального поравнения?

Решение этих вопросов и примирение противоречий предоставляется силе государственного вмешательства и принуждения.

[Неудача социалистического опыта не разочаровала сторонников регулированного хозяйства. Нет той мысли, которая отвергалась бы советскими деятелями с такой ожесточенностью, как идея невмешательства и предоставления полной свободы игре хозяйственных интересов. Из всех принципов «старой» экономической политики идея государственного вмешательства унаследована «новым» курсом в наибольшей неприкосновенности, допущены только изменения форм регулирования, руль управления хозяйственной жизнью по-прежнему считается крепко зажатым в руках Советской власти.

Что же должно делать государство в области интересующих нас аграрных отношений? Для разрешения поставленной перед ним двойной задачи ему предлагается и двойной образ действий.]

Охрана «социального баланса» достигается при помощи противодействия естественному нарастанию неравенств в деревне. С переходом к новой экономической политике Советская власть отказалась от непосредственно ригористического уравнения доходов. Но она сохранила в своем распоряжении ряд сильнодействующих средств, косвенным образом достигающих той же цели.

Удерживая за собой право верховного распоряжения всеми видами земельного фонда, запрещая какие бы то ни было сделки с землей и не допуская арендных отношений, государство накладывает руку на один из самых главных факторов расслоения крестьянского хозяйства.

Не довольствуясь этим, государство стремится предупредить возникновение более крупных доходов даже на основе равного или почти равного землепользования. Эту цель

преследует ограничение применения наемного труда в сельском хозяйстве. Верхняя граница предприимчивости крестьянина определяется не только неизменной нормой землепользования, но и тесными рамками использования исключительно своего труда.

В этом же направлении, наконец, действует и налоговая политика. Начиная с продовольственных разверсток эпохи социалистического опыта и кончая налоговыми схемами образца 1922 г., сборы с сельского хозяйства выдержаны в одних и тех же тонах резко прогрессивного обложения. Чем крупнее хозяйство, тем относительно большую часть дохода приходится ему отдавать в форме общегосударственных и местных налогов.

Национализация земли, запрещение земельного оборота, ограничение наемного труда и налоговое использование крестьянского хозяйства составляют в совокупности тот круг мероприятий, при помощи которых Советская власть надеется сохранить, поддержать и укрепить основы «социального баланса», созданного революцией. Это и есть те немногочисленные, лаконично выраженные, но неустранимые положения официальных программ, о которых говорилось выше, те «командные высоты», при помощи которых социалистическое правительство надеется регулировать и контролировать направление аграрной эволюции, во время своего стратегического отступления в сторону государственного капитализма.

Другой задачей новой» политики является содействие подъему сельскохозяйственного производства. Восстановление разрушенных производительных сил крестьянского хозяйства составляет непосредственную цель той «стратегической операции социализма», ради которой допущена «новая» экономическая политика. Для достижения этой цели Советская власть предполагает воспользоваться выработанным арсеналом мероприятий обычной сельскохозяйственной политики, далеко не исчерпывающий перечень которых содержит: оказание широкой агрономической помощи, содействие кооперации, организацию сельскохозяйственного кредита, производство мелиорации, зем-

леустройство, снабжение сель ских хозяев улучшенными средствами производства, развитие сельскохозяйственного образования, создание прочного земельного права, привлечение иностранных капиталов и last but not least* электрификацию сельского хозяйства,

[Отличительной чертой всех этих предприятий является то, что выполнение всех планов и здесь безоговорочно возлагается на государство. Постановлением IX съезда Советов «Об основных мерах, способствующих поднятию сельского хозяйства» государству предписывается «выделить фонды» для организации государственного долгосрочного кредита и для проведения основных сельскохозяйственных мелиораций, «обратить особое внимание» на привлечение иностранного капитала и расширение ввоза в страну средств сельскохозяйственного производства, распространить «механизацию» и провести электрификацию сельского хозяйства, развить, усовершенствовать и обеспечить материальными средствами опытное дело, сель-скохозяйственное образование и правительственную агрономическую организацию, «принять решительные меры к развитию мощной сети» племенных и семенных рассадников, усилить государственное производство сельскохозяйственных машин, орудий и искусственных удобрений и т. д.** Как и прежде, Советы слепо верят во всемогущество диктаторской власти и полагают, что без помощи советских органов немыслимо восстановление хозяйственной жизни страны.

Хотя и последний, но не худший (англ.).— **Ред.*

(В данном случае излагается и цитируется 2-й раздел постановления IX съезда Советов «О восстановлении и развитии сельского хозяйства» от 26 декабря 1921 г. Отметим характерные особенности литошенковской передачи большевистских документов. Съезд Советов, конечно, не мог предписать государству «распространить "механизацию" и провести электрификацию сельского хозяйства...». Совету Народных Комиссаров поручалось всего лишь способствовать привлечению средств из-за границы «для расширения ввоза в страну машин, орудий, семян, искусственных удобрений и широкого распространения механизации и электрификации сельского хозяйства...». (Съезды Советов в документах. 1917–1936 гг. Т. 1. М., 1959. С. 167, 170–171, 176.) — **Ред.

Другим отличительным признаком программных планов является стремление специфицировать и отграничить объект государственной помощи и воздействия.]

Подъем сельского хозяйства должен произойти на фоне и в подчинении основной идее «социального баланса». Государство не растрачивает поэтому своих сил и средств на помощь сельскому хозяйству вообще и всем видам крестьянского хозяйства. Предметом его забот оказывается по преимуществу мелкое, обессиленное хозяйство. Так, согласно постановлениям IX съезда Советов, выделяемые государством «фонды» предназначаются «на выдачу ссуд малоимущему трудовому крестьянскому населению», пересмотр налогов производится с точки зрения интересов «крестьянского маломощного» хозяйства и сельскохозяйственная кооперация развивается в целях сохранения хозяйственной устойчивости маломощного крестьянского хозяйства*. Всю силу своего содействия государство принципиально отдает мелким и слабым, а не сильным и крупным хозяйственным единицам. Поскольку первая группа государственных мероприятий, направленная на поддержание «социального баланса», направлена в то же время против остатков крупно-крестьянских хозяйств, еще сохранившихся во всеобщем море равенства, постольку вторая группа положительных агрикультурных мероприятий стремится поднять и поддержать всю отсталую и выродившуюся массу рядовых крестьянских хозяйств.

В итоге, идеи официальных программ аграрной политики могут быть формулированы в следующих положениях. Признавая необходимость возможно скорого и возможно полного восстановления сельского хозяйства, Советская власть не хочет в то же время отказаться от некоторых социальных «завоеваний» эпохи обобществленного хозяйства. Стремясь к экономическому подъему сельскохозяйственного производства, она пытается в то же время удержать «социальный баланс» равенства доходов и состояний. Двойная цель должна быть достигнута двойной системой государствен-

*Съезды Советов в документах. 1917–1936 гг. Т. 1. С. 172, 173.— **Ред.***

ных мероприятий, одновременно искореняющих ростки неравенства и поощряющих равномерное развитие отсталых масс парцеллярных хозяйств. Между фактическим состоянием распыленного и обнищавшего земледелия и отдаленным идеалом крупного обобществленного производства помещается промежуточная стадия цветущего трудового крестьянского хозяйства, восполняющего убыль капиталов, воспринявшего все блага агрономического знания и не знающего полюсов нищеты и богатства. Как это ни странно, но ближайшим идеалом марксистско-большевистской политики оказывается страна мелкого равномерно растущего и развивающегося, недифференцированного крестьянского хозяйства, своего рода народнический идеал, только без туманно-романтических атрибутов этого учения.

Теперь мы должны рассмотреть вопрос, осуществим ли этот идеал и не заключает ли он в себе внутренних противоречий, делающих новую программу аграрной политики столь же утопической, как изжитые планы немедленного обобществления сельского хозяйства.

Нас не интересуют при этом конечные цели советской политики. Остались ли в нынешних планах какие-нибудь социалистические элементы, можно ли, например, считать крестьянскую кооперацию или переведенные «на хозяйственный расчет» советские имения зародышами будущих социалистических форм земледелия, как будет совершен переход от мелкого индивидуального крестьянского хозяйства к крупному общественному производству, когда будет произведен этот «поворот руля», почему, наконец, социализм, разбившийся в 1921 г. о сопротивление мелкого полунищего собственника, сделается возможным через энное число лет, когда этот же самый собственник, усилиями советского государства, будет в массе своей укреплен, обогашен и возвеличен,— все эти недоумения отчасти рассмотрены раньше, отчасти относятся к области верований и партийных расчетов.

Мы ставим вопрос иначе. По каким бы то ни было соображениям, Советская власть ставит своей ближайшей целью

возрождение народного хозяйства и прежде всего подъем сельскохозяйственного производства. Непременным условием содействия сельскохозяйственному прогрессу выставляется, однако, сохранение «социального баланса». Спрашивается, совместимы ли эти две механически связанные между собой задачи? Жизненно необходимая, во имя спасения страны, приостановка разрушительных процессов революции, с одной стороны, и подсказанное партийными целями искусственное консервирование одного из главнейших «завоеваний» той же революции, социально-экономического равенства, с другой стороны?

2. Методы подъема сельскохозяйственного производства

По целому ряду причин ответ должен звучать отрицательно.

Из двух составных частей программы сельскохозяйственного возрождения положительная часть при ближайшем рассмотрении оказывается не более как покушением с негодными средствами. В этом нетрудно убедиться, просмотрев список мероприятий, при помощи которых Советская власть рассчитывает совершить массовый подъем крестьянского хозяйства. Каждое из них и все они, вместе взятые, на первый взгляд не возбуждают сомнений. Но стоит присмотреться поближе, как тотчас же обнаруживается, что в условиях русской действительности одни из бесспорных мероприятий оказываются неосуществимыми, а другие дают вовсе не те результаты, которых ожидают, [а третьи впадают в прямое противоречие с основами советской политики.]

Переберем вкратце основные пункты положительной программы с точки зрения их осуществимости и конечных результатов.

Главным козырем официальной аграрной программы считается декрет о трудовом землепользовании, опубликованный в мае 1922 г.*

Для индивидуального крестьянского хозяйства одной из самых вредных сторон социалистического режима была полная неопределенность прав на землю. Декрет о трудовом землепользовании пытается устранить этот недостаток. Он разграничивает права на землю, упорядочивает взаимоотношения, с одной стороны, между государством и фактическими пользователями землей, с другой стороны, между индивидуальным крестьянским хозяйством и крестьянской земельной общиной. [Что касается первой задачи, то в отмену «основного закона» о социализации земли вся земля, обрабатываемая «трудовым населением», закрепляется за ним в бессрочное и наследственное пользование землей. Каждый индивидуальный земледелец может быть лишен своего права на землю только в определенных, в декрете оговоренных случаях[49]. Права на землю отдельных земледельцев и их объединений подтверждаются выдачей соответствующих документов и могут быть защищаемы или оспариваемы в особых земельных судах.]

По сравнению с земельной путаницей, выраставшей на почве фантастических положений «Основного закона о социализации земли», новое законодательство отличается бесспорными преимуществами. Однако его значение не следует преувеличивать.

Для развития стимулов к сельскохозяйственному труду важны не столько ясность и определенность земельных прав, сколько полнота объема этих прав и затем прежде всего и больше всего уверенность в незыблемости прав земледельца на продукт его труда и хозяйства. Ни того ни другого советская политика не давала раньше, не дает и теперь.

См. гл. 7 части II настоящей работы.— **Ред.*

[49] [Сюда относятся добровольный отказ всех членов семьи, переход к другим занятиям, перенаселение, изъятие земли для государственной или общественной надобности, оставление земли без обработки и отобрание земли за определенные правонарушения.]

С частнохозяйственной точки зрения наиболее совершенной формой прав на землю является право полной собственности.

Трудно найти человека, который признал бы для себя владение или пользование выгоднее права собственности. С народнохозяйственной точки зрения право частной собственности на землю обеспечивает наиболее полное использование производительных сил сельского хозяйства. При условии некоторого контроля за мобилизацией земельной собственности, свобода земельного оборота кратчайшим путем ведет к наиболее целесообразному распределению земли и наиболее производительному ее использованию.

Русское дореволюционное земельное право было далеко от идеала. С одной стороны, в нем не было никаких положений, обеспечивающих интересы страны при мобилизации земельной собственности. С другой стороны, права на землю огромного большинства земледельцев были стеснены запрещением оборота с надельными землями и сложной системой общинного землевладения. Значение реформы Столыпина заключалось в том, что она привела в движение значительную часть общей крестьянской собственности и передвинула ее из рук неспособных и инертных в руки сильных и деятельных.

Нынешнее аграрное законодательство в этом отношении представляет решительный шаг назад. Объем права «прочного» пользования землею несравненно ýже тех прав, которыми располагал крестьянин до революции. Бессрочный пользователь землей ограничен и общим принципом национализации земли и специальным категорическим запрещением каких бы то ни было сделок с предоставленным в его пользование земельным участком. Новый закон ограждает крестьянина от покушения третьих лиц на его землю, но зато и самого его лишает права распорядиться защищенным объектом пользования. С частнохозяйственной точки зрения земля перестает быть капиталом, и это не может не повлиять на понижение стимулов к труду. Предоставляя землю в бессрочное и наследственное пользование, государство сводит к минимуму и свои права фактического распоряжения землей.

В результате земля приводится в неподвижное состояние и так же прочно застывает в руках слабых и бедных, как и в руках сильных и способных.

Максимально производительного использования земельного фонда, таким образом, не получается ни путем естественного передвижения его на основе частной купли-продажи, ни путем планомерного перераспределения его на основе национализации земли.

[Еще больше ослабляется значение нового земельного права неразрывно связанной с ним идеей поддержания «социального баланса». Прочный порядок землепользования только тогда может оказать благотворное влияние на развитие крестьянского хозяйства, когда ему будет отвечать не менее «прочный» порядок распоряжения своим продуктом. Само по себе владение землей даже на основе полной собственности и не представляет большего интереса, если продукт, созданный на этой земле, не будет принадлежать ее владельцу. Идея «социального баланса» предполагает между тем регулярное и деятельное вмешательство государства в вопросы распределения сельскохозяйственного продукта. Для осуществления его Советская власть, как увидим позже, сохранила в своем распоряжения достаточно мощные средства. При последовательном же проведении социального поравнения, наконец, из пределов общины изъемлются вообще все «обособленные» и «улучшенные хозяйства».]

Положительная сторона этой части аграрного законодательства заключается в решительной ломке традиций земельной общины. В этом отношении декрет Советской власти является прямым продолжением столыпинской реформы. Он уступает последней только в том, что не передает земельных участков, выделяющихся из общины, в частную собственность.

Как общинники, так и хуторяне являются только пользователями государственной земли. В прежнее время из общины стремились уйти не только лучшие хозяйства, но и тот, кто намерен был порвать с сельским хозяйством и продать свою землю. [Крестьянин неизбежно перестает себя чувствовать собственником произведенного им продукта, а вместе с

утратой уверенности в праве распоряжаться продуктом своего труда отпадают и стимулы к расширению производств, разбуженные «прочным» порядком землепользования.]

Несколько большее значение в смысле содействия сельскохозяйственному подъему может иметь другая часть декрета о трудовом землепользования, регулирующая взаимоотношения между отдельным хозяином и земельной общиной. Здесь довольно последовательно проводятся принципы свободы выбора порядка землепользования. [Каждое земельное общество может сохранить или избрать вновь любую форму землепользования: товарищескую, общинную, участковую или смешанную. В случае избрания общинной формы землепользования, декрет защищает интересы меньшинства, желающего перейти к участковому землепользованию и предоставляет им право выдела из общинного хозяйства. При общих переделах потребовать выдела может каждый отдельный двор, в другое время выдел производится по требованию 1/5 членов земельной общины или 50 дворов в обществах, объединяющих более 250 хозяйств. Не ограничиваясь этим, декрет налагает руку и на самые общинные порядки. Вводится разрешительная система общих переделов земли, самые переделы должны быть отделены друг от друга не менее как троекратным периодом севооборота, местным властям предоставляется право издавать обязательные постановления о порядке передела общинных земель.]

Теперь второй повод к выходу из общины отпадает. Из общины будут уходить только те, кто желает избавиться от принудительного севооборота и других, стеснительных уз общинного хозяйства.

Можно не сомневаться, что это будут наиболее деятельные и способные члены общины. Но в таком случае, даже в удачной своей части декрет о трудовом землепользовании достигает совсем не тех результатов, на которые он рассчитан. Вместо массового подъема парцеллярных «маломощных» хозяйств, декрет идет на пользу отдельных более сильных единиц, т. е. тех слоев крестьянства, которые по общей мысли советской политики скорее должны быть предметом «регулирования», чем объектом организованной помощи.

В итоге новое аграрное законодательство, на которое возлагается теперь столько надежд, по-видимому, их совершенно не оправдает.

Внесение некоторой ясности в отношения между государством и земледельцами не заменит последним утраченного права земельной собственности. «Прочный» порядок землепользования является несомненным плюсом по сравнению с земельным бесправием эпохи социалистического опыта, но далеко уступает прежнему земельному праву. И если раньше недостатки земельного права тормозили развитие сельского хозяйства, то теперь прогресс будет идти еще медленнее. Поскольку же он будет все-таки происходить, новыми нормами земельного права воспользуется не кто иной, как ненавистный Советской власти «кулак» или крепкий столыпинский мужик.

Аналогичные результаты будет иметь *агрономическая помощь* населению, стремящаяся, пока, правда, больше на словах, чем на деле, интенсифицировать и рационализировать крестьянское хозяйство. Если раньше социалисты всех толков доказывали крестьянину, что причина всех его бедствий в малоземелье, то теперь с такой же энергией доказывается, что все дело в отсутствии агрономических знаний и рациональной земледельческой техники. *Государственная организация* агрономической помощи и пропаганды должна пробить брешь в застарелой косности крестьянского хозяйства и сразу поднять его на небывалую высоту.

Ошибочность этих надежд заключается в неправильном представлении о сущности методов агрономического воздействия на крестьянское хозяйство. Агрономическая помощь населению существовала и до революции, притом в масштабах, недоступных современному государству. И если, несмотря на это, технический прогресс крестьянского хозяйства происходил медленно, то это объясняется тем, что по самой природе своей агрономическая консультация может быть только индивидуальной и рассчитанной на постепенное проникновение в массы.

То же самое надо сказать о неразрывно связанной с агрономическими советами обещаниями материальной помо-

щи крестьянскому хозяйству — снабжения его машинами, семенами, скотом и другими средствами производства. Поскольку все эти блага были бы бесплатными, они могли бы содействовать подъему маломощных хозяйств. Но ни одно государство не может себе позволить подобной роскоши, тем более страна Советов. Если же снабжение средствами производства будет производиться на основе хозяйственного расчета, то ими воспользуется по преимуществу [исключительно] наиболее платежеспособная и энергичная часть населения. Никакого подъема «масс» опять не произойдет, и дело сведется к индивидуальным успехам и возвышению небольшой группы хозяйств.

[Из научного арсенала только те меры и средства, которые, будучи проведены через хозяйственный инстинкт и опыт, дают или обещают дать прирост чистой доходности. В последнее время русская агрономическая мысль восприняла, наконец, ту истину, что кроме технической рациональности важна еще экономическая целесообразность и что эти понятия часто не совпадают. Индивидуализация агрономической помощи, подчинение ее расчетам и инстинкту самого хозяйствующего субъекта и экономическое оправдание многих «отсталых» приемов крестьянского хозяйства — таковы основные черты современной прогрессивной агрономии.

Все эти методы абсолютно непригодны для массового возрождения сельского хозяйства. Они будут охотно восприняты передовыми, хозяйственно выдающимися единицами и пройдут мимо ушей рядовой крестьянской массы. Преувеличенные надежды на стихийный успех агрономической помощи ни на чем не основаны. Как и прежде, советами агрономов воспользуются отдельные способные хозяева, если при том общие экономические и политические условия позволят им распоряжаться продуктами своего улучшенного хозяйства. Во всяком случае, агрономическая помощь может содействовать только возвышению отдельных единиц, но не массовому планомерному подъему.]

Еще менее пригодна для целей равномерного поднятия масс и сохранения «социального баланса» крестьянская ко-

операция. Принципиально отрицательное отношение к ней в эпоху социалистического опыта сменилось теперь необычайным благожелательством.

Кроме экономического эффекта от кооперации ожидается еще рост «товарищеской спайки» и создание психологических предпосылок для более глубокой вторичной коллективизации сельского хозяйства.

Надо отдать справедливость, что прежние взгляды коммунизма на кооперацию отвечали ближе существу дела.

Только идеология городской, потребительской кооперации может иметь общие черты с социализмом. Сельскохозяйственная кооперация есть плоть от плоти и кость от кости буржуазного общества. Она преследует частнохозяйственные выгоды мелких предпринимателей-крестьян в рамках индивидуалистического народного хозяйства. Социалистические настроения ей совершенно чужды и идейному укреплению «социального баланса» она служить не может.

Что касается экономических результатов кооперативного движения, то они, конечно, могут быть очень велики. Однако при одном непременном условии. Основные виды сельскохозяйственной кооперации — кредитная и сбыточная — предполагают существование товарного крестьянского хозяйства. В кооперативной организации могут принимать участие только те слои крестьянства, которым есть что покупать и продавать и которые связаны с внешним миром нитями меновых отношений. В механической совокупности разъединенных, самодовлеющих хозяйств кооперации почти нечего делать. На фоне господствующей ныне натурально-потребительской реакции кооперация будет обязательно слабым и хилым растением[50].

---

[50] *Год сравнительно свободного и легального существования сельскохозяйственной кооперации при новой экономической политике дал очень мало в смысле развития и укрепления кооперативного движения. Его темп не может идти ни в какое сравнение с прежним бурным ростом кооперации. Главная причина заключается в слабом участии крестьянского хозяйства в меновом обороте, на основе которого, в сущности, сельскохозяйственная кооперация только и может развиваться.*

Возрождение русской кооперации может идти только параллельно с ростом экономической дифференциации деревни и с образованием слоя сильных, работающих на рынок крестьянских хозяйств. Во всяком случае, мощное кооперативное движение есть результат, а не предпосылка сельскохозяйственного возрождения. Оно возникает на основе неравенства и нарушения «социального баланса» и к массово-равномерному подъему крестьянского хозяйства оно никоим образом ступенью служить не может.

Если агрономическая помощь и кооперация ведут не к тем результатам, которых от них ожидают, то некоторые другие из намеченных мероприятий оказываются, кроме того, в прямом противоречии с основными устоями советской земельной политики.

Сельскохозяйственный кредит является, конечно, одним из важнейших рычагов подъема сельского хозяйства. Однако в условиях национализации земли, запрещения земельного оборота и падающей валюты он может иметь лишь очень ограниченное значение. В настоящее время возможен лишь краткосрочный кредит, обеспеченный текущим доходом земледельцев[51]. И по размерам и по форме в противоположность долгосрочным ссудам под залог земли такой кредит не может сыграть крупной роли в восстановлении крестьянского хозяйства. Кроме того, надо иметь в виду, что «доход» крестьянского хозяйства представляет в настоящее время отрицательную величину. Фактически под «доходом» приходится разуметь потребительский фонд, образующийся из валовой продукции за вычетом материальных расходов. На этот фонд падают все прямые и косвенные налоги государственного и местных бюджетов. Они сокращают и без того, как мы видели, минимальное потребление крестьянина не менее как на треть. Остаток составляет такую абсолютную необходимую несжимаемую величину, что рядовой крестьянин не решится рисковать ею из-за проблематических выгод

[51] *Мануилов А. Сельскохозяйственный кредит. Очередные вопросы финансовой политики: Сб. ст. М., 1922. Вып. 1. С. 100.*

краткосрочной ссуды в бумажных рублях. Для организация кредита на благотворительных началах у государства нет средств. Если же дело будет поставлено на коммерческую ногу, то услугами кредита воспользуются опять единичные, более сильные и платежеспособные предприятия, а не главная масса разоренных и обнищавших хозяйств, для подъема которых строится вся политика.

Мы рассмотрели все важнейшие пункты положительной программы сельскохозяйственной политики. Остальные мероприятия не заслуживают большого внимания. Правда, среди них имеется такой столп и утверждение социалистического хозяйства, как *электрификация*. Поскольку, однако, электрификационные увлечения сохранились до настоящего времени, их приходится считать не более как остатком невыветрившейся идеологии планового хозяйства. В условиях новой экономической политики для электрификации положительно нет места. Если строить ее на основе хозяйственного расчета, то едва ли у населения найдутся свободные средства, чтобы оплатить непрошенные услуги государства. Господствующий тип натурально-потребительского хозяйства не может быть благоприятной средой для распространения какой бы то ни было механической энергии.

[Ведь главный смысл электрификации заключается в экономии живой рабочей силы. Но как раз этим фактором производства мелкое хозяйство снабжено в чрезвычайной степени. Какой смысл оплачивать хотя бы самую дешевую энергию, если взамен этого увеличивается и без того избыточный и не находящий приложения запас своего труда.] Электрификация может рассчитывать на успех среди товарных хозяйств, имеющих избыток продукта и страдающих от недостатка рабочих рук. В условиях же натурально-потребительской реакции, когда крестьянин не может приобрести даже простейших орудий, пользование электрической энергией было бы для него непозволительной хозяйственной глупостью.

Не менее ясен вопрос и в том случае, если бы государство задумало отпускать энергию на благотворительных началах или

стало бы электрифицировать страну в расчете на будущее увеличение спроса на энергию. Если рассматривать электрификацию как благо будущего пользования, то для создания ее в настоящем у государства нет ни технических возможностей, ни материальных средств.

Здесь мы касаемся самого больного места не одних только электрификационных планов.

Вся положительная программа сельскохозяйственной политики страдает полной невыясненностью источников ее *финансирования*. Не только электрификация, но и кредит, и мелиорация, и льготное снабжение средствами производства, и организация агрономической помощи, и содействие кооперации, и даже новое земельное право, поскольку оно связано с систематическим проведением сложных землеустроительных работ, требуют от государства значительных материальных средств. Для одних мероприятий нужны постоянные операционные расходы, для других — единовременные капитальные затраты, для третьих — долгосрочный кредит. Чем шире программа сельскохозяйственной политики, тем основательнее должен быть ее финансовый фундамент.

Для программы, рассчитывающей вернуть к жизни и поднять миллионы «маломощных» хозяйств, вопросы финансирования должны стоять на первом плане.

В действительности, при величайшем напряжении источников дохода и при максимальном сокращении расходов бюджет Советской России сведен на первые 9 месяцев 1922 г. с дефицитом в 50% доходной сметы. Из 1 132 млн руб. доходной сметы 312 млн руб., или 32%, приходится на долю натуральных налогов, целиком уплачиваемых крестьянским хозяйством. Значительная доля денежных налогов, исчисленных в сумме 125 млн руб., берется из того же источника. В расходной смете из 1 132 млн руб. на долю комиссариата земледелия отпущено 37 млн руб. расходной сметы, или 3%[52]. Напомним, что смета старого министерства земледелия достигла в 1913 г. 136 млн руб.

[52] *Главнейшие статистические сведения о наших финансах. М., 1922. С. 8–11.*

Одного сопоставления приведенных выше цифр достаточно, чтобы уяснить себе ценность программных предположений новейшей сельскохозяйственной политики. Десять лет тому назад, при самых скромных целях и поколениями воспитанных привычек к экономии, на сельскохозяйственную политику тратилось в 3 раза больше, чем теперь, при грандиозных планах и неизжитых еще навыках расточительности.

[Бесспорно также и то, что государство в настоящее время берет от сельского хозяйства в 10 раз больше, чем отдает ему через комиссариат земледелия, если даже предположить, что деятельность последнего состоит исключительно из услуг для крестьянского хозяйства полезных и нужных.]

Положение государственных финансов делает все планы иллюзорными и нереальными. Строго говоря, достаточно одного этого аргумента, чтобы убедиться в бесплодности всех проектируемых мероприятий.

Что же можно сказать теперь в целом о положительной программе сельскохозяйственной политики? Поставленной себе цели массового подъема «маломощного» крестьянства она явным образом не достигает. Самое большое, что может вырасти на почве половинчатых благих намерений новой политики,— это медленное возвышение небольших групп наиболее сильных и приспособленных хозяйств. Это возвышение ни в коей мере не будет напоминать того стихийного массового прогресса, на который рассчитывают руководители новой политики.

Но даже и этот скромный эффект нельзя считать вполне обеспеченным. Возвышение индивидуальных хозяйств происходит не благодаря, а вопреки программным планам советской политики. Можно представить себе, что наиболее живучие хозяйственные единицы сумеют приспособиться к урезанным правам на землю и героическими усилиями, не ожидая скудной помощи государства, подняться на известную высоту благосостояния. Чтобы удержаться на ней, им нужны будут некоторые дополнительные гарантии и прежде всего уверенность в том, что добытый с таким трудом излишек продукта не будет отобран всесильным государством.

Красной нитью через всю сельскохозяйственную политику проходящая идея «социального баланса» как раз такой уверенности и не дает.

3. Охрана «социального баланса»

Здесь мы подошли к вопросу о том, в какой мере осуществима и к каким результатам приводит вторая часть официальной программы, т. е. группа мероприятий, которая направлена на поддержание социального равенства, созданного революцией.

Отвлеченно говоря, социальный баланс может быть осуществлен двумя способами: или *поднятием* производительности всей обнищавшей массы крестьянских хозяйств до сравнительно высокого уровня передовых и сохранившихся единиц или, наоборот, *понижением* доходности этих хозяйственных верхов до общего уровня, который имеет или может иметь вся остальная масса крестьянских хозяйств.

Первый путь, как мы только что убедились, неосуществим, ибо программа положительных мероприятий, направленных к массово-равномерному подъему «маломощных» хозяйств этой цели не достигает. Остается метод *отрицательных* мероприятий, регулирующих и задерживающих всякое нарастание экономических неравенств, всякое продвижение по социальной лестнице наиболее энергичных и приспособленных единиц.

Можно a priori ожидать, что в области «регулирования» и запретов программа аграрной политики окажется сильнее, чем в области стимуляции свободы.

*СДЗЗ С 156 — **Ред.**

Уже одна замена права собственности в новом Земельном кодексе правом пользования* должна влиять в сторону всеобщей нивелировки доходов. Элемент неопределенности и неполноты владения, вскрывающийся во всяком хотя бы и самом «прочном» порядке временного *пользования* землей, неизбежно вызывает, как мы уже знаем, общее ослабление импульсов к труду.

Верхи крестьянства при этом будут острее реагировать на умаление своих земельных прав, ибо как раз для них неограниченные права собственника являются одним из важнейших условий проявления свойственной им инициативы и предприимчивости. Если же стимулы к накоплению капиталов и развитию производства сильнее всего сократятся у самых предприимчивых слоев крестьянства, то тем самым и колебания доходов в сельскохозяйственном производстве будут ограничены тесными рамками средних способностей и средних обычных приемов хозяйствования.

Кроме общего нивелирующего влияния национализации земли, Советская власть имеет в своем распоряжении еще ряд других сильнодействующих средств, уже непосредственно направленных на устранение экономических неравенств и поддержание «социального баланса».

Сюда относится прежде всего запрещение под страхом уголовной ответственности каких бы то ни было сделок с землей. Государственная собственность не может, конечно, быть предметом частнохозяйственного оборота, и в этом отношении запрещение земельных сделок есть логическое следствие осуществленной национализации земли. Вытекающие отсюда стеснения для хозяйственной жизни можно отчасти устранить разрешением долгосрочной аренды и переуступки используемых участков. Новое земельное право закрывает и этот путь, допуская арендные отношения лишь в виде исключения, на срок не более одного севооборота, т. е. практически не более чем на 3 года, и в размерах, не превышающих использования исключительно семейного труда арендатора. Ограничения в применении наемного труда, допускаемого лишь в случаях временного ослабления рабочего состава крестьянской семьи, являет-

ся логическим дополнением запрещения земельного оборота и стеснения арендных отношений.

Вообще, несмотря на разные либеральные оговорки и внешнее сходство отдельных статей земельного кодекса со столыпинским законодательством, основная мысль советского земельного права выступает достаточно ясно и выпукло. Она все же остается гораздо более близкой к идеям отмененного социалистического, чем к нормам невосстановленного буржуазного земельного права.

Как тогда, так и теперь единственно легальным типом индивидуального использования национализированной земли провозглашается мелкое крестьянское хозяйство, обрабатывающее землю только своим семейным трудом. Государство отказалось, правда, от мелочного и неосуществимого контроля за равномерным распределением земли между всеми желающими ее обрабатывать. Но оно по-прежнему категорически ограничивает размеры индивидуальных хозяйств той земельной площадью, которая может быть обработана собственными рабочими силами семьи. Господство «трудового» хозяйства остается непоколебленным. Вся разница только в том, что раньше индивидуальное крестьянское хозяйство, хотя бы и трудового типа, считалось обреченной и лишь терпимой формой землепользования, а теперь оно возводится в принцип и закрепляется предписаниями о запрещении земельных сделок, наемного труда и арендных отношений.

Совершенно очевидно, что последовательное закрепление трудовых размеров хозяйства может иметь громадное значение в процессе нивелировки сельскохозяйственных доходов. Правда, крестьянские семьи одинаковых размеров осиливают разные количества земли в разных почвенно-климатических условиях, а при одинаковых условиях разная величина семьи обусловливает и пропорционально разные размеры землепользования. Эта разница в размерах хозяйства не может служить, однако, источником значительных неравенств. Они останутся в пределах использования выгод семейной кооперации. В условиях же низкой техники и слабо развитого рынка эти выгоды не могут быть значительны. Для

подавляющей части крестьянских хозяйств современной России размеры землепользования на душу семьи определяют размеры индивидуального дохода. Запрещение земельного оборота закрепляет существующее сравнительно равномерное распределение земли. А так как средняя обеспеченность землей чрезвычайно низка и для большинства районов не достигает даже трудовой нормы, то тем самым устанавливаются фактически очень узкие рамки возможных колебаний дохода от сельскохозяйственного производства.

Строго говоря, одного точного проведения в жизнь описанных выше ограничений было бы достаточно для предохранения деревни от нарастания экономических неравенств. [Умаление прав на землю само по себе понижает стимулы к накоплению, а поскольку последние не устранены, они наталкиваются на механические препятствия земельного законодательства. При экстенсивных формах хозяйствования рост хозяйства ограничен недостатком земельной площади, а при попытках интенсифицировать производство в минимуме оказывается запас рабочей силы.]

Средства нивелировки крестьянских доходов этим, однако, не исчерпываются. Той же цели может служить налоговая политика государства. Стоит только припомнить основные черты современной налоговой системы, чтобы убедиться, какое мощное орудие пущено в ход против нарастания экономических неравенств в деревне.

Крестьянское хозяйство является в настоящее время главным и почти единственным плательщиком налогов. Кроме разнообразных сборов на местные нужды, кроме крупных денежных налогов вроде «подворно-поимущественного» и «общегражданского», крестьянское хозяйство выплачивает еще целую серию натуральных налогов, составляющих единственную реальную основу государственного бюджета РСФСР.

Натуральные налоги составляют одну из наиболее своеобразных черт советской экономики, и влияние их на крестьянское хозяйство едва ли может быть переоценено.

---

* *СУ. 1921. № 26. Ст. 147.*— ***Ред.***

Декрет 21 марта 1921 г. «О замене разверстки продналогом» должен был положить пограничный камень между «старой» и «новой» экономической политикой. Пункт 8 этого декрета гласил, что «все запасы продовольствия, сырья и фуража, остающиеся у земледельцев после выполнения ими налога, находятся в полном их распоряжении, могут быть использованы ими для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства»*. Создавались, таким образом, как будто минимальные предпосылки для освобождения и развития частной инициативы.

Действительность не оправдала этих надежд. Главным недостатком новой системы оказалась чрезмерная тяжесть обложения. Общая сумма налогов была, правда, несколько понижена по сравнению с последней цифрой продразверстки за 1920/21 г. Но по отношению к сократившейся площади посевов налог был еще тяжелее, чем разверстка. Таблица 42 иллюстрирует это положение по отношению к ряду губерний, не пораженных голодом.

В среднем налог дал повышение нагрузки на одну десятину посева на 20% по производящей и на 40% по потребляющей полосе. Как и продразверстка, он черпался уже не из ничтожных частичных излишков хозяйства, а непосредственно ложился на потребление крестьянской семьи. Сумма налога, исчисленная на 1922/23 г., оказалась еще более высокой. Она на 100% превышает налоги предыдущего года. В среднем государство по-прежнему отнимает у крестьянина от 1/5 до 1/3 его чистого потребительского фонда.

Налоги такой тяжести должны разрушительным образом влиять на всю массу крестьянских хозяйств, убивая охоту к труду и расширению производства.

Уже специально против крупных хозяйств и состоятельных слоев населения действует другая специфическая сторона налогового законодательства, а именно его прогрессивность.

[И налоги 1921 г., и ставки усовершенствованной системы «единого натурального налога» 1922 г. исчисляются в

Таблица 42

Сравнительная тяжесть заготовки и налогов в 1920/21 и 1921/22 гг.

Название губернии	Заготовка хлебов в 1920/21 г., тыс. пудов	Налог в 1921/22 г., тыс. пудов	Заготовка на 1 десятину посевной площади в 1920 г., пудов	Налог на 1 десятину посевной площади в 1921 г., пудов
Потребляющая полоса Владимирская	1 511	1 705	4,06	5,66
Вологодская	1 771	1 259	7,30	5,15
Иваново-Вознесенская	126	506	1,11	3,89
Калужская	553	1 313	2,59	7,18
Костромская	442	937	1,72	3,65
Московская	655	603	3,23	3,00
Нижегородская	537	1 697	2,53	2,92
Новгородская	1 037	1 130	3,93	4,02
Северо-Двинская	1 168	498	6,36	2,73
Смоленская	2 163	5 049	3,41	7,49
Тверская	2 286	2 439	6,12	7,33
Череповецкая	497	850	3,94	5,61
Ярославская	1 131	892	9,98	7,24
Козельская Трудовая коммуна	49	73	3,34	2,71
Гомельская	3 179	3 876	5,42	6,81
Минская	1 708	2 995	2,19	4,19
Рыбинская	100	1 311	0,55	7,37
Брянская	657	1 017	2,42	3,81
Итого	20 606	28 150	3,71*	5,21*
Производящая полоса Пензенская	4 110	3 389	3,43	3,99
Рязанская	2 268	2 508	3,01	3,45
Тульская	3 892	5 417	5,18	9,03
Воронежская	3 640	3 805	3,26	4,31
Пермская	4 152	3 784	5,67	6,23
Итого	18 062	18 903	4,33*	5,17*

* В среднем по региону — ***Ред.***

зависимости от размеров *валовой* продукции каждого индивидуального хозяйства.

Валовой продукт крестьянского хозяйства, не имеющего чистых излишков, распадается на две части: хозяйственные и личные расходы. Соотношение этих двух частей не бывает одинаковым. При равных почвенных и климатических условиях хозяйственные расходы относительно выше в крупных крестьянских хозяйствах, которые в то же время являются и наиболее экономически приспособленными в смысле лучших организаторских способностей хозяина, его стремления к накоплению, улучшению капиталов своего хозяйства и сравнительному самоограничению в личных расходах.

Налог с валового дохода при этих условиях ведет к преимущественному разрушению хозяйств, имеющих повышенную норму хозяйственных расходов. Налог заставляет производителей скорее отказываться от части хозяйственных расходов, чем сокращать личное потребление. Он поражает, таким образом, наиболее выдающиеся хозяйственные единицы, заставляет их сокращать восстановление, накопление и улучшение капиталов, возвращает их к общему типу хозяйств с обычным средним соотношением личных и хозяйственных расходов. С народнохозяйственной точки зрения такой процесс задерживает преодоление натурально-потребительской реакции и закрепляет существующую нивелировку крестьянских доходов.

Еще сильнее действует в том же направлении *прогрессивность* натуральных налогов. Уже общий декрет 21 марта содержал указание на то, что «налог должен быть прогрессивным» и что «процент отчисления от хозяйств середняков, маломощных хозяйств городских рабочих должен быть пониженным»*. Из изданных затем декретов об отдельных налогах принцип прогрессивности проводился в весьма резких формах. По отношению к важнейшему из всех налогов, хлебному, прогрессия выражалась в увеличении ставок по мере

* *СУ. 1921. № 26. Ст. 147.*— **Ред.**

роста земельного обеспечения. Все хозяйства разделялись на группы в зависимости от пропорции между пашней и числом «едоков». Чем больше земли приходилось в хозяйстве на «едока», тем больше оно платило по расчету на десятину пашни. При среднем урожае в 35–40 пудов с десятины, хозяйства, имеющие 0,5 десятины на «едока», платили 10 фунтов с десятины, хозяйства, имеющие 4 десятины и выше,— 8 пудов, т. е. в 32 раза больше. По тому же принципу крупной прогрессивности были построены другие важнейшие натуральные налоги: мясной, овощной. В 1922 г. с переходом от 13 отдельных налогов к «единому», объединяющему 4 продукта налогу, прогрессия была распространена на всю систему натурального обложения.]

Нелегко возражать против принципа прогрессивности налоговых ставок. Он даст выход политическим стремлениям и социальным симпатиям советского законодателя, являясь в то же время азбучной истиной буржуазных учебников финансовой науки. Тем не менее бывают случаи и положения, когда прогрессивность налогов не отвечает требованиям разумной экономической политики.

Начать с того, что в такой форме, в какой она нашла себе выражение в России, прогрессивность била нередко не по тому месту, на которое была рассчитана. Прогрессия есть инструмент высокоразвитой налоговой системы. Она уместна при денежном подоходном налоге и режет глаз в средневековом натуральном обложении.

Затем, прогресс всегда имеет две стороны. В его активе значатся интересы фиска и справедливость в распределении налогового бремени. Его пассив составляет задержка накопления капитала и развития наиболее мощных и производительных единиц. В условиях нормального развивающегося народного хозяйства можно выгодно сбалансировать обе стороны вопроса. Поступательное движение каждой хозяйственной группы имеет свою инерцию. Мудрый законодатель может осторожно снимать с верхов все большую часть государственных доходов, не замедляя темпа экономического развития.

Но что можно сказать о стране, где доходы всех классов подвергались крайней нивелировке и где главная масса налогоплательщиков застыла на ничтожном уровне натурально-потребительского хозяйства? Прогрессивность обложения не дает здесь никаких положительных результатов, обнаруживая все свои отрицательные стороны.

Ничтожность финансового эффекта доказательств не требует. При той степени нивелировки, какую мы теперь наблюдаем, повышенное обложение крестьянских верхов может дать только самые ничтожные суммы.

Социальная справедливость в распределении налогов тоже прогрессией не достигается. При ничтожном удельном весе верхов вся тяжесть налогов все равно ложится на средние и низшие группы хозяйств. Объективно отмена прогрессии почти не отразилась бы на ставках налога.

Зато невыгодные экономические результаты натуральных прогрессий не подлежат сомнению.

Высокие нормы обложения разрушают прежде всего последние остатки почти чудом уцелевших сравнительно крупных и обеспеченных капиталом крестьянских хозяйств.

Но главный вред ее заключается не столько в разрушении уже существующих сильных хозяйств, сколько в устрашающем влиянии на психологию остальной хозяйствующей массы населения.

Допустим, что рядовой «старательный» хозяин, проникнувшись духом новой экономической политики, желает расширить свое производство и от натурально-потребительских заданий перейти к приобретательско-меновому хозяйству. На пути у него тотчас вырастают опасности прогрессивного обложения. Всякая лишняя десятина пашни или всякое сокращение лишних ртов грозят ему повышением налоговой ставки по всему хозяйству. То же самое относится ко всякой лишней корове, овце, грядке огорода и т. д.

Прогрессия задерживает переход к товарному хозяйству. Вместе с высоким размером налогов и принципом обложения валовой продукции, она подрезает крылья наиболее энергичным слоям населения, закрепляет психологию мел-

кого парцеллярного хозяйства и поощряет перенаселение деревни.

4. Вероятные результаты

Мы рассмотрели порознь положительно-созидательную и отрицательно-регулирующую части официальной аграрной программы. Посмотрим теперь, что могут дать они обе вместе. Результаты предвидеть нетрудно.

На одной чашке весов мы имеем: хитроумное земельное право, пытающееся совместить последовательно выдержанный принцип национализации земли с «прочным» порядком землепользования, похожим на частную собственность; широкие планы агрономической помощи населению, финансируемые иногда одними доходами от тотализатора; платоническое покровительство кооперации, сотканной «по преимуществу» из одних «маломошных» низов крестьянства; тщетные попытки организовать сельскохозяйственный кредит без капитала в руках и без права залога земель; фантастические проекты «электрификации» нищих, разоренных хозяйств и, наконец, расходный бюджет государства, отводящий на всю программу «стихийного» подъема русского земледелия 37 млн довоенных рублей. На другую чашку падают: запрещение под страхом уголовной ответственности всякого земельного оборота, ограничение применения наемного труда, недопущение долгосрочной предпринимательской аренды и извлечение громадных, прогрессивных натуральных налогов.

Уже этого простого сопоставления достаточно, чтобы знать, куда склонится рычаг равновесия. Насколько первая часть программы утопична и нереальна, настолько вторая отвечает духу и традициям советской политики. Положительная программа сельскохозяйственной политики рассчитана на создание массового подъема крестьянского хозяйства. Самое большее, что

она может дать, как мы видели, это медленный прогресс отдельных единиц, обладающих настолько незаурядными инстинктами стяжания, что даже неопределенность гарантий «новой» экономической политики не удержит их от риска расширения хозяйства и накопления ценностей. Но как раз эти проявления «кулачества» должны сделаться объектом другой, регулирующей стороны аграрного законодательства, именно они должны быть принесены в жертву идее сохранения «социального баланса». В отличие от положительной программы подъема масс, отрицательный план уничтожения верхов гораздо проще и осуществимее. Он не требует больших затрат энергии. Здесь все решается дешево стоящим законодательством, послушным административным аппаратом и привычным методом принуждения. Уже одно запрещение земельного оборота закрепляет созданное революцией приблизительно равномерное распределение землепользования, а вместе с тем ставит и тесные пределы нарастанию имущественного неравенства. Принципиально отрицательное отношение новейшего законодательства к применению наемного труда и распространению арендных отношений еще более ограничивает земледельца в распоряжении доступными ему средствами производства. Наконец, система высоких прогрессивных налогов помогает окончательно справиться с теми предприимчивыми «кулаками», которые рискнули бы переступить рамки дозволенного накопления.

Государство действительно сохранило за собой «командующие высоты, при помощи которых оно легко может контролировать и регулировать по своему усмотрению распределение доходов. Можно не сомневаться, что путем противодействия всему выдающемуся и превышающему средний уровень, «социальный баланс» может быть осуществлен с любой степенью полноты и скорости.

Внутренняя противоречивость новой аграрной политики теперь становится очевидной. Бесплодная в своей положительной программе, она по-прежнему сильна в своих разрушительных влияниях.

Ход посевной кампании 1921/22 г. лучше всего иллюстрирует это положение.

Таблица 43

Посев озимых хлебов в 1920 и 1921 гг.

Районы	Число губерний	Площадь, тыс. десятин		1921 г. к 1920 г., %
		1920 г.	1921 г	
1. Потребляющий	23	3 571	3 676	103
2. Производящий	24	8 948	7 130	80
3. Юго-Восток	5	1 613	1 252	78
4. Киргизия	7	56	35	62
5. Сибирь	6	446	388	87
6. Украина	12	4 871	4 168	86
Всего:	77	19 506	16 649	85

Несмотря на героические усилия по обеспечению семенами земледельцев, несмотря на закупки зерна за границей и помощь Америки, посевная площадь озимых в 1922 г. снова сократилась по сравнению с предыдущим годом, и сократилась на весьма значительную величину, достигающую не менее 15% прошлогодней посевной площади. Правда, сокращение посевов коснулось не в одинаковой степени всех районов. Оно проявилось по преимуществу в местностях, пораженных голодом, и несколько меньше затронуло благополучные губернии. Из 54 губерний производящей полосы и окраин только 9 посеяли несколько больше, чем в прошлом году, в остальных губерниях посевная площадь сократилась. В голодных губерниях уменьшение достигает огромной величины. По сравнению с 1921 г. площадь озимых (в 1922 г.— *Ред.*) составляет: в Татарской республике 51%, в Уфимской губернии — 40%, в Ставропольской — 45%, Екатеринославской — 49%, в Крыму — 20%. В потребляющей полосе, напротив, повсеместно наблюдается некоторое расширение посевов, достигающее в среднем по 23 губерниям района 3%.

Перед нами, таким образом, продолжение знакомых процессов. Крестьянин не верит новой сельскохозяйственной политике и продолжает сжимать или расширять свое хозяйство до размеров самодовлеющей единицы, в обрез удовлетворяющей минимальной потребности семьи. В производящем районе этот процесс выражается в дальнейшем сокращении посевов, в потребляющем — в некотором их расширении.

Нам остается поставить вопрос, прав ли крестьянин в этом своем недоверии к новым формам земельной политики? Предыдущее изложение дает право на утвердительный ответ. Заключительным словом может служить «ориентировочный» бюджет Советского государства на первые 9 месяцев 1922 г.

Доходная часть его предусматривает поступления на сумму 982 млн золотых рублей, расходы после всех сокращений исчислены в сумме 1 707 млн рублей. Бюджет запроектирован, таким образом, с дефицитом в 48% расходной сметы[53].

В частности, дефицитными оказываются сметы всей государственной промышленности и всего транспорта. Если исключить фиктивные статьи дохода, то главнейшими и почти единственными реальными источниками дохода оказываются: натуральный налог, целиком падающий на крестьянское хозяйство, и, затем, имеющие несравненно меньшее значение денежные прямые и косвенные налоги, также в большей своей части уплачиваемые крестьянами.

Все государственное хозяйство по-прежнему строится за счет мелкого земледельца. То, что раньше отнималось у него под предлогом единого планового и безобменного хозяйства,— то изымается теперь во имя «социального баланса» под видом натуральных налогов и оплаты услуг государственной промышленности. Теперь, как и раньше, государство ревниво учитывает каждый лишний пуд хлеба в хозяйстве земледельца и изыскивает способы к его извлечению. По-прежнему вся политика по отношению к сельскому хозяйству строится на ошибочном представлении, будто руки крестья-

[53] *Отчет Народного комиссариата финансов X Всероссийскому съезду Советов за 1922 год. М., 1922. С. 16–19.*

нина приводятся в действие бескорыстным инстинктом хозяина, которому важно только получить право обрабатывать свой клочок земли и которому безразлично, кому достанется его продукт.

Все это может иметь только один результат. Старая экономическая политика отбросила крестьянское хозяйство на 50 лет назад и возвратила его к натуральным формам примитивного хозяйства. Новая экономическая политика, стремясь создать условия для экономического процветания земледелия, на самом деле только закрепляет и углубляет эту опасную хозяйственную реакцию.

Глава 6
Единственный путь

Чтобы лечить болезнь, нужно знать ее этимологию и располагать правильно поставленным диагнозом.

Русское сельское хозяйство переживает в настоящее время тяжелое состояние натурально-потребительской реакции. Внешняя картина болезни, как мы знаем, характеризуется крайней нивелировкой и абсолютно низким уровнем доходов, распадом меновых связей и понижением уровня жизни сельского населения. Главным отрицательным последствием упадочного состояния сельского хозяйства является резкое сокращение тех излишков сырья и продуктов питания, которые сельское население производит сверх собственного потребления. Величиной этого «чистого продукта» промеряется покупательная и платежная сила сельского хозяйства.

В экономике такой земледельческой страны, как Россия, свободные излишки сельскохозяйственного производства всегда играли огромную роль. В настоящее время значение их еще более увеличилось. Россия может быть уподоблена теперь «изолированному государству», начинающему свою экономическую историю сызнова. Внешняя торговля почти не существует. Доступ иностранным капиталам преграждён целым рядом экономических и политических препятствий.

Накопленные внутри страны частные состояния отобраны и растрачены. Национализированная промышленность убыточна, государственное хозяйство дефицитно. При таких условиях мелкий земледелец является почти единственной категорией производителей, создающих или, по крайней мере, могущих создать некоторый избыточный продукт сверх собственного потребления.

Раньше чистый национальный доход слагался из суммы частнохозяйственных доходов в сельском хозяйстве, промышленности и торговле, в его образовании принимали участие и накопленные ранее капиталы, и внешняя торговля, и кредит. Государство черпало свои доходы из разных источников, отдельные категории производителей обменивались своими услугами, создавая взаимные рынки и фонды накопления. Теперь свободные излишки сельского хозяйства являются общим и почти единственным фондом и для уплаты прямых и косвенных налогов, и для накопления и восстановления разрушенных капиталов, и для создания внутреннего спроса на продукты и услуги промышленности.

Сейчас для России более, чем когда-либо, справедливо физиократическое положение, что все ее богатство, объем промышленности и торговли целиком зависят от размеров «чистого продукта», создаваемого в сельском хозяйстве. Его ничтожным уровнем объясняется кризис перепроизводства, испытываемый национализированной промышленностью, производящей не более 12% довоенной нормы, той же причине должно быть приписано и расстроенное, не поддающееся никакому лечению состояние русских финансов. И обратно, единственный выход из экономического тупика и единственная цель рациональной политики может заключаться только в восстановлении покупательной и платежной силы сельского населения, в увеличении «чистого продукта» сельскохозяйственного производства.

Но как могут быть увеличены свободные излишки сельского хозяйства? Ответ на этот основной вопрос можно получить путем анализа процесса образования «чистого продукта» в нормальное время.

Таблица 44

Покупательная сила крестьянских хозяйств разной мощности*

Группы хозяйств		Число хозяйств	В среднем на одно хозяйство в рублях			Разница		
			Посевной площади, десятин	продано продуктов сельского хозяйства, руб	куплено продуктов сельского хозяйства, руб.	на 1 хозяйство	на 1 десятину	на 1 едока
По доходу	*Тамбовская губерния*							
	До 100 руб. дохода на душу	6	4,42	89,30	89,08	0,22	0,04	0,03
	100,01-150 руб.	22	4,53	94,69	89,75	4,94	1,09	0,85
	150,01-200 руб.	21	4,94	119,60	73,99	46,60	9,24	9,61
	200,01-250 руб.	9	6,84	214,96	110,84	104,12	15,21	18,55
	250,01-350 руб.	19	8,08	233,51	81,88	151,63	18,76	27,70
	350,01-500 руб.	4	12,55	389,25	96,60	292,65	23,32	48,78
	500,01 руб. и выше	4	14,28	644,10	104,15	539,95	37,82	93,90
	По губернии	85	6,5	183,82	88,46	95,36	14,70	17,23
По площади посева	*Пензенская губерния*							
	До 0,50 дес. на душу	91	2,7	59,2	54,9	4,4	1,7	0,6
	0,51-1 дес	102	6,3	121,6	52,7	69,0	10,9	9,0
	1,01-1,50 дес.	41	8,6	214,2	54,5	159,7	18,6	22,7
	1,51-2,0 дес.	19	9,4	256,1	71,8	184,3	19,5	34,8
	2,01 - и выше дес. -"-	8	16,0	546,4	125,1	421,3	26,3	70,3
	По губернии	261	5,9	137,2	57,3	79,9	13,5	11,2
По доходу	*Тульская губерния*							
	До 75 руб. дохода на душу	15	1,19	29,52	40,53	-11,01	-9,3	-3,06
	76-125 руб.	104	3,11	86,14	57,20	28,94	9,3	6,89
	126-175 руб.	191	4,72	139,54	54,94	84,60	17,9	18,80
	176-225 руб.	151	5,49	192,33	58,10	134,23	24,4	32,74
	226-275 руб.	91	6,79	278,04	59,17	218,87	31,4	50,90
	276-325 руб.	37	7,29	308,06	52,43	255,63	35,1	69,08
	Свыше 325 руб.	66	9,80	510,76	77,96	432,80	44,2	108,20
	По губернии	655	5,54	207,14	58,50	148,64	26,82	35,26

* В рукописи Л. Н. Литошенко эти таблицы даны без датировки и отсылки к источникам. Можно все же считать, что сведения таблицы относятся к дореволюционному времени.— ***Ред.***

В его создании принимали участие две категории сельскохозяйственных производителей: крупное капиталистическое хозяйство и мелкое крестьянское. В настоящее время крестьянский тип хозяйства является единственной формой организации сельскохозяйственного производства. Нам интересен в первую очередь поэтому вопрос: при каких условиях в прежнее время крестьянское хозяйство принимало участие в процессе создания внутреннего рынка для промышленности, в оплате услуг государства и в работе на экспорт? Все ли категории крестьянского хозяйства обладали одинаковой покупательной и платежной способностью и от каких причин зависело развитие этих качеств?

Ответ на эти вопросы можно получить при помощи бюджетной статистики, учитывающей годовой оборот материальных ценностей внутри крестьянского хозяйства и позволяющей установить пропорции раздела произведенного продукта между собственным потреблением его in natura и обменом на продукты и услуги внешнего мира. В таблице 44 приводятся результаты соответствуюших подсчетов по трем более или менее типичным губерниям, обладающим свежим, тщательно обработанным бюджетным статистическим материалом.

Все три губернии дают весьма сходные результаты и позволяют установить ряд эмпирических закономерностей.

С помощью последних следует опровергнуть прежде всего широко распространенное убеждение. Существует мнение, будто сельскохозяйственный кризис может быть изжит путем увеличения *товарности* крестьянского хозяйства. Корень зла усматривается, таким образом, не столько в измельчании хозяйств, сколько в их натурализации. Стоит только восстановить прежнее разделение труда внутри сельскохозяйственного производства и в его внешних связях, чтобы производительность хозяйства поднялась на прежнюю высоту. Распределение земли и доходов само по себе имеет второстепенное значение. Лишь бы было осуществлено территориальное разделение труда, лишь бы лен, конопля и хлопок вернулись на старое место. К рынку может вернуться его прежняя емкость даже на основе равномерного распределения земли и прав на пользование ею.

Эту точку зрения отстаивают не только частные лица. Близко к ней подходит в настоящее время и официальная постановка вопроса несмотря на то, что у власти остались те самые люди, которые еще совсем недавно весь смысл экономической регулировки усматривали в уничтожении самостоятельных товаропроизводителей и в переходе к единому, безобменному хозяйству. Теперь, в программной речи Осинского на агрономическом съезде в феврале 1922 г., «первой предпосылкой» для разрешения экономической проблемы названо развитие крестьянского хозяйства «в русле товарного производства»[54].

Следует, однако, уточнить и раскрыть эту неопределенную формулу. Простое восстановление товарности и возвращение к денежному хозяйству от натурального еще не означает непременно увеличения свободных излишков сельскохозяйственного производства. Доля отчуждаемого на рынок продукта не измеряет чистой производительности хозяйства. Можно представить себе нарастание рыночных отношений при сохранении прежнего уровня доходов и прежних размеров «чистого продукта» земледелия. Интенсивность обмена в стране может быть увеличена простой специализацией сельскохозяйственного производства. Для этого нужно только, чтобы в Туркестане снова стали сеять хлопок, чтобы в льняных районах на прежнее место выдвинулся лен, а в пшеничных районах — пшеница. Такую цель и ставят себе защитники «товарного русла», рассчитывая вместе с тем и на увеличение чистой производительности сельского хозяйства.

Но если наряду со специализацией производств доходы всех индивидуальных производителей останутся приблизительно равными и если прирост валовой производительности, получающийся в отдельных районах вследствие перехода к возделыванию наиболее отвечающих природным условиям культур, будет погашаться соответственно быстрым притоком или приростом населения, то никакого увеличения народного благосостояния от таких процессов не произойдет.

[54] *Сельскохозяйственная жизнь. 1922. № 18. С. 2.*

Усиление обмена будет касаться по преимуществу продуктов самого сельского хозяйства. Молочные районы будут обмениваться с пшеничными, мясные с льняными, картофельные с ржаными. Никакого добавочного спроса на продукты крупной промышленности сельское хозяйство не предъявит. Государственные финансы будут иметь все тот же непрочный базис. Общая покупательная и платежная сила сельского хозяйства останется без перемены.

Помещенные выше таблицы подтверждают эти общие теоретические соображения. Графа 4 таблицы 44 показывает товарность крестьянского хозяйства, измеряемую валовой суммой продаж продуктов собственного производства. При группировке хозяйств по их экономической мощности, абсолютная сумма продаж на одно хозяйство возрастает вместе с ростом благосостояния и доходов. Степень же товарности, измеряемая отношением продаж к валовому доходу, остается неизменной, пожалуй даже возрастает от более сильных хозяйств к более слабому. Если бы платежная и покупательная сила крестьянского хозяйства измерялась суммой валовых отчуждений, то проблема сельскохозяйственного подъема могла бы быть разрешена даже при условии исключительного господства мельчайших хозяйств. На деле, однако, чтобы получить чистый продукт земледелия, необходимо из суммы валовых продаж сельскохозяйственных продуктов вычесть обратную покупку их, производимую обыкновенно теми же крестьянскими хозяйствами в более позднее время года или оплачиваемую из несельскохозяйственных, промысловых заработков крестьянства. Задача подъема крестьянского хозяйства не исчерпывается, следовательно, восстановлением его товарности. Центр вопроса заключается в способах увеличения покупательной и платежной силы сельского населения и в том, совместимы ли эти способы с существующей нивелировкой и измельчанием крестьянского хозяйства.

Возвращаясь к таблицам*, мы видим, что обратная покупка продуктов сельскохозяйственного происхождения ос-

*Здесь и ниже, до таблицы 45, имеется в виду таблица 44.— **Ред.**

тается почти неизменной по своей абсолютной величине во всех группах хозяйств. Благодаря этому, амплитуда колебаний чистых продаж несравненно шире, чем валовых. Например, по Тамбовской губернии при увеличении среднего валового дохода на душу в 5–6 раз сумма валовых продаж возрастает почти в той же пропорции, а сумма чистых продаж — в 2 454. По Тульской губернии колебания чистых продаж еще шире, ибо в низшей группе они дают довольно значительную отрицательную величину.

Участие крестьянского хозяйства в образовании чистого продукта земледелия может, следовательно, измеряться весьма разнообразными величинами. В общем, графы помещенных выше таблиц дают одну и ту же картину. Чем богаче хозяйство, тем большее количество своих продуктов оно отчуждает на сторону. С увеличением мощности хозяйства его чистый продукт возрастает не только абсолютно, но и относительно. В Тамбовской губернии по расчету на одного едока сумма чистых продаж в высшей группе хозяйств в 3 130 больше, чем в низшей. Даже по расчету на 1 десятину посева сильнейшая группа сельских хозяйств отчуждает в 943 раза больше, чем группа слабых.

Все это есть результат уже известного нам факта низкой производительности мелкого, страдающего от недостатка земли и капиталов крестьянского хозяйства. В рассматриваемых таблицах хозяйства Тамбовской и Тульской губерний расположены по группам в порядке возрастания их валового дохода по расчету на душу населения. Эта группировка оказывается вместе с тем и группировкой по земельной обеспеченности крестьянства. В низшей по доходности группе средний размер посевов на одного едока составляет 0,64 десятины, в высшей он достигает 2,48 десятины, т. е. становится почти в 4 раза больше.

Таким образом, сравнительно крупные крестьянские хозяйства оказываются главными участниками в процессе создания чистого продукта земледелия. Отсюда следует, что емкость внутреннего сельскохозяйственного рынка и платежная способность крестьянского хозяйства находятся в тес-

нейшей связи с пропорцией распределения обрабатываемой площади между хозяйствами разной мощности и величины. Одна и та же полезная площадь, заселенная исключительно мелкими хозяйствами, даст иной продукт, чем в том случае, если среди общей массы парцеллярных хозяйств будут попадаться оазисы сравнительно крупных единиц. В какую сторону при этом произойдет изменение чистого продукта — можно видеть на следующем гипотетическом примере, близко напоминающим, однако, реальную действительность.

В основу таблицы 45 положены данные о тех же самых хозяйствах Тамбовской губернии, которые фигурировали выше. Для упрощения расчетов взяты 100 хозяйств вместо 85 с соблюдением прежней пропорции хозяйств разной величины и мощности. На этот раз хозяйства сгруппированы по относительным размерам посевной площади, что, конечно, несколько изменяет результаты, ибо мощность хозяйства не вполне точно совпадает с размерами землепользования. Имея по бюджетам 1915 г. средние нормы чистых продаж в хозяйствах разных групп (графа 8), нетрудно вычислить общий размер чистого продукта для всех 100 хозяйств вместе (графа 9). Отрицательная величина первой группы с избытком поглощается быстро нарастающими чистыми продажами следующих групп. В итоге можно принять, что каждые 100 хозяйств Тамбовской губернии доставляли в 1915 г. чистый продукт на сумму около 9 500 руб.

Допустим, теперь, что производительность хозяйств всех категорий осталась прежней и изменялась только пропорция единиц с разной посевной площадью. Предположим, что каждые сто хозяйств распределяются по группам приблизительно так, как они распределялись в среднем по России в 1919 г. (графа 5)[55]. Общая площадь посева (соответственно нормам графы 3) составит теперь 308,6 десятины в каждых 100 хозяйствах вместо 598,7 десятины прежних. Чтобы довести

---

[55] *С некоторым приближением эти пропорции можно установить по данным издания: Экономическое расслоение крестьянства в 1917 и 1919 гг. (М., 1922. — **Ред.**)*

Таблица 45

Распределение чистого продукта земледелия в крестьянских хозяйствах Тамбовской губернии в 1915 и 1919 гг.*

Группа по площади посева на 1 едока	1915 год			1919 год			Чистый продукт на 1хозяйство в 1915 г., руб.	Весь чис[тый] продукт на одной и той же площади посева, руб.		Чистый продукт на сократившейся площади
	Уд. вес хозяйств, %	Средняя площадь посева на 1 хозяйство (десятин)	Общая площадь посевав 100хозяйствах , десятин	Уд. вес хозяйств, %	Общая площадь посева в 100хоз[яйствах] по нор[ме] 1915 г., десятин	Число хозяйств на прежней площади посева		1915 г.	1919 г.	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
до 0,50 десятин	7	2,17	15,2	48	104,2	93	–117	–824,6	–10 955,4	–5 554,4
0,51-0,75 -"-	28	3,82	107,0	40	136,8	78	10,2	285,6	795,6	408,0
0,76-1,00 -"-	14	5,13	71,8	8	41,0	15	24,7	345,8	370,5	197,6
1,01-1,25 -"-	13	6,12	79,6	3	18,4	6	111,1	444,3	666,6	333,3
1,26-1,50 -"-	12	8,21	98,5	1	8,2	2	157,7	1 892,4	315,4	157,7
1,51-2,00 -"-	18	7,23	108,4	0	0	0	114,4	2 059,2	0	0
Сверх 2,01 -"-	8	16,89	118,2	0	0	0	537,6	4 293?6	0	0
Всего	100	5,99	598,7	3,09	308,6	194	94,96	9 496?3	–8 807,3	–4 457,8

* Данные за 1915 год рассчитаны по "Таблицам бюджетных описаний крестьянского хозяйства Тамбовской губернии", изданных губернским земством. — ***Ред.***

площадь посевов до прежних размеров, нужно увеличить общее число хозяйств до 194. Распределив нехватающие 94 хозяйства пропорционально удельному весу каждой группы, получим общую численность хозяйств разных категорий на *прежней* площади посева. При помощи прежних норм производительности (графа 8) нетрудно вычислить, как велик будет общий чистый продукт одной и той же территории при новых условиях. Первая и наиболее многочисленная группа дает теперь такой огромный дефицит, что о погашении его избытками остальных групп не может быть и речи. Занимающие прежнюю площадь 194 хозяйства имеют в общем дефицит в 8 800 руб. и нуждаются в подвозе на эту сумму сельскохозяйственных продуктов. Под влиянием простого перераспределения посевной площади весь район из производящего превращается в потребляющий.

Более того, если допустить, что число хозяйств остается неизменным и что измельчание их сопровождается общим сокращением посевной площади, предположение еще ближе подходящее к действительности, чем предыдущее,— то общая сумма чистого продукта будет равняться 4 457,8 руб. (графа 11). Как и в предыдущем случае, баланс оказывается отрицательным, однако в несколько меньших размерах. Получается, таким образом, парадоксальный вывод. При той степени измельчания хозяйств, какая наблюдалась в 1919 г., с народнохозяйственной точки зрения выгоднее оставить 40% площади незасеянной, чем допускать заселение ее мельчайшими хозяйствами типа первых двух групп.

Описанные выше процессы образования чистого продукта земледелия с полной отчетливостью указывают единственно надежный и наиболее прямой путь к народнохозяйственному возрождению России. Он заключается в возникновении экономических неравенств в деревне, в возрождении социально-экономической дифференциации, в воссоздании мощной группы сравнительно крупных, обеспеченных капиталом и одаренных творческим духом хозяйственных единиц. Пока господствует существующее распределение хозяйств, близкое к равенству их у предела измельчания, ни о

каком экономическом прогрессе не может быть и речи. Не поможет и увеличение обрабатываемой площади, если параллельно будет расти население, если будет сохраняться и поддерживаться «социальный баланс» и прежние тенденции к равенству. При равномерном распределении средств производства, земли и капитала, средний размер хозяйства в большинстве районов России оказывается таким ничтожным, что чистого продукта за исключением собственного потребления у него почти не имеется. Только при нарастании неравенств начинают увеличиваться платежеспособность сельского населения и емкость внутреннего рынка. Только увеличение чистого продукта земледелия подводит прочный фундамент под крупную промышленность и государственные финансы. Только неравенство доходов создает новые потребности, развивает спрос и увеличивает стимулы к накоплению.

Возникновение крупных земледельческих хозяйств будет первым признаком начавшегося экономического подъема, а создание благоприятных условий для укрупнения хозяйствующих единиц должно считаться основной задачей рациональной экономической политики.

В чем, однако, должны заключаться эти условия, как может прийти государство на помощь нарождающемуся крупному хозяйству, не будет ли эта экономически целесообразная задача противоречить основным устоям социальной морали, не только советского, но и правового современного государства?

Нужно прежде всего оговориться, что воссоздание крупного хозяйства мыслится нам не в форме восстановления помещичьего хозяйства в его прежнем виде. Как ни полезно с народнохозяйственной точки зрения существование в некотором объеме крупного капиталистического сельскохозяйственного производства, никакие искусственные меры в этом направления не могут быть осуществлены. Возвращение земли в натуре прежним собственникам практически и политически невозможно в стране классического малоземелья и аграрной перенаселенности. Оно и не привело бы, кроме того, к восстановлению крупного хозяйства, поскольку инвентарь, скот и прочие капи-

талы крупного сельскохозяйственного производства безвозвратно уничтожены. Рассчитывать на выполнение роли крупного производства советскими хозяйствами невозможно, поскольку этот вид государственного предпринимательства обнаружил свою несостоятельность раньше всех остальных. Если крупному капиталистическому хозяйству суждено когда-либо возродиться, то оно вырастет вновь на новых местах и в новой форме из зародышей крестьянского хозяйства или на основе иностранного капитала. Все это, однако, музыка довольно отдаленного будущего. Практически задача заключается в оздоровлении крестьянского хозяйства, в преодолении нивелирующих тенденций и влияний в этих господствующих формах сельскохозяйственного производства.

Но что означает воссоздание неравенства и социально-экономической дифференциации в пределах крестьянского земледелия? Очевидно, не что иное, как «ставку на крепкого мужика».

После многолетнего блуждания по окольным путям, злобой дня снова становится лозунг столыпинской земельной реформы. Ставка на сильное хозяйство опять сделалась неизбежной, правда в иной исторической обстановке и по иным причинам. В свое время столыпинское законодательство в значительной мере было подсказано политическими мотивами, теперь «крепкий мужик» должен быть выдвинут на авансцену по соображениям прежде всего экономическим. В руках этого мужика находится ключ от чистого продукта земледелия, а вместе с тем и от всего народного благосостояния. Численность этих здоровых и сильных хозяйственных единиц в настоящее время ничтожна. Тем выше должны расцениваться те жалкие остатки относительно состоятельных хозяйств, которые чудом уцелели среди всеобщего разрушения. Каждая из таких потенциально мощных единиц есть ценнейшее капитальное благо и заслуживает самого бережного и внимательного к нему отношения со стороны государства.

Но не будет ли это внимание покупаться ценой игнорирования принципов справедливости, не потребует ли ставка

на сильных принесения в жертву интересов слабейших? Осуществима ли вообще политика, ведущая в этом направлении?

Все опасения этого рода совершенно не основательны. Хозяйственная жизнь целиком построена на соревновании и конкурентной борьбе. Крестьянское хозяйство не представляет в этом отношении какого-либо исключения. И здесь ведется упорная борьба за обладание ограниченными количествами земли и производительных средств. И здесь победа остается на стороне более предприимчивых, приспособленных сильных хозяйственных единиц. Эта победа не ощущается как какое-либо социальное зло или несправедливость. Не искусственно поддерживаемый «социальный баланс», но вечное ощущение борьбы и неравенства есть то, что может быть названо естественным состоянием хозяйственной жизни.

Экономическая политика, допускающая существование экономических неравенств, гораздо жизненнее и осуществимее, чем политика, стремящаяся во что бы то ни стало утвердить и сохранить «социальный баланс». Если неравенство есть нормальное состояние экономики, то «ставка на сильного мужика» вовсе не означает применения силы государственного аппарата в пользу мощных хозяйств и в ущерб слабым. Только идея равенства неразрывно связана с принуждением, государственным вмешательством и авторитарным распределением доходов и их источников. Для восстановления экономической дифференциации требуется только свобода и принципиальное невмешательство государственной власти. Все остальное будет сделано конкурентной борьбой и выживанием приспособленных. Главное преимущество ставки на сильных в том и заключается, что она не требует ни сложного законодательства, ни дорогостоящих хозяйственных манипуляций. Все, что нужно, это свобода вместо регулирования. Роль государства должна ограничиться законодательством по преимуществу негативного характера, направленным к уничтожению пережитков эпохи регулирования, задерживающих и тормозящих свободное хозяйственное развитие страны. Положительная программа экономической политики может в известных случаях ограничивать права хозяйствующих сил, но, во всяком случае, должна суще-

ствовать презумпция в пользу частного интереса и свободы хозяйственной инициативы.

С этой точки зрения современная сельскохозяйственная политика России должна быть изменена в двух основных пунктах: во-первых, должны быть уменьшены налоги на сельское хозяйство и, во-вторых, должна быть восстановлена свобода земельного оборота.

Бесспорно, что крестьянское хозяйство осталось в настоящее время почти единственным плательщиком налогов. При всяком строе и при всякой экономической политике промышленность и государство могут содержаться только за его счет. Но отсюда не следует, что крестьянское хозяйство можно душить непосильными налогами. Современная система высоких прогрессивных натуральных налогов давит, как мы видели, по преимуществу наиболее производительные слои крестьянского хозяйства. Этим самым налоги разрушают основу не только сельского, но и всего народного хозяйства. Понижение налогов будет благодетельным не только для крестьянского хозяйства, где оно раскрепостит наиболее сильные и ценные с народнохозяйственной точки зрения единицы. Оно окажется благоприятным в конечном счете и для развития промышленности и для укрепления государственных финансов.

Если бы поступления от сельскохозяйственных налогов шли в основе своей на содержание промышленности, можно еще было бы находить в них некоторый экономический смысл и уверять, что бесплатно взятая часть сельскохозяйственной продукции возвращается тому же населению в пониженных расценках продуктов промышленности[56]. В настоящее время, однако, натуральный налог идет главным образом на покрытие непроизводительных расходов по содержанию армии, аппарата управления (Наркомпрода, Наркомпроса и т. п.).

---

[56] *Впрочем и в этом случае всегда оставалось бы сомнение, не является ли натуральный налог простым источником прикрытия убытков промышленности и не достаются ли выгоды от этого искусственного удешевления продуктов фабричного производства совсем не тем лицам, которые содержат его своим сельскохозяйственным трудом.*

Наш бюджет приблизился к обычному типу «буржуазных» бюджетов, где приходные статьи по преимуществу налогового характера должны оплачивать расходы государства по удовлетворению разного рода коллективных потребностей населения.

Высшая граница налогового бремени определяется в таком случае не столько потребностями государства, теоретически безграничными, сколько реальной платежеспособностью населения. Если государственные услуги, действительные или воображаемые, оплачиваются за счет разрушения капитала или сокращения потребления, то такое государственное хозяйство будет экономической бессмыслицей, фактором разрушения, а не развития народного благосостояния.

Каждый лишний миллион рублей, взятый от крестьянина, сокращает внутренний рынок, тормозит развитие промышленности и задерживает восстановление сельского хозяйства.

Государство должно понять, что прочный бюджет, а вместе с ним и здоровые деньги немыслимы без фундамента в платежеспособности широких масс населения.

При построении бюджета. все усилия должны быть направлены не на изыскание новых способов покрытия дефицита, но на радикальное сокращение государственных расходов. Пора осознать свою бедность и выбросить из бюджета такие расходы, которые составляют неотъемлемую принадлежность всякого культурного государства.

Правда, здание бюджета, воздвигнутое на таком фундаменте, будет первоначально весьма скромным. Однако постепенно, по мере восстановления сельского хозяйства и роста чистого продукта, доходы от косвенных и прямых налогов будут автоматически увеличиваться. Путь к прочному богатству народному лежит через временную бедность государства.

Еще большее значение в деле возрождения сельского хозяйства будет иметь введение свободного оборота земли. Государство может сохранить за собой право верховного контроля над мобилизацией земли; законы, направленные против земельной спекуляции, без сомнения, могут оказаться полезными при современном состоянии народного хозяйства. В основе земель-

ной политики должна, однако, лежать презумпция в пользу свободного земельного оборота во всех его формах, на основе права частной собственности на землю.

Свободная передача земельных прав необходима прежде всего для того, чтобы привести в надлежащее соотношение отдельные элементы сельскохозяйственного предприятия, нормальные пропорции которых были искажены революцией и ее последствиями. Уже одни стихийные переделы земли, прокатившиеся по всей России, должны были сломать годами сложившееся в отдельных хозяйствах равновесие между землей и движимым капиталом. Разрушения, произведенные земельно-продовольственной политикой эпохи социалистического опыта, также крайне неравномерно поражали отдельные хозяйственные единицы и отдельные стороны их производства. Нельзя забывать, далее, дезорганизующее влияние беспощадных реквизиций скота и инвентаря для надобностей гражданской войны или в виде наказаний за неуплату революционных налогов. Наконец, огромную роль в том же направлении сыграл голод прошлого года, уничтоживший капиталы всех видов в нескольких миллионах хозяйств. В настоящее время редкое крестьянское хозяйство дает картину нормального сочетания факторов производства. У одних слишком много земли по сравнению с капиталами, у других есть скот и нет мертвого инвентаря, третьи относительно перегружены тем и другим, но страдают от недостатка оборотных средств. Центральные губернии стонут от перенаселения деревни. Поволжье борется с надвигающейся пустыней. Своими движимыми капиталами крестьянское хозяйство может распоряжаться уже и теперь. Но совершенно очевидно, что диспропорциональность факторов производства исчезнет только тогда, когда крестьянин получит право свободного распоряжения основным средством производства, землей.

В настоящее время со всех сторон, особенно из богатых производящих районов, идут однородные сообщения. Та самая земля, ради которой крестьяне произвели аграрную революцию, под влиянием высоких налогов, недостатка капи-

талов и невозможности продать или заложить свой участок делается отрицательным благом и бременем для крестьянского хозяйства. Крестьяне стараются отделаться от излишней пашни и передают ее в государственный запасный фонд. Есть только одно средство для предотвращения этого ненормального положения вещей. Право продажи и залога земли в кратчайший срок передвинет ее из тех хозяйств, где она является обузой, в руки тех, кто сумеет ее обработать. Польза для страны от такого передвижения настолько же велика, насколько оптимальное сочетание имеющихся в наличии факторов производства дает больший производительный эффект, чем случайное и механическое их соединение[57].

Свобода земельного оборота необходима и по другому ряду соображений. Даже при условии пропорционального строения факторов производства не вся масса мелких индивидуальных производств будет одинаково расти и прогрессировать. Во главе экономического развития всегда идут сравнительно немногочисленные передовые единицы, отличающиеся не столько или не только более повышенным уровнем благосостояния, сколько и больше всего организационными способностями, живым духом и волей «хозяйственного творчества». Процесс возрождения сельского хозяйства не может принять форму бурного, всеобщего подъема. По самой природе своей он будет носить молекулярный характер. Отдельные, обеспеченные капиталом, землей и творческим духом хозяйства сделаются кристаллизационными точками, вокруг которых начнет оседать чистый продукт земледелия. Отсюда вырастет затем постепенно покупательная и

---

[57] *Характерно, что усиление мобилизации земельной собственности под влиянием изменения пропорции капиталов наблюдается даже в странах с относительно малорасстроенной экономикой Во Франции после войны оказалось, что ценность земли отстала от ценности капитала. В 1914 г. требовалось 100–200 франков на гектар ценности в 25000 франков, теперь 300 франков на той же ценности. Этого было достаточно, чтобы земля пришла в оживленное движение. Купчие пошлины, дававшие до войны государству около 15 млн франков в месяц, в 1919 г., при сохранении прежних ставок, давали уже 43 млн франков. (Caziot P. La valeur d'apres guerre de la terre. Paris, 1920. C. 6–11.)*

платежная сила сельского хозяйства, создастся внутренний рынок оздоровится государственный бюджет. Вполне понятно, что все эти успехи могут быть достигнуты только при условии допущения свободного оборота земель. Трудно предположить, чтобы обладающий незаурядными способностями хозяин мог бы найти им полное применение в рамках «трудового» хозяйства, ограниченного механически исчисленной нормой землепользования, запрещением аренды и наемного труда. Полная свобода хозяйственной деятельности, и прежде всего свобода земельного оборота, является необходимой предпосылкой существования сильных хозяйств.

Понижение налогов на крестьянское хозяйство, допущение частной собственности на землю и презумпция в пользу государственного невмешательства — вот, таким образом, основные линии положительной программы экономического возрождения.

Нетрудно видеть, в чем ее принципиальное отличие и преимущество по сравнению со старой и новой экономической политикой Советской власти.

В теоретической своей основе вопрос о правильности методов новой экономической политики напоминает старинный спор между либеральными «буржуазными» экономистами и сторонниками разных схем эволюционного социализма и «социальной реформы». По мнению одних, налогами и прямым вмешательством государство должно содействовать возможно более равномерному распределению национального продукта. Другие считают неравенство неотъемлемой принадлежностью буржуазного строя. Первые полагают, что равномерное распределение может быть согласовано с сохранением стимулов к производству в прежних и даже расширяющихся размерах. Вторые считают, что неравенство в распределении есть необходимая предпосылка накопления капиталов и развития производительных сил. [И что существование крупных «нетрудовых» доходов есть неизбежная и минимальная плата за материальную культуру, которую дает человечеству капиталистический способ производства.]

Как и большинство других принципиальных вопросов экономической политики, только что сформулированная контроверза не допускает абсолютных [и крайних] решений.

Нельзя оспаривать, что совершенно здоровые, естественным путем развившиеся тенденции экономической политики современных государств ведут к переложению налогового бремени на плечи имущих классов и к некоторому сглаживанию социально-экономических неравенств. Но совершенно также бесспорно, что никакие крайности в этом направлении недопустимы. [Даже сравнительно умеренное, на русский масштаб, обложение военных прибылей замедлило процесс накопления капиталов и восстановления народного хозяйства в европейских странах, пытавшихся сохранить методы экономической политики военного периода. Поглощавшие 90% чистого дохода, налоги Временного правительства нанесли первый удар русской промышленности. Отобрание Советской властью всех «излишков» убило инициативу крестьянина и разрушило сельскохозяйственное производство. Регулирование вновь допущенного в России капитализма при помощи налогов и арендной платы, достигающих 50% валового дохода, сводят на нет весь смысл новой экономической политики.]

Всякое искусственное перераспределение национального дохода влияет на количественное и качественное направление производства. Верховным критерием для оценки того или иного мероприятия должно быть его окончательное влияние на социальный продукт народного хозяйства. При этом нужно опасаться одной возможной ошибки. Имея в виду механизм субъективных оценок, можно легко допустить, что одним перераспределением национального продукта можно повысить сумму удовлетворения, ибо одни и те же части национального продукта в домохозяйстве с низким доходом и низким уровнем удовлетворения потребностей будут давать большую сумму приятных и полезных ощущений, чем в богатых домохозяйствах с насыщенной шкалой потребностей. Этого, однако, мало. Необходимо принять во внимание еще влияние данного мероприятия на обьем производства. Перераспределение продукта может вызвать повышение общего

благополучия, но если оно одновременно сократит инициативу и убьет волю к производительной деятельности, то временное улучшение скоро превратится в постоянное ухудшение и прогрессирующую нищету. При оценке социально-экономических мероприятий нужно принимать, таким образом, во внимание не только максимизацию общего благополучия, но и максимизацию национального продукта, государство должно руководиться в своей деятельности не только интересами распределения, но и законами производства[58].

Мудрость экономической политики определяется чувством меры в отыскании наиболее устойчивого и отвечающего объективному положению вещей баланса между двумя крайностями. В общем, чем богаче страна, чем обильнее снабжена она капиталами, чем производительнее национальный труд и чем шире разлита предпринимательская энергия, тем больше такая страна может уделять внимания проблемам распределения и тем меньше для нее опасность, что даже очень далеко идущие преобразования задержат рост производительных сил и материального богатства. И обратно, чем беднее страна капиталом и знаниями, чем ограниченнее потребности ее населения и чем меньше в нем предприимчивости, тем пристальнее должно быть устремлено внимание на производство и меры его стимуляции.

Социалистическая Советская республика является сейчас, вероятно, самой бедной страной мира. Жалкое состояние ее сельскохозяйственного производства описано выше. Степень разрушения промышленных капиталов подавляет воображение. Ясно, что при таких условиях единственно правильной экономической политикой будет та, которая направлена на поощрение производства и накопление капиталов. Поскольку прямо или косвенно регулированное распределение *задерживает* рост национального продукта, выбор должен быть сделан в пользу расширения производства.

[Советская власть этого, по-видимому, не понимает или не хочет понять. Несмотря на все разговоры о подъеме про-

[58] *Pigou A. C. The economics of welfare. London, 1921. Part 1.*

изводительных сил и восстановлении народного хозяйства, проблемы распределения по-прежнему занимают слишком большое место. От эпохи социалистического опыта унаследована широкая программа социальных мероприятий, начиная от так называемого «социального обеспечения» и кончая восьмичасовым рабочим днем,— программа, которую не могут позволить себе до сих пор самые богатые и просвещенные государства.] Наряду с этим проводится и прямая политика регулирования доходов отдельных общественных классов. Советская власть стремится провести свое «стратегическое отступление» с возможно меньшей потерей захваченных раньше позиций. Отдавая частному предпринимательству одну за другой отрасли социализированного раньше народного хозяйства, она вводит в то же время своеобразный режим регулированного «государственного капитализма», при котором государство сохраняет за собой неограниченное право «срезать жировые наросты»[59] с нарождающихся буржуазных классов. Именно здесь лежит основное внутреннее противоречие новой экономической политики, делающее ее почти столь же бесплодной, как и изжитые формы социалистического хозяйства.

На той ступени упадка и разрушения, на какой находится теперь Россия, надежды могут быть возлагаемы только на vis medicatrix naturae*.

Сама Советская власть признала бессилие государственного хозяйства и призвала на помощь частный капитал. Но работать последний может только при наличности определенных правовых и экономических предпосылок. Объективные условия русской действительности неблагоприятны для развития частной инициативы. Четыре года социалистическое государство всеми силами своего бюрократического аппарата давило всякое проявление предпринимательства, механически выравнивало доходы и уничтожало частные капиталы.

---

[59] *Образное выражение одного из теоретиков «новой» экономической политики (Л. Сосновский).*

*Врачующая сила природы (лат.) — **Ред.***

Общая экономическая коньюнктура современной России также не может содействовать широкому развитию капиталистического производства. Не говоря уже о падении производительности труда и промышленной дисциплины, разрушенный транспорт, расстроенное денежное обращение и, главное, отсутствие покупательной силы у населения кладут тесные пределы развитию крупного производства.

При таких условиях великим благом должно считаться всякое сохранившееся зерно частной инициативы и предприимчивости, где бы оно ни оказалось, в промышленности или в сельском хозяйстве. Ему должны быть обеспечены благоприятные условия развития, хотя бы ценой нарастания новых социальных неравенств и крупных состояний. Народное хозяйство России отброшено на много десятилетий назад. Мы снова должны пережить период первоначального накопления, сопряженный с огромными барышам, риском и отважными вылазками капитанов промышленности. Только такой ценой могут быть восстановлены капиталы и увеличен национальный продукт. Если взамен этого и без того неблагоприятные условия для развития частной инициативы будут дополнены прямым ее регулированием, если различные формы «государственного капитализма» — концессии, аренды, кооперация и мелкое самостоятельное производство — будут только терпеться и милостиво допускаться как средство оплаты из чужого кармана дорогостоящей программы социальных мероприятий, если каждый лишний рубль дохода у частных лиц будет становиться объектом вожделения разных органов фиска, если государственная власть ежеминутно будет напоминать о своем принципиальном отрицании частной собственности,— то вполне понятно, что частный капитал не пойдет в приоткрытые ему двери «государственного капитализма», а крестьянское хозяйство не преодолеет своего недуга натурально-потребительского перерождения.

Повторяем, есть только один выход из того экономического тупика, в котором находится теперь Россия. Этот выход заключается в честном отказе от принципов регулирования народного хозяйства и в предоставлении свободы

действий частной инициативе. Сторонники регулирования неправильно оценивают соотношение между теми формами хозяйственной жизни, которые были навязаны стране в течение войны и революции, и теми нормальными экономическими отношениями, к которым мы неизбежно должны будем вернуться и мало помалу возвращаемся. Им все кажется, будто Россия была вознесена на небывалую высоту военным и социалистическим способом хозяйствования. Теперь предстоит *спуск* к обычной проторенной дороге. Государство должно облегчить его, взяв на себя управление колесницей народного хозяйства. Образ неверен. Не на высокой горе, а на дне пропасти находится наша страна. Предстоит тяжкий *подъем*, а не спуск к ровной дороге. Хороший кучер не станет в таком случае натягивать вожжи и править лошадьми. Надо предоставить им свободу самим выбирать дорогу и наименее крутые уклоны подъема. Можно быть уверенным, что это будет самый короткий и дешевый путь экономического возрождения.

Список опубликованных произведений Л. Н. Литошенко*

1910 г.

1. Значение таможенных пошлин на земледельческие машины и орудия для русского сельского хозяйства // ХОСХ. Харьков, 1910. VIII, 58 с.; табл.

2. Таможенное обложение в России сельскохозяйственных машин и орудий и его значение для русского сельского хозяйства. Харьков, 1910. VIII, 139 с. (Труды ХОСХ. 1910. Вып. 1).

Предварительная публикация: Труды ХОСХ. 1910. Вып. 1.

Рец.: К. Л-ъ // Вестник финансов. СПб., 1911. № 9. С. 388–391; Без подписи // Русское богатство. СПб., 1912. № 1. С. 168–170.

3. Очерк истории таможенного обложения в России сельскохозяйственных машин и орудий. Харьков, 1910. 8, 79 с.

4. Доклад на заседании Вольного экономического общества о покровительстве отечественному машиностроению путем таможенной охраны // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1910. № 6 (ноябрь — декабрь). С. 1–12. Прения. С. 20–32.

5. Деятельность земских складов и таможенные обло-

** Публикация по библиографической картотеке выявленных произведений, составленной Т. Н. Камзоловой, с дополнениями В. П. Данилова.*

жения земледельческих машин // Вестник сельского хозяйства. 1910. № 42. С. 3–6; № 43. С. 5–7; № 44. С. 7–10.

6. Съезд фабрикантов земледельческих машин и интересы сельского хозяйства // Русские ведомости. 1910. 5 декабря. № 281.

7. Снабжение Москвы и других больших городов молоком. М.: Тов-во Сытина, 1910. XII, 395 с.: табл. Библиогр.: с. 389–395. (Семинарий по политической экономии при Юридическом факультете Московского университета. Вып. 3).

Предварительные публикации: Научный обзор молочного хозяйства. 1909. Вып. 1. <К вопросу о снабжении крупных городов молоком>.

Рец.: Без подписи // Русское богатство. СПб., 1910. № 5. С. 182–184.

8. Снабжение молоком крупных городов и молочная кооперация // Труды Вольного экономического общества. СПб., 1910. № 2–3 (март — июнь). С. 35–58.

1911 г.

9. Земские и правительственные ассигнования на мероприятия агрономической помощи населению. М., 1911. 90 с.: карт.; табл.

10. Правительственные пособия земствам на агрономическую помощь населению // Вестник сельского хозяйства. М., 1911. № 12. С. 3–5.

1912 г.

11. Интересы сельского хозяйства и Государственная Дума. Харьков, 1912. 12 с.

Оттиск из «Южно-Русской сельскохозяйственной газеты». 1912. № 30, 31.

12. Сметные ассигнования Департамента Земледелия на 1912 г. // Вестник сельского хозяйства. М., 1912. № 1. С. 4–7; № 2. С. 5–7.

13. Новый законопроект // Русские ведомости. 1912. № 38. <О сельскохозяйственном машиностроении.>

14. Объединение интересов. // Русские ведомости. 1912. № 61.<О вывозе хлеба.>

15. Поход мукомолов // Русские ведомости. 1912. 1 декабря. № 277.<О вывозе хлеба.>

1913 г.

16. Германская рожь на русских рынках // Вестник Европы. СПб., 1913. № 1. С. 359–371.

17. Русское скотоводство и внешний рынок // Вестник животноводства. М., 1913. № 1. С. 8–14.

1914 г.

18. Крестьянское хозяйство в Баварии. Б м., 1914. 30 с.

19. Германия и торговые договоры // Русские ведомости. 1914. 13 февраля. № 36.

1915 г.

20. Мероприятия городов по борьбе с дороговизной по данным всероссийской анкеты // Труды Совещания по экономическим вопросам, связанным с дороговизной и снабжением армии. М., 1915. С. 31–34. <Совещание проходило 11–13 июля 1915 г.>

21. Новый законопроект о мерах к ограничению дробления мелкой земельной собственности // Вестник сельского хозяйства. М., 1915. № 4. С. 3–6; № 5. С. 4–7; № 6. С. 5–6.

1918 г.

22. Социализация земли. М.: Народное право, 1918. 44 с.

1919 г.

23. Одна из задач бюджетных исследований // Вестник статистики. М., 1919. № 4–7. С. 50–59.

1922 г.

24. Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. М., 1922. № 2. С. 184–198.

25. Сельскохозяйственный кризис // Сельское и лесное хозяйство. М., 1922. № 9–10. С. 6–18.

Критику статьи см. в этом же номере журнала: Базыкин (Расинский) С. Была ли в России аграрная революция? (Несколько замечаний по поводу статьи Л. Н. Литошенко). С. 19–28.

26. О методах определения покупательно-платежной силы сельского населения // Всероссийский статистический съезд: 3–13 ноября 1922 г. М., ЦСУ. (1922). С. 49–50. (Тезисы.)

1923 г.

27. Эволюция и прогресс крестьянского хозяйства. М.: Русский книжник, 1923. 46 с.

Рец.: Дубровский С. // Вестник Социалистической академии. 1923. № 2. С. 230–247; № 3. С. 295–310; № 4. С. 417–430; Базыкин С. // Сельское и лесное хозяйство. 1923. Кн. 9. С. 229–232; Жиркович И. // Вестник сельскохозяйственной кооперации. 1923. № 6. С. 50–51.

28. Крестьянский бюджет в 1922–1923 году. М.: ЦСУ, 1923. 58 с.

По поводу данной работы см.: Крицман Д. Пережитки идеологии крепостничества в нашей статистике // На аграрном фронте. 1925. № 1. С. 97–99; Струмилин С. Г. На плановом фронте. М., 1980. С. 153–155; 189–190.

29. Бюджет крестьянского хозяйства // Союз потребителей. М., 1923. Май. № 6. С. 26–30.

30. Товарность крестьянского хозяйства // Бюллетень ЦСУ. М., 1923. № 5. С. 33–59.

31. Промышленность и емкость сельскохозяйственного рынка // Вестник промышленности, торговли и транспорта. М., 1923. № 1 (март). С. 1–17.

32. Платежно-меновые связи крестьянского хозяйства // Вестник промышленности, торговли и транспорта. М., 1923. № 6. С. 13–35.

33. Предисловие к кн.: Студенский Г. А. Бюджет крестьянского хозяйства. М.: Центросоюз, 1923. С. 3–5.

1924 г.

34. Текстильный рынок и текстильное производство. М.: Изд-во ВСНХ, 1924. 43 с.: табл.

Рец.: Шпринк В. // Экономическое строительство. 1924. № 7–8. С. 284–285.

35. Государственная промышленность и кооперация // Вестник промышленности, торговли и транспорта. М., 1924. № 6–7. С. 6–10.

36. [Рецензия] // Союз потребителей. М., № 4. С. 98. Рец. 1924 на кн.: Юровский Л. Н. На путях к денежной реформе. М., 1924.

1925 г.

37. Национальный доход СССР. М.: НКФ СССР, 1925. 57 с.

Рец.: Вайсберг Р. Буржуазная идеология в экономической литературе // Плановое хозяйство. 1925. № 11. С. 261–275; Вайнштейн А. // Социалистическое хозяйство. 1925. № 4. С. 421–427; Соколов А. // Союз потребителей. 1925. № 6. С. 184–185; Гухман Б. // Вестник труда. 1925. № 5. С. 246–247.

38. Крестьянские кустарные промыслы по данным бюджетного исследования 1923–1924 гг. // Кустарная промышленность СССР. М., 1925. Вып. 1. С. 19–32.

39. Крестьянское хозяйство и его доходность по бюджетным данным // Сельское хозяйство на путях восстановления. М., 1925. С. 51–146.

40. Крестьянское хозяйство и рынок // Экономическое обозрение. М., 1925. № 5. С. 18–40.

41. Процессы накопления в крестьянском хозяйстве // Вестник финансов. М., 1925. № 7. С. 208–212. <Изложение доклада Л. Н. Литошенко в сельскохозяйственной секции Института экономических исследований. Помещено также изложение прений.>

1926 г.

42. Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923–24 года / Под ред. П. И. Попова. М., 1926. Ч. 1–2. 349, 273 с. (Труды ЦСУ. Т. 29).

Разделы, написанные Л. Н. Литошенко: Ч. 1. Методика составления народнохозяйственного баланса. С. 56–70; Потребление продуктов промышленности земледельческим населением. Ч. 1. С. 215–225; Сравнительные данные о личном потреблении земледельческого и неземледельческого населения. Ч. 1. С. 258–262.

43. Крестьянские бюджеты 1922/23 и 1923/24 гг. // Труды ЦСУ СССР. М., 1926. Т. XXXI. Вып. 1. С. I–XXVIII.

44. Основные элементы крестьянского бюджета 1923/24 г. // Бюллетень ЦСУ. М., 1926. № 115. С. 1–74.

45. Денежный баланс крестьянского хозяйства // Вестник финансов. М., 1926. № 2. С. 42–74.

То же // Бюллетень ЦСУ. М., 1926. № 115. С. 80–115.

Имеется отдельный оттиск: М., 1926. 33 с.

46. Национальный доход // Вестник финансов. М., 1926. № 2. С. 114–123.

47. Расточительность и симплификация // Вестник финансов. М., 1926. № 1. С. 35–45.

1927 г.

48. Емкость крестьянского рынка / Предисл. С. Г. Струмилина. М.; Л.: Промиздат, 1927. 145 с.: табл.; схем. (Промышленно-экономический Совет ВСНХ СССР. Материалы и исследования емкости рынка СССР.)

Рец.: Стрельцов Г. // Большевик. 1927. № 9. С. 87–91; Ш. Я. Т. // Плановое хозяйство. 1927. № 5. С. 281–284; Константинов О. // Хозяйство Северо-Западного края. 1927. № 2. С. 60–61; Рикман В. // Металлургия. 1927. № 1–4. С. 239–241; Чаянов А. // Бюллетень научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. 1927. № 1–2. С. 107–108.

49. Национальный доход Соединенных Штатов и его территориальное распределение // Вестник финансов. М., 1927. № 1. С. 151–165.

50. Методика финансирования американской промышленности // Вестник финансов. М., 1927. № 6. С. 192–206.

51. Американские исследования бюджетного типа // Вестник статистики. М., 1927. № 3 (октябрь). С. 211–226.

52. Сельскохозяйственный рынок за десять лет // Вопросы торговли. М., 1927. № 2–3 (ноябрь — декабрь). С. 167–175.

53. Денежный приходо-расход крестьянских хозяйств за десять месяцев 1926/27 года // Статистическое обозрение. М., 1927. № 11. С. 15–23.

1928 г.

54. Проблема эффективности капитальных вложений // Вестник финансов. М., 1928. № 1. С. 40–57.

55. Закон падающей выручки и оптимальное сочетание факторов производства // Бюллетень научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. М., 1928. № 1–4. С. 39–75.

56. География себестоимости важнейших полевых культур // Статистическое обозрение. М., 1928. № 10. С. 16–28.

1929 г.

57. Сезонность денежного оборота крестьянских хозяйств. (Совместно с Хоткевичем Е.) // Статистическое обозрение. М., 1929. № 2. С. 3–13.

58. Стоимость производства важнейших полевых культур в крестьянском хозяйстве. Вып. 1. География себестоимости. М.: Статистическое изд-во ЦСУ СССР, 1929. 397 с.

Разделы, написанные Л. Н. Литошенко: Введение. С. 7–19; Программа работ по себестоимости. С. 20–24; Общие выводы. С. 179–189.

В предисловии Г. И. Раевича указано: «Общее руководство и редакция текста принадлежит Л. Н. Литошенко» (с. 6).

59. Денежный оборот в крестьянских хозяйствах за 1927 год по месяцам. М.; Статистическое изд-во ЦСУ СССР, 1929. 126 с.

В предисловии Г. И. Раевича указано: «Работа над настоящим выпуском произведена под руководством Л. Н.Литошенко и ближайшем участии Е. Н. Хоткевича. Ими же составлена и текстовая часть выпуска» (с. 2).

1930 г.

60. Народный доход в территориальном разрезе // Финансовые проблемы планового хозяйства. М., 1930. № 6. С. 90–103.

61. Урожай, издержки и себестоимость в индивидуальных хозяйствах // Статистическое обозрение. М., 1930. № 5. С. 50–70.

Список сокращений

ВОКС — Всесоюзное общество культурных связей с зарубежными странами

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАЭ — Российский государственный архив экономики

СДЗЗ — Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР. 1917–1954. М., 1954

СУ — Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства РСФСР

ХОСХ — Харьковское общество сельского хозяйства

HIR — Hoover Institution Records

Содержание

Предисловие (*Т. Эммонс*) 5
Л. Н. Литошенко и его исследование аграрной революции в России (*В. Данилов*) 7
Л. Н. Литошенко и дело Русского института (*Б. Патенауд*) 46
Археографическое предисловие 77

Введение. Общие условия социализации сельского хозяйства и значение русского опыта 80

Часть I. Аграрный вопрос перед революцией
Глава 1. Аграрный кризис и перенаселение 101
Глава 2. Причины аграрного перенаселения 111
Глава 3. Экономическая дифференциация крестьянства и аграрный кризис 121
Глава 4. Политика правительства 131
Глава 5. Аграрный кризис и перенаселение 143
Глава 6. Влияние мировой войны 148

Часть II. Четыре года социалистического опыта
Глава 1. Русская революция и сельское хозяйство 167
Глава 2. Борьба партий после Февральской революции 173
Глава 3. Народнический период большевистской земельной политики 182
Глава 4. Истинное лицо революционного крестьянства 192
Глава 5. Метод использования классовых противоречий 200
1. Возврат к марксистским позициям
2. Продовольственная политика

3. Советские хозяйства и коммуны
4. Общие цели земельно-продовольственной политики
5. Причины неуспеха разжигания классовой борьбы
6. Судьба социалистических форм хозяйства
а) Советские хозяйства
б) Коммунистические хозяйства

Глава 6. Ставка на «середняка» и культурничество 249
1. Проповедь доверия к мужику
2. Культурные мероприятия комиссариата земледелия
3. Продовольственная политика и система разверсток
4. Неизбежность внутренних противоречий между земельной и продовольственной политикой
5. Результаты земельно-продовольственной политики

Глава 7. «Великая кампания» государственного регулирования крестьянского хозяйства 293
1. Торжество идей планового хозяйства
2. Элементы регулирования производства в предыдущих периодах экономической политики
3. План «Великой кампании» Осинского
4. Постановления VIII съезда Советов
5. Результаты весенней кампании

Глава 8. «Новая» экономическая политика 324
1. Новое в продовольственной политике
2. Новое в земельной политике
3. Общий смысл «новой» экономической политики

Часть III. Результаты и перспективы

Глава 1. Разрушение сельского хозяйства 355

Глава 2. Причины разрушения сельского хозяйства 367
1. Механическое влияние войны или результаты экономической политики
2. Результаты дополнительного наделения землей
3. Рыночная конъюнктура во время революции
4. Революционные налоги
5. Тяжесть продовольственных и сырьевых налогов
6. Трудовая повинность
7. Итоги влияния «старой» политики
Глава 3. Перерождение крестьянского хозяйства 419
1. Нивелировка размеров и доходов хозяйственных единиц
2. Натурализация крестьянского хозяйства
3. Падение уровня потребления
Глава 4. Экономические последствия натурально-потребительской реакции 439
1. Опасность хронического голода
2. Упадок промышленности. Сырье и продовольствие
3. Упадок промышленности. Сокращение покупательной силы
4. Привлечение иностранных капиталов. Денежная система
Глава 5. Новая экономическая политика и возрождение сельского хозяйства 468
1. Официальная программа
2. Методы подъема сельскохозяйственного производства
3. Охрана «социального баланса»
4. Вероятные результаты
Глава 6. Единственный путь 502

Список опубликованных произведений Л. Н. Литошенко 525

Список сокращений 533